

Проф. Н. С. Кантеревъ.

# ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ

И

ЕГО ПРОТИВНИКИ

ВЪ ДѢЛѢ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ ОБЯДОВЪ.

---

Время патриаршества Іосифа.

*Приложеніе: Отвѣтъ профессору Субботину.*

---

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

---

Сергіевъ посадъ.

Изданіе М. С. ЕЛОВА.

1913.



# СОДЕРЖАНІЕ.

## Время патріаршества Іосифа.

*Стр.*

### ГЛАВА I. Характеръ отношеній къ кievлянамъ и кievской литературѣ при патріархѣ Іосифѣ.

Подозрительныя отношенія патріарха Филарета Никитича къ кievлянамъ и ихъ литературнымъ произведеніямъ.—Измѣненіе въ характерѣ этихъ отношеній при преемникѣ Филарета патріархѣ Іосифѣ.—Время патріаршества Іосифа было временемъ усиленнаго вліянія кievской литературы и ученыхъ кievлянъ.—Кириллова книга, ея происхожденіе и составъ.—Книга о Вѣрѣ и другія южно-русскія произведенія, напечатанныя въ Москвѣ при Іосифѣ.—Вызовъ въ Москву при Іосифѣ ученыхъ кievлянъ: Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птицкаго, Епифанія Славенецкаго..... 3—22

### ГЛАВА II. Характеръ отношеній къ греческой вселенской церкви при патріархѣ Іосифѣ.

Отношеніе русскихъ къ грекамъ послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя.—Крайнія воззрѣнія нѣкоторыхъ русскихъ на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное благочестіе, и значеніе въ этомъ отношеніи постановленій Стоглаваго собора.—Церковно-правительственный взглядъ на грековъ, какъ на православныхъ, но только неудержавшихъ во всемъ древняго церковнаго чина и обряда.—Напечатанныя при Іосифѣ книги признаютъ грековъ *во всемъ* строгоправославными.—Самъ патріархъ Іосифъ не только признаетъ строгоправославною греческую церковь, но и ея высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ..... 23—42

### ГЛАВА III. Книжные исправленія при патріархѣ Іосифѣ.

Испорченность нашихъ церковныхъ книгъ и необходимость ихъ исправленія издавна признавались нашею церковію; на это постоянно указывали и разные книжные справщики.—Во время патріарха Іосифа книжные справщики открыто и настойчиво заявляютъ о необходимости исправлять наши книги по греческому тексту и самую книжную справу поручать людямъ научнообразованнымъ.—При патріархѣ Іосифѣ уже дѣлаются попытки исправить нѣкоторыя наши книги по греческому тексту. 43—50

### ГЛАВА IV. О книжныхъ справщикахъ при патріархѣ Іосифѣ и происхожденіи двуперстія.

Несправедливость того мнѣнія, что книжными справщиками при патріархѣ Іосифѣ были: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и другіе расколоучители, или что въ ихъ рукахъ находилось, по крайней мѣрѣ, высшее руководство книжною справою.—Господствующею и преобладающею формою перстосложенія въ московской Руси было двуперстіе, то же самое было и въ кievской Руси до Петра Могилы.—Двуперстіе существовало у сербовъ, существовало въ извѣстное время, какъ господствующій обычай, и въ самой константинопольской церкви, которая и передала его русскимъ при ихъ обращеніи въ христіанство.—Какъ слѣдуетъ съ исторической точки зрѣнія и въ интересахъ православія рѣшать вопросъ о формѣ перстосложенія въ крестномъ знаменіи. . . . . 51—94

### ГЛАВА V. О попыткахъ при патріархѣ Іосифѣ устроить въ Москвѣ школу съ помощію ученыхъ грековъ и кievлянъ.

Во время патріарха Іосифа сказывается особая заботливость относительно распространенія у насъ просвѣщенія, является сознание необходимости для русскихъ правильнаго научнаго образованія.—Какъ слѣдствіе этого сознанія, при Іосифѣ являются дѣятельныя попытки

образовать въ Москвѣ правильно устроенную школу, для которой стараются подыскать учителей въ кievской Руси и на востокѣ..... 95—104

## ГЛАВА VI. Кружокъ ревнителей благочестія, образовавшійся въ Москвѣ во вторую половину патриаршества Іосифа.

Царскій духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора Стефанъ Воиофатьевъ.—Его вліяніе на царя и характеръ этого вліянія.—Его заботы о насажденіи на Руси истиннаго благочестія и объ уничтоженіи различныхъ церковныхъ безпорядковъ.—Образованіе Стефаномъ въ Москвѣ кружка-ревнителей благочестія.—Іоаннъ Нероновъ, главный помощникъ Стефана въ Москвѣ.—Предшествующая дѣятельность Неронова, какъ ревнителя благочестія, и его московская дѣятельность.—Характеръ другихъ ревнителей благочестія.—Задачи и цѣли кружка ревнителей благочестія: борьба съ пороками, недостатками и суевѣріями въ жизни народа, борьба съ различными недостатками въ жизни и дѣятельности тогдашняго бѣлаго и чернаго духовенства, борьба противъ многогласія въ церковномъ чтеніи и пѣвнн.—Заботы кружка ревнителей о возстановленіи на Руси совсѣмъ было забытаго церковнаго учительства.—Различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ между ревнителями столичными и провинціальными и необходимость вслѣдствіе этого раздѣленія между ними.—Особенности въ воззрѣніяхъ провинціальныхъ ревнителей: ихъ особый взглядъ на русскую церковь и русское благочестіе вообще, ихъ взглядъ на сравнительное достоинство русскихъ церковныхъ книгъ и печатныхъ греческихъ, ихъ особое отношеніе къ ученымъ грекамъ и кievлянамъ. Враждебное отношеніе ревнителей къ патриарху Іосифу и ихъ борьба съ нимъ.—Общія заключительныя замѣчанія о времени патриаршества Іосифа по отношенію къ времени Никона. 105—168

## П Р И Л О Ж Е Н І Я.

### № 1.

Челобитная патриарха Іосифа 1649 года, февраля 11, государю Алексѣю Михайловичу съ жалобою на царскаго духовника, Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, что Стефанъ публично поносилъ бранными словами его, патриарха Іосифа, и весь освященный соборъ. 172—173

### № 2.

Челобитная неизвѣстнаго патриарху Іосифу съ просьбою предпринять мѣры противъ разныхъ ужоренившихся церковныхъ безпорядковъ, которые подробно указаны въ самой челобитной..... 174—179

### № 3.

Челобитная старца Григорія иконописца 1651 года царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою исправить различные пороки, недостатки и суевѣрія, особенно процвѣтавшіе среди духовенства и народа г. Вязьмы..... 180—182

### № 4.

Грамота царя Михаила Ѳеодоровича къ суздальскому и торусскому архіепископу Іосифу съ обличеніемъ различныхъ преступленій архіепископа и съ объявленіемъ ему, что онъ лишается архіепископскаго сана и ссылается на покаяніе въ Соловецкій монастырь..... 183—185

Значеніе Никона, какъ реформатора, можетъ быть правильно понято и оцѣнено подѣ тѣмъ только необходимымъ условіемъ, если будетъ установленъ правильный взглядъ на время, непосредственно предшествовавшее Никону, т.-е. на время патріаршества Іосифа. Это сдѣлать тѣмъ болѣе необходимо, что о времени патріарха Іосифа и его отношеніи къ времени Никона существуютъ очень неправильныя представленія, которыя мѣшаютъ безпристрастной оцѣнкѣ реформаторской дѣятельности самого Никона <sup>1)</sup>).

Въ виду такого положенія дѣлъ мы позволяемъ себѣ нѣсколько долѣе остановиться на времени патріарха Іосифа, чтобы уяснить тѣ событія изъ этого времени, кото-

---

1) О патріархѣ Никонѣ существуютъ капитальныя изслѣдованія: митрополита Макарія — обширный XII томъ его „Исторіи русской церкви“ и Гиббенета „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“ въ двухъ томахъ. Цѣнность послѣдняго изслѣдованія заключается по преимуществу въ обширныхъ приложеніяхъ, состоящихъ изъ документовъ по дѣлу Никона, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ государственнаго архива и ранѣе нигдѣ ненапечатанныхъ въ ихъ цѣломъ видѣ. Появленіе указанныхъ капитальныхъ изслѣдованій о Никонѣ, какъ намъ кажется, не исключаетъ нужды новыхъ изслѣдованій по этому вопросу. Намъ казалось, что вопросъ о Никонѣ-реформаторѣ и его противникахъ не только не исчерпанъ окончательно въ указанныхъ сочиненіяхъ, но даже допускаетъ нѣсколько иную его постановку, иное освѣщеніе и рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ и сторонъ и для своего окончательнаго уясненія еще требуетъ новыхъ предварительныхъ изысканій, предварительной разработки многихъ частныхъ вопросовъ. Показать это на дѣлѣ и есть цѣль нашего изслѣдованія. Оно, однако, вовсе не претендуетъ на полное и окончательное рѣшеніе взятаго вопроса, а имѣетъ въ виду только поставить самый вопросъ и, по мѣрѣ силъ, облегчить и подготовить путь будущему историку для окончательнаго рѣшенія вопроса о Никонѣ въ связи съ возникновеніемъ у насъ раскола.

рыя находились въ непосредственной органической связи со всею дѣятельностію Никона, и благодаря которымъ Іосифъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Никона не только по времени, но и по характеру своей дѣятельности, такъ что Никонъ, какъ церковный реформаторъ, является только продолжателемъ Іосифа.

Время патріаршества Іосифа характеризуется слѣдующими выдающимися явленіями въ тогдашней церковной жизни: а) сближеніемъ Московской Руси съ Кіевскою и усиленнымъ вліяніемъ у насъ кіевской литературы и ученыхъ кіевлянъ; б) сближеніемъ съ греками и признаніемъ авторитета греческой церкви въ церковныхъ русскихъ дѣлахъ; в) сознаниемъ неисправности древнихъ переводовъ нашихъ церковныхъ книгъ и сознаниемъ необходимости ихъ исправленія съ греческихъ подлинниковъ людьми, получившими правильное научное образованіе; г) сознаниемъ несостоятельности стараго московскаго образованія и необходимости завести въ Москвѣ правильную школу съ помощію греческихъ и южно-русскихъ ученыхъ; е) стремленіемъ уничтожить различные господствовавшіе въ то время церковные безпорядки и возвысить всю вообще религіозно-нравственную жизнь народа.

---

## Г Л А В А I.

На соборѣ 1620 года патріархъ Филаретъ Никитичъ говорилъ: «егда быхъ въ польскомъ и литовскомъ государствѣ, многая въ нихъ видѣ несогласія церковная, въ самѣхъ тѣхъ христіанехъ, яже суть бѣлорусцы въ нихъ нарицаются, и нарицаются убо христіане, а правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ и инѣхъ святыхъ отецъ преданія, мнози въ нихъ не соблюдаютъ; и во единомъ убо долгу у нихъ у отца съ дѣтьми, и у мужа съ женою, и у господина съ рабы, вѣры три или четыре: и овѣ держитъ въ нихъ вѣру христіанскую, инъ же папешскую, и инъ люторскую, и инъ же кальвинскую, и инъ же новокрещенскую, инъ же сасскую, и инъ аріянскую. И вкупѣ убо на единой трапезѣ ядятъ, и шють и бракомъ совокупляются, а иніи вкупѣ и молитву творять. Мнози же изъ нихъ и за папу изверженнаго Бога молятъ во святѣй литургіи въ приношеніи, и во ектеніяхъ и литіяхъ; иніи же терпятъ бѣды и напасти правды ради нашея христіанскія вѣры и непреклонни пребываютъ въ папино ученіе». Въ виду такого положенія дѣлъ, патріархъ предлагаетъ собору рѣшить, какъ слѣдуетъ относиться къ тѣмъ бѣлоруссамъ, которые пожелаютъ перейти на житье въ московское государство и сдѣлаться здѣсь истинными христіанами? Соборъ подъ руководствомъ патріарха рѣшилъ дѣло такимъ образомъ: всѣхъ бѣлоруссовъ, хотя бы и православныхъ, но крещенныхъ чрезъ обливаніе, слѣдуетъ крестить вновь въ три погруженія, и если они не миро-

помазаны, то миропомазать; бѣлоруссовъ, крещенныхъ униатскимъ священникомъ, перекрещивать вновь; крещенныхъ православно и миропомазанныхъ, кто такимъ признаетъ себя самъ, хотя бы на это и не имѣлось свидѣтелей, не крестить вновь и не миропомазывать, а заставлять ихъ поститься недѣлю, и если они на исповѣди подтвердятъ духовнику прежнее заявленіе о своемъ православіи, то считать ихъ съ архіерейскаго разрѣшенія такими же православными, какъ и москвичи; тѣхъ, которые крещены были чрезъ обливаніе и причащались въ костелахъ, или, хотя бы и не причащались, не только крестить вновь въ три погруженія, но и заставлять проклинать латинскую ересь, именъ же ихъ не перемѣнять, не говорить и младенческаго отрицанія; тѣхъ же, которые были въ иной вѣрѣ и крещены потомъ униатскимъ русскимъ священникомъ, не только крестить вновь, но они должны еще при крещеніи произносить отрицанія и латинское, и еретическое, и младенческое <sup>1)</sup>).

Соборныя постановленія 1620 года о бѣлоруссахъ, вызванныя главнымъ образомъ Филаретомъ Никитичемъ, строго приводились въ исполненіе во все время его патріаршества. Когда въ 1630 году прибылъ въ Москву для вѣчнаго житія въ ней бывший униатскій архіепископъ Аѳиногенъ, то въ Москвѣ его окрестили вновь, несмотря на его архіепископскій санъ <sup>2)</sup>). Что же касается бѣлоруссовъ православныхъ, крещенныхъ въ три погруженія, то ихъ, согласно соборному постановленію, во все время патріаршества Филарета отдавали въ Москвѣ подъ начало въ какой-либо монастырь, прежде чѣмъ окончательно принять ихъ въ среду православныхъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1626 года въ Москву для вѣчнаго житія прибыло девять старцевъ изъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря.

Старцы были приняты въ Москвѣ, но «по указу великаго государя, святѣйшаго патріарха тѣ старцы даны съ государева патріаршаго двора *для исправленія вѣры подѣ*

<sup>1)</sup> Дѣянія собора 1620 г. напечатаны въ Потребникахъ мірскомъ и иноческомъ 1639 года при патріархѣ Іоасафѣ.

<sup>2)</sup> Ист. рус. церкви, Макарія, т. XI, стр. 33—34.

начало по монастыремъ». Такъ же поступаютъ въ томъ же году съ двумя старцами Межигорскаго монастыря и съ другими старцами въ 1630, 1631, 1632 годахъ <sup>1)</sup>. Что собственно значило быть подъ началомъ и въ чемъ заключалось подначальство, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1632 году въ Москву вѣхали на государево имя два инока изъ Литвы и одинъ инокъ грекъ. Старцамъ кievлянамъ патріархъ велѣлъ помѣститься на подворьѣ подлѣ Богоявленскаго монастыря «и приходити имъ къ церкви, говорить патріаршій наказъ, въ Богоявленскій монастырь, а въ церковь ихъ не пуцать, а тѣня слушать въ трапезѣ, или въ паперти, а святыни имъ никакіе не давать и крестомъ воздвизательнымъ не благословлять и ко образомъ не прикладыватися; а буде изъ нихъ который изнеможетъ и о томъ извѣститъ и доложить государя патріарха, а жить на подворьи до сырныя недѣли, а на сырной недѣле, въ послѣдній день въ недѣлю, притить на патріарховъ дворъ подъ начало». Любопытно при этомъ, что относительно старца грека, явившагося на житье въ Москву вмѣстѣ съ старцами изъ Литвы и тоже отданнаго подъ начало, инструкция дается патріархомъ значительно иная. Именно, старцу греку, какъ и литовскимъ выходцамъ, велѣно было жить также на подворьѣ у Богоявленскаго монастыря, «а въ церковь его, говорить наказъ, пуцать и отъ попа воздвизательнымъ крестомъ на молебнахъ благословлятися и ко образомъ прикладыватися, а на сырной недѣли въ послѣдній день въ недѣлю, послѣ обѣда, быть на патріаршемъ дворѣ» <sup>2)</sup>. Очевидно, что отношенія патріарха Филарета къ православнымъ южно-руссамъ были болѣе подозрительны и суровы, чѣмъ къ православнымъ грекамъ.

Не только сами выходцы изъ южной Россіи, но и книги литовской печати встрѣчали въ Москвѣ при Филаретѣ Никитичѣ большое недовѣріе и даже, наконецъ, открытое преслѣдованіе со стороны московскаго правительства. Въ 1626 году прибылъ въ Москву извѣстный южно-русскій

<sup>1)</sup> Малороссійскія дѣла (въ Главномъ Московскомъ Архивѣ мин. иностранныхъ дѣлъ) 1626 г. №№ 4 и 8. 1630 г. № 3. 1631 г. № 3 и др.

<sup>2)</sup> Греческія дѣла 7134 г. №№ 18 и 19 (въ томъ же архивѣ).

протопопъ Лаврентій Зизаній. Онъ привезъ съ собою книгу Катихизисъ, которую и просилъ напечатать въ Москвѣ. Патріархъ назначилъ богоявленскому игумену Ильѣ и книжному справщику Григорію Онисимову рассмотреть и исправить привезенную Лаврентіемъ книгу, которая потомъ и была напечатана въ Москвѣ. Но эта книга, такъ-называемый большой Катихизисъ (въ отличіе отъ малаго, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1649 году), не имѣла выходнаго листа, а это показываетъ, что Филаретъ Никитичъ, несмотря на всѣ московскія исправленія, все-таки смотрѣлъ на книгу южно-русскаго сочинителя очень подозрительно и потому не рѣшился пустить ее въ обращеніе въ московской Руси <sup>1)</sup>). Другой случай окончательно вооружилъ Филарета Никитича противъ всѣхъ вообще южно-русскихъ книгъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ. Въ 1627 году прибылъ въ Москву извѣстный Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій и привезъ съ собою свое сочиненіе «Учительное Евангеліе», чтобы напечатать его въ Москвѣ. Но игумень переяславскаго Никитскаго монастыря Аѳанасій Китайчичъ, самъ кіевлянинъ, заявилъ патріарху, что Учительное Евангеліе Транквилліона уже осуждено въ Кіевѣ соборомъ архипастырей за содержащіяся въ немъ многія ереси. По приказанію царя и патріарха разысканіемъ и указаніемъ ересей, заключающихся въ Учительномъ Евангеліи Транквилліона, занялись: упомянутый игумень Аѳанасій, богоявленскій игумень Илья и ключарь Успенскаго собора Иванъ Насѣдка. Придирчивая до излишества критика дѣйствительно сумѣла отыскать въ книгѣ много ересей <sup>2)</sup>), вслѣдствіе чего окружною грамотою царя и патріарха приказывалось повсюду сожигать Учительное Евангеліе Транквилліона, вмѣстѣ со всѣми другими сочиненіями этого автора, хотя ихъ въ Москвѣ и не разсматривали. Но на уничтоженіи только книгъ Транквилліона, какъ подозрительныхъ, уже не остановились, а перенесли

<sup>1)</sup> Пренія Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Илією и Онисимовымъ по поводу исправленія Катихизиса напечатаны обществомъ древне-русской письменности. Сиб. 1876 г. XVII. О пребываніи Зизанія въ Москвѣ см. „Русская историческая бібліотека“ т. IX, стр. 439—457.

<sup>2)</sup> См. объ этомъ: Оп. рукоп. Моск. Синод. библ. Отд. 11, 3, № 294.

подозрѣнія на всѣ вообще литовскія книги, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Вмѣстѣ съ приказомъ повсюду отбирать и жечь книги Транквилліона давался еще и другой приказъ, чтобы «впередъ никто никакихъ книгъ литовскія печати и письменныхъ литовскихъ (книгъ) не покупали, а кто нынѣ такія книги литовскія печати Кириллова слогу у себя утаитъ или кто впередъ учнетъ *литовскія книги какія-нибудь покупать*, а сыщется то послѣ мимо ихъ, и тѣмъ людямъ отъ насъ быти въ великомъ градскомъ наказаніи, а отъ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича и всея Русіи быти въ великомъ духовномъ наказаніи и въ проклятїи». Въ 1628 году состоялся новый указъ царя и патріарха: велѣно было описать и отобрать отъ всѣхъ церквей и монастырей книги церковныя литовской печати и замѣнить ихъ книгами печати московской, — точно такъ же и у частныхъ лицъ повелѣвалось описать и отобрать всѣ печатныя и рукописныя литовскія книги <sup>1)</sup>).

Указанныя подозрительныя и очень суровыя отношенія къ южно-руссамъ и къ ихъ книгамъ, практиковавшіяся при Филаретѣ Никитичѣ, должны были, повидимому, окончательно разобщить южную Русь отъ сѣверной и прекратить всякій доступъ вліянію южно-русской учености на московскую Русь. Въ дѣйствительности, однако, этого не случилось, да и не могло случиться <sup>2)</sup>. Съ одной сто-

<sup>1)</sup> Собр. госуд. гр. и догов. III, № 77. Дворц. разр. т. I. стр. 980—981. Т. II, стр. 821, 822.

<sup>2)</sup> Самъ Филаретъ Никитичъ, приказывавшій отбирать отъ всѣхъ церквей, монастырей и отъ частныхъ лицъ книги литовской печати, имѣлъ, однако, и держалъ такія книги въ своей патріаршей библіотекѣ, какъ это значитъ въ описи патріаршей книгохранительной палатки, произведенной въ 1633 году. Здѣсь между книгами значится: книга *Евангеліе толковое*, печать литовская (№ 68); книга *Евангеліе толковое*, воскресное, печать литовская (№ 69); книга *Василія Кесарійскаго*, въ десть, печать литовская (№ 73); книга *Евангеліе толковое*, печать литовская (№ 127); книга *Евангеліе* напрестольное, въ десть, печать литовская (№ 128. Опись патріаршей ризницы 1831 года, А. Викторова, глава XXVI). Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ литовской печати привозились въ Москву самими южно-руссами. Такъ, въ 1623 году прїѣхалъ въ Путивль служитель Кіевской Лавры Андрей Николаевъ и заявилъ, что его позвалъ келарь Лавры, старецъ Захарія

роны, самый ходъ тогдашнихъ церковныхъ и политическихъ событій въ южной Руси невольно заставлялъ ее искать тѣснаго сближенія съ Москвою, чтобы найти въ ней опору и защиту отъ религіозныхъ и политическихъ преслѣдованій Польскаго правительства <sup>1)</sup>; съ другой стороны, и сама Москва событіями смутнаго времени принуждена была во многомъ измѣнить свои старинные взгляды и отношенія особенно къ образованнымъ и свѣдущимъ иностранцамъ, такъ какъ и въ Москвѣ все болѣе крѣпло и развивалось убѣжденіе о необходимости имѣть у себя людей свѣдущихъ и научно-образованныхъ, о необходимости завести въ самой Москвѣ правильно устроенную школу, руководимую православнымъ научно-образован-

Экзархъ, поднести царю и патріарху „по двѣ книги новой печати Ивана Златоустаго бесѣды Апостольскія“. Въ 1624 году, 11 сентября, пріѣхалъ въ Путивль изъ Киевопечерской Лавры протосингелъ Памво „книжной печатный мастеръ“ и привезъ царю и патріарху „по двѣ книги печатныя своего мастерства Дѣянія Апостольскія“ (Малороссійскія дѣла 1623 года № 1, 1624 г. № 2). Иногда же эти книги литовской печати покупались. Такъ, въ упомянутой выше описи патріаршей книгохранительной палатки значится (подъ № 127): „книга Евангеліе толковое, печать литовская, а куплена на панскомъ дворѣ“.

<sup>1)</sup> Такъ, въ 1624 году прибылъ въ Москву луцкій епископъ Исаакій, который, по порученію кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, билъ челомъ государю, чтобы онъ принялъ утѣсняемую поляками Малороссію подъ свою высокую руку. И хотя въ этомъ ходатайствѣ было отказано Исаакію, однако переговаривавшіеся съ нимъ бояре въ заключеніе заявили, что если южно-руссамъ и впредь будетъ утѣсненіе отъ поляковъ, а они противъ нихъ соединятся и укрѣпятся, „тогда вы дайте знать царскому величеству и святѣйшему патріарху, и они будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленія видѣть“ (О посольствѣ Исаакія и его пребыванія въ Москвѣ см. Греческія дѣла 7130 г. № 1; и связка 2 (въ которой находятся дѣла за нѣсколько лѣтъ) № 10 и дѣла Малороссійскія за 1622 годъ; за 1624 годъ № 1—4; за 1625 г. № 1). Такимъ образомъ въ Москвѣ, если и не выразили желанія немедленно принять Малороссію подъ высокую руку царя, то все-таки не отказались сдѣлать это на будущее время, въ виду чего сношенія Москвы съ кіевскою Русью естественно, несмотря на всѣ препятствія, становились все болѣе частыми, оживленными и интимными, что, по необходимости, открывало удобный путь для кіевскихъ ученыхъ вліяній на передовое московское общество. Взаимные интересы, нужды и потребности необходимо вели къ тѣсному сближенію московской и кіевской Руси

нымъ учителемъ <sup>1)</sup>. Суровыя подозрительныя отношенія московскаго правительства къ кievлянамъ и ихъ книгамъ были вызваны, между прочимъ, преувеличенными слухами объ успѣхахъ въ малой Россіи уніи, отчасти личными взглядами Филарета Никитича и отчасти соблазнительнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ южно-русскихъ выходцевъ въ Москвѣ <sup>2)</sup>. Ближайшее ознакомленіе москвичей съ положеніемъ южно-русскихъ церковныхъ дѣлъ убѣдило ихъ, что большинство южно-руссовъ попрежнему не только осталось православнымъ, но что оно ведетъ тамъ неустанную энергическую борьбу за православіе, мужественно и съ успѣхомъ охраняя его отъ всевозможныхъ покушеній на него со стороны различныхъ иновѣрцевъ. Въ виду этого, послѣ смерти Филарета Никитича, отношенія московскаго правительства къ кievлянамъ рѣшительно измѣняются. Въ 1637 году къ намъ переселяются иноки Прилудскаго Густынскаго монастыря и иноки Ладинскаго Покровскаго монастыря. Выходцевъ принимаютъ въ Москвѣ и отводятъ для жительства старцамъ Дудинъ нижегородскій монастырь, старицамъ—Алатырскій Никольскій монастырь. Затѣмъ къ намъ переселяются старцы Лубенскаго Мгарскаго монастыря и друг. <sup>3)</sup>. Характерная особенность этихъ переселеній къ намъ иноковъ и инокинь изъ разныхъ южно-русскихъ монастырей состоитъ въ томъ, что теперь выходцевъ южно-руссовъ уже не отдаютъ, какъ прежде, подъ начало для исправленія ихъ христіанской вѣры. Послѣ смерти Филарета Никитича состоявшееся

<sup>1)</sup> Самъ Филаретъ Никитичъ, въ послѣдній годъ своего патріаршества, задаясь мыслию устроить въ Москвѣ школу. Въ 1632 году въ Москвѣ былъ оставленъ протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, ранѣе жившій въ южной Руси, съ тѣмъ, чтобы онъ переводилъ книги съ греческаго языка на славянскій и училъ „на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ“ (О попыткѣ Филарета Никитича основать школу въ Москвѣ см. нашу книгу: „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, стр. 482).

<sup>2)</sup> Въ послѣднемъ отношеніи особенно выдается такъ-называемый у насъ архіепископъ суздальскій Іосифъ. Царская грамота, въ которой изображается соблазнительное поведеніе Іосифа, печатается нами въ приложеніи.

<sup>3)</sup> См. объ этихъ переселеніяхъ къ намъ южно-русскихъ иноковъ и инокинь въ Арх. Юг.-Зап. Рос. т. III, №№ 2—16 и др.

въ 1620 году соборное постановленіе относительно православныхъ бѣлоруссовъ на практикѣ уже болѣе не исполнялось, хотя соборныя дѣянія 1620 г. и внесены были въ печатный Потребникъ 1639 г. Вторая не менѣе характерная особенность указанныхъ переселеній къ намъ иноковъ и инокинь южно-русскихъ монастырей состоитъ въ томъ, что вывезенныя выходцами разныя церковныя и богослужебныя книги литовской печати у нихъ уже не отбираются и не замѣняются, какъ при Филаретѣ, книгами московской печати. Очевидно, что кievляне и ихъ книги, недавно еще преслѣдуемые, получили теперь въ Москвѣ полное право гражданства, вслѣдствіе чего въ Москвѣ быстро начинаетъ усиливаться кievское вліяніе. Въ 1639 году въ Москвѣ печатаются иноческій и мірскій Потребники, въ концѣ которыхъ помѣщенъ такъ-называемый эпитимійный Номоканонъ. Этотъ эпитимійный Номоканонъ есть простая перепечатка кievскаго Номоканона, изданнаго во второй разъ въ Кіевѣ въ 1624 году. Такимъ образомъ, въ 1639 году уже находили возможнымъ въ московскія церковныя печатныя книги вносить статьи, заимствованныя изъ кievскихъ печатныхъ книгъ. Въ 1640 году кievскій митрополитъ Петръ Могила предлагалъ устроить въ Москвѣ *школу* съ помощію ученыхъ кievлянъ, которыхъ онъ вышлетъ въ Москву. Уже одна возможность со стороны кievскаго митрополита обращаться съ подобнымъ предложеніемъ къ московскому правительству показываетъ, что православные кievляне не только не встрѣчали въ Москвѣ прежнихъ подозрительныхъ отношеній къ себѣ, но что тамъ уже признавали превосходство кievской учености надъ старою московскою книжною одностороннею начитанностію и не прочь были учредить въ Москвѣ школу съ помощію кievскихъ ученыхъ.

Время патріаршества Іосифа было не только временемъ частыхъ и оживленныхъ сношеній съ кievскою Русью, но и временемъ усиленнаго вліянія у насъ кievской литературы и ученыхъ кievлянъ, которые со временъ Іосифа прочно и надолго водворяются въ сѣверной Руси и оказываютъ сильное вліяніе на все ея дальнѣйшее умственное развитіе.

Прежде всего и болѣе замѣтно сказалось при патріархѣ Іосифѣ вліяніе кievской полемической литературы, — изъ нея берутся цѣлыя отдѣлы и почти безъ всякихъ измѣненій вносятся въ наши рукописные сборники. Такъ, на-примѣръ, встрѣчающіяся во множествѣ нашихъ сборниковъ статьи: «объ образѣхъ, о крестѣ» и пр., которыя представляютъ изъ себя простое переложеніе на современный литературный московскій языкъ южно-русской книжки: «о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей, о хвалѣ и о молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулѣхъ вѣры», напечатанной, какъ полагаютъ, въ Вильнѣ въ 1602 году <sup>1)</sup>. Къ числу такихъ сборниковъ принадлежитъ между прочимъ и извѣстное «Изложеніе на лютеры», приписываемое обыкновенно Ивану Насѣдкѣ <sup>2)</sup>. Авторъ этого сборника

1) Эта южно-русская книга цѣликомъ вошла во множество нашихъ сборниковъ и между прочимъ въ сборникъ „Изложеніе на лютеры“, приписываемый обыкновенно Ивану Насѣдкѣ. Книга состоитъ изъ 12 главъ, которыя имѣютъ слѣдующія заглавія: 1) объ образѣхъ и отказъ образоборцомъ; 2) о томъ, котораго часу отъ самихъ христіанъ образоборство повстало и которіе цари образоборцами были и на которомъ соборѣ вселенскомъ за то прокляты; 3) образоборцомъ на нѣкоторыя противныя ихъ слова отказъ; 4) о крестѣ видимомъ знаменіи сына человѣческаго; 5) о крестѣ: для чего знаменуемъ лице крестообразно рукою; 6) о хоженіи со кресты; 7) о хвалѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ; 8) о молитвѣ святыхъ, ихъ святіи и теперь молятся о насъ; 9) о постѣ; 10) о исповѣди; 11) о пречистомъ тѣлѣ и крови Христовой; 12) о отшедшихъ свѣта сего, ихъ о нихъ памяти чинити и милостыню давати, стараго и новаго закону письмо святое повелѣваетъ.

2) Филаретъ черниговскій (Обз. рус. дух. лит. № 208) авторомъ сборника „Изложеніе на лютеры“ считаетъ Насѣдку и относитъ составленіе сборника къ 1642 году Г. Соколовъ въ своей книгѣ „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ (стр. 80) говоритъ: „какія именно идеи и возраженія протестантовъ произвели теперь новое смущеніе и опасенія, объ этомъ можно судить изъ изданнаго протопопомъ Іоанномъ Насѣдкою (въ 1642 году) сборника подъ заглавіемъ: „Изложеніе извѣстно... на окаяпныя и злоименныя Лютеры“. Что сборникъ „Изложеніе на лютеры“ появился не въ 1642 году, а равнѣе, въ этомъ удостовѣряетъ слѣдующая современная припись, имѣющаяся въ концѣ этого сборника, хранящаяся въ нашей академической (московской духовной) библіотекѣ (№ 178): „154 года мая въ 6 день списывана сія книга отвѣты и обличенія на различные еретическіе вѣры люторскіе и римскіе и латынскіе и иныхъ — въ Якутскомъ острогѣ съ книги, которая куплена въ Москвѣ въ прошломъ въ 149 (1641) году съ Покровки отъ пречистыя и съ Кожевниковъ у поно-

не только беретъ цѣлый рядъ главъ изъ южно-русскихъ сочиненій, но и прямо отсылаетъ къ нимъ своихъ читателей. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «и о томъ имъ всѣмъ еретикамъ той-же отвѣтъ, иже князя Константина Острожскаго собраніе есть»; въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «яко мало нѣчто приложихомъ къ словесѣмъ собранія князя Острожскаго», или, полемизируя противъ прилога слога «и огнемъ» въ молитвѣ на освященіе богоявленской воды, онъ говоритъ: «и о семъ молю вы возлюбленніи взыщите усердно и виждьте и о семъ въ бесѣдѣ 15 нравоученіе въ книзѣ князя Константина Острожскаго на латынь, яко Златоустъ глаголетъ» <sup>1)</sup>.

Не только въ наши рукописные сборники вошли цѣлые обширные трактаты изъ южно-русскихъ сочиненій, но и самыя выдающіяся печатныя книги времени патріарха Іосифа, каковы: такъ называемая Кириллова книга, о Вѣрѣ, малый Катихизисъ, столь уважаемыя и доселѣ нашими старообрядцами, не есть въ дѣйствительности московскія произведенія, а южно-русскія.

Кириллова книга была составлена московскимъ черниговскимъ протопопомъ Михаиломъ Роговымъ <sup>2)</sup>, однимъ изъ видныхъ книжныхъ справщиковъ при патріархѣ Іосифѣ. О достоинствахъ и характерѣ самой книги въ послѣсловіи говорится, что государь «повелѣ сію предобрую книгу отъ различныхъ святыхъ отецъ учиненную на различныя ереси во единѣ купѣ совокупити и яко корабль многимъ богатствомъ наполнити и печатнымъ тисненіемъ вообразити, и пусти ю во всю свою русскую землю всякому православному христіанину, хотящему ея прочитати, и бо-

---

моря Івана Іванова“. Впрочемъ и въ самомъ сборникѣ есть указанія на то, что онъ написанъ былъ равнѣ 1642 года. См. Опис. славян. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, стр. 361.

<sup>1)</sup> По рукописи нашей академич. библ. № 177, лл. 332, 404.

<sup>2)</sup> Дьякъ Ѳеодоръ говоритъ: „А яже печатная московская Кириллова книга глаголется, и та нѣсть Кириллова, но *сбиралъ* ее черниговскій протопопъ Роговъ съ прочими избранными мужи, по повелѣнію царя и патріарха, на многія ереси латынскія и арменскія и нѣмецкія и прочія. Начаша они писать отъ тоя самыя Корилловы книги, потому и слыветъ Кириллова, и тѣхъ словъ святаго Кирилла нѣсть въ ней ни единого, но два листа только“ (Матер. для ист. раск. Н. Субботина, т. VI стр. 152, 153).

жественныя догматы видѣти, и та еретическая уста заграждати Воистину подобна сія предобрая книга великому кораблю, обременному великимъ богатствомъ, понеже обогащена довольно божественнымъ писаніемъ, на злыя еретики щить и заграда, или будетъ подобна велицѣй рѣцѣ, текущей широстью и напаяющей всяко животно. Такожде и сія книга усладить и напоить всякого прочитающаго ю, аки сладкою водою, или медвенными соты, еретикомъ же и раскольникомъ нашея православныя вѣры уста заградить».

Совершенно было бы ошибочно этотъ восторженный отзывъ о великихъ достоинствахъ Кирилловой книги ставить въ счетъ ея московскому составителю; его роль въ дѣлѣ сочиненія этой книги была самая скромная: она ограничивалась почти исключительно простою дословною выпискою изъ разныхъ южно-русскихъ книгъ, такъ что въ дѣйствительности Кириллова книга не только не «отъ различныхъ святыхъ отецъ учинена», какъ заявляетъ послѣсловіе, а представляетъ изъ себя только чисто механическую выборку изъ разныхъ южно-русскихъ авторовъ. Въ составъ ея вошли произведенія извѣстныхъ южно-русскихъ ученыхъ: Стефана Зизанія, Захарія Копыстенскаго, священника Василия Острожскаго, статьи изъ такъ-называемаго Просвѣтителя литовскаго и пр. <sup>1)</sup>.

---

1) Первая очень обширная часть Кирилловой книги, носящая заглавіе: „книга иже во святыхъ отца нашего Кирилла архіепископа іерусалимскаго на осмый вѣкъ“ есть простая перепечатка (конечно, съ переложеніемъ на тогдашній литературный московскій языкъ) сочиненія извѣстнаго южно-русскаго ученаго и поборника православія Стефана Зизанія, которое подъ заглавіемъ: „Казанье св. Кирилла патріарха іерусалимскаго о антихристѣ и знакахъ его“, было напечатано въ Вильнѣ въ 1596 году (см. это сочиненіе Зизанія въ Рум. Муз. № 67). Затѣмъ первая глава Кирилловой книги: „о святѣй Троицѣ“ взята изъ книги Захарія Копыстенскаго: „о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви“, или иначе называемой просто Азаріевой вѣрой. Она была напечатана въ Кіевѣ, какъ полагають въ 1620 году. (Книга о вѣрѣ Копыстенскаго или Азаріева вѣра находится въ нашей академической библіотекѣ № 414). Эта же глава могла быть заимствована и изъ просвѣтителя литовскаго, въ которомъ она занимаетъ 14 главу (см. Опис. рукоп. Ундольскаго № 426). Вторая глава Кирилловой книги: „О предвѣчномъ божественномъ рождествѣ Господа нашего Иисуса Христа“ есть простое переложеніе второй главы Азаріевой вѣры или Про-

Другою замѣчательною книгою, напечатанною при патриархѣ Іосифѣ въ 1648 году, по его «совѣту и благословенію» и тоже пользующеюся доселѣ особымъ уваженіемъ нашихъ старообрядцевъ, была книга о Вѣрѣ, кото-

свѣтителя литовскаго (гл. 15). Третья глава: „Отъ писаній пророческихъ о истинномъ Божествѣ и человѣчествѣ Христовѣ“ — переложеніе третьей главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 16). Главы: четвертая: „О пророцѣхъ, иже пророчествоваше о Божествѣ и Христовѣ рождествѣ и о иныхъ будущихъ“ и пятая: „О еллинскихъ мудрецѣхъ иже отчасти пророчествоваху о превышнемъ Божествѣ и о рождествѣ Христовѣ отъ пречистые Богородицы“ — не имѣются ни въ Азаріевой вѣрѣ, ни въ Просвѣтителѣ литовскомъ, а встрѣчаются въ рукописныхъ московскихъ сборникахъ (см. напр. Оп. рук. Царскаго № 719). Глава шестая: „Отъ писаній апостольскихъ и ихъ учениковъ и наслѣдниковъ св. отецъ о истинномъ Божествѣ и человѣчествѣ Господа нашего Іисуса Христа“ — переложеніе четвертой главы Азаріевой вѣры или Просвѣтителя литовскаго (гл. 17). Глава седьмая: „О Божествѣ Св. Духа“ — переложеніе пятой главы Азаріевой вѣры или Просвѣтителя литовскаго (гл. 18). Глава восьмая: „О исхожденіи Св. Духа“ — передѣлка восьмой главы Азаріевой вѣры или переложеніе Просвѣтителя литовскаго (гл. 19). Глава девятая: „Отвѣты досадителемъ и губителемъ противнымъ Божеству Христову“ — переложеніе шестой главы Азаріевой вѣры или Просвѣтителя литовскаго (гл. 20). Глава десятая: „О святыхъ иконахъ, яко изначала быша“ — переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 2—18) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 2). Глава одиннадцатая: „О томъ, когда и въ какое время отъ самѣхъ христіанъ иконоборство возстало“ — переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 31—36) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 3). Глава двѣнадцатая: „Иконоборцомъ на противныя ихъ рѣчи нашъ отвѣтъ“ — переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, 36—43). Глава тринадцатая: „О крестѣ, видимомъ знамени сына человѣческаго“ — переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 44—65) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 4). Глава четырнадцатая: „О крестѣ, чего ради знаменуемъ лицо свое крестообразно“ — переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 66—74) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 6). Глава пятнадцатая: „О хожденіи со кресты“ — переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 82—90) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 7). Глава шестнадцатая: „О святомъ постѣ“ — переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 146—163) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 10). Глава семнадцатая: „О пречистомъ тѣлѣ и крови Христовой“ — изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 12). Глава восемнадцатая: „о исповѣданіи грѣховъ въ церкви предъ священники“ — изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 11). Глава девятнадцатая: „Отвѣтъ ко арианамъ на противныя ихъ рѣчи о пречистѣй Богородицѣ“ — изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 22). Глава двадцатая: „Родословіе святыхъ Богородицы“ — изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 23). Глава двадцать первая: „О похвалѣ и чести святыхъ Божіихъ угодникъ“ — изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 8). Глава двадцать вторая: „О молитвѣ святыхъ“ — изъ Просвѣти-

рая есть уже прямо чисто южно-русское произведение, только переведенное съ бѣлорусскаго нарѣчія на великорусское и въ Москвѣ напечатанное. Авторомъ книги о Вѣрѣ

теля литовскаго (гл. 9). Глава двадцать третья: „О отшедшихъ свѣта сего, яже о нихъ памяти творити“—изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 106—113) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 13). Глава двадцать четвертая: „О понуреніи новокрещенцовъ“ изъ Азаріевой вѣры, глава седьмая или Просвѣтителя литовскаго (гл. 21). Глава двадцать пятая: „О римскомъ отпадении“—изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 24). Глава двадцать шестая: „О латынскихъ ересѣхъ“ — изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 25). Глава двадцать седьмая: „Ереси римскія, яже пріяша отъ мелхисидикіянъ и жидовъ и арменъ“—изъ Потребника, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1639 году, и содержитъ извлеченіе изъ дѣяній собора 1620 года при патріархѣ Филаретѣ. Глава двадцать восьмая: „О несогласіи еретиковъ и ихъ различныхъ сопротивныхъ ересѣхъ“—откуда взята эта глава, занимающая одинъ только листъ, мнѣ неизвѣстно. Глава двадцать девятая: „О Лютерѣ и его ереси“—изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 28). Глава тридцатая: „О арменской ереси“ — изъ Просвѣтителя литовскаго (гл. 29). Глава тридцать первая: „О постѣ арменскомъ аршурцовѣ, о Линѣ, учителѣ арменскомъ, о арменскомъ дыбаніи, сирѣчь причастіи“ — изъ нашихъ старинныхъ сборниковъ. Глава тридцать вторая: „Преніе святаго Иларіона, епископа меглинскаго, съ манихѣи“ — изъ Просвѣтителя литовскаго (л. 309 об.). Глава тридцать третья: „Преніе святаго Иларіона со армены“—изъ Просвѣтителя литовскаго (л. 315). Глава тридцать четвертая: „О опрѣснокахъ и о агньцѣ“—дословное заимствованіе изъ книги священника Василия Острожскаго: „О единей истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало приняла и како повсюду распростресе“ (по рукописи нашей академической бібліотеки № 232, л. 319—373). Глава тридцать пятая: „О премѣненіи дней и праздниковъ“—изъ того же сочиненія Василия Острожскаго (л. 397—482). Глава тридцать шестая: „Преподобнаго Максима грека слово на латиновъ“, находится и въ Азаріевой вѣрѣ (ч. 2, стр. 184 до конца книги). Главы: тридцать седьмая до сорокъ шестой включительно, содержащія въ себѣ: посланія александрійскаго патріарха Мелетія, посланія Константина Острожскаго, посланіе иноковъ горы Афонской, составляютъ переложеніе книжки, напечатанной въ Острогѣ въ 1598 году (см. Библиографическій указатель Ундольскаго № 137), подъ заглавіемъ: Мелетія патріарха александрійскаго посланія (числомъ 10) къ неунитамъ. Въ этой же книжкѣ напечатаны и посланія Константина Острожскаго и посланіе иноковъ горы Афонской.

Изъ приведеннаго сличенія Кирилловой книги оказывается, что она, за самыми незначительными исключеніями, представляетъ изъ себя простой сводъ изъ разныхъ южно-русскихъ сочиненій, и потому составители ея говорятъ несправедливо, что будто бы она „учинена отъ различныхъ святыхъ отецъ“; въ дѣйствительности этими святыми отцами были южно-русскіе ученые. Что же касается того, насколько и какъ московскіе собиратели Ки-

былъ Нафанаилъ, игумень кievскаго Михайловскаго монастыря, а напечатана она была, по свидѣтельству дьякона Ѳедора, «тщательствомъ царскаго духовника протопопа

риловой книги воспользовались южно-русскими произведеніями, что въ нихъ они передѣляли, насколько внесли въ нихъ своего, отвѣтомъ на это служить слѣдующее произведенное нами дословное сличеніе: первая часть Кирилловой книги, носящая заглавіе: „книга иже во святѣхъ отца нашего Кирилла архіепископа іеросалимскаго на осмый вѣкъ“ есть простое, безъ всякихъ перемѣнъ переложеніе на великорусское нарѣчіе книги Стефана Зизанія: „Казанье св. Кирилла патріарха александрійскаго о антихристѣ“. Дословное сличеніе первой главы Кирилловой книги „о святѣй Троицѣ“, съ Азаріевой вѣрой, показываетъ, что и тутъ имѣло мѣсто простое, безъ всякихъ перемѣнъ, переложеніе (исключая незначительныхъ выпусковъ изъ Азаріевой вѣры, именно вынуждено изъ Азаріевой вѣры начиная, съ 6 страницы до середины 9-й (Кир. кн. л. 85 об.); съ конца 9 стр. до середины 11 и потомъ выпущены страницы 26—29 (Кир. кн. л. 93). Кромѣ того, въ Кирилловой книгѣ, въ концѣ первой главы, помѣщенъ маленькій трактатъ: „Толкованіе како явися Богъ Аврааму въ троицѣ“ (л. 94 об — 97), котораго вовсе нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ. Главы Кирилловой книги: вторая, третья, шестая и седьмая представляютъ изъ себя дословное переложеніе соотвѣтствующихъ главъ Азаріевой вѣры, даже безъ всякихъ пропусковъ. Восьмая глава Кирилловой книги „о исхожденіи Св. Духа“ сравнительно съ очень обширною главою объ этомъ Азаріевой вѣры, сильно сокращена и значительно, послѣ сходнаго начала, передѣлана. Глава 9 Кир. кн. и 6 гл. Азар. вѣры сходны дословно. Гл. 10 Кир. кн., соотвѣтствующая трактату Азаріевой вѣры (ч. 2) „объ образѣхъ“, имѣетъ не то начало (которое сходно съ Просвѣтителемъ литовскимъ), но потомъ съ двумя незначительными пропусками, идетъ буквально сходно до л. 153 Кир. кн. и до стр. 18 (ч. 2) Азаріевой вѣры. Послѣдующія страницы (19—30) этого трактата Азаріевой вѣры не вошли въ Кириллову книгу, а замѣнены были въ ней (л. 153—159) трактатомъ, взятымъ изъ вышеупомянутаго сборника „Изложеніе на Лютеры“, гл. 19, л. 105 (по рукописи нашей академической библіотеки № 178). Главы Кирилловой книги: одиннадцатая, двѣнадцатая и тринадцатая буквально сходны съ Азаріевой вѣрою. Начальныхъ словъ четырнадцатой главы (о крестномъ знаменіи) Кирилловой книги: „во истину не презрѣ насъ Господь своимъ милосердіемъ, но и паче и помилова и призрѣ на насъ своею милостію съ высоты святыхъ своя и подаде намъ имя ново, еже зватися христіаны“ — нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ (нѣтъ этого и въ Просвѣтителѣ литовскомъ). Но далѣе идетъ буквально сходно съ Азаріевою вѣрою, кромѣ вставки въ Кирилловой книгѣ въ ученіи о перстосложеніи слѣдующихъ словъ: „той же средній великій перстъ мало преклонити, исповѣдуется тайна, еже есть Сынъ Божій преклонъ небеса и сниде на землю и бысть человекъ нашего ради спасенія“ (л. 180); затѣмъ въ Кирилловой книгѣ (л. 180 об.), сравнительно съ Азаріевою вѣрою, встрѣчается новая вставка, именно: приводится извѣстное слово о крестномъ

Стефана Вонифатьевича <sup>1)</sup>. Составлена была книга о Вѣрѣ еще въ 1644 году, какъ это видно изъ свидѣтельства Медвѣдева <sup>2)</sup>, подтверждаемаго существованіемъ этой книги въ рукописи, относящейся къ 1644 году <sup>3)</sup>.

Въ 1648 году въ Москвѣ напечатана была славянская грамматика извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго <sup>4)</sup>, причемъ въ Москвѣ ей предпослано было обширное и очень важное по своему содержанію введеніе, о которомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Въ 1649 году въ Москвѣ «ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіанамъ иначе дѣтемъ учащимся, по повелѣнію государя... и по благословенію великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Руссіи» напечатанъ былъ такъ-называемый малый Катихизисъ, который есть нечто иное,

---

знаменіи блаженнаго Θεодорита, котораго нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ. Далѣе слѣдуетъ опять дословная выписка изъ книги о Вѣрѣ до 74 страницы этой книги. Конецъ этого трактата въ книгѣ о вѣрѣ (стр. 74—81) вовсе не вошелъ въ Кириллову книгу, гдѣ помѣщены: извѣстное сказаніе о чудѣ святаго Мелетія и слово о крестномъ знаменіи Максима грека (сл. 183—185), вовсе не имѣющіяся въ книгѣ о вѣрѣ. Главы Кирилловой книги: пятнадцатая и шестнадцатая буквально сходны съ книгою о Вѣрѣ, только имѣющийся въ послѣдней трактатъ въ концѣ 16 главы о субботнемъ постѣ и о папѣ (ч. 2, стр. 163—181) вовсе не вошелъ въ Кириллову книгу. Глава 24 Кир. кн. и 7 гл. книги о Вѣрѣ сходны буквально. Точно такъ же двѣ обширныя главы Кирилловой книги 34 — „о опрѣснокахъ и агньцѣ“ и 35 — „о примѣненіи дней и праздниковъ“ представляютъ изъ себя дословное переложеніе изъ указаннаго выше сочиненія священника Василія Острожскаго. То же нужно сказать и о характерѣ всѣхъ другихъ указанныхъ выше заимствованій изъ южно-русскихъ сочиненій.

<sup>1)</sup> Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „книга о вѣрѣ правой, въ ней же о истинномъ Дусѣ особная глава писана вѣкіимъ игуменомъ Наанайломъ благочестивымъ Михайловскаго (кіевскаго) монастыря на уніятское отступленіе и на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ и тщательствомъ благаго духовника его Стефана Вонифатьевича, благовѣщенскаго нашего протопопа, во время благочестивое и тихое“ „Матер. для ист. раскола, т. VI, стр. 143.

<sup>2)</sup> Чт. общ. ист. 1846 г. кн. 3.

<sup>3)</sup> Описаніе библіотеки Хлудова, сост. Поповымъ, № 90.

<sup>4)</sup> Грамматика славянская Мелетія Смотрицкаго была напечатана въ первый разъ въ Евю, въ 1618 году, и затѣмъ снова была напечатана тоже въ Евю и въ Вильнѣ въ 1619 году (Ундольскаго: очеркъ слав. рус. библ. №№ 222, 225, 226).

какъ простая перепечатка краткаго катихизиса Петра Могилы, напечатаннаго въ киевощерской типографіи въ 1645 году <sup>1)</sup>.

Въ 1649—50 годахъ была въ первый разъ напечатана въ Москвѣ Кормчая книга. 51-я глава въ этой книгѣ, носящая надписаніе: «о тайнѣ супружества сі есть законнаго брака», глава очень важная по своему значенію и во все послѣдующее время, была внесена сюда, съ небольшими измѣненіями, изъ большого Требника Петра Могилы, а имъ она была заимствована изъ католическихъ требниковъ <sup>2)</sup>. При исправленіи нашихъ церковно-учительныхъ книгъ, въ концѣ патріаршества Іосифа, наши книжные справщики, по ихъ собственнымъ заявленіямъ, уже справлялись и съ изданіями южно-русскими. Такъ въ послѣсловіи учительскаго Евангелія, изданнаго въ Москвѣ въ 1652 г. по благословенію патріарха Іосифа, справщики заявляютъ: «къ сему же да не усумнишися православный читателю, егда обрящеши въ святой книгѣ сей исправленія (противъ прежнихъ изданій московскихъ) рѣченій, въ

---

<sup>1)</sup> Малый катихизисъ Петра Могилы, напечатанный въ Кіевѣ въ 1645 году, носитъ заглавіе: „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каеолической христіанской“. Въ немъ (стр. 25—26) ученіе о крестномъ знаменіи изложено такъ: „пытанье: якимъ способомъ знакъ креста святаго на себѣ класти маемъ? Отповѣдь: рукою правою три палцы зложивши, знакъ креста святаго зачинай на челѣ, а кладучи мови: во имя Отца; потомъ тыжь палцы на перся мовячи: и Сына; потомъ на правое раме кладучи, мовѣ: и Духа; потомъ на лѣвое рамя кладучи, мовѣ: Святаго; кладучи на себѣ крестное знаменіе мовѣ: Господи Іисусѣ Христѣ Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго, кончати тымъ словомъ — аминь“. Между тѣмъ въ Московскомъ катихизисѣ ученіе о перстосложеніи изложено (л. 16 об. и 17) такъ: „совокупити три персты правыя руки (сирѣчь великаго и малаго и третіею, что подлѣ малаго); въ нихъ же исповѣдуемъ таинство божественную тріехъ ипостасей: Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога въ тріехъ лицѣхъ. Два же перста (вышній и средній) протянути и симъ показуемъ тайну самого Господа нашего Іисуса Христа, яко совершенъ Богъ и совершенъ человекъ бысть нашего ради спасенія. И тако, сложивши персты, полагаемъ первое руку на чело“... и т. д. Это ученіе о перстосложеніи въ катихизисѣ 1648 года изложено не по катихизису Петра Могилы, а по книгѣ о Вѣрѣ, напечатанной въ Москвѣ 1648 года (въ 9 главѣ).

<sup>2)</sup> См. объ этой книгѣ свящ. М. Горчакова „О тайнѣ супружества“. Спб. 1880 г.

клоненіихъ измѣнена и другая таковая и возмнитися нова быти и самосмышлена, но нѣсть сице: *понеже за ихъ же святительскимъ благословеніемъ*, со многихъ переводовъ свидѣтельствующаго исправлена суть; переводы же собраны быша, единъ святыя соборныя великія церкви пресвятыя Богородицы Успенія, и другій Чудова монастыря и чудотворца Алексія, и два Симонова монастыря, древнихъ писемъ, *къ симъ же инъ Острожскія печати»* <sup>1)</sup>.

Вслѣдъ за южно-русскими книгами въ Москву начинаютъ, при патріархѣ Іосифѣ, перебираться и самые ученые кіевляне. Еще въ 1640 году кіевскій митрополитъ Петръ Могила прислалъ въ Москву своего намѣстника Игнатія Оксеновича Старушича <sup>2)</sup>, который, между прочимъ, отъ имени Могилы предлагалъ устроить въ Москвѣ монастырь, населить его учеными кіевскими монахами и открыть при немъ школу. Это предложеніе Могилы, не принятое въ то время, было потомъ осуществлено, съ разрѣшенія царя и по благословенію патріарха Іосифа, извѣстнымъ ревнителемъ просвѣщенія Ѳеодоромъ Ртищевымъ. Послѣдній, какъ говоритъ его житіе <sup>3)</sup>, имѣлъ особую любовь къ Кіевопечерской лаврѣ, которой онъ давалъ «милостыню не малу», а это, конечно, привело его къ сближенію съ учеными кіевскими монахами. Въ этомъ же смыслѣ могъ вліять на Ртищева его родной дядя Спиридонъ Потемкинъ, человекъ образованный, знавшій хорошо греческій и латинскій языки, постоянно сидѣвшій надъ книгами и вступавшій въ состязанія съ латинами и уніатами. Свою любовь къ наукѣ и къ людямъ ученымъ Потемкинъ могъ передать и своему племяннику <sup>4)</sup>. Какъ бы то ни было, только, съ благословенія патріарха Іосифа, Ртищевъ устроилъ близъ Москвы извѣстный Андреевскій монастырь, куда поселилъ изъ кіевской лавры и другихъ южно-русскихъ монастырей до тридцати иноковъ («въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и килей-

1) Опис. старопеч. книгъ Царскаго, № 176.

2) О немъ см. Обз. дух. дух. литер. Филарета, № 174.

3) Древн. вивл. ч. XVIII, изд. 2.

4) Свѣдѣнія о Потемкинѣ сообщаетъ дьякъ Ѳеодоръ. Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 230—232.

номъ правилѣ изрядныхъ». Между этими иноками, конечно, находились и лица ученые, съ которыми охотно бесѣдовалъ и занимался въ свободное отъ служебныхъ занятій время самъ Ртищевъ <sup>1)</sup>. Житіе говоритъ даже, что будто бы и ученаго Епифанія «изъ святыхъ лавры печерскія» вызвалъ Ртищевъ <sup>2)</sup>. Послѣ устройства около Москвы (въ двухъ верстахъ), съ разрѣшенія патріарха, монастыря, населеннаго кievскими учеными иноками, не было уже ничего удивительнаго въ томъ, что и само правительство рѣшилось наконецъ вызвать въ Москву уче-

1) Впрочемъ, Андреевское братство не оставило послѣ себя какихъ-либо замѣтныхъ въ нашей литературѣ слѣдовъ. Оно не пользовалось и хорошей репутаціей у москвичей. Въ 1669 году власти построеннаго Никономъ Иверскаго монастыря обращаются къ чудовскому архимандриту Іоакиму съ просьбой, чтобы онъ не переводилъ къ нимъ въ Иверскій монастырь бывшаго игумена Андреевскаго монастыря Петронія, потому что, говорятъ они, „Петроній человекъ крамольный, своеобразный и необщежительный: какъ и прежде сего былъ въ Андреевскомъ монастырѣ игуменомъ, и онъ всю братію бунтовалъ и всякіе крамолы чинилъ... И прежде которые у насъ въ Иверскомъ монастырѣ были Андреевскаго монастыря старцы, и они, за смуту и бунтовство, высланы вонъ; и нынѣ того жъ Андреевскаго монастыря іеромонахъ Анастасій, будучи у насъ, говоритъ и бьетъ челомъ, чтобъ отнюдь тотъ Петроній въ Иверскомъ монастырѣ не былъ, потому что человекъ развратной и своеобразной“ (Рус. истор. библ. т. V, № 276). Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, враждебно столкнулся съ Ртищевымъ и потому не могъ поддерживать внутренне-разлагавшееся Андреевское братство, тѣмъ болѣе, что онъ построилъ Иверскій монастырь, который заселенъ былъ южно-русскими выходцами и замѣнилъ для нихъ Андреевскій монастырь.

2) Нужно замѣтить, что свѣдѣнія объ Епифаніѣ въ житіи Ртищева не отличаются особою точностію. Житіе называетъ Епифанія инокомъ Печерскія лавры, тогда какъ онъ былъ инокомъ кievскаго Братскаго монастыря. Житіе говоритъ, что вызовъ Епифанія и другихъ ученыхъ кievлянъ принадлежитъ Ртищеву, тогда какъ въ дѣйствительности ученыхъ иноковъ вызывалъ самъ царь (хотя можетъ быть и по рекомендаціи Ртищева) и вызывалъ только Арсенія и Дамаскина, Епифаній же былъ посланъ въ Москву по рѣшенію кievскаго митрополита и властей Братскаго монастыря, вмѣсто Дамаскина, а не по вызову изъ Москвы. Житіе говоритъ, что Епифаній, по пріѣздѣ въ Москву, поселился въ Андреевскомъ монастырѣ, а потомъ переселился въ Чудовъ, но подлинныя документы о пріѣздѣ въ Москву Епифанія и Арсенія прямо говорятъ, что сначала они были поселены на большомъ посольскомъ дворѣ, а оттуда были прямо переведены въ Чудовъ монастырь (см. Малороссійскія дѣла св. 4, 1649 г. № 4; 1650 г. № 3).

ныхъ кіевлянъ и поручить имъ такое важное и отвѣтственное дѣло, какъ новый переводъ Библии съ греческаго языка на славянскій. Еще въ 1648 году государь посылалъ въ Кіевъ инока Марка (который ранѣе былъ служилый человекъ; отправившись разъ на богомолье въ Кіевъ, тамъ захворалъ и постригся въ Печерской лаврѣ, а въ 1648 году прибылъ въ Москву) въ Печерскій монастырь «до боголюбезнаго епископа Зосима», котораго просилъ грамотою прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго «для своего государева дѣла», но тогда «послати того старца невозможно было для монастырскія potrzeby»<sup>1)</sup>. Въ маѣ 1649 года государь снова обратился уже къ кіевскому митрополиту и къ властямъ кіевкаго братскаго монастыря, чтобы присланы были въ Москву старцы: Арсеній (Сатановскій) и Дамаскимъ (Птицкій) для перевода Библии съ греческаго языка на славянскій. Вслѣдствіе этой вторичной просьбы царя кіевскій митрополитъ и власти братскаго монастыря послали въ Москву Арсенія Сатановскаго, а вмѣсто Дамаскина, который былъ инокомъ Печерской лавры и потому не зависѣлъ отъ властей братскаго монастыря, они послали въ Москву ученаго Епифанія Славенецкаго. 12 іюля Арсеній и Епифаній, въ сопровожденіи старца Θεодосія, прибыли въ Москву и поселены были здѣсь сначала въ большомъ посольскомъ дворѣ, а потомъ въ Чудовомъ монастырѣ. Но правительство, несмотря на пріѣздъ Арсенія и Епифанія, все-таки рѣшилось вызвать въ Москву и Дамаскина Птицкаго, тѣмъ болѣе, что Арсеній, долженствовавшій переводить Библию на славянскій языкъ съ греческаго, оказался совсѣмъ не знающимъ послѣдняго. Въ мартѣ 1650 года онъ проситъ, по особымъ домашнимъ обстоятельствамъ, отпустить его, хотя бы на время, въ Кіевъ, при чемъ въ челобитной заявляетъ: «здѣ азъ уже мало потребный къ исправленію Библии, понеже азъ призванъ по сугубой, твоего царскаго пресвѣтлаго величества, грамотѣ, уже иніи старцы разсмотряють и труждаются, азъ бо по гречески не умлю». Въ 1650 году упомянутый выше инокъ Маркъ снова отправился въ

<sup>1)</sup> Малоросійскія дѣла, св. 4, 1650 г. № 8.

Кіевъ и на этотъ разъ дѣйствительно привезъ въ Москву Дамаскина Птицкаго, взятаго имъ изъ Печерской лавры <sup>1)</sup>).

Вслѣдъ за указанными учеными кіевлянами въ Москву стали прїѣзжать и другіе кіевляне. Такъ, въ 1652 году, еще при патріархѣ Іосифѣ, въ Москву прибыли: кіевского братскаго монастыря архимандритъ Михайло, «да съ нимъ спѣваки: Ѳеодоръ Тернополькій съ товарищи, одиннадцать человекъ». За пѣвчими ѣздилъ въ Кіевъ путивльскій соборный попъ Иванъ, по порученію Ѳеодора Ртищева и съ разрѣшенія государя. Пѣвчіе, вызванные только на время, «пошли въ Андреевскій монастырь на житье», а двумъ пѣвчимъ: Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому, какъ они сами заявляютъ въ челобитной царю, «по твоему государеву указу велѣно писати твое государево дѣло: книгу Камень» и состоять при посольскомъ приказѣ. Съ своей стороны и архидіаконъ Михайлъ, по его собственному заявленію, занимался въ Москвѣ переводомъ книги учителя Августина, «которую велѣлъ мнѣ переводити дякъ думный преставльшійся Михайло Юрьевичъ», и которую архидіаконъ дѣйствительно успѣлъ перевести въ Москвѣ до своего возвращенія въ Кіевъ <sup>2)</sup>).

Такимъ образомъ время патріаршества Іосифа по всей справедливости можетъ быть рассматриваемо какъ время относительно усиленнаго кіевского вліянія, когда кіевская ученая литература въ первый разъ получаетъ у насъ полное признаніе, такъ что произведенія разныхъ кіевскихъ ученыхъ цѣликомъ начинаютъ перепечатывать въ Москвѣ и даже иногда выдавать ихъ здѣсь за произведенія святыхъ отцовъ; когда сами кіевскіе ученые и частными лицами и правительствомъ вызываются въ Москву для важныхъ ученыхъ работъ и навсегда поселяются въ Москвѣ, являются у насъ первыми представителями науки и научнаго образованія, и необходимо содѣйствуютъ распространенію и усиленію въ Москвѣ реформаціонныхъ идей.

---

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Тамъ же, св. 5, 1652 г. № 15.

## Г Л А В А II.

Флорентійская унія и паденіе Константинополя имѣли рѣшающее значеніе для послѣдующей русской церковной жизни. Съ этого времени именно русская церковь признала себя самостоятельною, способною жить своею собственною, независимою отъ грековъ жизнію. Если ранѣ различные возникавшіе у насъ церковные вопросы и недоумѣнія рѣшались греками, то теперь они рѣшаются уже исключительно самими русскими. Въ русской церкви съ конца XV вѣка до половины XVI появляется нѣсколько ересей, изъ которыхъ нѣкоторыя приобрѣтаютъ значительную силу и распространенность, но русская церковь борется съ ними исключительно только своими силами и средствами, вовсе не прибѣгая къ содѣйствію и авторитету современной греческой церкви. Съ конца XV вѣка у насъ возникаютъ горячіе споры о платѣ за посвященіе въ церковныя должности, о вдовыхъ священникахъ, о монастырскихъ имуществвахъ и пр., и эти всѣ вопросы рѣшаются русскими іерархами безъ всякаго участія грековъ и сношеній съ греческою церковію. Но проявленія самостоятельности русской церкви относительно греческой на этомъ не остановились, а пошли значительно далѣе.

Русскіе приняли отъ грековъ извѣстный церковный обрядъ, который большинство изъ нихъ ставило наравнѣ съ вѣроученіемъ и потому старалось разъ принятое держать неизмѣнно, хотя у самихъ грековъ обрядъ былъ не одинаковъ въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ, не одинаковъ въ различное время въ одной и той же церкви; по

самому существу своему обрядъ развивался постепенно и видоизмѣнялся по требованію тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ. На ряду съ другими обрядами русскіе заимствовали у грековъ и двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, сугубую аллилуію и др., которые у грековъ съ теченіемъ времени подверглись видоизмѣненіямъ. Двоеперстіе окончательно вытѣснено было у нихъ троеперстіемъ <sup>1)</sup>, которое, вѣроятно съ половины XV вѣка, и стало у грековъ преобладающимъ, равно какъ прежнее безразличное двоеніе или троеніе аллилуіи замѣнилось исключительно троеніемъ. Русскіе же относительно перстосложенія для крестнаго знаменія остались при древнѣйшей его формѣ—двоеперстной, а относительно аллилуіи у нихъ сугубая стала преобладать надъ трегубой, благодаря чему между греческими и русскими обрядами явилась рознь. А между тѣмъ видоизмѣнившійся греческій обрядъ незамѣтно сталъ проникать на Русь и находить себѣ здѣсь приверженцевъ,—отсюда на Руси стали возникать споры: какому обряду надлежитъ слѣдовать, тому ли, который издревле преобладалъ на Руси, или тому, который позднѣе сдѣлался господствующимъ у грековъ. До насъ дошли горячіе споры объ аллилуіи, но несомнѣнно подобные же споры возникали и относительно другихъ обрядовъ, что, конечно, и заставило Стоглавый соборъ заняться этими спорными вопросами и сдѣлать относительно ихъ опредѣленные постановленія.

Итакъ, на границѣ, по нашему мнѣнію, XV и XVI вѣка русскіе разошлись съ греками въ нѣкоторыхъ обрядахъ, и эти разности возбуждали толки и споры въ русскомъ обществѣ,—одни ратовали за русскій обрядъ, другіе за греческій <sup>2)</sup>. Стоглавый соборъ призванъ былъ рѣшить ука-

<sup>1)</sup> Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

<sup>2)</sup> Въ преніяхъ объ аллилуіи противникъ преп. Евфросина говорить, что греки „на сихъ лѣтѣхъ“ (т.-е. еще очень недавно) къ своей гибели отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и на десницѣ приѣша“ и что теперешнимъ развращеннымъ грекамъ вѣрить не слѣдуетъ. На Стоглавомъ соборѣ царь говорилъ: „а которые обычаи въ прежніе времена, послѣ отца моего великаго князя Василя Ивановича всея Руси и до сего настоящаго времени поисхатались, или въ самовластіи учинено, по своимъ

занные спорные вопросы и дѣйствительно рѣшаетъ ихъ, но на основаніи только русской церковной старины, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками только русскихъ давныхъ, вовсе не принимая въ расчетъ современной греческой практики, не обращаясь къ грекамъ за совѣтомъ, указаніями и разъясненіями. Простымъ игнориро-

---

волямъ, или преданія законы нарушены, или ослабно дѣла и небрегомо Божіихъ заповѣдей, что творилось“ обо всемъ просить позаботиться пастырей въ вилахъ исправленія этихъ недавно появившихся въ церковной жизни беспорядковъ. Такимъ образомъ, по сознанию самихъ русскихъ, греки отъ истины „свернулись“ и „печать антихристову на челѣ и на десницѣ привяли“, только „на сихъ лѣтѣхъ“, или, по опредѣленію Грознаго царя, только послѣ смерти отца его великаго князя Василя Ивановича, т.-е. на границѣ XV и XVI вѣка. Еслибы троеперстіе проникло къ намъ ранѣе, еще при митрополитахъ грекахъ, то оно, конечно, и утвердилось бы у насъ уже въ то время вмѣсто двоеперстія, такъ какъ митрополиты греки естественно постарались бы ввести на Руси тотъ обрядъ, который господствовалъ и всеми принимался въ греческой церкви, а русскіе, такъ какъ авторитетъ грековъ въ то время еще ничѣмъ не былъ поколебленъ въ ихъ мнѣніи, охотно подчинились бы требованіямъ своихъ митрополитовъ. Къ этому нелишне прибавить указаніе и на то обстоятельство, что у самихъ грековъ ясное и опредѣленное ученіе о троеперстіи, насколько это намъ извѣстно, изложено въ первый разъ въ сочиненіи извѣстнаго солунскаго иподіакона Дамаскина Студита начала XVI вѣка, а у русскихъ только со второй половины XV вѣка появляется такъ-называемое Θεодоритово Слово, въ которомъ опредѣленно выражено ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи и которое во все послѣдующее время служило главнымъ оправданіемъ двоеперстія. Появленіе у насъ Θεодоритова Слова именно со второй половины XV вѣка и его быстрая распространенность съ этого времени указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что именно въ это время явилась нужда оправдать двоеперстіе какимъ-либо авторитетнымъ свидѣтельствомъ, подыскать для него данныя въ церковно-исторической древности, явилась потребность защитить этотъ древній русскій обычай отъ проявившихся на него въ то время какихъ-то нападеній. Въ виду этого время появленія у насъ Слова Θεодорита о крестномъ знаменіи служить указателемъ, когда именно въ первый разъ стало проникать на Русь усвоенное въ то время греками троеперстіе, которое необходимо вступило у насъ въ борьбу съ двоеперстіемъ, почему для оправданія послѣдняго и понадобилось теперь Θεодоритово Слово. Понятно само собою, что русское двоеперстіе въ крестномъ знаменіи мы вовсе не считаемъ произведеніемъ Θεодоритова Слова,—наоборотъ появленіе самаго Слова Θεодорита (будетъ ли оно подложное или подлинное) было вызвано потребностью оправдать уже существовавшій у насъ обычай двоеперстія, какъ это мы увидимъ ниже.

ваніемъ грековъ Стоглавый соборъ однако не ограничивается, а идетъ далѣе. Онъ не только признаетъ правыми и узаконяетъ въ русской церкви тѣ именно обрядовыя особенности, которыми русскіе порознились въ послѣднее время отъ грековъ, но, такъ какъ современный греческій обрядъ сталъ проникать на Русь и находить въ ней своихъ сторонниковъ и защитниковъ, то соборъ ограждаетъ узаконяемый имъ обрядъ, несогласный съ современнымъ греческимъ, страшною соборною клятвою, съ цѣлію предупредить возможность его измѣненія въ пользу греческаго обряда и на все послѣдующее время. Очевидно іерархи, присутствовавшіе на Стоглавомъ соборѣ, были твердо убѣждены, что православный обрядъ во всей его первоначальной чистотѣ и неповрежденности сохранился только у русскихъ, тогда какъ современные греки допустили въ немъ въ послѣднее время нѣкоторыя новшества и искаженія.

Постановленія Стоглаваго собора имѣли громадную важность для послѣдующихъ отношеній русскихъ къ грекамъ. Уже вслѣдъ за Флорентійскою унією и паденіемъ Константинополя у насъ раздались голоса, обвинявшіе грековъ въ неправославіи. Эти обвиненія грековъ подхвачены были нашими книжниками-грамотѣями, которые построили на основаніи ихъ особую теорію объ исключительномъ призваніи Москвы и о благочестіи русскихъ, какъ высшемъ и совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ<sup>1)</sup>. Понятно, что эти крайнія воззрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, нашли себѣ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора новую опору, подтвержденіе и оправданіе и потому все болѣе и болѣе распространялись въ средѣ русскаго общества, для большинства котораго существованіе въ русской церкви обряда, несогласнаго съ греческимъ, всегда служило нагляднымъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ справедливости возводимыхъ на современныхъ грековъ обвиненій въ потерѣ ими истиннаго

<sup>1)</sup> Эти воззрѣнія русскихъ на грековъ и роль этихъ воззрѣній въ русской жизни подробно нами указаны въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, во введеніи.

православія. Но какъ бы ни былъ широко распространенъ этотъ взглядъ на грековъ среди русскаго общества, все-таки онъ никогда не былъ взглядомъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ. Онъ высказывался только какъ частное мнѣніе и притомъ высказывался только во время горячихъ споровъ, когда возникалъ ненормальный вопросъ: у кого православіе сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ,— у грековъ или у русскихъ,—причемъ естественная національная гордость и самомнѣніе русскихъ побуждали ихъ безмѣрно хвалить свое и всячески унижать греческое.

Русскіе іерархи хорошо знали, что Флорентійская унія была дѣломъ только политическаго расчета, дѣломъ немногихъ, а не всего народа, что въ дѣйствительности греки относились къ уніи съ ненавистію и никогда не признавали ея, такъ что и послѣ Флорентійской уніи православіе въ Греціи сохранилось попрежнему. Въ этомъ смыслѣ наши іерархи и дѣлали заявленія. Такъ первый самими русскими поставленный митрополитъ Іона, въ посланіи къ кievскому князю Александру Владиміровичу, пишетъ: *«ты самъ знаешь, что случилось въ Царьградѣ въ царяхъ и патріаршество... въ великой соборной церкви и въ палатѣ царской начали поминать имя папы, тогда какъ ни въ монастыряхъ, ни въ одной изъ церквей въ Царьградѣ и во всей Святой горѣ нигдѣ не поминается имя папино, а держатъ все, по милости Божіей, добрую старину, т.-е. митрополитъ Іона обвинялъ въ уклоненіи въ латинство только царя и патріарха, признавая весь остальной греческій народъ строго держащимся православія <sup>1)</sup>»*. Митрополитъ Θεодосій, призывая въ 1464 году новгородцевъ и псковичей къ дачѣ милостыни Св. Гробу, пишетъ, что іерусалимскій патріархъ *«самъ бы пошелъ въ землю нашу, желая по выше данной ему силѣ и по благодати Божіей, дать намъ благословеніе отъ своей руки и даровать прощеніе грѣховъ тѣмъ, которые бы съ вѣрою ему исповѣдали»*, но по обстоятельствамъ не могъ исполнить своего желанія, а прислалъ вмѣсто себя протосигнела своего Іосифа съ тѣмъ, чтобы онъ былъ рукоположенъ въ Москвѣ въ

<sup>1)</sup> А. И. 1, № 47.

митрополиты Кесаріи Филипповой, что Ѳеодосій, согласно желанію патріарха, и исполнилъ <sup>1)</sup>. Этотъ фактъ ясно говоритъ за то, что и послѣ Флорентійской уніи между греками и русскими попрежнему существовало церковное единеніе.

Скоро русскіе, поддерживающіе съ православнымъ Востокомъ постоянныя живыя сношенія, убѣдились въ томъ, что и господство турокъ не искоренило православія на востокъ. Поэтому, параллельно съ существованіемъ крайнихъ, возрѣній, признающихъ грековъ потерявшими православіе, мы встрѣчаемъ у русскихъ и мнѣнія совершенно противоположныя. Извѣстный нашъ путешественникъ ХVІ вѣка по святымъ мѣстамъ, Трифонъ Корабейниковъ, въ описаніи своего путешествія, которое было столь любимымъ и распространеннымъ чтеніемъ въ древней Руси, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «и вниде патріархъ (іерусалимскій) святѣйшій (въ великую церковь) съ православными христіаны (уже) суть: греки, и сивряне, и серби, и вери, и Русь, армяните (?), волохи. А латыни и всѣ еретики, игумены и попы ихъ, взимаютъ огонь отъ христіанскаго кадила, что на гробѣ Господни, и своя кадила зажигаютъ, а святѣйшій патріархъ свѣщъ имъ изъ своихъ рукъ съ огнемъ небеснымъ не даетъ, удаляется отъ нихъ и не совѣтуетъ съ ними ничто же... Служилъ патріархъ (александрійскій въ Синайской обители) со всѣмъ соборомъ, у Николы чудотворца и облачался все по нашему російскому обычаю». О синайскихъ иконахъ, удивляясь ихъ суровой жизни и терпѣнію, Корабейниковъ замѣчаетъ, что они «подобни ангеломъ», «зѣло подвижны къ Богу», Прибывъ въ Райфу онъ замѣчаетъ: «въ Райфѣ же грековъ нѣсть, живутъ сиріане, вѣра православная христіанская <sup>2)</sup>. Въ одномъ хронографѣ (списокъ котораго относится къ 1647 году) разсказывается, что четыре вселенскіе патріарха, «подвижешя отъ Св. Духа», совѣщались между собою посланіями, чтобы «отъ своего четверочисленнаго и благочестиваго лика»

<sup>1)</sup> А. Э. 1, стр. 127.

<sup>2)</sup> Рукопись нашей Академической бібліотеки № 436, стр. 14 об., 20, 50 об. 5, 67 и 74.

послать единого въ Москву къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, дабы онъ поставилъ въ Москвѣ патріарха, чтобы русская церковь болѣе не вдовствовала. Патріархи рѣшили для этой цѣли послать въ Москву іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, который дѣйствительно отправился на Русь и, прибывъ въ Москву, поставилъ здѣсь, съ согласія царя, патріархомъ Филарета Никитича <sup>1)</sup>. Въ старинныхъ космографіяхъ (которыя А. Попоѳъ подраздѣляетъ на три редакціи), про грековъ говорится въ космографіи первой редакціи: «патріархи же (греческіе) и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и святыя Божія церкви ничимже вреждены суть, но тяжкими данми усмирены суть: въ космографіи второй редакціи: греки «вѣру христіанскую держать, какъ великихъ чиновъ люди, тако же и общій нароцъ, *и въ церковныхъ чинѣхъ* тако же по стариннымъ обычаямъ содержатся»; въ космографіи третьей редакціи: «грецы вѣру христіанскую имуть непремѣнну». Греки, живя подъ турецкимъ игомъ «патріарха же и митрополиты и архіепискупи своя имуть, *православніи попрежнему* и монастыри и церкви имуть, аще и утѣсняеми отъ турокъ, *но благочестіе непремѣнно соблюдающе* <sup>2)</sup>».

Но для насъ болѣе важны, конечно, не мнѣнія лицъ частныхъ и случайныхъ, а мнѣнія правительственныя и церковныя.

Что наши великіе князья, а потомъ цари московскіе признавали греческій Востокъ православнымъ, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ изъ того, что они всѣмъ четыремъ восточнымъ патріархамъ, затѣмъ на Аeonъ, Синай и въ другіе знаменитѣйшіе восточные монастыри, правильно посылали значительныя дачи милостыни въ видахъ поддержанія православія на востокѣ. Посылая «здравныя» и «заупокойныя» милостыни на востокъ, наши цари требовали, чтобы въ патріаршихъ церквахъ и въ различныхъ восточныхъ монастыряхъ молились о здравіи государя и

<sup>1)</sup> Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, Андрея Попова, стр. 208.

<sup>2)</sup> Ibid. стр. 462, 499, 520.

его семьи и поминали за упокой его умершихъ предковъ <sup>1)</sup>. Такія отношенія нашихъ государей къ православному востоку были бы совершенно невозможны, если бы они смотрѣли на грековъ, какъ на народъ, уже потерявшій истинное православіе.

Что сама русская церковь признавала свое единеніе съ церковію греческою, признавала старѣйшинство послѣдней и ея полное православіе, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ изъ учрежденія у насъ патриаршества. Первый нашъ патриархъ Іовъ былъ поставленъ константинопольскимъ патриархомъ Іереміею, права нашего патриарха были опредѣлены и узаконены константинопольскимъ соборомъ; въ нашихъ церквахъ при богослуженіи, въ знакъ единенія русской церкви съ греческою, возносилось имя константинопольскаго и другихъ восточныхъ греческихъ патриарховъ. Филаретъ Никитичъ былъ поставленъ въ патриархи іерусалимскимъ патриархомъ Теофаномъ. Если бы русская церковь дѣйствительно считала грековъ утерявшими истинное православіе, какъ бы она рѣшилась принять поставленіе своего главы отъ представителей потерявшей уже православіе церкви и какъ бы тогда возможно было возношеніе имени константинопольскаго патриарха при богослуженіи въ русскихъ церквахъ?

Но мало того, что наши патриархи принимали ставленіе отъ патриарховъ греческихъ, но и на Москвѣ въ одно время патриархомъ избранъ былъ, и притомъ вполнѣ правильно, грекъ Игнатій. Правда, противъ патриарха Игнатія у насъ возникли потомъ разныя подозрѣнія, даже высказывались сомнѣнія въ его полномъ православіи; но эти обвиненія и сомнѣнія возникли уже послѣ, и источникъ ихъ заключался не въ дѣйствительномъ неправовѣрїи Игнатія, а въ его близости къ ненавистному Разстригѣ <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> См. объ этомъ въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гл. 4, стр. 105—145.

<sup>2)</sup> Одинъ хронографъ говоритъ: „Растрига низвергнулъ Іова „и на его мѣсто взводитъ на престолъ единомысленнаго себѣ Игнатія патриарха, родомъ страны италійскія, а вѣры не вѣмъ греческія, не вѣмъ латинскія, едино вѣмъ, еже православія догматы неистово исполняюща и творяща. Игнатія, его же безъ священныхъ рукоположеній (?) возведе на престолъ“

Въ Москву не разъ, въ концѣ XVI вѣка, прїѣзжали различные греческіе іерархи и оставались у насъ на вѣчное житіе или на очень долгое время, причемъ нѣкоторые изъ нихъ дѣлались даже епархіальными архіереями (напримѣръ, ахридскій архіепископъ Нектарій былъ у насъ, въ началѣ XVII вѣка, вологодскимъ архіереємъ). Всѣ эти выходцы-архіереи свободно пользовались въ Москвѣ своими архіерейскими правами и участвовали во всѣхъ церковныхъ службахъ на ряду съ русскими іерархами. Отъ архіерея-выходца, желавшаго остаться въ Москвѣ, наше правительство требовало только, чтобы онъ представилъ свою ставленную грамоту и отпускъную отъ своего патріарха и чтобы при совершеніи богослуженія на Руси придерживался тѣхъ церковныхъ особенностей, которыми русскіе отличались тогда отъ современныхъ грековъ <sup>1)</sup>.

Но признавая грековъ православными <sup>2)</sup> и находясь съ

---

Растрига, сего въ Чудовъ монастырь послаша подъ начало, яко да совершенно навькнетъ благочестія вѣры, иже во Христа Бога“. (А. Попова: Изборн. слав. и рус. статей внес. въ Хрон. рус. редакція, стр. 193—194).

<sup>1)</sup> См. объ этомъ въ нашей книгѣ: Характеръ отнош. Рос. къ прав. востоку, стр. 145—220.

<sup>2)</sup> Мнѣніе, что русская церковь признавала грековъ православными, повидимому расходится съ тѣмъ фактомъ, что у насъ нѣкоторыхъ грековъ отдавали иногда подъ началъ *для исправленія ихъ ахристианской вѣры*. Но это явленіе—отдача грековъ подъ началъ для исправленія ихъ вѣры,—было очень рѣдкимъ и прямо исключительнымъ. Къ этой мѣрѣ прибѣгали у насъ только тогда, когда имѣлись опредѣленные данныя, что тотъ или другой грекъ, рагѣе своего прибытія въ Москву, или отступалъ отъ православія, какъ это было, напримѣръ, съ извѣстнымъ справщикомъ книгъ Арсеніемъ грекомъ, или когда прибывшій грекъ нѣсколько лѣтъ находился въ плѣну у невѣрныхъ, или вообще въ какихъ-либо особенно близкихъ и подозрительныхъ отношеніяхъ къ туркамъ, латинамъ и уніатамъ. По смыслу соборныхъ постановленій 1620 года о бѣлорусахъ, отдача подъ началъ въ Москвѣ православныхъ кїевлянъ имѣла значеніе мѣры чисто предохранительной, противъ возможности появленія въ Москвѣ подъ видомъ православныхъ, лицъ въ дѣйствительности вовсе неправославныхъ, такъ что и отдача какого-либо грека подъ начало служила всегда только выраженіемъ сомнѣнія въ истинности православія даннаго лица, а не грековъ вообще. Поводы же сомнѣваться русскимъ въ православіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ грековъ были иногда дѣйствительно вполне законные и основательные, такъ какъ между греками всегда встрѣчались лица, уклонившіяся или прямо въ латинство или чаще въ уніатство. При этомъ нельзя не от-

ними въ церковномъ единеніи, русскіе въ то же время въ дѣлѣ благочестія считали себя выше грековъ: они были убѣждены, что греки, сохранивъ у себя неповрежденною самую вѣру православную, т.-е. православное вѣроученіе, въ то же время въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, несознательно и незамѣтно для себя, отступили отъ старины, вслѣдствіе чего ихъ церковный чинъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, уже нуждается въ исправленіи, и именно по образцу русскаго, который сохранился во всей его первоначальной полнотѣ и неповрежденности.

Указанное нами мнѣніе русскихъ <sup>1)</sup>, что греки «по грѣху

мѣтить и тотъ фактъ, что наше правительство, отдавая подъ начало православныхъ бѣлоруссовъ и грековъ, дѣлало, какъ мы видѣли выше, большее различіе между ними, и именно въ пользу грековъ: подначальнымъ бѣлоруссамъ оно запрещало входить въ самую церковь, прикладываться къ иконамъ, благословлять ихъ воздвизательнымъ крестомъ, между тѣмъ какъ подначальнымъ грекамъ, если они не обличены были въ отступленіи отъ православія, все это разрѣшалось, такъ что все ихъ подначальство приравнивалось къ обыкновенному говѣнію православныхъ. Другой фактъ. Въ 1653 году иверскій аеонскій архимандритъ Климъ, съ согласія всѣхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ властей и торговыхъ гречанъ, просилъ у государя и патріарха Никона дать для пріѣзжихъ грековъ особый монастырь въ Москвѣ, гдѣ бы служба совершалась на греческомъ языкѣ, потому что греки русской службы не понимаютъ, а *иные русскіе попы* мірскихъ торговыхъ грековъ въ церковь Божію божественнаго пѣнія слушать не пушали, *называли ихъ невѣрными*“ (Греческія дѣла 7177 года, № 13). Но уже самое выраженіе челобитной: „иные русскіе попы“ показываетъ, что не всѣ, а только нѣкоторые русскіе священники „называли грековъ невѣрными“, притомъ не духовныхъ, а мірскихъ лицъ, которыхъ они легко могли, по простому невѣдѣнію, отнести къ восточнымъ нехристіанскимъ народностямъ. Впрочемъ существованія у насъ въ значительной части общества крайняго возрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, мы вовсе не отрицаемъ, а только не признаемъ его мнѣніемъ церковнымъ, хотя эти крайнія возрѣнія, какъ значительно распространенныя, могли оказывать, въ извѣстныхъ случаяхъ, свое давленіе и на лицъ нашей церковной іерархіи.

<sup>1)</sup> Этотъ взглядъ русскихъ, вполне объясняющій намъ ихъ отношенія къ грекамъ, съ особенною ясностію и опредѣленностію выраженъ въ запискѣ очевидца современника о томъ, „какъ служилъ Феоданъ, патріархъ іерусалимскій съ русскими митрополиты, съ казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископы“ (въ 1619 году). Эта любопытная записка говоритъ: „егда патріархъ вошелъ въ церковь къ службѣ и тогда входъ пѣли ему подъяки

позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина», со времени патріарха Іосифа, въ передовомъ, высшемъ и болѣе образованномъ московскомъ кругу, стало *уступать* другому мнѣнію, что греки доселѣ во *всехъ* держатъ православную вѣру ненарушимою, что русская церковь и въ

казанскаго митрополита. И какъ, начало положе, пошелъ прикладыватися къ образамъ и чудотворцевымъ мощамъ, и хотѣлъ было опять стать на свое мѣсто въ церкви, и тутъ ему сказалъ спасской дьяконъ Дионисей: „поди де государь во олтарь, тамъ де приложись ко Евангелію, и крестомъ себя благословишь и властей служащихъ“. И онъ пришедъ во олтарь, приложась ко Евангелію и благословися крестомъ, и служащихъ властей благословлялъ. И какъ сталъ въ церкви на своемъ мѣсте, и въ то время пришелъ ево архимандритъ и архидьяконъ во олтарь, и стали предъ престоломъ во обычныхъ своихъ рясахъ, и положили на престолѣ служебники и ризы и стихари. И Матвѣй митрополитъ учалъ имъ говорити, чтобъ онѣ служебники и ризы и стихари съ престола сняли, и впредь бы не клали, а сталибъ на обычномъ мѣсте и служебники и ризы и стихари клали, гдѣ пригодится, а не на престолѣ. И они рѣчи его не узнали, и съ престола ризъ и стихарей не сняли, и митрополитъ велѣлъ дьякону своему сборному Ивану ризы и стихари съ престола снять и положить на обычномъ мѣсте, идѣже имъ быти достойтъ. И оци учили опять ризы и стихари класть на престолѣ. И Матвѣй митрополитъ и архіепископъ Іосифъ (Рязанскій съ 10 генв. 1619 г.) изъ олтаря вышли. А въ то же время приходилъ Иона митрополитъ (крутицкій съ 1613—1624 г.) прикладыватися къ чудотворцевымъ мощемъ, а служилъ въ архангеле. А учили патріарху говорити: „великій господинъ святѣйшій Теофанъ патріархъ, наша истинная православная христіанская церковь не прияла сего чина. Пришелъ твой архимандритъ и архидьяконъ во алтарь и стали предъ престоломъ въ однѣхъ рясахъ, безъ ризъ и безъ стихарей, и положили на престолѣ служебники и ризы и стихари, а у насъ кромѣ того не ведется, что на простолѣ Евангеліе и крестъ, а инаго ничего не кладуть. А предъ престолѣ приходишь ты, да со служебницы твои митрополиты и архіепископы и епископы въ своихъ манатяхъ, а кромѣ того, ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы просто не приходятъ, точию въ еелоняхъ и стихаряхъ“. И патріархъ противу того сказалъ: „то де учинилося спроста, а впредь де того не будетъ“. Да митрополиты жъ Матвѣй и Иона и архіепископъ Іосифъ патріарху говорили; „ризъ де на твоёмъ архимандритѣ не по чину, оплечья у нихъ ни подолниковъ нѣтъ, а у стихаря такожь оплечья нѣтъ ни подпазушнихъ проймовъ, а у насъ въ правилехъ писано, да вашего жъ греческаго закона: стихарь есть истканная прапруда на (небеси) благолареніе Его съ нами; не дошитое подпазушье, — ребреная язва, а оплечне, — рана батожная. Запятіе есть, имже бѣ связанъ: руцѣ бо Его напредь связаша; патріархомъ есть, имже вѣдоша къ расятію не уже бо, но платъ возло-  
Патріархъ Николь.

церковно-обрядовыхъ вопросахъ должна неуклонно держаться настоящаго единенія съ греческою церковію. Уже въ большомъ Катихизисѣ, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1627 году, на вопросъ: дѣйствительно ли римляне первоначальники въ вѣрѣ, дается такой отвѣтъ: «не первый

---

жиша на выю его и совокупиша оба конца тако і ведоша. Оелонъ есть хламида червлена или котыга не шитая, съ бѣлую жъ ризу облачится по образу Вышняго, якоже рече евангелистъ: ризы же Его быша бѣлы яко свѣтъ“. И патриархъ сказалъ у насъ де такъ, какъ де есть. А после архимандритъ его сказалъ: „есть де и у насъ ризы по вашему жъ сдѣланы, а тѣ де сдѣланы въскоре. И патриархъ же говорилъ митрополитомъ: „Бога ради, де, указывайте намъ по своему, какъ де у васъ чинъ ведется, а я де радъ слушати“.

А егда его облачалъ архидьяконъ и говорилъ по своему языку зычно: зѣсполати деспота, кликалъ съ правыя страны, а не противу патриарха. И какъ патриархъ оболокся и подяки пѣли ему: исполати деспота, и онъ въ то время всталъ и архидьяконъ его поднесъ ему подсвѣщникъ сребрянъ, по своему ихъ обычаю учиненъ на три шадѣна (шандана), а въ тѣхъ шанданѣхъ по свѣщи, и онъ тѣми свѣщами учалъ осѣняти кругомъ на всѣ четыре страны и парамѣа (параманда) служебнаго у него не было, лише тотъ парамандъ, что на свитка, а повагию возложилъ верху сана и амаеора. И митрополиты и архиепископъ ему о томъ говорили, и онъ сказалъ: „парамандъ де на мнѣ есть на что де другой“; а про повагию учили говорить, и онъ отказалъ же: „у насъ де такъ ведется“; а шапка на немъ была безъ опушки на черномъ бархате прибаваны плащи, какъ корона позлащены да камения сажены, а святыхъ нѣтъ, лише на верху выбить крестъ, да по странамъ четыре херувима и серафима; а на проскомидіѣ дѣйствовалъ надъ однѣмъ агнцемъ, а в прочіе просвиры стоялъ по обычаю, какъ дѣйствовали власти, и ему говорили: „какъ де ты государь служилъ прежде сего и ты де просвиры заздравныя вынѣмалъ въ херувимскую пѣснь, а у насъ того чину не ведется, и тебѣ бы государь такожъ нынѣ вынимати заздравныя просвиры въ подобно время съ нами, а не въ херувимскую пѣснь“. И патриархъ говорилъ: „и я де не стану дѣйствовати по вашему жъ чину, а впредь де тово у меня не будетъ“. Потомже пришелъ Арсеней архиепископъ суждальскій и онъ патриарховъ языкъ знаетъ и патриархъ дѣйствовалъ все по нашему, какъ ему Арсеней укажетъ, а молитвы и октеньи и возгласы говорилъ своимъ языкомъ, по своему служебнику, і въ службѣ осѣнялъ нашими свѣщами, лише какъ почалъ говорить: твоя отъ твоихъ, і въ тѣ поры архидьяконъ ево руку правую положилъ на лѣвую и коснулся ко святыни дискосу подвинулъ по престолу впредь правою рукою, а потирь лѣвою рукою подвинулъ. Ино власти о томъ патриарху говорили: „у насъ де того дьяконъ не дѣйствуетъ, то де ерейская служба“, и они в тожъ прощеніе получили, а ни в чемъ не пререковали, потому что у насъ, по

есть законъ, или вѣра римская, понеже начало вѣрѣ Христовѣ отъ Иеросолима пріять Римъ, идѣже (въ Іерусалимѣ) и до сего времени греки цѣлу и ненарушиму сохраняютъ ея <sup>1)</sup>). Мысль о полномъ православіи современной греческой церкви, о всегдашнемъ единеніи съ неко

---

*греху позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ (чина). И какъ послѣ службы провожали его до келіа митрополита и архиепископъ, и онъ обратясь говорилъ: „просвѣтили де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челомъ бью“.* (Эта выписка, извлеченная изъ нашей академической рукописи № 202, напечатана архимандритомъ Леонидомъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1883 г. кн. II). Изъ приведеннаго свидѣтельства видно, въ чемъ собственно русскіе іерархи полагали недостатокъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ современныхъ грековъ: они были убѣждены, что греки „позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина“—погрѣшили въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ, которые во всей ихъ первоначальной чистотѣ и неизмѣнности сохранились теперь только у русскихъ. Ироническія слова патріарха Теофана, съ которыми онъ по окончаніи службы обратился къ сопровождавшимъ его русскимъ іерархамъ: „просвѣтили де вы меня своимъ благочестіемъ и напоили де жаждущею землю водою своего благочестиваго ученія, и въ томъ де вамъ много челомъ бью“—были приняты русскими за чистую монету, такъ что они вполне были увѣрены, что имъ дѣйствительно приходится, относительно церковнаго чина, поучать самихъ восточныхъ патріарховъ. Такъ смотрѣлъ на это дѣло ключарь Успенскаго собора, Иванъ Насѣдка, который въ преніяхъ по поводу перекрещиванія датскаго королевича Вольдемара, заявлялъ нѣмчину-пастору Матвѣю: „да хотя тебѣ и не годны кажутся наши книги, но во всѣ царства христіанскіе на востоцѣ и на полудни и на западѣ и гдѣ ни есть христіане, то начальники ихъ: патріархи и митрополиты и архіепископы и весь чинъ священноі, къ нашему государю царю и великому князю Михаилу Θεодоровичу всея Русіи и ко святѣйшей церкви поклоняются и со слезами просятъ, еже не пищи и одежды, *но ученія* и заступленія о православной вѣрѣ, и не отъ четырехъ патріарховъ вселенскихъ, но отъ дому пречистые Богородицы великія Росіи, отъ владычества государскаго. И имъ государь нашъ, глава христіанская, съ пастыремъ своимъ, всегда воѣмъ ищущимъ христіанскую вѣру соблюдать, и яко единому тѣлу своему, споболѣзнуетъ и писанми и учении и духовною пищею всегда веселитъ и прохлаждаетъ и упокоеваетъ всякими потребамн, и церкви всѣ во вселенной веселятся и радуются о его вла-

1) Л. 26. На соборѣ 1620 года Филаретъ Никитичъ между прочимъ говорилъ: „мы же смиреннѣе храняще его (патріарха Гермогена) наказаніе, и тамо въ польскихъ градѣхъ бывше, ничтоже отъ повелѣнія его непреступихомъ и ни въ чемъ ни мало не сложихомся ко отвергшимся *отъ соборныхъ церкви и отъ вселенскихъ патріархъ.*

церкви русской ясно и опредѣленно высказалъ самъ патріархъ Іосифъ въ своихъ посланіяхъ къ датскому королевичу Вольдемару. Въ первомъ своемъ посланіи къ Вольдемару (21 апрѣля 1644 г.) патріархъ Іосифъ между прочимъ пишетъ, что «греки и Русь», отвергли папу «за отступленіе отъ вселенскихъ патріархъ», «а назвали соборную католическую церковь едину восточную, которая седмью вселенскими соборы утвержденную вѣру держитъ во всемъ ненарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаетъ и до днесь», что «римляне и германе» не крестятся прямымъ крещеніемъ, «якоже изначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими седмью соборы въ три погруженія, еже и донынѣ у грековъ и у насъ Руси невредимо соблюдается». Во второмъ посланіи къ Вольдемару Іосифъ пишетъ, что русскіе приняли истинную православную вѣру отъ православныхъ грековъ при князѣ Владимірѣ, что «сз четырьми вселенскими патріархи и до днесь о православіи ссылаемся, и къ намъ отъ восточныхъ странъ митрополиты и архіепископы и архимандриты прежде сего и нынѣ пріѣзжаютъ, да еще и сами патріархи свидѣтельствованные въ вѣрѣ (т.е. несомнѣнно строго православные), и до сего дня мы безъ всякаго порока православную вѣру держимъ и пребываемъ въ ней». Доказывая, что истинная

---

личествѣ надъ христіанами». (Рукопись Синод. бібліотеки № 857, л. 185 об.—186). Но что подъ этимъ наученіемъ восточныхъ іерарховъ со стороны русскихъ вовсе не разумѣется, наученія собственно вѣрѣ, которая сохранилась у грековъ во всей ея цѣлости и неповрежденности, а наученіе именно церковному чину, въ которыхъ греки по грѣхамъ „позакосвѣли“,— это доказывается еще и слѣдующимъ заявленіемъ одного изъ современниковъ преній по поводу вопроса о перекрещиваніи королевича Вольдемара. Этотъ современникъ, описывая исторію сватовства Вольдемара, неудачныя попытки вновь окрестить его, заявляетъ, что весь западъ развращенъ папою и Лютеромъ, и на востокъ народы „во тмѣ пребываютъ, непросвѣщенни же божественнымъ свѣтомъ, сирѣчь святымъ крещеніемъ, кромѣ греко-русскія вѣры: грекове, *тіи еще хранятъ Божественный законъ*, аще и въ неволи пребываютъ *того ради поизмѣнишася, но обаче еще держатъ нашу христіанскую вѣру, иже предана намъ отъ самого Господа нашего Іисуса Христа, и отъ святыхъ его ученикъ и апостолъ и отъ святыхъ отецъ*“. (Рукопись: Книга преній по брачному дѣлу Валдемара датскаго королевича, изъ собранія Е. В. Барсова).

церковь доселѣ находится въ Іерусалимѣ, патріархъ Іосифъ говоритъ, что къ іерусалимской истинной церкви принадлежатъ теперь и другія «паче же и четыре патріаршіе мѣста, къ сему же (къ истинной іерусалимской церкви) съ тѣми (четырьмя восточными патріархатами), со всѣми святыми вкупѣ, и наша святая великая російская церковь согласуется правымъ исповданіемъ» <sup>1)</sup>). Такимъ образомъ, патріархъ Іосифъ самое православіе русскихъ доказываетъ именно его принятіемъ отъ грековъ и непрерывностію общенія, до самаго послѣдняго времени, русской церкви съ православными греческими четырьмя патріархами, которые, вмѣстѣ съ русскими, православную вѣру «ненарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаютъ и до днесь».

Съ особенною силою и опредѣленностію мысль, что четыре греческіе патріарха доселѣ во всемъ сохранили православную вѣру неизмѣнною, что они ничего не измѣнили даже ни въ какомъ церковномъ преданіи и древнемъ постановленіи, доказывается въ изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ знаменитыхъ книгахъ, доселѣ уважаемыхъ нашими старобрядцами, въ такъ-называемой Кирилловой книгѣ и въ книгѣ о Вѣрѣ. Въ Кирилловой книгѣ (л. 93) говорится: «четыре вселенскія патріархи даже и до днесь, каждаго лѣта соборнѣ, тако же и по единому, писаньи своими право и неизмѣнно вѣру данную имъ отъ святыхъ апостоль, и ихъ учениковъ, и седьми вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держатъ, и славятъ пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа». Въ книгѣ о Вѣрѣ, такимъ образомъ, характеризуется современное положеніе греческой церкви, страдающей подъ игомъ невѣрныхъ турокъ: «святая восточная въ грецѣхъ обрѣтенная церковь правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснымъ, но обаче отъ Іисуса Христа Бога и Спаса нашего и истинныхъ его наслѣдниковъ утлаченнымъ, ни направо, ни налѣво съ пути не совращаяся къ горнему Іерусалиму сыны своя препровождаетъ, въ поданномъ отъ Господа Бога терпѣніи; и ни въ че-

<sup>1)</sup> Рукопись нашей академической бібліотеки, № 338, л. 3, 96, 99 об.

сомъ установленія Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ, и святыхъ отецъ преданія, и седми вселенскихъ соборовъ, *Духомъ Святымъ собранныхъ уставъ не нарушаетъ, ни отменяетъ, и въ малойтеи части не отступаетъ, ни прибавляя, ни отнимая что*, но яко солнце одинакою лучею правды всегда, *аще и въ неволи пребывая, свѣтитъ* правою вѣрою. А чтобы лучше православныи христіане въ той мѣрѣ вѣдомость могли имѣти, яко стадо Божіихъ овецъ, въ Греціи живущихъ, аще тѣлесную чувственную, отъ тѣлеснаго и чувственнаго врага неволю терпять, но вѣру истинную, и совѣсть свою чисту и нескверну, царю надъ всѣми цари и Богу сохраняетъ. Ничегожъ бо турци отъ вѣры, *и отъ церковныхъ чиновъ отнимаютъ*, точію дань грошовую отъ грековъ приемятъ, а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣнствѣ ни мало не належають, и не вступаютъ въ то. И якоже люди Божіи, егда въ работѣ египетской были, вѣры не отпадоша, и первіи христіане, въ триста лѣтъ въ тяжелой неволи будучи, вѣры не погубиша, тѣмъ же образомъ и въ нынѣшнее время въ неволѣ турецкой христіане вѣру православную цѣлу соблюдаютъ... *да зарядатся всякая уста млаголющихъ неправду, гордыню и униженіемъ, на смиренныхъ грековъ!*». «Помощію Господнею въ восточной церкви четырехъ верховнѣйшихъ пастырей, по подобію четырехъ евангелистовъ, имѣемъ... Но рекуть римляне, яко патріарси со всѣмъ духовенствомъ турецкому дани даютъ: и то есть правда; нечего тому дивитися: аще и даютъ, да волю имуть свое благочестіе содержать, зане и Христось Богъ нашъ св. Петру за себѣ и за его повелѣ дань воздати,— и нѣсть рабъ болій господина своего... Всеу безъ ума бискупы римстіи гордостію безмѣрною возносятся, яко богатый онъ, и укоряють убогаго въ дусѣ Лазаря, иже въ терпѣнни возложеннаго креста Господня, съ ярма своего не снимаючи посятъ, и терпятъ съ Лазаремъ и съ иными избранными Божіими смиреннии грекове, дондеже Богъ изволить... Служати, говоритъ таже книга, составленная по совѣту и благословенію патріарха Іосифа, слушати восточныя церкве и патріарха константинопольскаго и прочихъ четырехъ, творить намъ оную пользу: благословеніе

временное и спасеніе вѣчное. *Русійскому народу патріарха вселенскаго архіепископа константинопольскаго слушати, и ему подлежати повиноватися въ справахъ и наукѣ духовной есть польза, и прибрѣтеніе велие, спасительное и вѣчное»... 1).*

Очевидно, что эти воззрѣнія на грековъ и греческую церковь, высказанныя въ Кирилловой книгѣ и въ книгѣ о Вѣрѣ, прямо подготовляли почву для церковной реформы Никона, создавали прочную опору для всей будущей его реформатской дѣятельности, ибо они рѣшительно опровергали ходившіе и очень распространенные на Руси слухи о потерѣ греками истиннаго православія, указывали на необходимость полнаго единенія русской церкви съ греческой, которая во всемъ, не исключая самыхъ церковныхъ чиновъ, осталась до послѣдняго времени строго вѣрна древнимъ уставамъ и преданіямъ «не отступивъ отъ нихъ и въ малѣйшей части».

Заявляя о полномъ единеніи русской церкви съ греческою, что «съ четырьмя вселенскими патріархи и до днесь о православіи ссылаемся», что русскому народу константинопольскаго патріарха «слушати и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцѣ духовной есть польза», патріархъ Іосифъ доказывалъ это и самымъ дѣломъ. Онъ обратился къ константинопольскому патріарху съ особою граматою, въ которой просилъ его разрѣшить слѣдующіе вопросы: можно ли многимъ архіереямъ и іереямъ служить божественную литургію двумя потирами? Подобаеть ли въ слѣжбѣ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единогласно? Нѣкоторыя жены оставляютъ мужей своихъ по нелюбви и постригаются, а мужи оставляютъ женъ своихъ,—какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Можно ли дѣлать священниками женившихся на вдовахъ или вступившихъ во второй бракъ? На эти вопросы Іосифа былъ полученъ изъ Константинополя соборный отвѣтъ, разрѣшавшій недоумѣнія московскаго патріарха, причемъ заявлялось, что великая константинопольская церковь воспріяла отъ Бога силу отверзати двери

1) Главы: 2, 20, 25.

вѣрнымъ къ разумѣнію божественнаго ученія, утверждать ихъ въ разумѣніи истинной и правой вѣры Христовой, что она есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, «наполяетъ и подаетъ животъ всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣ церкви», такъ какъ она всѣ догматы благочестія «хранитъ ненарушимо и неподвижно, какъ сначала приняли, не умалили и не прибавили». Въ то же время константинопольскій патріархъ прислалъ Іосифу и грамоту отъ себя лично, въ которой опять заявляетъ, «что если иное что понадобится блаженству вашему, то блаженство ваше братскою о Богѣ любовію, пусть пишетъ намъ и приписываетъ вопросы о исправленіяхъ церковныхъ, ибо великая церковь Христова, благодатію Святаго Духа, есть начало инымъ церквамъ и должна въ нихъ исправлять неисправленное; святая каеолическая, апостольская великая церковь Христова, противъ прошенія никогда безотвѣтною не бываетъ» <sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ уже патріархъ Іосифъ считалъ нужнымъ и необходимымъ обратиться къ патріаршему константинопольскому собору, какъ къ такому учрежденію въ православной церкви, отъ котораго русская церковь должна получать указанія и отвѣты по поводу разныхъ возникающихъ въ ней церковныхъ вопросовъ и недоумѣній <sup>2)</sup>).

<sup>1)</sup> Греческія дѣла 7159 г. № 8.

<sup>2)</sup> При этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующее малопонятное обстоятельство: вполне естественно было ожидать, что Іосифъ, въ соборномъ опредѣленіи о единогласіи, сошлется на присланный ему отвѣтъ константинопольскаго патріарха, иначе самое его обращеніе къ нему не имѣло бы цѣли. А между тѣмъ въ соборномъ опредѣленіи 1651 года о единогласіи, Іосифъ вовсе не упоминаетъ объ отвѣтѣ ему константинопольскаго патріарха изъ опасенія, какъ бы эта ссыла на авторитетъ современныхъ грековъ не вызвала протеста со стороны сильной въ то время партіи ревнителей русской старины, признававшихъ грековъ утерявшими истинное благочестіе, такъ что это умолчаніе со стороны Іосифа было дѣломъ осторожности и благоразумія, слѣдствіемъ его нежеланія произвести возможные церковныя волненія. Но, кажется, вѣроятнѣе будетъ объяснить это дѣло предположеніемъ, что Іосифу, въ окончательной редакціи соборнаго постановленія о единогласіи, просто не дозволили упомянуть объ отвѣтѣ константинопольскаго патріарха, а заставили его сослаться только на постановленіе Стоглаваго собора. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: вра-

Этимъ самымъ патріархъ Іосифъ открыто признавалъ, что константинопольская церковь попрежнему дѣйствительно «наполяетъ и подаетъ жизнь всѣмъ церквамъ», что въ дѣйствительности она всѣ догматы благочестія попрежнему хранить «ненарушимо и неподвижно, ничего не умаляя и не прибавляя въ нихъ», и что, такъ она есть «источ-

---

ждебные патріарху Іосифу (о чемъ сказано будетъ ниже) Стефанъ Вонифатьевичъ и Нероновъ ввели сначала единогласіе въ своихъ церквахъ въ Москвѣ, а затѣмъ другъ ихъ Никонъ, едѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, ввелъ единогласіе въ своей епархіи. Дѣлалось это, вѣроятно, съ разрѣшенія только царя, помимо патріарха Іосифа, который поэтому и отнесся къ введенію единогласія, какъ къ своеволю и самочинію подчиненныхъ ему лицъ, но на сторонѣ которыхъ стоялъ однако царь. Такъ какъ Стефанъ, Нероновъ и Никонъ въ оправданіе своего образа дѣйствій, вѣроятно, ссылались на ясное и опредѣленное постановленіе объ единогласіи Стоглаваго собора, то Іосифъ, изъ противодѣйствія имъ, обратился къ константинопольскому патріарху и рѣшился ввести единогласіе только послѣ полученія отъ него положительнаго отвѣта, считая вопросъ о единогласіи какъ бы еще не рѣшеннымъ церковію окончательно. Понятно отсюда, что значило для заинтересованныхъ лицъ, сошлется ли соборное опредѣленіе о единогласіи на отвѣтъ константинопольскаго патріарха или на постановленіе Стоглаваго собора. Въ первомъ случаѣ, введеніе Стефаномъ, Нероновымъ и Никономъ единогласія было бы самочиніемъ, своевольнымъ введеніемъ въ церковную практику того, что еще не рѣшено было окончательно голосомъ церкви; во второмъ случаѣ, т.-е. когда исходной точкой для рѣшенія вопроса бралось только постановленіе одного Стоглаваго собора, какъ вполне достаточное, введеніе Стефаномъ, Нероновымъ и Никономъ единогласія не только не было актомъ своеволия, но простымъ выполненіемъ обязательныхъ для каждаго соборныхъ постановленій, за что они заслуживали уже не порицанія, а похвалы. Въ виду этого, если интересъ патріарха Іосифа требовалъ опереться въ соборномъ рѣшеніи 1651 года о единогласіи на отвѣтъ константинопольскаго патріарха, то интересъ Стефана, Неронова и Никона, наоборотъ, требовалъ сослаться на Стоглавый только соборъ, который вполне оправдывалъ ихъ предшествующій образъ дѣйствій въ вопросѣ о единогласіи. А такъ какъ патріархъ Іосифъ въ это время уже сильно потерялъ свое значеніе и вліяніе и царь вполне находился на сторонѣ Стефана, Неронова и Никона то Іосифъ и долженъ былъ уступать своимъ сильнымъ, опиравшимся на царя, противникамъ, вслѣдствіе чего въ соборномъ постановленіи 1651 года о единогласіи и было упомянуто только объ опредѣленіи Стоглаваго собора, и вовсе умолчено объ отвѣтѣ константинопольскаго патріарха, — это было, очевидно, пораженіемъ для Іосифа и торжествомъ для его противниковъ.

никъ и начало всѣмъ церквамъ», то ей и принадлежитъ право во всѣхъ другихъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ «исправлять неисправленное». Понятно, какой сильный удар нанесли этимъ Іосифъ тѣмъ представленіямъ русскихъ, по которымъ истинному благочестію теперь слѣдовало учиться не русскимъ у грековъ, а совершенно наоборотъ; понятно, какъ недовольны имъ были всѣ ревнители родной старины, убѣжденные, что у современныхъ грековъ благочестія «и слѣду нѣтъ», что самая вѣра православная у нихъ сдѣлалась «пестра»; понятно также, что Іосифъ, своимъ обращеніемъ къ авторитету константинопольскаго патріарха, при рѣшеніи русскихъ церковныхъ дѣлъ, уже прямо указывалъ на тотъ путь, которымъ слѣдовало идти его преемнику Никону въ его реформаторской дѣятельности.

---

### Г Л А В А III.

Сознаніе, что наши церковныя книги неисправны, заключаютъ въ себѣ много погрѣшностей, что ихъ необходимо исправлять и притомъ по греческому тексту, существовало у насъ давно. Книжныя исправленія Максима Грека, такъ печально окончившіяся для самого исправителя, были вызваны этимъ именно признаніемъ неисправности существующихъ наличныхъ славянскихъ переводовъ. Ученики и сотрудники Максима, сами трудившіяся надъ книжными переводами, рѣшительно заявляютъ, что славянскіе переводы книгъ неисправны, такъ какъ древніе наши переводчики нерѣдко плохо знали языки греческій и русскій и потому не могли сдѣлать хорошихъ переводовъ книгъ <sup>1)</sup>. Но эти заявленія просвѣщенныхъ сотруд-

---

<sup>1)</sup> Нилъ Курлятевъ, переведшій съ греческаго псалтырь, подъ руководствомъ Максима Грека, въ предисловіи пишетъ: „якоже пишетъ Иванъ Златоустый, двѣ же вины описаны неаявственна глаголанія, рещи хочеть, что ради есть: единъ убо есть, яко отъ еврейскыа бесѣды во еллинскыа приложишася; егда же языкъ во инъ языкъ приложится много иматъ неудобство явленіе, но тѣи едины вѣдятъ, иже многимъ языкомъ искусни суть; и старецъ Максимъ родомъ грекъ и наученъ философіи въ своемъ языкѣ и второе по - римски языкъ и грамотѣ умѣлъ, третіе нашъ языкъ зналъ довольно и грамотѣ умѣлъ вельми разумно, и пожаловалъ мнѣ сказывалъ все извѣстно и по тонку вся; и азъ писалъ вся какъ стоитъ въ греческомъ разумѣ и своимъ языкомъ, вся же по ряду и прямо и безъ украшенія. А прежніи преводницы нашего языка извѣстно не знали и оны превели ино гречьски, ово словенскы, и ино сербскы и другая болгарскы, ихъ же не удовлишася переложити на русскій языкъ. А Киприанъ митрополитъ погречьски гораздо не разумѣлъ, и нашего языка довольно не

никовъ и учениковъ Максима не имѣли практическаго значенія, отчасти потому, что въ русскомъ обществѣ все глубже и шире распространялось предубѣжденіе противъ греческихъ книгъ, будто бы испорченныхъ еретиками; отчасти потому, что между русскими, даже высшими іерархами, совсѣмъ не было такихъ лицъ, которыя бы хорошо знали греческій языкъ и потому могли бы ратовать за необходимость исправлять наши книги по греческимъ, опровергая возникшее противъ нихъ предубѣжденіе. Приходилось по необходимости довольствоваться только одними славянскими переводами и въ то время, когда у насъ уже завелось печатаніе книгъ и когда, слѣдовательно, нужда въ исправныхъ и однообразныхъ спискахъ сдѣлалась особенно настоятельною. Старались для книгъ, готовившихся къ печати, избирать самые лучшіе и исправные списки, но это, оказалось, мало могло помочь дѣлу, — различные древніе списки были очень неодинаковы и въ то же время каждый изъ нихъ былъ исполненъ своихъ ошибокъ и погрѣшностей. Натолкнувшіеся на эти затрудненія книжные справщики въ извиненіе погрѣшностей, допущенныхъ ими въ печатныхъ книгахъ, стали настойчиво заявлять въ послѣсловіяхъ издаваемыхъ ими книгъ, что наши древніе славянскіе переводы оказываются очень неодинаковыми, вслѣдствіе неискusstва и недостаточнаго знанія языка со стороны самихъ древнихъ переводчиковъ, что къ этому коренному недостатку присоединились потомъ и другія, происшедшіе отъ ошибокъ, неискusstва и неудачныхъ поправокъ разныхъ переписчиковъ книгъ, людей нерѣдко совершенно невѣжественныхъ <sup>1)</sup>).

---

зналъ же (аще и съ нами единъ, нашъ языкъ, сирѣчь словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ моложаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся) и онъ мнилъ ся, что правилъ Псалмовъ по нашему, а болши неразуміе въ нихъ написалъ; и нынѣ многы у насъ и въ ся время книги пишутъ, а пишутъ отъ неразумія все по-сербски, и говорити по писму по нашему языку прямо не умѣють, и многы неразумныя смущаются“ (Опис. рукоп. Царскаго № 327).

<sup>1)</sup> Въ послѣсловіи Минеи служебной 1607 года говорится, что царь Василій Ивановичъ возвѣщаетъ патріарху Гермогену, „дабы ему, иже по духу съ сынами своими, соборнѣ изсвидѣтельствовати вселѣтное обхожденіе книгъ“

Повторяющіяся жалобы на неисправность древнихъ славянскихъ переводовъ, на ихъ несогласіе между собою, въ концѣ-концовъ естественно должны были привести, особенно болѣе образованныхъ книжныхъ справщиковъ, къ мысли обратиться къ греческимъ подлинникамъ и по нимъ

дванадцать мѣсяць Миней; отъ многихъ бо лѣтъ сія книга, егда отъ греческаго языка на словенскій преложены, и мнози древніи преводници и преписующи или изрочиша, или смѣсиша, или въ чемъ погрѣшиша“... (Опис. старопеч. книгъ Толстого, № 51). Въ предисловіи къ Уставу церковному, начатому печатаніемъ въ 1607 году, а оконченному въ 1610 году, говорится: „отъ многихъ бо лѣтъ сія книга, егда отъ греческаго языка на словенскій переведена, и мнози преводници, или преписующи, или изрочиша, или смѣсиша, или въ чемъ погрѣшиша“ (Опис. старопеч. книгъ Царскаго № 50). Въ послѣсловіи къ Потребнику, начатому печатаніемъ въ 1631 году, а оконченному въ 1633 году, говорится: „слышавши бо благочестивѣйшіе пастыріе они, Богомъ вѣнчанный царь и отецъ его святѣйшій патріархъ, много нѣкое и призмшино еже въ божественныхъ писаніяхъ разласіе, еже къ заповѣдемъ Господа нашего Иисуса Христа несличное стихословіе, и сія разумно внемлюще не малу вину быти благочестію, и помышляюще, каля и откуда есть вина такого разласія божественныхъ писаній церковнаго соединенія: и на мнозѣ испытующе, и отъ блаженныхъ писаній извѣщевахуся, яко ничимъ же мнѣ въ житейскихъ вещехъ истинѣ быти въ предреченной винѣ, точію за небреженіе и лѣность и невѣдѣніе божественныхъ писаній, всяко несогласіе и разстояніе въ церковнѣмъ соединеніи случается, и тако самоволнѣ терніемъ небреженія путь правый покрывашеся“. Въ виду этого царь и патріархъ „восхотѣша, во святѣй величѣй и апостольской церкви несогласная въ божественныхъ писаніяхъ согласіемъ исправить... повелѣста отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собирать, и ко свидѣтельству божественныхъ писаній благоразсудный свой совѣтъ приподавати, и отъ тѣхъ древнихъ харатійныхъ книгъ божественныхъ писаній стихословіе исправляти, яже неисправленіемъ отъ преписующихъ и многолѣтныхъ обычаевъ погрѣшена быша“ (ibid № 99). Съ особенною силою о невозможности издавать исправныя печатныя книги, на основаніи только старыхъ славянскихъ переводовъ, заявляютъ справщики при патріархѣ Іосифѣ. Издавая въ 1647 году книгу Іоанна Лѣствичника, они заявляютъ въ послѣсловіи: „еще же вамъ, христоименитому достоянію, и о семъ не неизвѣстно буди, яко не мали переводы сія святыя книги Лѣствицы къ тисненію печатнаго дѣла собраня, еще же и самая та книга, Лѣствица, иже въ Царѣградѣ списася инокомъ трудолюбезнымъ Ефремомъ, въ обители пресвятыя владычицы нашея Богородицы Иперивлето, въ лѣто 6929, но вси несогласіемъ друга друзей въ немалъ согласуютъ: иже въ сей напреди, то въ друзей назади, въ преносъ реченія словесъ и не поряду, и не точію же се, но и въ сущихъ рѣчехъ и толкованіихъ много не сходятся; но не неназирахомъ бо въ Цареградскую, правленія рали рече-

править наши книги, такъ какъ только при этомъ условіи будетъ полная возможность издавать у насъ вполнѣ исправныя церковныя книги. Къ этой именно мысли и пришли книжные справщики при патріархѣ Іосифѣ. Но такъ какъ у насъ доселѣ книги исправлялись только по славянскимъ переводамъ, а къ греческимъ книгамъ большинство относилось очень подозрительно, то іосифовскіе справщики повели дѣло очень осторожно: сначала рѣшились подготовить почву для замышляемаго дѣла, а потомъ, когда общественное мнѣніе будетъ нѣсколько подготовлено, приступить и къ его осуществленію. Уже Кириллова книга и книга о Вѣрѣ значительно подрывали, какъ мы видѣли, предубѣжденіе русскихъ противъ грековъ вообще и утверждали русскихъ въ той мысли, что греки такъ же православны, какъ и русскіе; послѣ этого оставалось разрушить предубѣжденіе русскихъ противъ греческихъ книгъ и вкоренить въ нихъ убѣжденіе, что наши церковныя книги должны быть исправлены по греческимъ, при чемъ исправленіе должно быть поручено людямъ, получившимъ научное образованіе. Это должно было сдѣлать очень обширное, составленное въ Москвѣ, предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, напечатанной у насъ въ 1648 году.

Въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго приводятся обширныя выписки изъ тѣхъ сочиненій Максима Грека <sup>1)</sup>, гдѣ только онъ говоритъ о своихъ книж-

---

ній, зане бѣше въ переводѣ крѣпчайши прочихъ, а не ряду. И о семъ да никтоже на ны поречеть, яко друга друзѣй книга не согласуетъ: не нами бо сіе, но отъ прежде насъ бывшихъ, паче же, еже во грѣцехъ преводы съ преводами несогласующеся, а и еще въ древнихъ мѣтѣхъ. Якоже глаголетъ преподобный отецъ Никонъ, черныя горы инокъ, вторыя своя книга въ первомъ своемъ словѣ, еще: потребно же есть вѣдати, яко иже изначала сущая братія со мною свѣдѣтъ, яко различни тишики, студійскія же и іеросалимскія, собрахъ и прочтохъ, и не согласишася единъ къ другому, нѣже студійскій съ другимъ студійскимъ, ни іеросалимскій, съ другимъ іеросалимскимъ... Сиче убо глаголетъ преподобный отецъ Никонъ, *по сему убо и въ прочихъ познаваемъ якоже и сами нынѣ зримъ несогласство*". (Ibid, № 154).

<sup>1)</sup> Мы приводимъ здѣсь содержаніе только второй части предисловія, с первой же, трактующей о пользѣ научнаго образованія, скажемъ послѣ.

ныхъ исправленіяхъ. Всѣми этими выдержками изъ сочиненій Максима Грека имѣется въ виду внушить читателямъ такія мысли: русскія церковныя книги дѣйствительно очень неисправны, заключаютъ въ себѣ много погрѣшностей, которыя произошли или отъ недостаточныхъ знаній всѣхъ тонкостей греческаго языка первыми переводчиками, или «отъ преписующихъ ихъ ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй», которые, «послѣ первыхъ», «хотяще, якобы исправить и на больше испортили». Исправленіе книгъ Максимомъ было не только дѣломъ необходимымъ, но и богоугоднымъ, почему Максимъ и осуждаетъ тѣхъ, которые «не точію возбраняють такому богоугодному дѣлу», но даже называютъ его за это еретикомъ. Исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ не можетъ «прилагать велию досаду возсіавшимъ въ русской землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцемъ», которые «сицевыми священными книгами благоугодиша Богови, какъ это говорили неразумные люди Максиму. Дары Святаго Духа даются людямъ различныя — одному даръ пониманія языка, а другому, и именно русскимъ святымъ, этого дара не было дано. Русскимъ чудотворцамъ также не можетъ быть никакой досады отъ книжныхъ исправленій, какъ отъ того, что Симмахъ, Ѳедотіонъ и Акила исправили Ветхій Заветъ, не было поношенія всѣмъ тѣмъ святымъ, которые жили до нихъ. Русскія книги слѣдуетъ исправлять и именно по греческимъ книгамъ; какъ своему первообразу и первоисточнику, въ подкрѣпленіе чего предисловіе приводитъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ ученика и сотрудника Максима, Силуана: «аще ли кто отъ ученыхъ обрящетъ разумъ разуму несогласующъ, той да вручить первообразную ону богодохновенную исторію эллинскую, самую ту матеръ сея, и тако отъ тоя сумнѣніе свое и иныхъ многихъ, да разрѣшаетъ, и неисправленное исправляетъ безъ сомнѣнія всякаго, сія и намъ пріятна и зѣло желательна, *кромѣ же сія да не прельстится починити, да не реку испортити*». Исправлять русскія книги съ греческихъ должны только люди, въ совершенствѣ знающіе греческій языкъ и при этомъ хорошо изучившіе разныя науки. Максимъ Грекъ говоритъ объ этомъ: «аще

кто недоволенъ и совершеннѣ научился будетъ яже грамматикѣи и риторикѣи и самыя философіи, не можетъ прямо и совершенно ниже разумѣти писуемая, ниже приложить я на инъ языкъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Еллинскій языкъ, сирѣчь греческій, зѣло есть хитрѣйшій, не всякъ сиче удобъ можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лѣта просидѣлъ кто будетъ у нарочитыхъ учителей и той, аще грекъ будетъ родомъ и умомъ остръ, еще же и охочъ, а точію не таковъ, учится убо отъ части, а въ совершеніе его не дошелъ, якоже обрѣтаю случшееся и приснопамятныхъ преводниковъ святыхъ писаній отъ греческаго языка на русскій»... Приводятся и слѣдующія слова ученика Максима, Силуана: «вѣмъ многихъ отъ тщеславія въ таково безуміе пришедшихъ, яко невѣдѣти ничесого грамматичнаго устройства, ниже родовъ, ниже временъ, ниже окончаней и прочихъ таковыхъ, яже изложиша премудрѣйшіе учителя, та же съ таковымъ неразуміемъ шатающихся прелогати неудобъ разумная и исправляти, да не реку сопротивная творити<sup>1)</sup>».

Такимъ образомъ подъ покровомъ авторитета всѣми уважаемаго и почитаемаго Максима Грека, этого единственнаго ученаго человѣка московской Руси, іосифовскіе книжные справщики смѣло и рѣшительно проводятъ ту мысль, что русскія церковныя книги очень неисправны и потому нуждаются въ немедленномъ тщательномъ исправленіи,

---

<sup>1)</sup> Іосифовскіе книжные справщики и ранѣе 1648 года заявляли уже объ исправленіи книгъ по правиламъ грамматики и о необходимости ея изученія для справщиковъ. Въ послѣсловіи къ Апостолу 1644 года они говорятъ: „и о семъ же васъ не немолимъ, яко да не позазритъ ваша купно общаго свѣта совѣсть, егда убо узрите въ письменѣхъ (яковы рещи заповѣченіе) странность или въ просодіи, и возмнится вы яко ново сіе и необычно: ей ей не ново и не нами убо сія вписашася, но ово убо отъ древнихъ вѣдущихъ доброписцевъ нашея Великія Руси, овоже отъ грамматическаго любомудрія, сирѣчь отъ осмочастнаго разумнїя и правленія въ родѣхъ, въ числѣхъ, въ падежѣхъ, во временѣхъ, въ лицѣхъ, въ наклоненїяхъ... А грамматическаго убо, сирѣчь осми частей слова и разума вѣдѣніе, трудно, но внятельно и смыслу сердець нашихъ просвѣтительно; безъ сего убо кто и мняся видѣти, ничтоже вѣсть, того ради учайся и внимая, да внимаеть и о прочихъ“ (Опис. старопеч. книгъ Царскаго № 131).

которое не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго или противнаго благочестію, что исправлять наши церковныя книги слѣдуетъ по греческимъ, какъ своимъ первообразамъ, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ наши книги могутъ издаваться вполне исправными, что исправленіе книгъ должно быть поручено людямъ не просто только знающимъ греческій и славянскій языки, но людямъ правильно и научно образованнымъ, такъ какъ только они могутъ понимать всѣ тонкости языковъ греческаго и славянскаго.

Эти заявленія іосифовскихъ книжныхъ справщиковъ произвели свое дѣйствіе. Въ 1649 году, по вызову правительства, къ намъ являются ученые, знающіе греческій и латинскій языки, кіевляне: Епифаній и Арсеній, а въ слѣдующемъ 1650 году Дамаскинъ Птицкій, для перевода Библии съ греческаго языка на славянскій. И другія церковныя книги уже при патриархѣ Іосифѣ начинаютъ у насъ исправлять съ греческихъ, о чемъ открыто и заявляютъ іосифовскіе книжные справщики. Въ послѣсловіи къ извѣстной Іосифовской Кормчей, которая начата по повелѣнію государя «по совѣту и благословенію» патриарха Іосифа въ 1649 году 7 ноября, говорится: «буди вамъ, христоименитому достоянію, всѣмъ извѣстно: яко да союзъ мира церковнаго твердо, въ душѣ кротости хранится и да не будетъ, несогласія ради, распри въ церковномъ тѣлеси, сего ради, многія преводы сея святыя книги Кормчія, во свидѣтельству типографскаго дѣла, собрани быша; въ нихъ же едина паче прочихъ, въ сущихъ правилѣхъ крѣпчайши, *наипаче же свидѣтельствова ту книгу греческая Кормчая книга*, Паисіи патриарха святаго града Іерусалима, яже древними писцы написася за многія лѣта, ему же патриарху Паисіи въ та времена бывшу въ царствующемъ градѣ Москвѣ»<sup>1)</sup>. Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1650 года говорится: «подобаетъ вѣдати, яко яже въ книгѣ сей указы о ипакояхъ, на павечерняхъ по трисвятомъ, и на полунощницахъ по трисвятомъ же, и по шестой пѣсни, вмѣсто воскресныхъ кондакъ, указаны на ряду кондакъ—заступ-

<sup>1)</sup> Опис. старопеч. книгъ Толстого № 114, Царскаго №№ 168 и 169. Патриархъ Никонъ.

нице христіаномъ, отложить подобаетъ. Глаголати же вмѣсто того и на павечерняхъ и на полунощницахъ и по 6 пѣсни, егда не поется святому поіелеосъ, непремѣнно воскресныя кондаки высоты ради воскреснаго дне; ипакъ ой бо точію по непорочныхъ глаголются, *понеже и во греческихъ переводѣхъ по сему же уставу обрѣтохомъ*, еже воскресныя кондаки на тѣхъ мѣстѣхъ глаголати. *Сего ради и послѣдующе сему такоже указахомъ и положихомъ въ концы книги сея*. На ряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о семъ, *зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ*». Т.-е. справщики заявляютъ, что положенные ими въ самой книгѣ указы вмѣсто воскресныхъ кондаковъ пѣтъ, въ означенныхъ случаяхъ кондакъ «заступница усердная», слѣдуетъ оставить и пѣтъ воскресныя кондаки, какъ это показано на двухъ послѣднихъ припечатанныхъ послѣ листахъ книги. Эту перемѣну они производятъ потому, что такъ найдено ими положеннымъ въ греческихъ книгахъ. Въ самой же напечатанной ими книгѣ «Шестодневъ» эти перемѣны не произведены потому, что во время печатанія книги у нихъ еще не было подъ руками греческихъ книгъ и имъ пришлось печатать съ прежнихъ переводовъ, греческія же книги явились у нихъ тогда, когда печатаніе Шестоднева уже было кончено. Ясное дѣло, что уже при патріархѣ Іосифѣ не позже 1650 года рѣшено было при изданіи церковно-богослужебныхъ книгъ справляться съ греческими книгами и по нимъ производить нужныя исправленія, при чемъ, какъ это видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, іосифовскіе справщики не только на дѣлѣ справлялись съ греческими книгами, но и давали имъ въ случаѣ разногласія преимущество предъ славянскими переводами.

Такимъ образомъ при патріархѣ Іосифѣ не только точно и опредѣленно намѣчена была та программа книжныхъ исправленій, которой потомъ слѣдовалъ Никонъ, но уже при Іосифѣ ее начали приводить въ исполненіе, при немъ найдены были и ея исполнители, такъ что Никону въ этомъ отношеніи приходилось только продолжать то дѣло, которое было начато его предшественникомъ.

## Г Л А В А IV.

Изъ сказаннаго нами о состояніи книжныхъ исправленій при патріархѣ Іосифѣ само собою слѣдуетъ, что книжными справщиками при Іосифѣ никакъ не могли быть такія лица, какъ Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и другіе противники церковной реформы Никона, а между тѣмъ и доселѣ это мнѣніе о книжныхъ справщикахъ Іосифа почти всѣми признается какъ достовѣрное. Оно основывается на свидѣтельствѣ митрополита Игнатія тобольскаго, который, въ третьемъ своемъ посланіи, говоритъ, что Аввакумъ, Лазарь, Никита, Ѳедоръ, Нероновъ и Стефанъ Вонифатьевъ „велеіе въ оно время (въ концѣ патріаршества Іосифа) имѣяху дерзновеніе къ самодержцамъ“, напечатали въ разныхъ церковныхъ книгахъ армянскія мнѣнія, такъ какъ патріархъ Іосифъ, „мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложили на совѣтъ вышепомянутыхъ протопоповъ и поповъ и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему“. Съ этого именно времени, говоритъ Игнатій, по Руси и распространилось двоеперстіе и другія раскольничьи мнѣнія, съ этого именно времени „всеіе отъ мала и до велика отъ тѣхъ книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изображати“<sup>1)</sup>. Это мнѣніе Игнатія тобольскаго безъ всякой повѣрки было принято, какъ несомнѣнное, нашими церковными историками и полемистами съ расколомъ. Но въ послѣднее время его достовѣрность была однако значительно поко-

<sup>1)</sup> Стр. 92—103.

леблена. Были найдены и напечатаны сохранившіеся до нашего времени списки справщиковъ книгъ за XVII вѣкъ съ точнымъ обозначеніемъ, когда и кто занимался книжною справкою и сколько за это получалъ<sup>1)</sup>. Въ этихъ спискахъ именъ Аввакума, Лазаря, Неронова и другихъ вовсе нѣтъ, хотя справщики книгъ за время Іосифа и указаны. Ясное дѣло, что упомянутыя лица вовсе не были книжными справщиками. Но окончательно оставить это мнѣніе о іосифовскихъ справщикахъ, какъ ошибочное, даже наши лучшіе новѣйшіе историки не рѣшаются въ виду тѣхъ трудныхъ вопросовъ, которые тогда возникаютъ при объясненіи всѣми признаваемой порчи нашихъ церковныхъ книгъ при патріархѣ Іосифѣ. Если въ дѣйствительности книжными справщиками при патріархѣ Іосифѣ были не извѣстные невѣжественные протопопы и попы, сдѣлавшіеся потомъ противниками книжныхъ исправленій Никона, а совсѣмъ другія лица, люди для тогдашняго времени очень образованные и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже либеральные<sup>2)</sup>, но откуда же и кѣмъ въ такомъ случаѣ внесены были въ наши печатныя іосифовскія книги, порожденныя московскимъ невѣжествомъ, раскольничьи мнѣнія? Чтобы избѣжать отвѣта на этотъ вопросъ преосв. Макарій, въ своей Исторіи русской церкви, думаетъ объяснить дѣло такимъ образомъ: онъ признаетъ, что Аввакумъ, Лазарь и другіе дѣйствительно не были простыми, обыденными справщиками, почему ихъ имена и не попали въ списки книжныхъ справщиковъ, но за то они имѣли высшій, верховный надзоръ за книжными исправленіями,

---

<sup>1)</sup> Румянцева, Древн. зданія Москов. печатнаго двора, въ Древностяхъ Моск. Археолог. Общ. II, отд. I, примѣч. 67. Прибавл. къ Творен. Св. Отцовъ 1883 г., кн. IV, статья И. Мансветова: „Какъ у насъ правились церковныя книги“, стр. 536—542.

<sup>2)</sup> Около 1647 года велѣно было напечатать житіе преподобнаго Сергія, въ составъ котораго вошли нѣкоторыя его новыя чудеса. Но печатники не хотѣли печатать всѣхъ новыхъ чудесъ, „истину бо глаголаху *ложь быти и вѣтняху въ случай, а не въ чудеса*“ (Временникъ Общ. Ист. и Древн. кн. X, смѣсь, стр. 5—6). Понятно, что подобное скептическое отношеніе къ нѣкоторымъ новымъ чудесамъ преп. Сергія, помѣщеннымъ въ его житіи, могло исходить отъ такихъ лицъ, какъ Нероновъ, Аввакумъ и др.

такъ что имъ принадлежала послѣдняя редакція всѣхъ предназначенныхъ къ печатанію книгъ, благодаря чему они и имѣли полную возможность вносить въ наши церковныя книги и дѣйствительно внесли въ нихъ раздѣляемыя ими раскольничьи мнѣнія. Думаютъ такое пониманіе дѣла подкрѣпить ссылкой на Арсенія Суханова, который въ своихъ преніяхъ съ греками о вѣрѣ между прочимъ заявилъ: „а у насъ книги правятъ избранные люди и безпрестанно надъ ними сидятъ, а надъ тѣми людьми надзирають, по государеву указу митрополитъ и архимандритъ и протопопы, кому государь укажетъ, и о всякомъ дѣлѣ докладываютъ государя и патріарха“. Подъ протопопами, имѣвшими высшій надзоръ за справщиками книгъ и нужно, говорятъ, разумѣть извѣстныхъ протопоповъ: Аввакума, Лазаря, Неронова.

Но и въ такомъ, уже значительно смягченномъ видѣ мнѣніе о томъ, что разныя раскольничьи статьи внесены въ іосифовскія книги Аввакумомъ, Лазаремъ, и Нероновымъ никакъ не можетъ быть принято, такъ какъ эти протопопы въ дѣйствительности никогда не имѣли никакого отношенія къ книжнымъ исправленіямъ во времена патріарха Іосифа.

Мы уже видѣли, что іосифовскіе справщики не только открыто и рѣшительно заявляли не разъ о неисправности нашихъ славянскихъ переводовъ, вообще о необходимости свѣрить ихъ съ греческими подлинниками, о предоставленіи книжной справы людямъ, получившимъ серьезное научное образованіе, основательно изучившимъ языки греческій и славянскій, но что они еще при Іосифѣ уже начали исправлять наши церковныя книги съ греческихъ. Точно также мы видѣли, что іосифовскіе справщики смѣло печатають въ Москвѣ произведенія южно-русскихъ ученыхъ, даже выдавая ихъ за творенія св. отцовъ, что въ напечатанныхъ ими книгахъ они настойчиво проповѣдуютъ о полномъ православіи грековъ, о необходимости сноситься съ ними по всѣмъ церковнымъ вопросамъ и во всемъ поступать единомысленно съ ними, — такъ что въ дѣйствительности іосифовскіе справщики во всемъ были предшественниками Никона, подготовляли для его реформы

почву и въ частности, относительно книжныхъ исправленій, были съ нимъ вполнѣ единомысленны: Никонъ былъ только продолжателемъ дѣла, начатаго іосифовскими справщиками. Думать послѣ этого, что Аввакумъ, Лазарь и Нероновъ дѣйствительно были при Іосифѣ или справщиками книгъ, или имѣли за изданіемъ высшій надзоръ, значитъ допускать слишкомъ вопіющую несообразность, нѣчто рѣшительно невозможное.

Та же полная несообразность этого мнѣнія обнаруживается и при соображеніи другихъ данныхъ.

Важнѣйшая старообрядческая особенность — ученіе о двоеперстіи, въ первый разъ внесена была въ Псалтырь, которую начали печатать 11 сентября 1642 года, а окончили въ томъ же году 31 декабря. Въ этой псалтыри есть нѣсколько сводныхъ статей, изъ которыхъ вторая заглавляется такъ: „Вѣдомо буди и семь, яко подобаетъ всякому христіанину вѣдати извѣстно, како лице свое крестити крестообразно и истово“... и пр. Вся статья о перстосложеніи изложена буквально сходно съ тѣмъ, какъ она была потомъ напечатана въ знаменитой Кирилловой Книгѣ, появившейся въ 1644 году. Значитъ, первое появленіе въ печатныхъ іосифовскихъ книгахъ ученія о двоеперстіи относится къ 1642 году. Теперь спрашивается: въ 1642 году были ли въ Москвѣ протопопы Аввакумъ, Лазарь, Нероновъ, предполагаемые справщики книгъ, первые будто бы внесшіе въ нихъ ученіе о двоеперстіи? Вотъ данные для рѣшенія этого важнаго вопроса: въ 1644 году протопопомъ московскаго Благовѣщенскаго собора былъ священникъ Никита<sup>1)</sup>. Значитъ духовникъ царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевичъ, выдвинувшій Неронова, Аввакума и др. сдѣлался протопопомъ Благовѣщенскаго собора не раньше 1645 или 1646 года, когда онъ, какъ духовникъ новаго царя, сталъ особенно значительнымъ человѣкомъ. Стефанъ тѣсно сблизился съ Оедо-

<sup>1)</sup> „Благовѣщенскаго собора, что у государя на Сѣнѣхъ, приходившіе къ патріарху съ праздничною св. водою протопопы: 152 г.—Никита; 154—155 г.—Степанъ Вонифатьевъ“ (Матеріалы для ист. археол. и статистики москов. церквей Забѣлина, стр. 169 и 1.040).

ромъ Ртищевымъ и вмѣстѣ съ нимъ, съ одобренія царя, назначилъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора Іоанна Неронова, который ранѣе былъ приходскимъ священникомъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Слѣдовательно Нероновъ переселился въ Москву изъ Нижняго Новгорода никакъ не ранѣе 1646 или 1647 года. Что же касается Аввакума, то онъ самъ даетъ опредѣленные свѣдѣнія о времени своего переселенія въ Москву. Сначала онъ былъ сельскимъ священникомъ въ Нижегородской области, а потомъ былъ поставленъ протопопомъ Юрьевца-Повольскаго, гдѣ онъ пробылъ всего только восемь недѣль и затѣмъ бѣжалъ въ Москву. Вскорѣ послѣ этого, по словамъ Аввакума, „Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловковъ мощи Филиппа митрополита“. Значитъ, Аввакумъ поселился въ Москвѣ только уже въ послѣдній годъ патріаршества Іосифа <sup>1)</sup> и въ Москвѣ, по его собственнымъ словамъ, занимался не книжными исправленіями, а тѣмъ, что читалъ въ Казанскомъ соборѣ народу книги, т.-е. отеческія поученія, такъ какъ онъ, переселившись въ Москву, приписался къ Казанскому собору, протопопомъ котораго былъ его другъ, Нероновъ. Аввакумъ же указываетъ и на время, когда въ Москву перебрался и костромской протопопъ Даніилъ. Именно онъ рассказываетъ, что когда ему пришлось бѣжать изъ Юрьевца въ Москву, то онъ „на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа жъ Даніила изгнали“. Слѣдовательно Даніилъ явился въ Москву незадолго до прибытія сюда Аввакума, т.-е. въ послѣдніе мѣсяцы патріаршества Іосифа. Логинъ былъ взятъ въ Москву изъ Рязани уже при патріархѣ Никонѣ. Лазарь и Никита въ то время еще вовсе не были въ Москвѣ.

Такимъ образомъ предполагаемые книжные справщики при патріархѣ Іосифѣ, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ появились въ Москвѣ—первый никакъ не ранѣе 1646—1647 года, Аввакумъ въ послѣдніе только мѣсяцы патріаршества Іосифа, а Логинъ и Лазарь —

---

<sup>1)</sup> Въ послѣдствіи сынъ Аввакума, Иванъ, показалъ, что отецъ его выѣхалъ въ Москву изъ Юрьевца въ 159 году, т.-е. въ 1651 г. (Есипова, Опис. дѣл. XVIII стол. т. I, стр. 119).

уже при Никонѣ. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ эти лица могли принимать прямое, или непрямое участіе въ книжныхъ исправленіяхъ, могли вносить старообрядческія мнѣнія въ наши церковныя книги, напечатанныя еще при Михайлѣ Ѳеодоровичѣ въ 1642 году, когда ихъ въ это время и въ Москвѣ-то вовсе не было? Какимъ образомъ напримѣръ Аввакумъ, бывшій до пятидесятихъ годовъ простымъ, никому неизвѣстнымъ сельскимъ священникомъ, могъ вліять изъ своего села въ Нижегородской области на печатаніе въ Москвѣ церковныхъ книгъ, на внесеніе въ нихъ разныхъ неподобающихъ статей? Ясное дѣло, что считать Неронова, Аввакума, Даниила и Лазаря справщиками книгъ при Іосифѣ или верховными руководителями книжной sprawy, видѣть именно въ нихъ виновниковъ появленія въ нашихъ церковныхъ книгахъ различныхъ старообрядческихъ мнѣній, значить допускать нѣчто совершенно несообразное и совсѣмъ невозможное. Да и вообще странно было бы какого-нибудь Аввакума видѣть въ роли книжнаго справщика, а тѣмъ болѣе верховнаго руководителя книжной sprawy, когда онъ, по словамъ его единомысленника и почитателя, извѣстнаго дьякона Ѳеодора, не могъ грамотно прочесть даже и свою собственную имѣвшуюся Псалтырь и отличить въ ней простую опечатку отъ подлиннаго текста, когда онъ даже относительно основнаго христіанскаго догмата, въ ученіи о Св. Троицѣ, впадаетъ въ еретическое мудрованіе. Какъ не бѣдна была древняя Русь образованными людьми, все-таки дѣло въ этомъ отношеніи не доходило до того, чтобы у насъ справщиками книгъ дѣлали лицъ, не могущихъ читать грамотно, не могущихъ замѣтить въ книгѣ простой опечатки и не имѣющихъ правильнаго представленія даже о Св. Троицѣ. Думать такъ значило бы слишкомъ уже злоупотреблять представленіемъ о всеобщемъ невѣжествѣ въ древней Руси и слишкомъ уже унижать, въ ущербъ истинѣ, нашу древнюю церковную жизнь<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Послѣ Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ противниковъ церковной реформы Никона осталось много сочиненій, въ которыхъ они постоянно говорятъ о книжныхъ исправленіяхъ при Никонѣ, сличаютъ новоис-

Какъ несправедливо мнѣніе, чтобы книжными справщиками при патріархѣ Іосифѣ были извѣстные противники церковной реформы Никона, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и другіе, такъ рѣшительно несправедливо и то мнѣніе, что будто бы наши церковныя книги при патріархѣ Іосифѣ подверглись особой порчѣ и искаженію вслѣдствіе невѣжества іосифскихъ книжныхъ справщиковъ.

---

правленныя книги со старыми печатными, и въ то же время ни разу и нигдѣ не говорятъ того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ когда-либо былъ книжнымъ справщикомъ,—умолчаніе рѣшительно ничѣмъ необъяснимое, еслибы они, какъ предполагаютъ, дѣйствительно были книжными справщиками при Іосифѣ. Если бы еще кому и можно было приписать изъ противниковъ реформъ Никона участіе въ книжныхъ исправленіяхъ при Іосифѣ, то единственно двумъ лицамъ: Павлу, епископу коломенскому и Іоанну Неровову, такъ какъ они двое изъ тѣхъ противниковъ реформы Никона дѣйствительно жили значительное время въ Москвѣ при Іосифѣ и потому имѣли возможность завѣдывать книжною справою или же имѣть за нею верховный надзоръ. Но и это, единственно возможное предположеніе, рѣшительно опровергается свидѣтельствомъ дьякона Ѳедора, которое говоритъ: „на епископа Павла коломенскаго, новаго исповѣдника, и на казанскаго протопопа Іоанна Неронова писалъ тогда Никонъ ко греческимъ патріархамъ ложныя басни, оправдую самъ себя, а на нихъ клеветца, яко діаволь, будто они составили новыя молитвы и чины церковныя и тѣми людей развращаютъ, и отъ соборныя церкви отдѣляются... Намъ же всѣмъ православнымъ христіанамъ во всей русской земли вѣдомо о томъ, яко нѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни единныя молитвы, ни тропаря новаго, и единого слова развратнаго не вложили они въ старыя книги нигдѣ отнюдь, и раскола въ церкви отъ нихъ не бывало никакова, и у книжныхъ справ на печатномъ дворѣ не сиживали, и въ наборщицахъ не бывали: вѣдомо о семъ всей Москвѣ“ (Матер. для ист. раск. Субботина, т. VI, стр. 198—199). Заподозривать это свидѣтельство Ѳедора о Павлѣ коломенскомъ и Нерововѣ невозможно,—это дѣло было вѣдомо всей Москвѣ и она немедленно обличила бы Ѳедора во лжи, еслибы онъ сказалъ неправду. Здѣсь кстаті уже укажемъ еще на одинъ выдающійся фактъ, который прямо и рѣшительно говоритъ, что по крайней мѣрѣ протопопъ Аввакумъ не только не былъ справщикомъ при Іосифѣ, но что онъ даже не былъ особеннымъ поклонникомъ и почитателемъ іосифовскихъ книгъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время. Какъ извѣстно Аввакумъ, Лазарь, дьяконъ Ѳедоръ сосланы были въ Пустозерскъ, гдѣ между ними возникли горячія препирательства по разнымъ богословскимъ вопросамъ, во время которыхъ протопопъ Аввакумъ очень опредѣленно выразилъ свое отношеніе къ іосифовскимъ книгамъ. Дьяконъ Ѳедоръ говоритъ, между прочимъ, и слѣдующее о своей

Главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ для обвиненія книжныхъ іосифовскихъ справщиковъ въ невѣжествѣ, порчѣ и искаженіи ими нашихъ книгъ служить то обстоятельство, что только при патріархѣ Іосифѣ въ наши печатныя церковныя книги внесены были въ первый разъ извѣстныя старообрядческія особенности—ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, двоеніе аллилуіи и пр. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли книжные

распрѣ съ Аввакумомъ; „а о образѣ Святыя Троицы съ протопопомъ Аввакумомъ у меня распри бысть до казни еще здѣшнія, о единомъ стихѣ токмо, еже въ тройческомъ канонѣ 6 гласа, на воскресной полунощницѣ, во Псалтыряхъ со возслѣдованіемъ поется 1 пѣсни стихъ той: пресущный едине Господѣ и трисіянне образы въ торжествѣ зрака сый, и прочая. *Смыслъ въ его Псалтырь аввакумовъ напечатано при Осафѣ патріархѣ*“. Сказавъ потомъ, что печатка іоасафовской Псалтыри была потомъ исправлена, Ѳеодоръ говоритъ: „а у мене въ то время *Псалтырь бысть учебная Іосифа патріарха*, въ ней же положено богословія святыхъ отецъ Аванасія, и Кирилла, и Максима Исповѣдника: и тамо учать святіи отцы къ вопрошающимъ единъ образъ исповѣдывати, а состави и лица три. И таки три лица и три составы во единомъ образѣ. *И въ Катехизисѣ* также богословія есть. И азъ тѣ книги ему, протопопу, показывалъ, еже учать насъ три лица Святыя Троицы исповѣдывати во единомъ образѣ и единому трисіянному зраку Божества поклонятися научи. *И онъ тѣмъ книгамъ* (т.-е. іосифовскимъ) *не вѣрилъ и свою Псалтырь* (іоасафовскую) *правѣе всѣхъ тѣхъ книгъ называлъ*“. Далѣе, дьяконъ Ѳеодоръ рассказываетъ: „да въ той же Псалтыри его (Аввакума), *которую онъ называлъ всѣхъ книгъ правѣе*, была опись во 104 псалмѣ, сія рѣчь: и вниде израиль во Египеть, и возрасти люди своя зѣло. А у него было: *и возврати* люди своя зѣло. И за сію опись больше года бранился со мною, еже азъ то назвалъ описью и велѣлъ глаголати ему во псалмѣ томъ *возрасти* люди своя Израиль, а не *возврати*. Онъ же браняше мя всяко: *ты де старыя книги шумишъ и переправляватъ мнѣ велиши*, а я де за нихъ мучуся отъ никоніанъ давно тебе! Лазарь съ нимъ же на меня брюжжалъ. И послѣ отъ иныхъ Псалтырей позналъ, яко право глаголахъ ему“ (Матеріалы, т. VI, стр. 119 и 127). Итакъ протопопъ Аввакумъ вѣрилъ только въ свою іоасафовскую Псалтырь, ее называлъ правѣе всѣхъ іосифовскихъ книгъ, никакъ не хотѣлъ признать, чтобы въ ней были печатки и чтобы она требовала какого-либо исправленія. Говорить послѣ этого, что Аввакумъ былъ книжнымъ справщикомъ при Іосифѣ, что имъ, или его еданомышленниками, внесены были въ іосифовскія книги разныя старообрядческія мнѣнія, намъ кажется рѣшительно невозможнымъ. Да и вообще противники церковной реформы Никона нигдѣ и никогда не выдвигаютъ на первый планъ іосифовскія книги, какъ имѣющія рѣшительное преимущество предъ другими старопечатными

справщики временъ патріарха Іосифа должны нести всю вину и всю отвѣтственность за внесеніе ими въ наши церковныя книги извѣстныхъ такъ-называемыхъ старообрядческихъ особенностей или для того времени эти особенности вовсе не были тѣмъ, чѣмъ онѣ стали послѣ церковной реформы Никона? Въ видахъ болѣе правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія вопроса возьмемъ важнѣйшую статью—ученіе о двоеперстіи и посмотримъ, откуда и какъ взялся этотъ обычай, чтобы видѣть, насколько правы были или нѣтъ іосифовскіе справщики, внося это ученіе въ наши печатныя церковныя книги. Начнемъ наше изслѣдованіе съ московской Руси.

---

до-никоновскими книгами, что было бы съ ихъ стороны вполне естественно, еслибы они дѣйствительно были книжными справщиками и во всѣхъ особенностяхъ іосифовскихъ книгъ, сравнительно съ предшествующими, видѣли свое личное дѣло. Но они обыкновенно защищаютъ не іосифовскія а старыя до-никонскія книги вообще, вовсе не различая между іосифовскими и не-іосифовскими. Но допустимъ, что ихъ ссылки на старыя книги при полемикѣ противъ новоисправленныхъ чаще заимствуются изъ книгъ іосифовскихъ; {то это явленіе легко объясняется тѣмъ, что при Іосифѣ разныхъ книгъ было напечатано больше, чѣмъ при его предшественникахъ патріархахъ, что іосифовскія книги исправлялись лучше и съ большею тщательностію, нежели книги его предшественниковъ, что какъ современные имъ, онѣ были имъ и болѣе извѣстны и болѣе досеупны. Впрочемъ есть одно свидѣтельство за то, что противники Никона изъ всѣхъ старыхъ печатныхъ книгъ уважали по преимуществу книги филаретовскихъ изданій. Павель, митрополитъ крутицкій, говоритъ иноку Авраамію: „врагъ Божій! Да то и въ вашихъ любимыхъ Потребникахъ филаретовскихъ напечатано... (Матер. VII, 411). Это подтверждаетъ и Аввакумъ въ своемъ посланіи къ священнику Стефану: „да многія де наши духовныя люди, пишеть онъ, возмутились и хулятъ книги іосифовы патріарха, не вѣдуще писанія, ни силы его, заблуждаютъ отъ пути истиннаго: будто де не сходны съ филаретовыми и іосафовыми. И мы несходства и ересей не разумѣемъ: книги добры іосифовы, а ихъ всѣхъ приемяю, и чествую лобзаю“. (Мат. V, 215). Самая возможность со стороны нѣкоторыхъ противниковъ Никона хулить книги патріарха Іосифа, какъ несходныя съ филаретовскими и іосафовскими, которымъ вѣрили по преимуществу, возможность возникновенія въ средѣ противниковъ реформы Никона вопроса: слѣдуетъ ли признавать имъ іосифовскія книги, уже прямо опять говорить за то, что главари раскола: Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Лазарь и др. никогда не были при Іосифѣ книжными справщиками и къ книжной справѣ вообще не имѣли никакого отношенія.

Какое перстосложеніе употреблялось собственно въ московской Руси для крестнаго знаменія, какъ господствующій, признаваемый всею церковію обычай, на это мы находимъ отвѣты въ цѣломъ рядѣ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ, которыя начинаются со второй половины XV вѣка и идутъ затѣмъ непрерывно до самой церковной реформы Никона. Въ основу ученія о перстосложеніи въ московской Руси (отличаемъ отъ кievской), со второй половины XV вѣка, когда у насъ въ первый разъ возникъ вопросъ о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи, положено было главнымъ образомъ такъ-называемое *Θеодоритово слово* <sup>1)</sup>, которое во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ учить употреблять въ крестномъ знаменіи двуперстное перстосложеніе (всѣ попытки объяснить нѣкоторыя редакціи этого слова въ пользу троеперстія рѣшительно неудачны) *и такъ понимаемое всеми русскими XVI и XVII вѣка*, оно внесено было во всевозможные наши рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчается очень часто. Разъ получивши опредѣленное выраженіе въ *Θеодоритовомъ словѣ*, ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи признано было нашею церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ, исключяющее всѣ другія формы перстосложенія, какъ неpravыя. Митрополитъ Даніилъ училъ: «сиде благословиши рукою и креститися три персты равно имѣти вкупѣ — болшей, да два послѣднихъ, по образу троическу..., а два перста имѣти наклонена, а не простерта, а тѣмъ указъ тако: прообразуютъ двѣ естествѣ Христовѣ — божество и челоувѣчество» и пр. <sup>2)</sup>. Преподобный Максимъ грекъ учить: «совокупленіемъ бо тріехъ персть, сирѣчь палца и еже отъ средняго и малаго, тайну исповѣдуемъ богочачальныхъ тріехъ ипостасей, Отца и Сына и Св. Духа, единаго Бога трое. Протяженіемъ же долгаго и средняло спедшася два

<sup>1)</sup> Различныя доселѣ извѣстныя редакціи такъ называемаго *Θеодоритова Слова* напечатаны въ *Братскомъ Словѣ*—1876 г. Отд. II, III, стр. 197 и слѣд.

<sup>2)</sup> *Ibid.* стр. 206.

естества во Христѣ...» и пр. <sup>1)</sup>). Стоглавый соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: «иже кто не знаменается двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклятъ». Это соборное постановленіе о двоеперстіи имѣло вполнѣ обязательную силу, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія, въ которыхъ онъ требуетъ употреблять двоеперстіе въ крестномъ знаменіи. Первый московскій патріархъ Іовъ пишетъ обширное посланіе къ грузинскому митрополиту Николаю, чтобы научить грузинъ держать правую христіанскую вѣру безъ всякихъ перемѣнъ и отступленій, которыя ими допущены. Въ это поученіе, составленное изъ старыхъ русскихъ поученій, патріархъ Іовъ вноситъ нѣчто отъ себя и именно относительно перстосложенія въ крестномъ знаменіи. Онъ пишетъ, поучая грузинскаго митрополита: «молящися, креститися подобаетъ двѣма пръсты; прежь положити на чело главы своея, тоже на перси, потомъ же на плече правое, тоже и на лѣвое; съгбеніе пръсту именуеть шествїе съ небесъ, а стоящїй перстъ указываетъ вознесеніе Господне; а три персты равны держати — исповѣдуемъ троїцу нераздѣльну, т.-е. истинное крестное знаменіе» <sup>2)</sup>). При патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ былъ напечатанъ въ Москвѣ послѣ долгихъ исправленій такъ называемый большой Катихизисъ, составленный Лаврентіемъ Зизаніемъ. Въ этомъ Катихизисѣ, какъ извѣстно, находится прямое, положительное ученіе о двоеперстіи, которое такимъ образомъ въ первый разъ вошло въ печатныя московскія книги при Фаларетѣ, а не Іосифѣ. Въ 1637 году въ Грузію, вмѣстѣ съ царскими послами, патріархомъ Іоасафомъ отправлено было и особое посольство изъ духовныхъ лицъ (между ними былъ и Арсеній Сухановъ), въ наказѣ которомъ говорится, что они посылаются въ Грузію «для исправленія и утвержденія святаго православнаго христіанскія вѣры». Исполняя свою миссію, послы между прочимъ говорили грузинскимъ епископамъ: «архіепископъ вашъ и епископы и попы сами себя знаменіемъ крестнымъ, по преданію св. апостоль

1) Это слово Максима напечатано въ Кирилловой книгѣ, л. 184, об.

2) Ист. русск. церкви Макарія, X, 72.

и св. отецъ, оградить не умѣютъ, а прочихъ людей благословить истинно и не знаютъ»<sup>1)</sup>. Едва ли нужно объяснять, почему московскіе послы находили тогдашнее грузинское перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи неправильнымъ. При патріархѣ Іосифѣ ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи вносится въ разныя наши печатныя церковныя книги, а патріархъ Никонъ, въ началѣ своего патріаршества и самъ употреблялъ двоеперстіе, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуеетъ митрополитъ Игнатій тобольскій<sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ также авторитетное лицо въ московской Руси, какъ ученый Максимъ Грекъ, такіе выдающіеся, учительные и по тогдашнему времени ученые митрополиты, какъ Даниилъ и Макарій, а затѣмъ наши московскіе патріархи: Іовъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ и Никонъ, въ началѣ патріаршества и наконецъ, даже цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ (Стоглавый) неопровержимо и согласно свидѣлствуютъ, что въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка, общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было двуперстное. Всѣ попытки православныхъ полемистовъ съ расколомъ поколебать этотъ фактъ, ихъ попытки всѣ тѣ дошедшія до насъ редакціи въ ученіи о перстосложеніи, въ которыхъ заключается какая-либо неясность и неопредѣленность, истолковать въ пользу существованія у насъ троеперстія (какъ общепризнаваемаго обычая), оказываются рѣшительно неудачными, ибо они не могутъ привести въ пользу троеперстія ни одного авторитетнаго свидѣтельства въ родѣ тѣхъ, какіе имѣетъ за себя двоеперстіе. Нужно признать, какъ того требуетъ историческая

<sup>1)</sup> Христ. Чтен. 1884 г. мартъ, статья Бѣлокурова: Поѣздка старца Арсенія Суханова въ Грузію.

<sup>2)</sup> Пріѣзжавшіе въ Москву восточные патріархи, говоритъ Игнатій, „видятъ сего всесвятѣйшаго господина Никона, крестное знаменіе на себѣ положша двоеперстнымъ сложеніемъ (понеже и великая достоинства, еси отъ мама и до велика отъ тѣхъ (іосифовскихъ) книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изображати)“ изобличили его въ неправотѣ. Третье посланіе Игнатія, стр. 103.

истина, что фактъ существованія въ московской Руси двоеперстія стоитъ твердо и неопровержимо. А отсюда само собою становится понятнымъ, что іосифовскіе справщики, внося въ наши церковныя печатныя книги ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, никакъ не могутъ нести за это отвѣтственности, никакъ не могутъ подвергаться за это порицанію и укоризнамъ, ибо они ратовали въ этомъ случаѣ за общеупотребительный и всю церковь признаваемый тогда обычай, который въ то время еще ни съ чьей стороны не подвергался сомнѣнію.

Если неудачны и совсѣмъ противны исторической истинѣ всѣ попытки нашихъ полемистовъ съ расколомъ поколебать фактъ существованія въ московской Руси двоеперстія, какъ господствующаго и общецерковнаго обычая, то точно такъ же очень неудачны и ихъ попытки объяснить, откуда и когда возникъ въ московской Руси этотъ обычай, который они считаютъ неправымъ, только простымъ искаженіемъ древнѣйшей и единственно правой формы перстосложенія троеперстной. При объясненіи, откуда и какимъ образомъ въ московской Руси могло появиться неправое перстосложеніе въ крестномъ знаменіи, нашимъ полемистамъ приходится при ихъ нежеланіи быть безпристрастными, при ихъ неохотѣ серьезно и научно изучить интересующій ихъ вопросъ, прибѣгать иногда къ очень смѣлымъ и даже фантастическимъ предположеніямъ, которыя, несмотря на всю ихъ очевидную несостоятельность и непригодность, выдаются, однако за несомнѣнную историческую истину. Таково на примѣръ старинное предположеніе, что двоеперстіе есть будто бы армянское перстосложеніе <sup>1)</sup> и перешло на Русь отъ армянъ или новѣйшее предположеніе, что двоеперстіе явилось у насъ благодаря хитрымъ проискамъ папства <sup>2)</sup>. Но уже одна возможность

---

<sup>1)</sup> Хотя извѣстно, что греки всегда укоряли армянъ въ употребленіи въ крестномъ знаменіи только одного перста, какой армянскій обычай греки и приводили въ связь съ склонностію армянъ къ монофизитству. Объ этомъ скажемъ ниже.

<sup>2)</sup> Такъ объясняетъ дѣло сваящ. Виноградовъ въ своемъ сочиненіи „О Ѳеодоритовомъ Словѣ“, Москва, 1866 г.

дѣлать подобныя предположенія — объяснять церковныя обычаи древней православной Руси вліяніемъ какихъ-то армянъ или происками латинства, указываетъ на полное безнадежное положеніе тѣхъ, которые принуждены прибѣгать къ такимъ предположеніямъ.

Болѣе осторожныя серьезныя историки-полемисты для объясненія происхожденія у насъ двоеперстія не ссылаются уже на армянъ и латинъ, а подыскиваютъ болѣе вѣроятныя и удобопріемлемыя предположенія. Невѣжество древней Руси, вотъ кто, говорятъ они, истинный виновникъ появленія у насъ двоеперстія, наше собственное невѣжество передѣлало древнее троеперстіе въ двоеперстіе, оно же и приняло и держало свою передѣлку, какъ древній и единственно правый обычай, армяне же и латиняне тутъ не при чемъ <sup>1)</sup>).

На такомъ повидимому очень вѣроятномъ и удобопріемлемомъ объясненіи обыкновенно и успокоивается большин-

---

<sup>1)</sup> Нашъ новѣйшій и лучший историкъ русской церкви, митрополитъ Макарій помѣстилъ въ Братскомъ Словѣ (за 1875 г.) статью: „Правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія“, въ которой появленіе у насъ двоеперстія думаетъ объяснить смѣшеніемъ сложенія перстовъ въ крестномъ знаменіи и въ священническомъ благословеніи. „Какому-нибудь грамотѣю, говоритъ онъ, любившему поумствовать, легко могло притти на мысль, зачѣмъ это въ церкви употребляется два разныхъ перстосложенія для благословенія и крестнаго знаменія, когда совершенно удобно совмѣстить ихъ въ одно, безъ всякаго нарушенія ихъ внутренняго смысла?.. Родившись въ головѣ какого-либо грамотѣя, такая мысль могла найти сочувствіе и между другими, подобными же грамотѣями и чрезъ нихъ мало-по-малу распространяться. Или дѣло совершилось еще проще: какой-либо благочестивый христіанинъ, разсуждая о различіи между тѣмъ перстосложеніемъ, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрующихъ, и тѣмъ, которое употребляютъ всѣ вѣрующіе для крестнаго знаменія, могъ остановиться на соображеніи, что первое перстосложеніе, какъ употребляемое пастырями церкви, должно быть болѣе священнымъ и сильнымъ предъ Богомъ, а вслѣдъ за тѣмъ перейти къ выводу, что гораздо лучше и цѣлесообразнѣе это же самое пастырское перстосложеніе употреблять и всѣмъ вѣрующимъ для крестнаго знаменія. И эта мысль подобно изложенной нами выше, какъ не противная вѣрѣ и благочестію, могла также найти себѣ послѣдователей между вѣрующими и послужить началомъ для постепеннаго распространенія двуперство-троеперстнаго перстосложенія для крестнаго знаменія, по крайней мѣрѣ въ видѣ частнаго обычая.

ство полемистовъ. Но и это объясненіе въ дѣйствительности также мало вѣроятно и справедливо, какъ и объясненіе происхожденія у насъ двоеперстія съ помощію вліянія армянъ или латинянъ. Конечно старое московское невѣжество сдѣлалось у насъ общимъ мѣстомъ и отрицать его невозможно, но въ то же время не слѣдуетъ и злоупотреблять имъ. Какъ бы ни былъ низокъ уровень развитія русскихъ съ конца XV до первой половины XVII вѣка, все-таки дѣло въ этомъ отношеніи никогда не доходило до того, чтобы русскіе архипастыри, между которыми всегда находились и люди свѣдущіе, не сумѣли отличить даже въ сферѣ церковнаго обряда древнее и истинно православное отъ недавняго невѣжественнаго измышленія. Пусть въ этомъ случаѣ заблуждались, вдавались въ невольный обманъ отдѣльныя лица, но какъ же могъ обмануться и притомъ очень грубо цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ?

Вѣдь Стоглавый соборъ имѣлъ въ виду именно исправить поиспатавшіеся въ послѣднее время церковные обычаи, уничтожить всякую вкравшуюся въ церковную жизнь новину; вѣдь предсѣдатель Стоглаваго собора, митрополитъ Макарій, руководившій соборными обсужденіями, былъ извѣстнымъ любителемъ-собрателемъ и большимъ знатокомъ русской церковной древности, а между тѣмъ руководимый имъ соборъ узаконяетъ, вопреки старинѣ и всякой правдѣ, такія новоизмышленія невѣжественныхъ грамотеевъ, которые появились только недавно, такъ сказать на самыхъ глазахъ отцовъ собора и которые были очень несогласны съ дѣйствительно древними церковными обычаями, доселѣ практиковавшимися въ русской церковной жизни. Признаемся, что подобное отношеніе къ дѣлу со стороны нашихъ полемистовъ съ расколомъ и со стороны нѣкоторыхъ нашихъ историковъ, по нашему мнѣнію, никакъ не можетъ быть извиняемо и оправдываемо, хотя бы самыми остроумными и бойкими разсужденіями о повальномъ русскомъ невѣжествѣ, объ удивительной и совершенно намъ непонятной слѣпотѣ всѣхъ отцовъ Стоглаваго собора. Мы думаемъ, что представители русской церкви настолько-то всегда были свѣдущи, чтобы умѣть отличить древній, до-

селѣ признаваемый всею церковію православный обрядъ, отъ другого или неправославнаго или только-что новоизмышленнаго какимъ-то неизвѣстнымъ невѣждою: думать иначе значить, по нашему мнѣнію, слишкомъ уже презрительно относиться къ представителямъ нашей древней церковной іерархіи, значить имѣть о православіи и христіанскомъ пониманіи вообще нашихъ предковъ и всей русской церкви черезчуръ уже низкое представленіе, неоправдываемое дѣйствительностію.

Что двоеперстіе вовсе не было измышленіемъ невѣжественныхъ московскихъ книжниковъ и грамотѣевъ и что вообще оно не было принадлежностію только невѣжественной московской Руси, на это мы имѣемъ прямыя и рѣшительныя доказательства.

По указаніямъ нашихъ библиографовъ въ Кіевѣ въ 1584 году было напечатано небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Максима инока, како подобаеть знаменоватися крестнымъ знаменіемъ»<sup>1)</sup>. Въ дѣйствительности это не есть слово Максима о крестномъ знаменіи, но произведеніе неизвѣстнаго автора, хотя въ немъ самое ученіе о перстосложеніи изложено согласно съ Максимомъ, именно: «совокупленіемъ тріехъ перстей, сирѣчь палца и еже отъ средняго и малаго тайну исповѣдуемъ богочаальныхъ тріехъ испостасехъ Отца, Сына и Духа Святаго, единого Бога трое. Протяженіемъ же долгаго и средняго, шедшея два естества во Христвѣ, сирѣчь самаго Спаса Христа исповѣдуемъ совершена Бога и съвершена челоуѣка въ двою существу и естеству вѣруемаго и познаваемаго»... Въ 1596 году въ Вильнѣ была напечатана Лаврентіемъ Зизаніемъ Азбука, въ приложеніи которой помѣщено было сочиненіе его брата Стефана Зизанія подъ заглавіемъ: «Изложеніе о православной вѣрѣ». Въ концѣ этого изложенія вѣры находится особая статья «о знаменіи крестномъ», въ которой заключается слѣдующее ученіе о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи: «зложеніе великаго палца здвомя малыми значить святую Троицу, а склоне-

<sup>1)</sup> Оно находится въ Моск. Румянц. музеѣ № 2,224, по указателю Ундольскаго № 96.

ніе того, што при великомъ до среднего, значить въ при-  
роженіи и истности въ Христвѣ. Положеніе правыя руки  
на чело, значить двое: предвѣчное отъ Бога Отца Сы-  
ново рождество и тоеже звысокости зышоль, а што на  
пушь, значить иже тойже Сынъ Божій зступилъ на землю  
и въчеловѣчился отъ панны чистой святой Маріи и злюдами  
жилъ, распятъ, умеръ, въскресь въ третій день, и взнесся  
на небеса, сѣдитъ одесную Отца, але еще не конецъ. А  
обвоженіе руки правой первѣ на правое плече, а потомъ  
изправаго на лѣвое, значить ижъ въ судный день справед-  
ливыи на правици Бога будутъ стояти, а грѣшныи на лѣ-  
вици и тое значить ижъ тогда справедливыи изнесутъ  
судъ на грѣшныхъ, правица бо вѣмъ въ судный день лѣ-  
вицу звалчить, а не лѣвица правицу. Нынѣ бо вѣмъ лѣ-  
вица правицу преслѣдуетъ, а тогда праведницы не только  
людей грѣшныхъ, але и аггеловъ згрѣшившихъ осудятъ,  
ищи въ евангеліи, отъ Марка глава 19 Луцѣ глава 22,  
и къ Коринѣянамъ 1 посланіе глава 2, мудрость Соломона  
глава 3»<sup>1)</sup>). Въ 1602 году въ Вильнѣ была напечатана  
книга подъ заглавіемъ: «О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ  
Божіей и о хвалѣ и о молитвѣ святыхъ и о иныхъ арты-  
кулѣхъ вѣры, единое правдивое церкве Христовы». Въ  
этой книгѣ, въ пятой главѣ, о крестномъ знаменіи между  
прочимъ говорится: «злученіемъ трехъ палцовъ посполу-то  
есть великаго и малаго и третего, што подле малаго, испо-  
вѣдуется таемница божественныхъ трехъ испостасей: Отца  
Сына и Святаго Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ.  
Протягненіемъ же двохъ палцовъ — вышняго и средняго,  
показуется таемница самага Господа нашего Исуса Хри-  
ста, ижъ есть досканалый Богъ и досканалый былъ че-  
ловѣкъ нашего для спасенія. Также зложивши палцы пер-  
вѣй кладемъ руку на голову, албо на чоло, визнаваючи,  
ижъ една правдивая и вѣчная наша голова Христось  
есть, яко апостоль молвить: Господа нашего Богъ Отецъ  
далъ голову вышей всѣхъ церкви, которая есть тѣло его.  
Потомъ же кладемъ руку на животъ, исповѣдуючи снѣ-  
тіе его на землю, и еже въ пречистѣмъ животѣ Богома-

1) Азбука Визанія находится въ Румянц. муз. № 65.

тере безсѣменное зачатіе Его, тотъ бо прошоль утробу ея, яко солнце скло, неврежаючи ключа дѣвы рожествомъ своимъ. Потомуже кладемъ на правое плече, визнаваючи ижъ сѣдитъ на правицы Бога Отца, прочее жду... ажъ положатся врази его подножіе ногъ его. Потомуже на лѣвое плече кладемъ, образуочи, ижъ прійдетъ еще во второе на судъ и въздаеть на лѣвицы сущимъ муку вѣчную, а на правицы сущимъ животъ вѣчный. Также перекрестивше лице свое знаменіемъ крестнымъ, кланяемся Богу, абы насъ лѣваго стоянія избавилъ, а благословеніе свое далъ намъ» <sup>1)</sup>. Около двадцатыхъ или въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Кіевѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: «Книга о вѣрѣ о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви», во второй части которой, въ статьѣ «о знаменіи крестномъ»; говорится: «злученіемъ трехъ палцовъ посполу, то-есть великаго и малого, и третьяго, што подле малаго, исповѣдуется таемница божественныхъ троухъ ипостасей: Отца, Сына и Святаго Духа, единаго Бога въ троухъ лицахъ. А протяженіемъ двоухъ палцовъ, вышнего и среднего, показывается таемница Бога слова втѣленіе Господа нашего Іисуса Христа и двоухъ натуръ бозской и человѣческой слученіе подъ единою особою» и т. д. вполне согласно съ приведенною сейчасъ выдержкою изъ книги: «о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей... и о иныхъ артикулѣхъ вѣры». Не только въ печатныхъ книгахъ, но и въ разныхъ южно-русскихъ рукописныхъ сборникахъ, гдѣ только говорится о крестномъ знаменіи, всегда содержится ученіе о двоеперстіи. Такъ оно находится въ тѣхъ многочисленныхъ сборникахъ, которые извѣстны подъ именемъ Литовскихъ Просвѣтителей, оно содержится и въ той рукописной южно-русской книгѣ о Вѣрѣ, сочиненіи кіевскаго михайловскаго игумена Наеанаила, которая въ простомъ дословномъ переложеніи была потомъ напечатана въ Москвѣ въ 1648 году <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Ibid, № 85.

<sup>2)</sup> Именно въ ней ученіе о перстосложеніи излагается такъ: „зложеніе трехъ палцовъ правой руки посполу то-есть великаго и малаго и третьяго, што подлѣ малаго исповѣдуется таемница божественныхъ трехъ ипостасей:

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ печатныхъ и рукописныхъ южно-русскихъ книгъ, появившихся ранѣе московской печатной Псалтыри 1642 года, въ которой въ первый разъ было напечатано ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, оказывается, что и кievская Русь также, какъ и московская держалась до половины XVII вѣка того же двоеперстія и что въ кievской ученой литературѣ, до половины XVII вѣка, свидѣтельствъ за троеперстіе рѣшительно не имѣется. Въ виду этихъ неопровержимыхъ данныхъ видѣтъ въ двоеперстіи специальный продуктъ московскаго невѣжества, измышленіе невѣжественныхъ московскихъ грамотѣевъ, оказывается рѣшительно невозможнымъ, такъ какъ двоеперстіе признавали правымъ, открыто его проповѣдывали и въ первый разъ внесли его въ свои печатныя книги южно-русскіе ученые, уже по примѣру которыхъ и іосифовскіе книжные справщики внесли ученіе о двоеперстіи въ московскія печатныя книги, заимствовавъ у кievлянъ и самую редакцію въ изложеніи этого ученія. Что же касается того вопроса: откуда взялось двоеперстіе и въ кievской Руси, то отвѣтъ на это, по нашему мнѣнію, можетъ быть одинъ: двоеперстіе существовало въ древней Руси, какъ общій обычай, еще до раздѣленія митрополій, съ самаго начала введенія у насъ христіанства, а потомъ въ качествѣ древняго и всѣми признаннаго обычая, оно удержалось и на сѣверѣ и на югѣ и послѣ раздѣленія митрополій, вплоть до самой половины XVII вѣка, когда сначала въ кievской Руси (при Могилѣ), а потомъ и въ московской (при Никонѣ), произведена была однородная церковная реформа, приведшая русскіе церковныя чины и обряды въ соотвѣстіе съ современными греческими. Такое предположеніе необходимо сдѣлать въ виду того,

---

Отца, Сына и Св. Духа, единого Бога въ тріехъ лицахъ. Протягнениемъ же двохъ палцовъ—вышняго и средняго показуется таемница самаго Господа нашего І. Христа, иже есть doskonaлый Богъ и doskonaлый быль человекъ нашего дѣля спасеніе“ и пр. какъ это изложено въ московской печатной книгѣ о Вѣрѣ, въ которой московскіе издатели не прибавили и не измѣнили отъ себя ни одного слова. Рукоп. Ундольскаго, № 427, л. 126.

что кievская Русь въ церковномъ отношеніи, съ первыхъ временъ введенія у насъ христіанства до конца второй половины XVII вѣка, всегда находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, подъ его высшимъ вѣдѣніемъ и водительствою. Восточные патріархи не разъ принимали самое живое и дѣятельное участіе въ церковной жизни южной Руси, не разъ бывали въ ней сами лично, не разъ посылали туда своихъ экзарховъ. Кромѣ того въ южной Руси почти непрестанно жили разные греческіе епископы, жило въ ней всегда много и другихъ грековъ и между ними бывали и люди ученые, которые, какъ на примѣръ, протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, принимали даже прямое и непосредственное участіе въ исправленіи южно-русскихъ церковныхъ книгъ съ греческихъ. При такихъ условіяхъ въ южно-русской церкви никакъ не могло появляться, а тѣмъ болѣе такъ долго существовать двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, если бы оно дѣйствительно было только позднѣйшимъ новоизмышленнымъ искаженіемъ единственно правой и единственно древней формы перстосложенія — троеперстной. Если же греки, сами уже употреблявшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ троеперстіе, оставляли однако у кievлянъ двоеперстіе, то это показываетъ, что они видѣли въ русскомъ двоеперстіи древній, прочно установившійся и потому привычный для народа обычай и притомъ такой, въ которомъ они, греки, не находили ничего предосудительнаго или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ.

О существованіи двоеперстія у другихъ славянскихъ православныхъ народовъ, кромѣ собственно русскихъ, имѣются нѣкоторыя положительныя данныя. Въ 1650 году извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, сопровождая изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія и прибылъ съ нимъ Молдавію, остановился въ метохѣ сербскаго Аеонскаго Зографскаго монастыря. Игуменъ и братія этого метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки и аеониты сожгли на Аеонѣ московскія печатныя книги по слѣдующему случаю: «нѣкто у нихъ былъ старецъ честенъ-сербенъ, житіемъ былъ святъ и во всемъ искусенъ и лѣты старъ, жилъ въ скитѣ и держалъ книги

московскія у себя и крестился крестнымъ знаменіемъ по московскому, какъ писано въ книгѣ Кирилла Ерусалимскаго, что напечатана въ Москвѣ, да и прочихъ де тому же учили». Узнавъ объ этомъ греки аeonиты призвали старца на соборъ къ отвѣту и называли московскія книги еретическими. И онъ де имъ говорилъ, что есть у нихъ книги старинныя сербскія письменныя, а въ нихъ де писано о крестномъ знаменіи также, какъ и въ московскихъ. И тое де книгу письменную, сыскавъ, принесли на соборъ и спуцали съ московскою печатною книгою и все де сошлось слово въ слово противъ московской печати, а та де книга, какъ писана 130 лѣтъ тому». И московскія печатныя книги и сербскую старую рукописную книгу, въ которой заключалось ученіе о двоеперстїи, греки аeonиты сожгли, причемъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ явился ахридскій архіепископъ Даніиль, который въ то время случился на Аѳонѣ. Сухановъ собралъ о сожженіи русскихъ книгъ на Аѳонѣ точныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ и, такъ какъ Даніиль ахридскій въ это время уже находился въ Молдавіи, то онъ и былъ привлеченъ къ отвѣту іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, которому жаловался на него Сухановъ. Даніиль, уличаемый очевидцами, въ присутствіи патріарха, Суханова и другихъ далъ такое показаніе: «было де во Аѳонской горѣ такъ: собралися старцы на сербскаго старца Дамаскина именемъ, что онъ крестится не погречески и иныхъ тому учить, и того де старца поставя на соборѣ, допрашивали, откуда онъ тому научился? И онъ де указалъ на сербскую на письменную книгу, что въ ней такъ писано креститься. И тое де книгу, взявъ у него, сожгли, а та де книга старинная сербская, тому 130 лѣтъ какъ написана и тому де есть письмо, здѣ прислано изъ Аѳонской горы къ митрополиту Стефану Торговицкому»<sup>1)</sup>. Съ своей стороны и старецъ Чудова монастыря Пахомій, также, какъ и Сухановъ, сопровождавшій изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія, доносилъ государю: «а за крестное воображеніе и за книги, которые пожгли (на Аѳонѣ), говорилъ вопреки и противъ

<sup>1)</sup> Статейный списокъ Суханова, греческія дѣла 7157 г. № 8.

правиль святыхъ отецъ стояль святые Аеонскіе горы старецъ Θεодоръ, житіемъ духовенъ и греческіе, государь, старцы хотѣли іво убить до смерти»<sup>1)</sup>). Григоровичъ, при посѣщеніи имъ Аеона на одной книгѣ Хиландарскаго монастыря, прочель замѣтку, что въ 1650 году, когда на святой горѣ происходили пренія о крестномъ знаменіи, «сожегоше книги московскія на карчі-ахьгрѣци и духовника Дамаскина и попа Романа и ученика ихъ Захарію въ темницы затворише и глобиши ихъ 60 гроши. Оле бѣда отъ лукаваго рода грѣческаго! Мца маіа ки веліе безчестіе соториша васемъ серблемъ и болгарамъ<sup>2)</sup>). Отрицать послѣ этихъ свидѣтельствъ тотъ фактъ, что сербы аеониты около половины XVII вѣка потому именно стали на сторону московскаго двоеперстія противъ современнаго греческаго троеперстія, что находили ученіе о двоеперстіи и въ своихъ старыхъ письменныхъ книгахъ, неудобно.

Другое, еще болѣе рѣшительное свидѣтельство объ употребленіи православными сербами двоеперстія въ крестномъ знаменіи заключается въ слѣдующемъ: въ 1618 году въ Угорцахъ была напечатана книга подъ заглавіемъ: «Собраніе вѣкратце словесъ отъ божественнаго писанія изъясненіемъ изложенія святыхъ апостоль одунадесяти артыкуловъ православной вѣры. Выдруковано коштомъ и накладомъ благочестиваго его милости Александра Шептицкаго Зшептичъ, працею і стараніемъ іеромонаха Павла Домжива Лютиковича і еродіякона Селиверста. Въ Угорцахъ, року 1617: мца марта 30 дня»<sup>2)</sup>). Въ этой книжкѣ, представляющей нѣчто въ родѣ краткаго катихизиса, на первой же страницѣ, находится статья «О знаменіи крестномъ», въ которой ученіе о перстосложеніи изложено такъ: «зложеніе великаго пальца здвомá малыми, значитъ Святую Троицу, склоненіе того, што при великомъ до средняго, значитъ двѣ натурѣ и истности вы Христѣ. Положенъе правой руки на чело значитъ двое: предвѣчное отъ Бога Отца сыновне рождество и тое же звысокости зышоль»

1) Греческія дѣла 7158 г. № 9.

2) Григоровича, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, изд. 2, стр. 82.

и такъ далѣе вполнѣ сходно, исключая нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, съ изложеніемъ ученія о троеперстіи Стефана Зизанія, какъ оно было изложено въ прибавленіи въ Азбукѣ 1696 года. Понятное дѣло, что православные сербы не могли бы печатать и пользоваться этой книжкой, еслибы видѣли въ ней на первой же страницѣ неправославное ученіе о перстосложеніи, противорѣчившее существовавшему всегда у нихъ обычаю троеперстія. Если же они могли рѣшиться печатать въ своихъ учительныхъ книгахъ ученіе о двоеперстномъ крестномъ знаменіи, вопреки тогдашнему греческому троеперстію, то конечно только потому, что находили оправданіе для этого въ своей собственной церковной практикѣ, могли сослаться на свои древнія книги (какъ это было на Аѳонѣ), подтверждающія двоеперстіе.

На вопросъ, откуда же у русскихъ и у другихъ православныхъ славянъ взялось двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, отвѣтъ, очевидно, можетъ быть одинъ: они могли заимствовать двоеперстіе только у своихъ общихъ просвѣтителей христіанствомъ грековъ. Такъ именно и заявили объ этомъ противники церковной реформы Никона, которые увѣряли, что будто бы въ древнее время и сами греки употребляли въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, которое они и передали русскимъ, что будто бы и сами греки въ относительно недавнее только время перемѣнили двоеперстіе на троеперстіе. Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: «у нихъ (грековъ) говорили по дважды аллилуію<sup>1)</sup>, и сложеніе персть имѣли якоже мы; но недавно измѣнили, смущаемы отъ римскихъ наукъ». Во время пренія о перстосложеніи съ Аѳанасіемъ, митрополитомъ иконійскимъ, дьяконъ Ѳеодоръ говорилъ ему: «и у васъ такого мудрованія (т.-е. троеперстія) преже сего не бывано при прежнихъ святѣйшихъ патріархахъ православныхъ, до иподьякона вашего Дамаскина, отъ него же вы книги предстистеса... мы въ православномъ сложеніи перстовъ,

---

<sup>1)</sup> Что у грековъ дѣйствительно въ древнее время употреблялась и сугубая аллилуія, см. объ этомъ прекрасную статью Николаевскаго: „Къ исторіи споровъ объ аллилуія“, Христ. Чт. 1884 г.

во знамені крестномъ на четырехъ вашихъ святыхъ ссылаемся и тѣмъ вѣруемъ». Онъ же говоритъ: «самаго канархиста Гроба Господня, именемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ, бывша въ 174 году, и съ нимъ много бѣседовахъ о всемъ, онъ же сказа ми: патріархъ де іерусалимскій по старому слагаетъ персти, за кое знаменіе крестное вы нынѣ почали страдати.. а цареградскій де патріархъ благословляетъ по новому малаксинымъ сложениемъ. И обѣ руки ихъ начерталъ на бумагѣ перомъ. И о щепоткѣ въ греческихъ книгахъ старыхъ отнюдь нѣсть, развѣ новаго нѣкоего безъимяника иподіякона Дамаскинскаго». Старець Симонова монастыря Серапионъ на допросѣ показывалъ въ 1666 году, что онъ разспрашивалъ иконійскаго митрополита Аѳанасія про греческіе церковные обычаи и Аѳанасій будто бы говорилъ ему, что у грековъ младенцевъ крестятъ черезъ обливаніе и что греки въ настоящее время употребляютъ троеперстіе, «а въ старину де у нихъ въ грекахъ крестились двѣма персты; и то де у нихъ оставили, и назвали тотъ крестъ арменскимъ крестомъ, «нынѣ де у нихъ въ грекахъ двѣма персты не знаменуются, а знаменуются де тремя персты, во образъ Святыхъ Троицы»<sup>1)</sup>. Инокъ Авраамій говоритъ: «а еже ссылаются на грековъ о сложении трехъ перстѣ, и тамо сія у нихъ недавно вселися прелесть, всего осемьдесятъ лѣтъ. А прежде сего отнюдь не было сія и никоторый богословець и учитель церковный не писалъ нигдѣ, ни предалъ тремя персты креститися, понеже хулно есть и нечестиво, арменское то, а не христіанское». «А егда государь вопрошавши отъ нихъ о своемъ ихъ мудрованіи: кто вамъ предаде сіе и кто васъ научи сему, еже Троицею крестъ воображати? и ссылаются на невѣдомаго человѣка, Дамаскина именемъ, иподьякона, Студита, что онъ такъ мудрствовалъ и написалъ. А тотъ ихъ Дамаскинъ невѣдомо кто, и во святыхъ не слышимъ его». Тотъ же Авраамій пишетъ: «гдѣ бо таково не праведно речеса, или предадеса когда, еже тремя персты креститеса? Отъ апостолѣ ли?—Никакоже. Или которымъ

<sup>1)</sup> Матер. для ист. раск. VI, 34, 52, 53, 166, 1, 624.

отъ святыхъ отецъ? Никогда же обрящете, кромѣ отступника папы Формоза. Онъ бо тако мудрствовалъ; и другій учитель Дамаскинъ иподьяконъ такъ же написа, о немъ же ниже слышахомъ когда прежде сего, ни отцы наша возвѣстиша намъ. И никій, государь, учитель новый не согласуетъ со святыми и богоносными отцы, древле предавшими намъ единою сіе таинство, но со армены единомудрствуютъ. Они бо, зловѣрніи, тако тремя персты крестятъ лице свое безъ воплощенія Христова»<sup>1)</sup>.

Имѣли ли какое-либо дѣйствительное основаніе указанная заявленія противниковъ Никона о томъ, что будто бы ранѣе и сами греки употребляли двоеперстіе въ крестномъ знаменіи и что будто бы троеперстіе появилось у нихъ относительно очень недавно?

Какъ извѣстно патріархъ Никонъ обращался къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ разныхъ церковно обрядовыхъ вопросовъ, и между прочимъ относительно перстосложенія въ крестномъ знаменіи и въ іерейскомъ благословеніи. Никонъ получилъ на свои вопросы отвѣтъ отъ цѣлаго Константинопольскаго собора, такъ что на этотъ отвѣтъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на оффиціальное выраженіе взгляда всей константинопольской церкви на интересующій насъ вопросъ. Патріархъ Паисій отъ имени Константинопольскаго собора пишетъ Никону: «На двадцать четвертый (вопросъ), въ которомъ спрашиваете, какъ подобаешь христіанину изображать свой крестъ, т.-е. какими перстами, отвѣчаемъ, что мы всѣ имѣемъ древнее обыкновеніе по преданію поклоняться, имѣя первые три перста соединенными вмѣстѣ въ образъ Св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открыта намъ тайна домостроительства по плоти, или научены славить единого Бога въ трехъ ипостасѣхъ, Отца и Сына и Св. Духа, и да сораспнемся вмѣстѣ со крестомъ Господа нашего Іисуса, Сына Божія, спешаго съ небесъ и вочеловѣчшагося и плотію пострадавшаго ради спасенія нашего. Да это и основательно, поелику чрезъ соединеніе трехъ перстовъ мы воспоминаемъ тайну Св. Троицы, а тѣмъ, что изображаемъ на себѣ

<sup>1)</sup> Матер. для ист. раск. VII. стр. 69—70, 294, 299.

крестъ Господень, напоминаемъ страданіе и воскресеніе Его, съ которыми и ради которыхъ призываемъ отъ Бога помощь». Вотъ и весь отвѣтъ патріарха на вопросъ Никона о сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи. Патріархъ Паисій, конечно, хорошо понималъ, что Никонъ, въ виду неодинаковости перстосложенія въ крестномъ знаменіи у русскихъ и у грековъ, требовалъ отъ него рѣшительно высказаться о томъ, какое перстосложеніе истинно древнее и правое: русское ли двоеперстное, или греческое троеперстное; зналъ онъ конечно и то, что русскіе придаютъ этому вопросу чрезвычайно важно значеніе, и однако въ своемъ отвѣтѣ онъ только указываетъ на существующій у современныхъ грековъ обычай и на его полное соотвѣтствіе съ православнымъ вѣроученіемъ, вовсе не утверждая въ то же время, что современное греческое троеперстіе есть единственно-правое и всегда исключительно употреблявшееся въ православной церкви перстосложеніе, не говоритъ, чтобы русское двоеперстіе было и не древнее и не правое. Отвѣтъ патріарха можно перевести такимъ образомъ: греки употребляютъ въ крестномъ знаменіи троеперстіе и они вполне правы, потому что исповѣдуютъ этимъ правое православное вѣроученіе, а русскіе могутъ держаться своего вѣковаго обычая—двоеперстія и будутъ также правы, если они конечно соединяютъ съ этимъ правую православную мысль. Болѣе опредѣленно и рѣшительно патріархъ Паисій высказалъ свою мысль о томъ или другомъ способѣ перстосложенія въ крестномъ знаменіи въ слѣдующемъ отвѣтѣ на вопросъ Никона относительно способа сложенія перстовъ въ архіерейскомъ и іерейскомъ благословеніи. Что касается сложенія перстовъ въ архіерейскомъ и іерейскомъ благословеніи, пишетъ патріархъ Паисій Никону, «то церковь благословляетъ всѣхъ, изображая іерейскою рукою имя Мессіи, или, что то же, имя Іисуса Христа, именно: изображая *i* и *c*—что въ сокращеніи значитъ Іисусъ, и *x* и *c*—что въ таковомъ же сокращеніи означаетъ Христосъ. *А какими перстами кто начертываетъ эти четыре буквы, это безразлично, лишь бы благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ Іисуса Христа при по-*

средствѣ руки священника, и что Іисусъ Христосъ самъ даетъ благодать благословенія по прошенію того, кто ищетъ ея съ вѣрою. Но приличнѣе дѣлать такъ, какъ изображается Христосъ благословляющимъ на иконахъ, поелику такая форма перстосложенія отчетливѣе выражаетъ имя Іисусъ Христосъ, именно: большой палецъ, т. - е. первый и четвертый, будучи соединены вмѣстѣ, изображаютъ Іисуса, а два (второй и третій) стоямя съ небольшимъ наклоненіемъ одного изъ нихъ *x*, и малый послѣдній *s*, что значить Христосъ. Впрочемъ то же самое будемъ означать, если будутъ держать и два послѣдніе перста (приклоненными) книзу въ формѣ двухъ *s s*, три же первые стоямя, какъ изображающіе *i* и *x*, — *и это не дѣлаетъ никакого различія*». Такимъ образомъ патріархъ Паисій, отвѣчая на вопросъ относительно перстосложенія въ іерейскомъ благословеніи, прямо и рѣшительно говоритъ, что оно имѣетъ въ виду изобразить іерейскою рукою имя Мессіи, а какими это будетъ сдѣлано перстами—дѣло безразличное, и тѣмъ ясно даетъ понять, что константинопольская церковь, отъ лица которой говоритъ патріархъ, сущность дѣла полагаетъ здѣсь не въ томъ или иномъ перстосложеніи, а въ самой мысли, выражаемой имъ, такъ что, если человекъ держитъ правильную мысль, то уже совершенно безразлично будетъ, какъ онъ и какіе именно персты слагаетъ. Само собою понятно, что если относительно важнѣйшаго архіерейскаго или іерейскаго благословенія вполнѣ допустима свобода того или другого перстосложенія, то тѣмъ болѣе конечно эта свобода допустима относительно обычнаго знаменованія себя крестомъ каждымъ христіаниномъ, лишь бы только мысль, выражаемая тѣмъ или другимъ перстосложеніемъ, была строго православна.

Вотъ точка зрѣнія православной константинопольской церкви на то или другое перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и въ архіерейскомъ благословеніи, оффиціально выраженная въ соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха Никону. Этимъ вполнѣ объясняется то явленіе, что константинопольская церковь, сама употребляя въ послѣднее время исключительно троеперстіе, въ то же время

допускала существованіе двоеперстія и въ московской и въ кievской Руси и у сербовъ, и вовсе не предпринимала какихъ-либо мѣръ для замѣны его у нихъ троеперстіемъ, такъ какъ она знала, что съ двоеперстіемъ русскіе и сербы соединяли ту же самую православную мысль, что и греки съ троеперстіемъ. Но была въ этомъ дѣлѣ и другая сторона.

Простое заявленіе константинопольскаго патріарха, что греки употребляютъ по преданію древнее обыкновеніе креститься тремя первыми перстами во образъ Св. Троицы, безъ всякаго подтвержденія этого положенія какимъ-либо доказательствомъ, кромѣ указанія на заключающееся въ немъ православное ученіе, очевидное нежеланіе патріарха сказать, что русское двоеперстіе не есть такое же древнее обыкновеніе, какъ и греческое троеперстіе, его очевидное преднамѣренное стремленіе внушить русскимъ ту мысль, что то и другое перстосложеніе въ существѣ дѣла совершенно безразлично, лишь бы только имъ выражалась православная мысль, ясно показываетъ, что ученый Мелетій Сиригъ, которому принадлежитъ составленіе соборныхъ отвѣтовъ на вопросы Никона, хорошо зналъ, что въ православной вселенской церкви перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было въ различное время неодинаково, что русское двоеперстіе нѣкогда существовало и у самихъ грековъ, отъ которыхъ оно вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и перешло къ русскимъ. Именно этимъ и объясняется то обстоятельство, почему константинопольскій соборъ въ своихъ отвѣтахъ Никону никакъ не могъ сказать того, что единственно древняя и православная форма перстосложенія въ крестномъ знаменіи есть только троеперстная, современная греческая, и что русское двоеперстіе по отношенію къ греческому троеперстію есть уже гозднѣйшая, искаженная форма перстосложенія, хотя Никонъ въ своихъ вопросахъ и требовалъ конечно именно того, о чемъ рѣшительно умалчиваетъ соборъ, т.-е. желалъ знать, какое перстосложеніе древнѣе и правильнѣе—греческое или русское—двоеперстное или троеперстное.

Что у грековъ въ древнее время вмѣстѣ съ другими формами перстосложенія существовало и двоеперстіе, на

это имѣются прямыя данныя. Такъ одинъ грекъ XII вѣка обличаетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что они благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ себя подобно моноелитамъ однимъ перстомъ, «между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы ими обозначались два естества (въ Христѣ) а три лица (въ Божествѣ) <sup>1)</sup>. Монахъ Петръ изъ Дамаска, писавшій около 1157 года (хотя нѣкоторые думаютъ и утверждаютъ, что онъ жилъ гораздо ранѣе) говоритъ, что въ крестномъ знаменіи «два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Иисуса Христа, во двою естеству и въ единомъ составѣ познаваема». Но болѣе раннее и очень важное свидѣтельство объ употребленіи греками двоеперстія въ крестномъ знаменіи принадлежитъ несторіанскому митрополиту Ильѣ Гевери, жившему въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Желая примирить монофизитовъ съ православными или мелхитами, какъ обыкновенно сирійцы несторіане и монофизиты называютъ православныхъ,—и съ несторіанами, онъ говоритъ «въ согласіи вѣры между несторіанами, мелхитами и яковитами: что они не согласны между собою въ изображеніи креста, что конечно неважно. Именно, одни знаменіе креста изображаютъ однимъ перстомъ, ведя руку слѣва направо; другіе двумя перстами, ведя, наоборотъ, справа налево. Яковиты, осѣняя себя однимъ перстомъ слѣва направо, означаютъ этимъ, что вѣрують въ единого Христа—преведъ искупленныхъ отъ грѣха (слѣва) къ благодати (направо). Несторіане и мелхиты, изображая крестъ въ знаменіи двумя перстами—справа налево, исповѣдуютъ тѣмъ свое вѣрованіе, что на крестѣ Божество и человѣчество были вмѣстѣ соединены, что это было причиной нашего спасенія и что вѣра началась съ правой стороны, а невѣріе, заблужденіе прогнаны съ лѣвой». Это ясное и опредѣленное свидѣтельство объ употребленіи греками въ X вѣкѣ двоеперстія въ крестномъ знаменіи наши полемисты съ расколомъ стараются всячески отвергнуть на томъ основаніи,

<sup>1)</sup> Cotelierio: *Esslesiae Graecae monumenta*, t. III, p. 500—XXIV, 502—XXXVI, 507—LVII, 508—LVIII и 670.

что подь мелхитами слѣдуетъ будто бы разумѣть вовсе не православныхъ, а какихъ-то невѣдомыхъ для исторіи еретиковъ. Такъ о. Виноградовъ, въ своемъ сочиненіи «О Ѳеодоритовомъ Словѣ» говоритъ: «мелхиты почему-то въ статьѣ о крестномъ знаменіи, помѣщенной въ Чтен. Общ. Ист. 1847 г., № 7, названы *православными*». Почему преосвященный Филаретъ черниговскій, авторъ упомянутый статьи о крестномъ знаменіи, называетъ мелхитовъ православными, это понятно. Ассеманъ, у котораго Филаретъ черниговскій и о. Виноградовъ берутъ приведенное выше свидѣтельство Ильи Гевери, въ главѣ, гдѣ находится это свидѣтельство, прямо говоритъ, что нѣкоторые несторіанскіе обряды очень сходны съ обрядами мелхитовъ или грековъ, что несторіане *ritum Graecum sequuntur* и затѣмъ говоритъ между прочимъ, что несторіане изображаютъ крестъ «*по обычаю грековъ*», въ доказательство чего и приводитъ свидѣтельство Ильи Гевери о томъ, что мелхиты и несторіане крестятся двумя перстами <sup>1)</sup>).

Что подь мелхитами нужно разумѣть православныхъ и, частіе, православныхъ грековъ, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ и изъ другихъ мѣстъ Ассемана, гдѣ онъ только говоритъ о мелхитахъ. По поводу небеснаго огня, сходящаго въ Іерусалимѣ въ великую утреню на Гробъ Господень, онъ говоритъ: «не волею Бога, а волею тварей дѣлается это чудо: это ясно изъ того, что *патріархъ мелхитовъ* въ какое хочеть время входитъ и зажигаетъ свѣчи въ двухъ лампадахъ, скрытыхъ въ запертномъ святомъ гробѣ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ армянскій патріархъ, семь лѣтъ прожившій въ Іерусалимѣ и входившій для возженія огня вмѣстѣ съ *патріархомъ мелхитовъ* <sup>2)</sup>. Ясно, что въ данномъ случаѣ патріархомъ мелхитовъ названъ не кто иной, какъ православный іерусалимскій патріархъ. На это далѣе и указываетъ самъ Ассеманъ, когда говоритъ: «Quaresmius говоритъ, что огонь возжигается абиссинцами,

<sup>1)</sup> Asseman. Biblioth. Oriental. T. III, pars 2, pag CCCLXXVII—CCCLXXVIII и CCCLXXXVIII.

<sup>2)</sup> Ibid. p. CCCLXV.

а не патріархомъ *мелхитовъ или грековъ* <sup>1)</sup>). Армянскій митрополитъ, конца XIII и начала XIV вѣка, «Ebedjesus Sobeusis», различивъ три секты христіанъ, именно яковитовъ, мелхитовъ и несторіанъ, объ мелхитахъ прибавляетъ: другая, которая признаетъ два естества и одно лицо въ Христѣ, называется сектой *мелхитовъ*, такъ какъ установлена силой императоромъ; и ее приняли римляне, которые называются франками, и константинопольскіе греки и всѣ сѣверные народы: именно *рутенъ (русскіе)*, аланы, черкасы, *asiapî*, грузины и другіе ихъ сосѣди. Франки же отличаются отъ нихъ тѣмъ, что считаютъ Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына и для жертвы употребляютъ опрѣсноки» <sup>2)</sup>).

И другіе ученые, напримѣръ Combetis, подъ мелхитами разумѣютъ православныхъ, или всѣхъ тѣхъ, которые вопреки еретикамъ-монофизитамъ признали четвертый Вселенскій соборъ. Онъ говоритъ: «одни, послѣдовавшіе православной вѣрѣ, собору и царю Маркіану, были названы мелхитами, т.-е. царскими, потому что мелхи по-сирски и по-еврейски значить царь» <sup>3)</sup>). Наши полемисты съ расколомъ, въ подтвержденіе того, что подъ мелхитами слѣдуетъ разумѣть еретиковъ, а не православныхъ, ссылаются на стропечатную Кормчую, въ которой приводятся слѣдующія слова Димитрія, митрополита кизичевского (911—919 г.), о яковитѣхъ и о хацыцарѣхъ: «другая ересь мелхите нарекошася, *иже благочестивому царю Маркіану послѣдоваши*, мелхій бо царь сказуется: сїи же и хацыцари, иже токмо въ крестъ вѣрують, по языку бо ихъ хацы крестъ именуется» <sup>4)</sup>).

<sup>1)</sup> Ibid. p. CCCLXVI. И въ другихъ мѣстахъ Ассеманъ называетъ грековъ мелхитами: „тѣ же ступени посвященія и у *грековъ мелхитовъ* въ антиохійскомъ патріархатѣ“, „обрядъ благословенія архидіакона относится къ антиохійской церкви *грековъ мелхитовъ*“; „ограниченная власть хорепископа и періодефта у *грековъ мелхитовъ*, сирійцевъ несторіанъ и яковитовъ“, Ibid. p. DCCCXXXII, DCCCXLIII.

<sup>2)</sup> Ibid. c. CCCXXXIII, и t. II, p. 456.

<sup>3)</sup> Combetis Historia haeresis Monothelitarum, p. 265.

<sup>4)</sup> Свящ. Виноградова: О Феодоритовомъ словѣ, стр. 46. Высокопреосв. Макарія статья: правило Стоглаваго собора о двуперстїи съ исторической точки зрѣнія. Братское слово, 1875 г., кн. 2, стр. 34.

Но вопросъ въ томъ кто былъ благочестивый царь Маркіанъ, за которымъ послѣдовали мелхиты и отъ котораго они получали свое названіе? Это былъ греческій императоръ Маркіанъ, супругъ Пульхеріи, который въ 451 году собралъ въ Халкидонѣ четвертый Вселенскій соборъ, осудившій минофизитовъ, которые съ этого времени уже окончательно отдѣлились отъ православной церкви, увѣряя, что опредѣленія Халкидонскаго собора стоялись будто бы подъ давленіемъ императора, почему они принявшихъ этотъ соборъ и назвали отъ еврейско-сирскаго слова мелехъ-царь—мелхитами, царскими или по современному—роялистами. Очевидно, что слѣдовать благочестивому царю Маркіану, т.-е., быть мелхитами значило быть православнымъ, наоборотъ, не слѣдовать Маркіану, т.-е. не быть мелхитомъ—значило не быть православнымъ. Въ виду этого уже само собою становится понятнымъ, что православный митрополитъ Димитрій кизическій никакъ не могъ назвать мелхитовъ, «иже благочестивому царю Маркіану послѣдовавшие», еретиками. Онъ дѣйствительно и не называлъ мелхитовъ еретиками. Приведенное мѣсто Димитрія кизическаго съ греческаго читается такъ: «мелхитами были названы послѣдовавшіе благочестивому царю Маркіану, ибо мелхи значить царь»<sup>1)</sup> и только. Вѣроятно какой-нибудь позднѣйшій славянскій писатель, приводя это мѣсто изъ Димитрія кизическаго, и видя, что онъ говоритъ о еретикахъ яковитахъ и тутъ же о какихъ-то непонятныхъ ему мелхитахъ, счелъ и послѣднихъ за еретиковъ наравнѣ съ яковитами и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ отъ себя къ словамъ Димитрія кизическаго пояснительную приставку изъ двухъ словъ: «другая ересь», благодаря чему православные послѣдователи благочестиваго царя Маркіана совершенно неожиданно превратились въ еретиковъ.

Силу приведенныхъ нами выше свидѣтельствъ въ пользу существованія у грековъ двоеперстіе въ X, XI и XII вѣкахъ нѣкоторые думаютъ ослабить и тѣмъ еще сообра-

1) Подлинный греческій текстъ приведенныхъ словъ Димитрія Кизическаго, см. у Ралии Потли въ *Zúσταρα*, т. IV, стр. 407—408.

женіемъ, что будто бы приведенныя свидѣтельства, если и говорятъ за существованіе двоеперстія, то только у однихъ сирійскихъ христіанъ, жившихъ среди монофизитовъ и несторіанъ, такъ что на это явленіе слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключительно мѣстный, специально сирійскій обычай<sup>1)</sup>, котораго совсѣмъ не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, въ которой двоеперстія вовсе не употреблялось. Но и такое пониманіе дѣла будетъ несправедливо и не согласно съ дѣйствительностью. Мы имѣемъ подъ руками такой фактъ, который ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе двоеперстія въ самой константинопольской церкви вначалѣ XI столѣтія. Этотъ фактъ заключается въ слѣдующемъ: яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ, жившій въ Антиохіи, которая въ то время принадлежала грекамъ, былъ обвиненъ милитинскимъ митрополитомъ Никифоромъ предъ греческимъ императоромъ Рованомъ Аргилопуломъ въ томъ, что будто бы Іоаннъ старается совращать грековъ въ свою ересь. Императоръ приказалъ привести Іоанна въ Константинополь. Въ 1029 году 15 іюня Іоаннъ Абдонъ съ 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитскими, въ сопровожденіи обвинителя митрополита Никифора, прибылъ въ Византію. Здѣсь патріархомъ константинопольскимъ составленъ былъ соборъ съ цѣлію обратить яковитовъ въ православіе, но они остались непреклонными въ своемъ заблужденіи. Тогда, говоритъ Ассеманъ, снова устроивши собраніе, патріархъ (греческій) и приглашенные епископы (греческіе) приказали Іоанну Абдону патріарху Елію, епископу симнадійскому, присутствовать (на соборѣ). Когда же послѣ долгаго спора не могли преклонить нашихъ къ своему мнѣнію, потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не примѣшивали елея въ евхаристіи и *крестились не однимъ перстомъ, а двумя*<sup>2)</sup> Гигорій Bar-hebraeus, яко-

1) См. вышеупомянутую статью митрополита Макарія въ „Братскомъ словѣ“, стр. 34, 35, 43.

2) Tum (inquit) facto rursus conventu Patriarcham (Graecorum) et episcopos arcessentes, Ioannem Abden Patriiarcham et Eliam Symnadae epis-

витскій патріархъ конца XIII вѣка, у котораго Ассеманъ взялъ приведенное имъ извѣстіе, въ своей «Хроникѣ» о пребываніи Іоанна Абдона въ Константинополѣ рассказываетъ слѣдующее: когда Абдонъ явился въ Константинополь, то народъ благодаря неблагопріятнымъ вѣстямъ, распущеннымъ про яковитовъ митрополитомъ Никифоромъ, бросалъ въ яковитскаго патріарха и его свиту съ крышъ камнями. «Когда же предстали предъ патріархомъ халкидонскимъ въ ихъ большой церкви, того патріарха злорѣчивый митрополитъ греческій убѣдилъ не вступать съ ними (яковитами) въ изслѣдованіе о вѣрѣ, такъ какъ они были чрезвычайно искусны въ спорахъ, но не могъ сдѣлать, чтобы не спрашивали ихъ. Итакъ, когда спрашивали, что же они исповѣдывали, наши принесли два свитка (двѣ книги), написанные по гречески и по сирійски. Когда же раскрыли свитки, то греки ничего не могли прочитать въ нихъ. «Мы васъ привели, сказали противники (греки), не затѣмъ, чтобы у васъ учиться вѣрѣ, но чтобы васъ учить вѣрѣ; исповѣдуйте вмѣстѣ съ нами двѣ природы послѣ соединенія (post unionem)». А патріархъ (яковитскій) отвѣтилъ: «мы ни въ чемъ не измѣнили исповѣданіе нашихъ отцовъ». Тогда сей злорѣчивый милитинецъ, поднимаясь, говоритъ: «ты отвергаешь исповѣданіе императора<sup>1)</sup> и ударилъ патріарха по щекѣ, ему самъ

---

copum sedere jusserunt. Quumque post longam disputationem nostros in suam sententiam dlectere nequivissent, id unum ab iis postularunt, ne scilicet oleum Eucharistiae admiscerent, *vere crucem unico digito, sed duobus formarent.* Asseman. Biblioth. Oriental. T. II, pag. 352 и 356.

<sup>1)</sup> Греки такимъ образомъ отождествляли православіе съ вѣрностью константинопольскому императору; въ числѣ доказательствъ въ пользу православія указывали на то, что его установили и исповѣдуютъ византійскіе императоры, почему яковиты и потомъ несторіане и называли православныхъ грековъ презрительно *мелхитами*, т.-е. вѣрующими по приказу царя. Гиббонъ говоритъ: „многочисленность и ви́шніе признаки могущества давали латининамъ и грекамъ нѣкоторое право называть себя католиками; но на востокѣ имъ давали менѣе почетное названіе *мелхитовъ* или *роялистовъ*, т.-е. такихъ людей, вѣрованіе которыхъ основывались не на Свящ. Писаніи, не на разсудкѣ и на традиціи, а были установлены и поддерживались произвольно властію свѣтскаго монарха. Ихъ

блаженный подставилъ и другую. Такимъ дѣйствиємъ многіе изъ знатныхъ грековъ были раздражены, опечалены и плакали и, вышедши, разошлись съ ропотомъ. Патріархъ же и его снутники были отведены въ монастырь Маг-Менпае и на слѣдующій день въ монастырь Григорія. Потомъ собравши другой соборъ, призвали патріарха (греческаго) и епископовъ (греческихъ) и заставили присутствовать патріарха (яковитскаго) и Елію симнадійскаго. Когда же послѣ многихъ собесѣдованій увидали, что тѣ съ ними совсѣмъ не соглашаются, сказали: «только не примѣшивайте елей къ священной частичкѣ и не изображайте крестъ однимъ перстомъ, но двумя<sup>1)</sup>».

Такимъ образомъ въ 1029 году константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами желая обратить въ православіе яковитскаго патріарха VIII и его спутниковъ, торжественно потребовалъ отъ нихъ на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, но двумя. Ясное дѣло, что вначалѣ XI вѣка какъ самъ константинопольскій патріархъ, такъ и другіе греческіе іерархи въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно-православнымъ перстосложеніемъ, вопреки монофизитскому одноперстію. Почему греки держались двоеперстія и почему они такъ настойчиво требовали отъ яковитянъ, чтобы тѣ никакъ не крестились однимъ перстомъ, а двумя, — понятно. Употребленіе яковитами одного перста въ крестномъ знаменіи находилось

---

противники (т.-е. яковиты и несторіане) могли ссылаться на слова членовъ Константинопольскаго собора, объявившихъ себя рабами государя и могли съ злобной радостію рассказывать, какъ декреты Халкидонскаго собора были внушены и передѣланы императоромъ Маркіаномъ и его цѣломудренною супругой (Ист. упадка и разрушеніе римск. имперіи, т. V, стр. 273, перев. Невѣдомскаго).

1) *Tantum modo, aiedant, ne misceatis oleum particulae consecrandae, et ne cvicem signetis uno digito, sed duobus.* Gregorii Barhebraei Chronicon Ecclesiasticum издана въ трехъ томахъ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями, Ioannes Baptista Abbeloos et Thomas Iosephus Lamy Locseanii 1872 г. Приведенныя нами свѣдѣнія объ Іоаннѣ Аблонѣ взяты изъ перваго тома, стр. 426—430.

въ тѣсной связи съ ихъ монофизическими воззрѣніями на природу Христа. Ассеманъ въ своей «dissertatio de Monophysitis, помѣщенной въ началѣ второго тома его Bibl. Oriental., говорить: «Пратеоль со словъ Бернарда люксембургскаго, а со словъ Пратеола Куалтерій Гофманъ пишутъ, что яковиты не вѣруютъ во Святую Троицу, но только въ единство, въ обозначеніе чего при крестномъ знаменіи знаменуютъ себя и осѣняютъ однимъ перстомъ. Откуда они взяли такой обычай—не говорятъ. Но что онъ дѣйствительно былъ измышленъ, это доказываютъ синодалныя посланія патріарховъ того народа къ александрійскимъ первосвященникамъ, равно богословскія сочиненія епископовъ и ученыхъ, на которыя я ссылаюсь въ этомъ томѣ; наконецъ сирійскія литургіи и богослужебныя книги той секты, въ которыхъ ничто такъ часто не встрѣчается, какъ исповѣдываніе троичности лицъ и единства божественной природы. Почему же знаменіе креста совершаютъ однимъ перстомъ, причину этого указываетъ Давидъ, сынъ Павла, епископъ яковитскій, въ діалогѣ de Trisagio въ слѣдующихъ словахъ: поелику Христосъ одинъ, Божіе слово, которое воплотилось, а не два и распятъ на одномъ крестѣ и одинъ разъ; посему крестъ изображаемъ однимъ перстомъ. Туже почти причину, указанную самими яковитами, принимаетъ и Яковъ Витрійскій въ Histor. Orient. Когда же я спрашивалъ, говорить, почему знаменовались только однимъ перстомъ, отвѣчали, что однимъ перстомъ обозначали единою божескую сущность. тремя же частями—Троицу, осѣняя себя знаменіемъ креста во имя троичности и единства. Греки же и сиріане возражали имъ, что по причинѣ единства природы, которую признавали во Христѣ, знаменовались только однимъ перстомъ. Замѣтъ, что не только противники яковитовъ, каковы греки и сиріане, обвиняютъ ихъ въ томъ нелѣпѣйшемъ заблужденіи, которое Пратеоль и иные вышеупомянутые авторы имъ приписываютъ». Греки отличали латинянъ въ томъ, что они крестятъ лицо однимъ перстомъ подобно тому, какъ это дѣлаютъ монофизиты, имѣющіе въ виду обозначить этимъ единую природу Рас-

пятого»<sup>1)</sup>. Combetis говорить<sup>2)</sup>, что яковиты «придумали и то, чтоб однимъ перстомъ крестить лицо, какъ признающіе во Христѣ одну природу». Gretseri говорить<sup>3)</sup>, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи «употреблялось нѣкогда еретиками монофизитами въ ознаменованіе единой природы во Христѣ, по свидѣтельству Никифора (lib. 18, с. 53)». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говорить: «два перста (въ крестномъ знаменіи означаютъ) двѣ природы во Христѣ... ибо если еретики монофизиты однимъ перстомъ выражали еретически одну природу во Христѣ, почему не изображать православнымъ, въ противность еретикамъ, двѣ природы (во Христѣ) *двумя перстами, обыкновенно употребляемыми при изображеніи креста*». Дѣйствительно, когда появилась ересь монофизитовъ, которая воспользовалась древнѣйшей, дотолѣ употреблявшейся формой перстосложенія—одноперстіемъ для пропаганды своего еретическаго ученія, стала смотрѣть на одноперстіе какъ на символическое выраженіе своего ученія о единой природѣ во Христѣ, тогда православные вопреки монофизитамъ стали употреблять въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, какъ символическое выраженіе православнаго ученія о двухъ природахъ во Христѣ. Такъ случилось, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи стало служить внѣшнимъ, нагляднымъ признакомъ монофизитства, двоеперстіе—православія. Продолжительная и упорная борьба съ монофизитствомъ, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православныхъ грековъ придавать особенное значеніе двоеперстію, какъ видимому и понятному для всѣхъ знаку принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви, тѣмъ болѣе, что въ Сиріи, Египтѣ и нѣкоторыхъ греческихъ городахъ православное народонаселеніе было перемѣшано съ монофизитскимъ. Этимъ и объясняется, почему константинопольскій патріархъ и епископы, обращая въ православіе яковитскаго патіарха и его спутниковъ, настойчиво тре-

1) Cotoleric, Ecclesiae Graecae monumenta, t. III, p. 507, 508, 670.

2) Historia haeresis monothelitarum, p. 266.

3) Opera omnia, t. 1, lib. IV, cap. I, p. 338 и cap. IV, p. 343.

бовали отъ нихъ, чтобы они изображали крестъ не однимъ перстомъ, а двумя: по употребленію въ крестномъ знаменіи двоеперстія или одноперстія заключали въ то время и о принадлежности лица къ православію или монофизитству. Борьбою и постояннымъ совмѣстнымъ жительствомъ съ монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстіе такъ долго держалось и въ константинопольской церкви и потомъ между сирійскими православными христіанами и почему троеперстіе, эта самая естественная для христіанина форма перстосложенія<sup>1)</sup>, могло сдѣлаться въ греческой церкви всеобщимъ господствующимъ обычаемъ только въ позднѣйшее время, когда уже окончательно прекратилась борьба съ монофизитствомъ; этимъ объясняется и то обстоятельство, почему въ западной церкви, несоприкасавшейся непосредственно съ монофизитами, троеперстіе встрѣчается ранѣе, чѣмъ у грековъ<sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ въ греческой православной церкви, благодаря особымъ обстоятельствамъ (именно монофизитству), несомнѣнно существовалъ очень продолжительный періодъ времени, когда двоеперстіе было въ ней господствующею и преобладающею формою въ крестномъ знаменіи; отрицать этотъ фактъ невозможно, да и нужды въ этомъ, какъ увидимъ, нѣтъ никакой.

Изъ сказаннаго нами понятнымъ становится, откуда и когда появилось на Руси двоеперстіе и насколько виновато въ немъ московское невѣжество. Въ 1029 году самъ

1) Потому что троеперстіемъ выражается основной догматъ христіанства—ученіе о троичности лицъ въ Божествѣ. Съ этой точки зрѣнія и латиняне признаютъ троеперстіе за самую лучшую форму перстосложенія. Такъ Gretseri, въ вышеуказанномъ сочиненіи (t. I, cap. IV, p. 343) говоритъ: „я не важно, всей ли рукой или тремя перстами изображать крестъ, хотя яснѣе изображеніе Троицы при троеперстномъ знаменіи.“

2) Объ употребленіи въ римской церкви троеперстія въ крестномъ знаменіи говорятъ: папа Левъ IV (847—855), папа Иннокентій III (1198), Лука, епископъ тудентскій въ Испаніи († 1288) и др. (Всѣ эти свидѣтельства указаны въ вышеупомянутой статьѣ высокопр. Макарія, помѣщенной въ Братскомъ Словѣ, 1875, кн. 2, стр. 38—39 и въ статьѣ преосв. Филарета, архіеп. черниговскаго, помѣщенной въ Чт. общ. исторіи и древностей 1847 г. кн. VII, стр. 32).

константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, требовалъ на соборѣ отъ яковитскаго патріарха Іоанна VIII Абдона и его спутниковъ, чтобы «они крестились не однимъ перстомъ, а двумя», требовалъ этого конечно потому, что правымъ и обязательнымъ для православныхъ перстосложеніемъ греки считали въ то время двоеперстіе. Но, какъ извѣстно, менѣе чѣмъ за 50 лѣтъ до этого событія русскіе приняли христіанство отъ грековъ, приняли къ себѣ присланныхъ изъ Константинополя церковныхъ іерарховъ, которые научили ихъ вѣрѣ и передали имъ весь греческій церковный обрядъ и чинъ. Понятно, что просвѣтителі русскіхъ христіанствомъ, греки прежде всего научили ихъ творить на себѣ крестное знаменіе, какъ внѣшній, видимый для всѣхъ знакъ ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству; понятно, что греки научили новопросвѣщенныхъ русскіхъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ это время. А такъ какъ правымъ и обязательнымъ для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложеніе, то конечно и русскіхъ они научили знаменоваться въ крестномъ знаменіи двумя перстами. Вотъ когда и откуда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!

Но признаніе того факта, что двоеперстіе въ крестномъ знаменіи существовало нѣкогда въ православной греческой церкви, какъ преобладающая и господствующая форма перстосложенія, что она по времени предшествовала господствующему значенію троеперстія, нисколько однако не оправдываетъ нашихъ старообрядцевъ, доселѣ смотрящихъ на двоеперстіе, какъ на единственно и исключительно православную форму перстосложенія и отрицающихъ всѣ другія формы, какъ неправославныя и даже еретическія. Дѣло въ томъ, что если двоеперстіе, какъ господствующая форма перстосложенія и употреблялось въ православной церкви ранѣе троеперстнаго перстосложенія, то все-таки и само оно не было однако первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія, а позднѣйшею и видоизмѣненною изъ древнѣйшей — единоперстія, такъ какъ въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ

перстомъ. На это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстомъ* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположение и полная вѣра». Св. Епифаній говоритъ о нѣкоемъ знакомомъ ему православномъ мужѣ Іосифѣ, что онъ «взявъ сосудъ съ водою собственнымъ своимъ *перстомъ* напечатлѣлъ на немъ крестное знаменіе». Объ употребленіи одного перста въ крестномъ знаменіи говорятъ затѣмъ: блаженный Іеронимъ, блаженный Феодоритъ, церковный историкъ Созомень, св. Григорій Двоесловъ, Іоаннъ Мосхъ и др. Только у одного св. Кирилла іерусалимскаго мы встрѣчаемъ такое свидѣтельство: «съ дерзновеніемъ да изображаемъ *перстами* знаменіе креста на челѣ и на всемъ» <sup>1)</sup>. Самый крестъ при знаменованіи себя въ первые вѣка христіанства изображался иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по преимуществу на челѣ или же на устахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльныхъ частяхъ тѣла, такъ что знаменованіе себя большимъ крестомъ въ первые вѣка христіанства не употреблялось, а вошло въ обычай уже въ позднѣйшее время <sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ оказывается, что перстосложеніе для крестнаго знаменія было въ христіанской церкви въ раз-

---

1) Всѣ эти свидѣтельства приведены въ статьѣ митрополита Макарія: „Правило Стоглаваго собора о двуперстїи съ исторической точки зрѣнія“ (Братское слово 1875 г., кн. 2) и въ статьѣ „О крестномъ знаменіи“ Филарета, архіепископа черниговскаго (Чт. Общ. ист. и дрвн. 1847 г., № 7).

2) Объ этомъ находятся свидѣтельства у Тертуліана, Кипріана, св. Ипполита, Василя Великаго, Григорія Нисскаго, Ефрема Сирина, Амвросія Медианскаго, у Іеронима, Августина и др. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ и нѣкоторымъ русскимъ первой половины XVI вѣка. Соборная грамота въ Соловецкій монастырь, о заточеніи бывшаго троїцкаго игумена Артемія, говоритъ: „да и потому Артемью вина, что троїцкій бывший игумень Іона Сергіева монастыря писалъ на него, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: нѣтъ де въ томъ ничего, прежеде и сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ болшіе на себѣ кресты кладуть“ (А. Э. 1, № 239, стр. 252).

личное время очень не одинаково; знаменовали себя крестомъ и однимъ перстомъ, и двумя, и тремя, приче́мъ въ различное время такому или иному перстосложенію усвоилось обыкновенно извѣстное, опредѣленное символическое значеніе въ связи съ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ<sup>1)</sup>, которое хотѣли выразить внѣшнимъ, для всѣхъ видимымъ знакомъ, такъ что правильность того или другого перстосложенія опредѣлялась въ данное время соединяемымъ съ нимъ ученіемъ. Самый крестъ въ знаменованіи себя христіане сначала изображали только или на челѣ, или на другихъ частяхъ тѣла и уже послѣ стали класть руку при изображеніи креста на чело, потомъ на животъ, на правое плечо и на лѣвое или сначала на лѣвое, а потомъ на правое. Слѣдовательно перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и самый способъ изображенія креста имѣютъ свою

---

1) Филаретъ, архіепископъ черниговскій, въ своей статьѣ: богослуженіе русской церкви до-монгольскаго времени, въ трактатѣ о крестномъ знаменіи говоритъ: „Извѣстно, что христіане вселенской церкви въ разное время различно знаменовались крестнымъ знаменіемъ, смотря по тому, какую мысль вѣры, какое чувство нужно выражать симъ внѣшнимъ дѣйстви́емъ, по обстоятельствамъ времени. Чтобы показывать единство Божіе многобожникамъ (въ первое время христіанства), творили знаменіе креста *однимъ перстомъ*. Когда явился Арій съ своею враждою противъ св. Троицы, тогда *нѣкоторые* стали знаменоваться тремя перстами, хотя общимъ знаменіемъ продолжало оставаться одноперстіе. Сіе (троеперстное) не успѣло еще освятиться употребленіемъ вмѣсто одноперстнаго, какъ монофизитство, являсь къ концу V вѣка, заставило православныхъ обратиться къ другому знаменію. Монофизиты съ тѣмъ большимъ рвеніемъ продолжали употреблять одноперстное знаменіе, что оно, какъ казалось имъ, подкрѣпляетъ мнѣніе объ единомъ естествѣ въ Христвѣ Иисусѣ. Православные, желая исповѣдаться не только устами, но осязательнымъ знакомъ два естества во Христвѣ, стали знаменоваться *двумя перстами*. Къ началу X вѣка сии два вида знаменія—одноперстное и двуперстное служили однимъ изъ внѣшнихъ отличій двухъ разныхъ вѣроисповѣданій, монофизитскаго и православнаго. Такъ было въ Сиріи и Арменіи, гдѣ монофизитство дѣйствовало съ особою силою. Между тѣмъ троеперстное знаменіе крестомъ входило болѣе и болѣе въ употребленіе и особенно тамъ, гдѣ монофизитство мало занимало собою умы людей: за нимъ осталось то преимущество, что оно для всѣхъ выражало сдинъ изъ самыхъ важныхъ догматовъ христіанства — догматъ св. Троицы, а другихъ отклоняло отъ споровъ пустыхъ“. (Чт. Общ. ист. и древн. 1847 г., кн. VII, стр. 30—32).

исторію, такъ какъ они съ теченіемъ времени видоизмѣнялись по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, причемъ эти видоизмѣненія всегда находились въ связи съ вѣроученіемъ, которое хотѣли въ данное время выразить извѣстнымъ перстосложеніемъ <sup>1)</sup>). Отсюда само собою

1) Къ сожалѣнію въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще нѣтъ ни одного, строго-научнаго, безпристрастнаго и серьезнаго историческаго изслѣдованія какъ о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи, такъ и по другимъ вопросамъ, которые однако уже цѣлыхъ два столѣтія служатъ между православными и старообрядцами предметомъ горячихъ споровъ, пререканій и взаимныхъ обвиненій, часто несправедливыхъ благодаря тому, что обѣ спорящія стороны не имѣютъ подъ собою твердой, научно-изслѣдованной почвы. Намъ кажется, что на нашихъ ученыхъ полемистахъ съ расколомъ лежитъ нравственный долгъ изслѣдовать спорные вопросы исторически, строго-научно, безъ предвзятыхъ, установившихся полемическихъ тенденцій, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ и возможна будетъ правильная постановка полемики съ расколомъ, самая ея успѣшность и плодотворность. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха полемики съ расколомъ недостаточно ограничиваться одними обличеніями невѣжества и непониманія раскольниковъ, а нужно показать и свое собственное, строго-научное и безпристрастно-пріобрѣтенное знаніе, недостаточно ограничиваться и заявленіями однихъ общихъ истинъ, что обрядъ не догматъ, что онъ въ теченіе вѣковъ видоизмѣнялся въ православной церкви и можетъ видоизмѣняться, что значеніе обряда опредѣляется не тою или другою его внѣшнею формою, а заключающимся въ немъ ученіемъ. Необходимо для успѣха полемики эти общія истины показывать и доказывать на безпристрастно и основательно изученной исторіи тѣхъ самыхъ частныхъ обрядовъ, по поводу которыхъ старообрядцы отдѣлились отъ церкви и о которыхъ доселѣ ведутся постоянно горячіе споры съ ними. Тогда и старообрядцу, если ему ясно, безпристрастно и безъ полемическихъ увлеченій будетъ изложена, напримѣръ исторія перстосложенія въ православной церкви и если возможно и въ другихъ христіанскихъ церквахъ, сдѣлается понятнымъ, что обрядъ никакъ нельзя смѣшивать съ догматомъ, считать его, какъ и догматъ всегда одинаково неизмѣннымъ, тогда и онъ увидитъ, что съ точки зрѣнія древности существованія обряда и двоеперстіе и троеперстіе есть позднѣйшія формы перстосложенія по отношенію къ древнѣйшей — одноперстію. Онъ увидитъ и то, что одноперстіе, сначала строго-православный обрядъ, употребляемый великими отцами и учителями церкви, съ теченіемъ времени сдѣлался неправославнымъ, конечно не самъ по себѣ, но въ виду того, что имъ воспользовались еретики монофизиты, связавшіе съ нимъ къ соблазну православныхъ свое еретическое ученіе, вслѣдствіе чего православная церковь и замѣнила у себя одноперстіе, ставшее символомъ монофизитства, двоеперстіемъ, ставшимъ символомъ православія. Онъ увидитъ далѣе, что по-

слѣдуетъ, что считать какую-либо одну форму перстосложенія за единственно православною, будто бы всегда неизмѣнно существовавшую въ православной церкви, исключаящую всѣ другія формы, какъ неправославныя, придавать тому или другому перстосложенію въ крестномъ знаменіи значеніе догмата, характеръ неизмѣняемости, значить или вовсе не знать исторію перстосложенія, или завѣдомо исказать ее изъ неправильно понятыхъ полемическихъ цѣлей. То перстосложеніе православно и обязательно для каждаго христіанина, какое въ данное время признаетъ

---

явленіе двоеперстія и продолжительность его существованія въ православной греческой церкви зависѣло исключительно отъ монофизитства, только во время борьбы съ нимъ имѣло свой смыслъ и значеніе. Какъ скоро борьба съ монофизитствомъ прекратилась, то и сама греческая константинопольская церковь, желая и самой формою перстосложенія въ крестномъ знаменіи отличаться не только отъ монофизитовъ одноперстниковъ, но и отъ несторіанъ, строго державшихся двоеперстія, съ которымъ они соединяли свои еретическія представленія объ образѣ соединенія двухъ природъ во Христѣ, замѣнила у себя двоеперстіе болѣе естественнымъ и свойственнымъ всякому христіанину троеперстіемъ, а ея примѣру послѣдовали потомъ и всѣ другія православныя церкви, такъ что двоеперстіе сдѣлалось съ этого времени исключительною принадлежностію только несторіанства, стало еретическимъ перстосложеніемъ въ глазахъ православныхъ. Отсюда уже само собою будетъ понятнымъ каждому не только то, что двоеперстіе не есть догматъ, но что оно, перешедши на Русь отъ грековъ, когда тѣ вели еще борьбу съ монофизитами, для русской церкви вовсе не соприкасавшейся съ монофизитствомъ, никогда не имѣло того исключительнаго и важнаго значенія, какое оно имѣло въ свое время для церкви греческой. Въ виду этого для русскихъ рѣшительно не было никакихъ серьезныхъ и уважительныхъ сколько-нибудь причинъ упорно держаться именно только двоеперстной формы перстосложенія, а тѣмъ болѣе считать ее за исключительно православною форму, особенно послѣ того, какъ и сама греческая церковь отказалась отъ двоеперстія и замѣнила его у себя троеперстіемъ, благодаря чему нѣкогда православное двоеперстіе сдѣлалось теперь исключительною принадлежностію еретиковъ несторіанъ. Наконецъ, если двоеперстіе уже по самому своему существу и происхожденію не имѣло на Руси той исключительной спеціальной причины для своего существованія, какая для него была въ извѣстное время въ греческой церкви и уже по одному этому должно было уступить съ теченіемъ времени свое мѣсто троеперстію, то тѣмъ болѣе такая переимѣна должна была совершиться у насъ; что благодаря неправильному взгляду на обрядъ вообще и въ частности благодаря незнанію исторіи перстосложенія въ крестномъ знаменіи, нѣкоторыми русскими придано было двоеперстію совсѣмъ неподо-

такимъ сама православная церковь, такъ какъ только ей одной исключительно принадлежитъ право, какъ устанавливать и освящать своимъ употребленіемъ тѣ или другіе церковные обряды, такъ и производить въ существующихъ обрядахъ тѣ перемѣны, какія по ея мнѣнію необходимы по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, въ видахъ огражденія и упроченія православія. Обязанность же всякаго православнаго христіанина въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы непрекословно подчиняться водительство церкви, признавать для себя обязательнымъ и спасительнымъ то, что такимъ признаетъ святая церковь.

---

бающее ему значеніе: оно признано было за догматъ. за единственно православную форму перстосложенія, всегда неизмѣнно существовавшую будто бы въ православной церкви и исключаящую все другія формы перстосложенія, какъ неправильныя. И это въ то время, когда на православномъ востокѣ двоеперстіе сдѣлалось исключительно принадлежностію несторіанства, когда тамъ на употребленіе двоеперстія стали смотрѣть какъ на внѣшній видимый знакъ принадлежности употребляющаго его лица къ несторіанству. Между тѣмъ рускіе, имѣя неправильное представленіе о происхожденіи и значеніи двоеперстія, стали однако обвинять грековъ на этомъ между прочимъ основаніи въ неправославіи, въ искаженіи древняго православнаго обряда и только себя считали людьми истинно и строго православными, вслѣдствіе чего замѣна у насъ двоеперстія, теперь уже исключительно несторіанскаго обычая, троеперстіемъ становилось дѣломъ требуемымъ миромъ церквей и правильно-понятыми интересами самой русской церкви.

Конечно возстановить полную подлинную исторію перстосложенія въ крестномъ, знаменіи съ начала царствованія христіанской церкви до позднѣйшаго времени, равно какъ и исторію другихъ вопросовъ, служащихъ предметомъ спора между православными и раскольниками, дѣло очень не легкое, но въ то же время и не невозможное. Хотя въ древней христіанской церкви и не придавали обряду того преувеличеннаго значенія, какое ему придано было нѣкоторыми впоследствии особенно русскими, но все-таки и въ то время обрядъ имѣлъ вообще очень важное значеніе, а если съ нимъ соединялось такое вѣрученіе, по поводу котораго происходили споры и несогласія, то въ такихъ случаяхъ обрядъ ставился наравнѣ съ самымъ ученіемъ. Благодаря этому обстоятельству уже одно изученіе, наприм. несторіанства и монофизитства, въ связи съ исторіею православія и многочисленныхъ попытокъ къ ихъ взаимному примиренію, когда обращается серьезное вниманіе и на существовавшія между ними обрядовыя разности, можетъ дать, по нашему мнѣнію, очень цѣнный матеріалъ и для рѣшенія разныхъ обрядовыхъ вопросовъ.

## Г Л А В А V.

Патріаршество Іосифа замѣчательно и въ томъ отноше-  
ніи, что въ его время со стороны свѣтскаго и духовнаго  
правительства проявляется особенная заботливость о рас-  
пространеніи у насъ просвѣщенія. Эта заботливость ска-  
зывается прежде всего въ усиленномъ изданіи разныхъ  
отеческихъ произведеній и книгъ учительнаго характера  
въ родѣ Кирилловой книги, книги о Вѣрѣ, малаго Кати-  
хизиса (который издается, какъ говоритъ предисловіе, «ради  
ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіаномъ, на-  
ипаче же дѣтемъ учащимся»), общеобразовательныхъ, въ  
родѣ грамматики Мелетія Смотрицкаго. При изданіи са-  
мыхъ церковныхъ книгъ видна та же заботливость о рас-  
пространеніи просвѣщенія. Іосифовскіе книжные справщики  
вносятъ въ наши церковныя книги разныя не печатав-  
шіяся въ нихъ ранѣе статьи, которыя бы содѣйствовали  
болѣе сознательному и разумному усвоенію церковныхъ  
книгъ, вносили бы въ чтеніе ихъ большую осмысленность  
и оберегли бы читателей отъ разныхъ грубыхъ ошибокъ  
и погрѣшностей. Съ этою именно цѣлію въ Псалтирь на-  
примѣръ, эту самую любимую и распространенную между  
грамотными книгу, вносится особая статья о великомъ  
значеніи креста для христіанина, о томъ, какъ слѣдуетъ  
знаменоваться себя крестнымъ знаменіемъ и что этимъ испо-  
вѣдуется; или же вносится такая статья: «наказаніе ко  
учителемъ, како имъ учить дѣтей грамотѣ, и како дѣтемъ  
учиться божественному писанію и разумѣнію»; причемъ  
указываются и тѣ грубыя ошибки, въ которыя могутъ

впасть обучаемые и на что учителямъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; рекомендуется, чтобы ученики читали неспѣшно, усвоили бы разумъ читаемаго, такъ какъ грамотное ученіе «дѣло Божіе есть», и потому не допускаетъ небрежности. А самимъ учителямъ, если они окажутся не особенно свѣдущими, рекомендуется: «и вы зрите въ самую грамматику, и въ ней подробну вся узрите».

Сознаніе необходимости не только осмысленнаго чтенія церковныхъ книгъ, необходимости усиленія религіознаго просвѣщенія, но и сознаніе необходимости правильнаго научнаго образованія все болѣе укоренялось въ передовомъ русскомъ обществѣ время патріарха Іосифа. Съ особенною силою и убѣдительною говоритъ объ этомъ предисловіе къ грамматикѣ Смотрицкаго. Здѣсь прежде всего указывается на то, что знаменитѣйшіе отцы церкви: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ и другіе святые изучали различныя науки: грамматику, философію, риторику, землемѣріе, астрономію; что ради обученія наукамъ они покидали родину и посѣщали различные города, гдѣ только находились какіе-либо знаменитые учителя; что они не только сами изучали различныя науки, но и считали изученіе ихъ необходимымъ для всѣхъ условіемъ правильнаго пониманія и усвоенія Св. Писанія, необходимымъ условіемъ истинно-христіанскаго міросозерцанія и даже самой христіански-благочестивой жизни. Въ виду этого составители предисловія съ особенною силою вооружаются на противниковъ и презрителей внѣшняго научнаго образованія. «И внѣшнее (образование), говорятъ они, еже мнози отъ христіанъ ненавидятъ и отсмѣютъ, яко пакостно и навѣтно и отъ Бога разлучающа,—*се же глаголютъ злы разсуждающе*; ибо понеже нѣщии отъ внѣшня премоудрости повредишася умомъ, восхотѣвши смыслити о небеси и о прочихъ тварехъ, мы же о сихъ добрѣ разумѣвающе, елика потребна къ животу и наслажденію сія плодствимъ, елика же вреждающая, отметаемъ... тако убо и о еллинскихъ ученій: елика есть испытательно и зрительно сущихъ по естеству сія пріяхомъ, елика же лестна и пагубна, сирѣчь боготворенія бѣсовомъ и другая, подобная симъ,

отвергохомъ, паче же отъ тѣхъ ученіи пользовахомъ благочестивіи. Тѣмъ же не подобаетъ укоряти и безчестовати наказанія, якоже мнится нѣкимъ неискуснымъ сущимъ и не имущимъ разума, еже раздѣлите лучшее отъ горькаго; азъ убо глаголю, яко иже безчествуютъ наказаніе, ти сами ненаказани суще и велятъ всѣмъ ненаказаннымъ быти, даже отъ нерадѣнія злая творяще, не обличаеми будутъ по реченному, яко отринута чувство и обличающаго во вратѣхъ возненавидѣша; всѣ бо исповѣдуемъ, яко честнѣйше есть ученіе въ насъ и наказаніе сущихъ благъ». Указываются примѣры святыхъ искателей любомудрія, «Къ сраму же и затканіе устъ неблагопріятныхъ и поношающихъ быти любомудрію, да посрамятся убо иже не внимающіи во ученіе словесы болословець, паче же и укоряющіе сіе и инѣмъ возбраняющіи, воспрославятъ же ся отъ Бога и человекъ, иже то проходящія... Простится же убо еже ненаученія согрѣшеніе, аще точію не отъ лѣности происходитъ. А еже съ ненаученіемъ имѣти разума киченіе, люто есть и ненавистно, и прощенія всякаго недостоинно, и болѣе да не глаголю крайняго ненаученія знаменія»... Съ особенною силою возстааетъ противъ тѣхъ «иже въ писаніихъ божественныхъ словесъ разуму непрележаще», которые говорятъ, «яко нѣсть нужда еже испытовати писанія и ученія многа». Возражающимъ, что въ Св. Писаніи много «неудобо разумна намъ являются» и потому читать и понимать его трудно, дается совѣтъ «недовѣдомая» прочитывать много разъ, а если и послѣ этого останется непонятнымъ, «шествуй еъ премудрѣйшему учителю и вопросы глаголемыхъ и много покажи потщаніе» и тогда Господь, видя твое усердіе «открыеть ти всяко». Въ частности, въ послѣсловіи о необходимости изученія для cadaго грамматики говорится, что не изучившій ея «и въ писаніихъ покушаяся изслѣдити, аще и зѣло преимѣя разумомъ будетъ, всячески погрѣшити иматъ: како бо кому взыти возможно на послѣднія степени, первыхъ не причащшуся; или како разрѣшити возможно въ писаніихъ обрѣтаемыя творческія силлогизмы, паче же

писати и читати и глаголати добрѣ, аще не сей кто пер-  
вѣе приобщився» <sup>1)</sup>).

Но одними заявленіями о важности и необходимости  
научнаго образованія при патріархѣ Іосифѣ уже не огра-  
ничились, а стали дѣятельно стремиться основать въ  
Москвѣ, съ помощію ученыхъ кіевлянъ и грековъ, настоя-  
щую школу, въ которой бы русскіе могли получать пра-  
вильное научное образованіе. Въ 1640 году намѣстникъ  
кіевскаго митрополита старецъ Игнатій, будучи въ Мос-  
квѣ, подалъ государю челобитную, въ которой, отъ имени

☩) Нелишнимъ считаемъ сопоставить эти воззрѣнія дѣйствительныхъ  
книжныхъ Іосифовскихъ справщиковъ на науку и научное образованіе съ  
тѣми воззрѣніями на этотъ предметъ, которыя имѣли *предпологаемые* книж-  
ные Іосифовскіе справщики: Аввакумъ, Лазарь и др., чтобы еще разъ  
видѣть всю, прямо бросающуюся въ глаза несообразность этого предполо-  
женія. Аввакумъ говоритъ, что Діонисій Ареопагитъ „прежде даже не  
пріяти въ вѣру Христову, хитрость имый изсчитати бѣги небесныя; егда  
же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти яко умѣты. Къ Тимоею пи-  
шетъ въ книгѣ своей, сице глаголя: дитя, али неразумѣешь яко вся сія  
внѣшняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть, и тля и пагуба... Из-  
считати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любве истинныя не  
пріяша, во еже спастися имъ: и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти  
воеже вѣровати имъ иже, да судъ пріимуть невѣровавши истинѣ, но бла-  
говолиша о неправдѣ“. Въ другомъ мѣстѣ: „Алманашники и звѣздохотцы и  
вси злодѣйщики познали Бога внѣшнею хитростію, и не яко Бога почтоша  
и прославиша, но осуетишася своими умышленьями, уподоблятися Богу  
своею мудростію начинающе, якоже первый блядивый Невродъ, и по немъ  
Зевесъ прелататый, блудодѣй, и Ермасъ піяница, и Артемида любодѣица,  
о нихъ-же Гранографъ и вся кронники свидѣтельствуютъ, тоже по  
нихъ бывше Платонъ и Пиеагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иппократъ и  
Галинъ: вси сіи мудри быша и во адъ угодиша... Вси христіане отъ  
апостоль и отъ отецъ святыхъ научени быша смиренію, и кротости и люб-  
ви неліцемѣрной; съ вѣрою непорочною и постомъ, и со смиренною мудро-  
стію, живуще въ трезвости, достигаютъ не мудрости внѣшнія поразумѣвати  
и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ... Виджь, гор-  
дожець и алманашникъ, гдѣ твой Платонъ и Пиеагоры! Тако ихъ, яко  
свиней, вши съѣли и память ихъ съ шумомъ погибе, гордости ихъ и унодoble-  
нія ради Богу. Мои же святіи, смиренія ради и долготерпѣнія, отъ Бога просла-  
вишася и по смерти обоготворени быша, понеже и тѣлеса ихъ являютъ въ  
нихъ живущую благодать Господню, чудесыми и знаменьями яко солнце по-  
всюду сіяють“... „Такъ то и нынѣшніе алманашники, слыхаль я, мало по-  
кою имѣють себѣ: и ветхая испражнятъ поидеть, а въ книжку поглядитъ,  
здороволи испраждится. Свиныи и коровы болши васъ знаютъ, предъ по-

митрополита Петра Могилы, заявилъ, что «смиранный отецъ, митрополитъ кievскій Петръ, паче всѣхъ прошений своихъ, изрядное бьетъ челомъ твоему царскому величеству, пожалуй, благочестивый царь, и повели въ царствующемъ своемъ градѣ, благодатию и казною своею царскою, монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кievскаго братскаго монастыря живучи, о твоемъ царскомъ величествѣ и о благовѣрной царицѣ твоей и о Богомъ дарованныхъ царскихъ чадѣхъ величества твоего безпрестанно Бога молили и дѣтей боярскихъ

годою визжать, да ревуть да подъ повѣта бѣгутъ: и послѣ того дождь бываеть. А вы, разумныя свиньи, лице небу и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умѣреть. Горе, да только съ вами, съ толстыми быками! „И кромѣ философіи и кромѣ риторики и кромѣ грамматикки мощно есть вѣрно суцу препрети всѣхъ протавящихся истинѣ“.—„И мы, Михайловичъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети и умъ вперимъ къ Богу всегда да полезнѣе намъ будетъ тамо, егда обрящемся со Христомъ, нежели съ риторикою славы ища, быти кромѣ Христа. Молю Бога ввечерь и утро и полудне еже бы тебѣ не желати риторики киченія ради, но искати распятаго Христа.—Христось не училъ насъ діалектики и ни краснорѣчія, потому что риторъ, ни философъ не можетъ быти христіанинъ. Аще кто отъ христіанъ не истощитъ отъ своего помышленія всяку премудрость внѣшнюю и всяку память эллинскихъ философовъ, спастися не можетъ. Премудрость эллинская мати всѣмъ лукавымъ дохматомъ. Сократа философа эллинскаго вши съѣли, Платона въ ссылку сослали и тамо злѣ исчезъ, понеже хотѣлъ ново житіе въ людехъ поставити“. (Матер. для ист. раск. V, стр. 3, 298—299, 334 · 335; 1, стр. 682—686). Дьяконъ Ѳеодоръ свой взглядъ на значеніе науки и образованія вообще высказалъ въ своемъ разговорѣ съ иконійскимъ митрополитомъ Аенасіемъ. Митрополитъ спрашивалъ Ѳеодора: „Платона и Аристотеля читалъ-ли?“—Ѳеодоръ: „которая польза такіа книги честь? Не чту азъ таковыхъ книгъ“.—Митрополитъ: „а когда ты не читалъ, незнаеши ничего“.—Ѳеодоръ: „на что мнѣ тыя книги чести эллинскихъ безбожныхъ поганныхъ философовъ, которыя въ болваны вѣрвали и о тщетной мудрости упражнялися, а спасенія себѣ не искали!—Митрополитъ: „а грамматикку училъ ли, или читалъ?“—Ѳеодоръ: „разумѣю отчасти; грамматика не вѣрѣ учить, но какъ какое слово добрѣ глаголати и правѣ писати. То мое о Христвѣ ученіе: восточныя святыя церкви книги и правыя догматы. Митрополитъ: „а богословію училъ ли еси?“—Ѳеодоръ: „Богословію Христа моего разумѣю отчасти,—потрудился, отче,—и сего ради добрѣ во Христа вѣрую и вѣмъ“.—Въ другомъ мѣстѣ Ѳеодоръ такъ опредѣляетъ кругъ необходимыхъ знаній: „И ты, чадо мое животное, Максиме, аще знаеши тѣхъ мнящихся быти учителей и наставниковъ по гибели и во тмѣ невѣдѣнія шатающихся, вели имъ прочести съ трезвымъ умомъ и съ

и простого чину грамотъ греческой и словянской учили. Дѣло то Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всѣхъ странахъ преславно. Аще возможно величеству твоему въ семь прошенію отца митрополита кievскаго пожаловати благодатно, яко милосердный царь и свѣтило всему православному роду россійскому, по воли своей государской сотвори, а отецъ митрополить кievскій твою государскую волю вскорѣ исполнить и старцевъ со учителями пришлетъ»<sup>1)</sup>. Но на этотъ разъ предложеніе кievскаго митрополита въ Москвѣ не было принято. Тогда, въ 1645 году, въ Москву прибылъ за милостынею палеопатрасскій митрополить Теофанъ, который подалъ царю особую челобитную, и въ ней между прочимъ заявлялъ: «да повелиши быть (въ Москвѣ) греческой печати и приѣхати греческому учителю учить русскихъ дѣтей философства и богословія греческаго языку и по русскому». Ходатайство Теофана принято было въ Москвѣ благосклонно, тѣмъ болѣе, что онъ самъ вызвался подыскать для московской школы подходящаго учителя и дѣйствительно прислалъ въ Москву «для печати и ученія» константинопольскаго архимандрита Венедикта. Но въ Москвѣ Венедиктъ, стоимъ учительскимъ самохвальствомъ, мелочно притязательностію и неблаговидными поступка-

---

чистою совѣстію четыре Христова евангелія, изряднѣ же сына Громова богословіе, и прочихъ святыхъ апостолъ проповѣдь вселенную, и святыхъ седми соборовъ и десяти мѣстныхъ дѣянія и правила ихъ пройти, къ симъ же святяя учительныя слова прочести съ разумомъ и со извѣстнымъ испытаніемъ, да къ тому же и вся службы на господскія дванадесятая праздники просмотрити, стихѣры и славники, и ирмосы и кононы, богомудрыхъ творцовъ гранесія, да научится отъ всѣхъ тѣхъ и громогласно съ нимже всѣми святыми согласно исповѣдать въ Троицѣ единаго Бога“. (Ibid. VI стр. 54, 101). Съ своей стороны Лазарь въ челобитной государю, говоритъ: „царю благородный, вѣмъ ты благоразумна и мудра суца и чуждашуся, како времени сего не испытуеши! Имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лице небеси и земли и у звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: и таковыхъ глаголетъ Спасъ лицемѣры быти, яко времени сего не испытуютъ, а ты, государь, таковыхъ честныхъ имаши и различными брашны питаеми и благовонными питіями напоеши, и хочаши внѣшними ихъ плетухами власть свою мирну управити“. (Ibid. IV, 252).

<sup>1)</sup> Ак. юг.-зап. Рос. т. III, № 33 и 44.

ми произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе и потому былъ отосланъ назадъ. Послѣ этой неудачной попытки основать школу въ Москвѣ съ помощію грековъ, постельничій Ѳеодоръ Ртищевъ рѣшился привести въ исполненіе проектъ, въ 1640 году предложенный кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, объ основаніи въ Москвѣ монастыря, въ которомъ бы вызванные изъ кіевского братскаго монастыря иноки «дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и словянской учили». Съ согласія и по благословенію патріарха Іосифа возникаетъ близъ Москвы Андреевскій монастырь и населяется иноками изъ разныхъ южно-русскихъ монастырей. Въ 1649 году само правительство вызываетъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ для перевода Библии съ греческаго языка на славянскій, и какъ значится въ одной оффиціальной справкѣ, «для риторскаго ученія»<sup>1)</sup>. Въ 1649 году въ Москву пріѣзжаетъ іерусалимскій патріархъ Паисій, а съ нимъ его дидакаль, грекъ Арсеній, который ранѣе жилъ въ кіевской Руси и зналъ славянскій языкъ. Наше правительство оставляетъ Арсенія въ Москвѣ въ качествѣ учителя риторики въ имѣющейся открыться въ Москвѣ школѣ. Но этого мало. Царь обратился съ просьбою къ бывшему тогда въ Москвѣ іерусалимскому патріарху Паисію, чтобы онъ по возвращеніи на востокъ позаботился приискать между учеными греками благонадежнаго учителя и прислалъ его для учительства въ Москву: объ этомъ свидѣтельствуется грамота патріарха Паисія къ царю въ 1653 году, въ которой онъ, посылая въ Москву въ качествѣ учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавріила, пишетъ: «повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣлъ бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ, и былъ бы далече отъ еретиковъ, и послати бъ намъ іво ко святому вашему царствію покло-

---

1) Малороссійскія дѣла, св. 5, 1652—1653 г., № 16. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка тоже говорится, что Епифаній былъ вызванъ царемъ въ Москву „ради наученія славено-россійскаго народа дѣтей эллинскому наказанію“ (опис. синод. библ. отд. II, 3 № 291, стр. 427).

нитесь, да учинить учительство и учить эллинскій языкъ, якоже она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ инымъ». Въ то время, когда Ртищевъ и самъ государь озабочивались устроить въ Москвѣ школу, которая бы служила разсадникомъ научнаго просвѣщенія для русскихъ, и патріархъ Іосифъ, съ своей стороны, тоже хлопоталъ о томъ, чтобы подыскать на востокѣ между православными учеными греками подходящаго благонадежнаго учителя для московской школы. Хлопоты объ этомъ патріархъ возложилъ на извѣстнаго грека Ивана Петрова Тафрала, служившаго нашему правительству въ качествѣ тайнаго агента по сношеніямъ съ православнымъ востокомъ. Иванъ Петровъ исполнилъ порученіе патріарха Іосифа и въ 1649 году доносилъ ему: «даю вѣдомость о нѣкоторомъ учителѣ смышленномъ эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову и имя ему Мелентій, прозвище Сирихъ, что такова учителя второго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ, и далъ свое слово—хотѣлъ придти сюда къ благочестивому царю и святѣйшеству вашему. А будетъ изволеніе благочестиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всея Руси и произволеніемъ святительства вашего, изволите дати грамоту мнѣ, да онъ придетъ сюда, и челомъ бью, да мнѣ о томъ учини указъ и подай отвѣтъ»<sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ уже во время патріарха Іосифа въ извѣстной части передоваго московскаго общества ясно была признана несостоятельность нашей предшествующей умственной жизни, открыто была признана необходимость науки и образованія и какъ естественный результатъ этого сознанія уже при Іосифѣ явились усиленныя хлопоты объ учрежденіи въ Москвѣ правильно организованной школы, во главѣ которой стояли бы или ученые кіевляне, или ученые греки<sup>2)</sup>. Слѣдовательно, тотъ переворотъ въ нашей

1) О попыткахъ устроить въ Москвѣ школу съ помощію грековъ см. нашу книгу: Характ. отнош. Рос. къ прав. востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ стр. 477 и слѣд.

2) Обыкновенно всѣ заботы объ устройствѣ въ Москвѣ школы и вызовъ ученыхъ кіевлянъ и грековъ въ Москву стараются приписать влиянію Ни-

умственной жизни, когда старая московская, основанная на крайне односторонней книжной начитанности ученость, вмѣстѣ съ старыми московскими сборниками и другими продуктами старорусскаго писательства, признаны были несостоятельными, неудовлетворяющими болѣе современнымъ запросамъ и потребностямъ жизни; когда признана была необходимость усиленныхъ литературныхъ заимствованій изъ южно-русскихъ произведеній, необходимость бо-

---

кона, видятъ въ этомъ только его личное дѣло. Но думать такъ несправедливо. Никонъ, насколько теперь извѣстно, вовсе не заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы. Это видно изъ слѣдующаго. Когда іерусалимскій патріархъ Паисій былъ въ Москвѣ (1649), то царь, конечно съ согласія и одобренія патріарха Іосифа, просилъ Паисія, чтобы онъ и другіе патріархи прислали на востокъ хорошаго, строго-православнаго учителя грека и прислали бы его въ Москву для учительства. Паисій исполнилъ эту просьбу царя только въ 1653 году, когда московскимъ патріархомъ былъ уже Никонъ. Въ качествѣ учителя Паисій прислалъ въ Москву митрополита Навпакта и Арты Гавріила Власія, о которомъ писалъ царю: „избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ, яко сего преосвященнаго Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всеа Италіи, премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы, о Святомъ Дусе возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смиренія, господина Гавріила Власія, якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не вомогихъ обрѣтаетца... А только будетъ произволить царствіе ваше быти учительству, и онъ готовъ есть побыти, колико время ему возможно, а мы ему такоже обѣщалися, что ему имѣти волю свою, а будетъ благодарить великое ваше царствіе. И онъ побудеть и много время, покамѣста ученики отъ него отойдутъ, и противлятися будутъ съ еретиками, и отвѣтъ будутъ давать обо всякомъ вопросѣ, и будетъ благодаритися великое ваше царствіе, и всѣ бояре и князи, и будещи оставити вѣчное воспоминаніе въ похвалу и славу отъ всѣхъ царствъ и королевствъ“. Съ своей стороны и константинопольскій патріархъ Іоанникій писалъ царю о митрополитѣ Гавріилѣ, что онъ „и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, и что произволить великое ваше царствіе отъ него воспросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ будетъ отвѣтъ держати благочестно и православно, якоже восприяла благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь“. Но и помимо этихъ рекомендацій восточныхъ патріарховъ русское правительство уже ранѣе хорошо знало Гавріила Власія, который, проживая въ Молдавіи въ качествѣ учителя, не разъ присылалъ на Русь, какъ ея доброты, отписки съ политическими вѣстями, и кромѣ того ранѣе прислалъ въ Москву двѣ книги: одна — Мелетія, патріарха александрійскаго, противъ іудеевъ, другая — грамматика, причемъ обѣ книги были писаны „эллинскимъ и словенскимъ языкомъ“ Такимъ образомъ митрополитъ Гавріилъ

лѣе тѣснаго сближенія съ образованными кіевлянами и греками, чтобы съ ихъ помощію перенести науку въ Москву и при посредствѣ правильно устроенной школы прочно водворить ее здѣсь, — этотъ въ высшей степени важный переворотъ въ нашей духовной жизни начался и въ известной части общества совершился уже при патріархѣ Іосифѣ, время котораго, съ этой стороны, несомнѣнно было временемъ прогрессивнымъ, временемъ того поворота въ умственной жизни русскихъ, который въ концѣ-концовъ привелъ ихъ потомъ къ тѣсному сближенію съ образованнымъ Западомъ.

---

удовлетворялъ всемъ требованіямъ, чтобы быть принятымъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя: объ его православіи, выдающейся учености и способности къ учительству торжественно свидѣтельствовали своими грамотами сами восточные патріархи, онъ былъ уже известнымъ доброхотомъ русскаго правительства, онъ зналъ славянскій языкъ и уже ранѣе присылалъ въ Москву книги на греческомъ и славянскомъ языкахъ. А между тѣмъ Гавриилъ не остался въ Москвѣ учителемъ, но былъ отосланъ назадъ, хотя патріархомъ теперь уже былъ Никонъ, предполагаемый ревнитель и поборникъ учрежденія въ Москвѣ школы съ помощію ученыхъ иностранцевъ. Это очень странное явленіе можно бы, пожалуй, объяснить тѣмъ, что Никонъ, вѣроятно, имѣлъ какія-либо вѣскія для него причины не поручать именно Гавриилу устройство въ Москвѣ школы, а хотѣлъ передать это дѣло въ болѣе вѣрныя и лучшія, по его мнѣнію, руки. Но въ дѣйствительности этого не было. Изъ всего времени патріаршества Никона мы не только рѣшительно не имѣемъ никакихъ данныхъ, но даже и намековъ на то, чтобы Никонъ сколько-нибудь думалъ и заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы, хотя времени для этого у него было достаточно, а его выдающееся вліятельное положеніе, его тѣсныя связи съ греками и кіевлянами, давали ему полную возможность быстро и скоро осуществить мысль своего предшественника объ устройствѣ въ Москвѣ школы. Между тѣмъ мы видимъ явленіе какъ разъ противоположное: незадолго до патріаршества Никона у насъ идутъ горячія хлопоты о привлеченіи въ Москву ученыхъ, энергичные поиски подходящихъ учителей для задуманной Московской школы; со вступленіемъ же на патріаршій престолъ Никона все эти хлопоты и поиски разомъ прекращаются и вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы совсѣмъ сходитъ съ очереди. Ясно дѣло, что вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы былъ поднятъ и дѣятельно разрабатывался вовсе не Никонъ, а другими лицами, Никонъ же былъ и навсегда остался къ нему равнодушенъ. Правда, Никонъ имѣлъ у себя подъ рукою нѣсколькихъ ученыхъ грековъ и кіевлянъ, но они были оставлены въ Москвѣ не имъ, а еще Іосифомъ и Никонъ воспользовался ими не для устройства въ Москвѣ школы, но только для книжныхъ переводовъ и исправленій.

## Г Л А В А VI.

На ряду съ прогрессивными просвѣтительными стремленіями, такъ замѣтно проявившими себя во время патріаршества Іосифа, сказалось у насъ въ это же самое время и другое направленіе, противоположное первому, которое, особенно усилившись къ самому концу патріаршества Іосифа, враждебно столкнулось съ новыми московскими вѣяніями, вступило въ борьбу съ самимъ патріархомъ Іосифомъ, потомъ упорно продолжало бороться съ преемникомъ Іосифа—Никономъ и въ концѣ-концовъ породило въ русской церкви расколъ. Откуда и какъ появилось это направленіе при Іосифѣ, кто были его представители, во имя чего и за что оно собственно ратовало—все это такіе вопросы, на которые нѣтъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ у нашихъ церковныхъ историковъ и полемистовъ съ расколомъ, а между тѣмъ безъ ихъ рѣшенія невозможенъ правильный взглядъ на борьбу между патріархомъ Никономъ и противниками его исправленій, невозможно и правильное пониманіе происхожденія у насъ раскола. Сколько позволяютъ наши средства, мы попытаемся изложить это дѣло, какъ мы его понимаемъ, чтобы хотя что-нибудь освѣтить будущему изслѣдователю на этомъ темномъ еще пути.

Со вступленіемъ на царскій престолъ Алексѣя Михайловича особенно выдающееся значеніе въ Москвѣ въ церковныхъ дѣлахъ получилъ духовникъ царя, протопопъ московскаго Благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ.

Судя по тому немногому, что мы знаемъ о Стефанѣ <sup>1)</sup>, нужно признать, что это былъ человекъ выдающійся по своему уму, высокимъ нравственнымъ качествамъ, по своей ревности къ благочестію, по своимъ стремленіямъ къ общественной дѣятельности. Это былъ по словамъ біографа Неронова, «мужъ благоразуменъ и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительное во устахъ имѣя», человекъ, умѣвшій внушить къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ окружающихъ его лицъ. Молодой и воспримчивый царь Алексѣй Михайловичъ воспитался подъ замѣтнымъ вліяніемъ своего ревностнаго по благочестію духовника, который, «всегда входя въ царскія палаты, глаголаше отъ книгъ словеса полезная, увѣщевая со слезами юнаго царя ко всякому доброму дѣлу, и врачуя его царскую душу отъ всякихъ злыхъ начинаній», такъ что то глубокое и постоянное благочестіе, которое потомъ всегда проявлялъ царь Алексѣй Михайловичъ, было насаждено въ немъ и укрѣплено съ юныхъ лѣтъ его духовникомъ, Стефаномъ Вонифатьевымъ <sup>2)</sup>. Какъ сильно было вліяніе духовника на молодого царя и въ какую сторону оно направлялось, это между прочимъ видно изъ того, что когда Алексѣй Михайловичъ женился на Маріи Милославской, «тогда честный оный протопопъ Стефанъ и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти въ оное брачное время смѣху никакому, ни кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнимъ, ни сопельному, ни трубному козлогласованію». Сте-

---

1) Наши свѣдѣнія о Стефанѣ Вонифатьевичѣ заимствованы почти исключительно изъ біографіи протопопа Іоанна Неронова, составленной современникомъ и напечатанной въ первомъ томѣ Матеріаловъ для исторіи раскола Н. Субботина.

2) Что Стефанъ Вонифатьевъ поучалъ царя благочестію чтеніемъ ему назидательныхъ книгъ, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: въ письмѣ Стефану изъ Вологды, отъ 13 іюля 1654 года, Нероновъ пишетъ: „преподобнаго же отца Θεодора Исповѣдника, игумена Студійскаго, житія къ тебѣ послахъ, моля, да часто считаеши его предъ благочестивымъ царемъ, чтобъ ему, государю, внятно было. Паче же и великаго свѣтильника и вселеннѣй учителя воистину, и покаянію проповѣдника, Іоанна Златустаго житіе считаеши молихъ тя“. Вѣроятно подобныя чтенія часто достигали цѣли: государю становилось „внятно“, что хотѣлъ ему внушить его уважаемый духовникъ.

фанъ, какъ истый ревнитель благочестія, хотѣлъ, чтобы именно царскій домъ былъ образцомъ христіанской жизни для подданныхъ, чтобы царь первый отказался отъ тѣхъ свадебныхъ обычаевъ, забавъ и игръ, въ которыхъ болѣе всего сохранилось языческаго, несогласнаго съ духомъ христіанскаго благочестія. Онъ достигъ своей цѣли. Хотя его требованіе, чтобы на царской свадьбѣ небыло никакихъ бѣсовскихъ играній, студныхъ пѣсенъ и сопельныхъ и трубныхъ козлогласованій, шло въ разрѣзъ съ народными вѣковыми обычаями, всѣми признаваемыми и свято соблюдаемыми, однако свадьба царя дѣйствительно совершилась «въ тишинѣ и страстѣ Божіи, и въ пѣніяхъ и въ пѣсняхъ духовныхъ»; вмѣсто прежнихъ «пѣсней студныхъ», на ней пѣли «строчные и демественные большіе стихи», также изъ тріодей «драгія вещи» <sup>1)</sup>).

Но Стефанъ Вонифатьевъ, «зѣло пекійся о спасеніи души благочестиваго царя, млада суца, да не совратится умъ его въ нѣкая злая», не ограничивался наученіемъ благочестію только одного царя. Онъ старался дѣйствовать своими поученіями и на окружающихъ царя вельможъ, чтобы и въ нихъ насадить сѣмена благочестія и гражданской правды. Стефанъ, говоритъ про него біографъ Неронова, «и бояръ увѣщеваше со слезами непрестанно, да имуть судъ правый безъ мзды, и не на лица зряще да судятъ, яко да не видеть отъ нѣкоторыхъ обидѣнныхъ и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваоѳа <sup>2)</sup>).

1) Забѣлина: Дом. бытъ русскихъ царицъ, стр. 451.

2) До насъ дошелъ сборникъ подъ заглавіемъ: „Книга, глаголемая Зла-тоустъ“, принадлежащая, какъ видно изъ находящейся на ней помѣты, Стефану Вонифатьеву. Въ этомъ сборникѣ, наряду съ отеческими поученіями, находится и нѣсколько русскихъ произведеній, изъ которыхъ особенно заслуживаетъ вниманія *Слово о правдѣ*. Въ немъ между прочимъ говорится: „аще убо вѣрный царь, въ нынѣшнее время испытываемъ, то во всѣхъ языцѣхъ, кромѣ російскаго языка, невѣмы правовѣруща царя. И аще вѣроу правъ есть, достоитъ ему нелѣпносно снискати разсмотря яже ко благополучію всѣмъ сущимъ подъ нимъ. Ни единими вельможами, ежъ о исправленіи пешися, но и до послѣднихъ. Вельможи бо суть потребни, но ни отъ коихъ своихъ трудовъ не издоволятся. Вначалѣ же всего потребни суть ратаевѣ (земледѣльцы), отъ ихъ трудовъ есть хлѣбъ, отъ хлѣба же всѣхъ благихъ главизна... Ратаевѣ безпрестани различна работная ига

Эти моленія и слезныя увѣщанія Стефана, не только никого не вооружали противъ него, но царь и бояре «въ сладость послушаше его и почиташе его и любяше всею душею, яко истаго си отца». Какъ высоко стоялъ Стефанъ въ мнѣніи близко знавшихъ его лицъ, это видно между прочимъ и изъ того, что протопопъ Аввакумъ, немѣвній обычая говорить доброе слово о тѣхъ, которые не согласны были съ нимъ во взглядахъ и поступкахъ, и тотъ, хорошо зная, что Стефанъ въ борьбѣ съ Никономъ «всяко ослабѣлъ», отзывается однако о немъ съ любовію и глубокимъ уваженіемъ. Въ челобитной къ царю изъ Дауры, Аввакумъ пишетъ: «добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко все быша тихо и не мятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ кого

---

подъемлютъ, овогла бо дають серебряная оброки, а иногда ямская собранія, овогда же ина. Елицы же отъ даропитательныхъ человекъ сихъ (т.е. отъ производящихъ непосредственно своимъ трудомъ) послани бывають царскихъ ради собратій (податей), сіиже подля царскаго указа и себѣ много отъ нихъ же собирають. Еще же сихъ ради послани — яжденія ради коней. Въ ямская расточенія много сребра расходится. Многа же и ина ратаемъ обида отъ сего, еже царскіе землемѣрительніи писаріе ѣздятъ съ южемъ дѣломъ мѣрнымъ, отдѣляющіе царевымъ воиномъ землю въ мѣру и всякому землю въ разнь полагають, и сами много медлятъ и многа брашна у ратаевъ изыдають И многа царства прочтохомъ, а сего обычая певѣдѣхомъ!» Слово рекомендуется затѣмъ, какъ слѣдуетъ правильно устроить обременительную и разорительную для крестьянъ ямскую гоньбу, именно оно говоритъ, что ее нужно устроить по подробному и точному росписанію отъ одного города до другого, причемъ отбываніе этой тяжелой повинности слѣдуетъ вовсе снять съ крестьянъ и возложить ее на горожанъ купцовъ „елицы во градѣхъ продающе и скупающеи и прикуны богатѣюще... понеже многа прибытка стяжатели суть“. Взамѣнъ этого на купцовъ не слѣдуетъ налагать никакихъ другихъ повинностей и даровать имъ право „во вся грады безовсякихъ возданій купующе и продающе ..“ „Симъ же, говоритъ слово, всякъ мятежъ въ земныхъ умалится, и писаремъ умаленіе, сборы перестануть и мзды неправедныя отлучатся“. (Архивъ ист. юрид. свѣдѣній Калачова, 2 тома вторая половина, стр. 43 — 50, обзоръ рус. духовн. литер. Филарета, стр. 329 — 330). Присутствіе подобнаго слова въ сборникѣ, принадлежащемъ Стефану, можетъ говорить за то, что поученія Стефана царю не ограничивались одними только религіозно - нравственными назиданіями, но касались и другихъ предметовъ.

на убіеніе». Рассказывая далѣе о своемъ заключеніи въ Апдроньевѣ монастырѣ, гдѣ онъ три дня сидѣлъ безъ пищи и безъ питья, Аввакумъ замѣчаетъ: «тутъ мнѣ пищу принесе ангель за молитвъ святаго отца протопопа Стефана». Нероновъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, называетъ Стефана «подобнымъ Давидови незлобіемъ и кротостію»<sup>1)</sup>.

Сдѣлавшись человѣкомъ сильнымъ и вліятельнымъ у царя и въ средѣ окружающихъ его лицъ, Стефанъ Вонифатьевъ тѣсно сблизился съ извѣстнымъ ревнителемъ благочестія и просвѣщенія, постельничимъ Ѳедоромъ Ртищевымъ, который «во многія нощи въ домѣ его (Стефана) приходя, бесѣдовалъ съ нимъ». Во время этихъ бесѣдъ оба ревнителя благочестія обратили свое особенное вниманіе на различные пороки и недостатки, господствовавшіе тогда въ народѣ и въ самомъ духовенствѣ, на различные безпорядки въ церковной жизни, на отсутствіе у насъ церковной проповѣди и под. и рѣшились изыскать средства возвысить религіозно-нравственную жизнь народа и уничтожить наличные церковные безпорядки. Къ Стефану и Ртищеву скоро присталъ и еще очень видный и вліятельный человѣкъ — новоспасскій архимандритъ Никонъ. Нашлось, конечно, не мало и другихъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, у которыхъ благія начинанія Стефана находили себѣ полное сочувствіе и поддержку. Очень возможно, что и патриархъ Іосифъ вначалѣ оказывалъ поддержку Стефану, хотя потомъ онъ окончательно разошелся съ нимъ, какъ это увидимъ ниже. Но главная сила ревнителей заключалась въ молодомъ благочестивомъ царѣ, который былъ очень расположенъ къ своему духовнику, къ Ртищеву и къ Никону, вполне сочувствовалъ благимъ начинаніямъ своихъ любимцевъ и готовъ былъ всячески поддержать всѣ тѣ мѣры, которыя они находили необходимыми для насажденія на Руси истиннаго благочестія. Конечно, по инициативѣ ревнителей Алексѣй Михайловичъ издаетъ въ самомъ началѣ своего царствованія рядъ указовъ о соблюденіи постовъ, о правильномъ посѣщеніи всѣми храмовъ Божіихъ, объ уничтоженіи въ народѣ непристой-

<sup>1)</sup> Матер. для ист. раск. V, 122 и 125; 1, 104.

ныхъ игрищъ, суевѣрій и др. Но одними указами, какъ вѣрно понимали ревнители благочестія, перевоспитать грубое, порочное и невѣжественное общество, было невозможно, необходимы были энергичные, учительные и ревностные къ своему высокому служенію пастыри, которые бы и словомъ и собственнымъ живымъ примѣромъ дѣйствовали на массу, воспитывая въ ней духъ истинаго христіанскаго благочестія, тѣмъ болѣе, что сфера личной непосредственной дѣятельности Стефана и Никона почти совсѣмъ не выходила за предѣлы царскаго двора и круга придворныхъ лицъ, къ народу же и его жизни она не имѣла непосредственнаго отношенія. Въ виду этого Стефанъ Вонифатьевъ, при дѣятельномъ содѣйствіи Ртищева и вѣроятно Никона, изыскиваетъ между тогдашнимъ бѣлымъ духовенствомъ такихъ лицъ, которыя бы заявили себя строгою жизнію, горячею ревностію въ дѣлахъ благочестія, неуклоннымъ исполненіемъ церковныхъ правилъ и постановленій, своею книжностію и учительностію, готовностію на энергическую борьбу съ различными общественными пороками и недостатками. Такихъ лицъ Стефанъ приближаетъ къ себѣ и болѣе выдающихся изъ нихъ, съ одобренія Ртищева и при содѣйствіи государя, ставитъ на видныя протопопскія мѣста въ различныхъ городахъ съ тѣмъ, чтобы они своими поученіями и обличеніями воспитывали народъ въ духѣ благочестія, уничтожая господствующіе въ немъ пороки и недостатки, чтобы для всего мѣстнаго духовенства они служили образцомъ надлежащаго исполненія ими своихъ пастырскихъ обязанностей.

Своимъ ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ въ дѣлѣ публичной церковной проповѣди и водворенія церковныхъ порядковъ въ самой Москвѣ, Стефанъ Вонифатьевъ съ одобренія Ртищева избираетъ нижегородскаго священника Іоанна Неронова, ибо хорошо зналъ «прежде бывшее многостраданіе (Іоанна), и свидѣтельствованное Богомъ его житіе святое, и искусство божественнаго писанія, и рѣчиста, и ревность велію имуща по Бозѣ, и необинующаяся лицъ сильныхъ, но, по пророку Давиду, предъ цари глаголюща и нестыдящаяся».

Нероновъ всею своею предшествовашею жизнію и дѣя-

тельностью какъ нельзя болѣе былъ подготовленъ къ той роли, какую назначалъ ему въ Москвѣ Стефанъ<sup>1)</sup>). Какъ только Нероновъ, еще будучи юношей, оставивъ свое родное село, пришелъ въ Вологду (недалеко отъ которой находилась его родина), какъ уже сразу заявилъ себя горячимъ и смѣлымъ ревнителемъ благочестія. Онъ пришелъ въ городъ на святкахъ «когда неразумніи люди обыкоша собиратися на бѣсовскія игральща паче прочихъ дней, налагающе на лица свои личины различныя страшныя по подобію демонскихъ зраковъ». Увидѣвъ ряженныхъ, выходящихъ притомъ изъ архіерейскаго дома, молодой Іоаннъ «разжегся духомъ нача обличати ихъ съ дерзновеніемъ», за что и былъ очень жестоко избитъ ряженными. Этотъ первый, не особенно удачный опытъ публичной обличительной дѣятельности, не охладилъ однако ревности Іоанна. Оставивъ негостепримную Вологду, Іоаннъ удалился въ предѣлы града Устюга, гдѣ «въ нѣкоей веси» рѣшилъ обучиться у одного благочестиваго мастера грамотѣ, безъ которой для него невозможно было проходить съ успѣхомъ служеніе общественнаго обличителя и наставника благочестію. Медленно давалась Іоанну грамота «единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть», учитель даже опасался за цѣлость его зрѣнія, такъ какъ Іоаннъ «прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше». Но энергія и усидчивость преодолѣли все, разумъ Іоанна наконецъ отверзся и онъ сталъ разумѣть (читать) писанія лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Оставивъ предѣлы Устюга, Іоаннъ перешелъ въ предѣлы града Юрьевца Повольскаго въ село Никольское, гдѣ и жинился на дочери тамошняго священника. Живя у тестя священника, Нероновъ ревностно занимался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, и въ то же время «видѣвъ іееревъ веси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ пїянства ради и многаго безчинства». И на этотъ разъ обличенія не прошли для него даромъ. Свя-

<sup>1)</sup> Біографія Неронова, написанная вѣроятно современникомъ и изъ которой мы беремъ свѣдѣнія объ немъ, напечатана въ первомъ томѣ Матер. для ист. раск. Н. Субботина.

Щенники написали на него доносъ патриарху Филарету Никитичу, причемъ на доносѣ подписались не только нѣкоторые мірскіе люди, но и самъ тестъ Іоанна. Тогда Нероновъ отправился въ Троицкую лавру, которой принадлежало село Никольское, и здѣсь явился къ извѣстному исправителю книгъ, архимандриту Діонисію, которому все и рассказалъ о себѣ. Діонисій принялъ въ немъ живое участіе и даже помѣстилъ его въ своей келліи. Живя съ Діонисіемъ «не малое время», Іоаннъ непрестанно читалъ книги божественнаго писанія и въ то же время съ архимандритомъ «и въ правилѣ келейномъ и во всенощныхъ бдѣніяхъ трудяся». Это общеніе съ архимандритомъ Діонисіемъ, человѣкомъ по тогдашнему времени просвѣщеннымъ, учительнымъ, строгимъ ревнителемъ благочестія, требовавшимъ, чтобы въ лаврѣ при богослуженіи читали обязательно поученія Златоуста, не могло остаться безслѣднымъ на развитіе и укрѣпленіе взглядовъ Неронова, какъ ревнителя благочестія. Оно имѣло для него и практическое значеніе. Діонисій далъ Неронову рекомендательную грамоту къ патриарху Филарету Никитичу, въ которой, оправдывая его отъ взведенныхъ на него обвиненій, просилъ патриарха посвятить Неронова во діаконны. Филаретъ Никитичъ исполнилъ просьбу Діонисія и Нероновъ возвратился въ Никольское діаконномъ. Здѣсь онъ продолжалъ свое служеніе ревнителя: «егда іереи прихождаху въ церковь піани, тогда Іоаннъ властію, отъ архіерея ему повелѣнною, отторгаше ихъ отъ святаго алтаря вонъ изъ церкви извождаше безчинствующихъ піанственно, и одинъ пояше въ церкви и поучаше народъ». Чрезъ годъ Нероновъ посвященъ былъ во іереи, но преслѣдуемый недоброжелательствомъ своихъ сослуживцевъ, принужденъ былъ оставить село Никольское и поселиться у священника села Лысовка (недалеко отъ Нижняго-Новгорода), Ананіи, который «зѣло искусенъ бѣ въ божественномъ писаніи». Нероновъ прожилъ у Ананіи многое время «и извыче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ писаніи суть недовѣдомая». Завершивъ у Ананіи свое книжное образованіе Нероновъ выступаетъ затѣмъ въ качествѣ самостоятельнаго настоятеля церкви. Онъ переходитъ въ

Нижній-Новгородъ, гдѣ въ одной опустѣвшей церкви и начинаетъ священнодѣйствовать. Теперь Нероновъ безъ помѣхи могъ осуществлять на дѣлѣ свой идеаль истинно пастырскаго служенія. Онъ началъ неопустительно и самымъ истовымъ образомъ совершать въ заброшенной до толѣ церкви всѣ положенныя богослуженія, которыми и привлекъ къ себѣ богомольцевъ. Тогда онъ сталъ читать народу поученія «съ разсужденіемъ и толковаше всяку рѣчь ясно и зѣло просто слушателемъ своимъ, во еже бы и имъ возможно было внимати и памятствовать, и вси пользовахуся поученіемъ его и умилихуся, зряще толикое его тщаніе о спасеніи душъ человѣческихъ, купно и велие смиреніе; ибо поучая народъ, кланяшеса на обѣ страны до земли, съ слезами моля, дабы вси, слышаще, попеченіе имѣли всѣми образы, о спасеніи душъ своихъ, и слышима выну незабвенно въ памяти своей дабы обносили, и кійждо въ домѣхъ своихъ сущимъ слышанная повѣдывали и тако вси купно дабы другъ другу убѣждали ко спасенію». Но проповѣдью только съ церковной кафедры Нероновъ не довольствовался. Онъ ходилъ по городскимъ улицамъ и площадямъ, «нося съ собою книгу великаго свѣтильника Іоанна Златоустаго, именуемую Маргаритъ, возвѣщая «всѣмъ путь спасенія. И мнози послушаху божественнаго писанія и сладваго Іоаннова ученія».

Появленіе въ городѣ священника проповѣдника, всюду—въ церкви, на улицахъ и площадяхъ ревностно поучающаго народъ, и притомъ въ такое время, когда церковной проповѣди почти совсѣмъ не существовало, необходимо обратило на проповѣдника всеобщее вниманіе. Скоро множество народа изъ города и его окрестностей стало стекаться въ храмъ Іоанна, чтобы послушать его поученій. Явились и тароватые милостивцы,—благодаря которымъ на мѣсто прежней ветхой была выстроена новая, сначала деревянная, а потомъ каменная церковь, благолѣпно украшенная, построены были келейки, въ которыхъ поселились иноки, явилась возможность принимать и кормить странныхъ и нищихъ, которыхъ садилось въ иной день за братскій столъ до сто и больше человѣкъ.

Во время трапезъ одинъ изъ клириковъ читалъ церковную книгу, «а Іоаннъ читаемая сидящимъ за трапезою вся словеса разсуждаше съ толкованіемъ». Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе росла повсюду популярность Іоанна: многіе дѣлались его учениками и подражателями, особенно между духовными, горожане стали отдавать ему дѣтей «въ наученіе книжное», и Іоаннъ охотно бралъ дѣтей «безъ мзды учаше ихъ съ прилежаніемъ многимъ», «а старцы, въ сладость пріемляюще ученія его, вскорѣ книжнаго разумѣнія навываху».

Спеціальную энергическую борьбу велъ Іоаннъ въ Нижнемъ-Новгородѣ «съ скомрахи, иже хождаху по стогнамъ града съ бубны и съ домрами и съ медвѣдьями», особенно во время такъ-называемыхъ святокъ. Въ эти дни Іоаннъ, въ сопровожденіи своихъ учениковъ, ходилъ по вечерамъ и ночью по городу «и сражахуся съ бѣсовскими слугами, и повелѣваша ученикамъ своимъ орудія игръ бѣсовскихъ разбивати и сокрушати», Случалось, что скомрахи, «ярости исполняющесе біяху Божія іерея», на что онъ однако не обращалъ вниманія, такъ что благодаря своей настойчивости въ концѣ концовъ сталъ достигать того, что «по малу переставаху людіе отъ тѣхъ злыхъ обыкновеній и прихождаху въ чувство».

Ревность Іоанна скоро стала заходить гораздо далѣе всенародныхъ поученій и борьбы съ скомрахи. Теперь онъ является ужъ къ воеводѣ Ѳедору Шереметеву «жестокому и суровому зѣло, немилостивому ко всѣмъ челоувѣкомъ и мздоимателю», и начинаетъ увѣщевать его «многимъ моленіемъ да милосердѣ будетъ къ людемъ». Отважился Іоаннъ и на публичныя всенародныя обличенія воеводы: «иногда же обличаше того (воеводу) предъ народомъ о неправдахъ отъ него творимыхъ». За эти обличенія воевода велѣлъ бить обличителя по пяткамъ палкою не одинъ часъ, но Іоаннъ отнесся къ дѣлу стоически: «чтяше въ то время (когда его били палками) книгу великаго свѣтильника міру Іоанна Златоустаго, глаголемую Маргаритъ, юже непрестанно носаше съ собою». Въ заключеніе Нероновъ посаженъ былъ воеводою въ тюрьму,

но одинъ изъ его почитателей донесъ объ этомъ царю, который велѣлъ выпустить ревнителя на свободу.

Живя въ Нижнемъ-Новгородѣ, Іоаннъ посѣщаль отсюда и Москву, гдѣ также заявилъ себя горячимъ ревнителемъ благочестія, и хотя много потерпѣлъ за свою ревность, однако приобрѣлъ въ концѣ расположеніе царя, патріарха, многихъ вельможъ и вообще сдѣлался въ Москвѣ извѣстнымъ за смѣлаго, энергичнаго борца со всякимъ нечестіемъ и неправдою, за человѣка книжнаго, учительнаго и крайне ревностнаго въ дѣлахъ благочестія. Этого то, уже хорошо извѣстнаго и популярнаго ревнителя, Стефанъ Вонифатьевъ, съ согласія и одобренія Ѳедора Ртищева и при содѣйствіи царя, дѣлаеть своимъ сотрудникомъ въ дѣлѣ общественной проповѣди и учительства въ самой Москвѣ. Такъ какъ самъ Стефанъ вращался почти исключительно только въ придворномъ кругу, то Нероновъ по его мысли долженъ былъ сдѣлаться собственно народнымъ проповѣдникомъ и учителемъ. Съ этою именно цѣлію Нероновъ былъ назначенъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора, потому что «та церковь посреди торжища стоитъ, и многъ народъ по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ обычаевъ и навькнутъ добрыхъ дѣлъ. Ибо въ оная времена въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и иныхъ російскихъ градахъ изсякло бѣ ученіе, и уклонился бяху людіе въ небреженіе и слабость и во многія игралица».

Поселившись въ Москвѣ, Нероновъ ревностно принялся за любимое и уже привычное ему дѣло народнаго учительства; онъ, какъ и въ Нижнемъ Новгородѣ, сталъ постоянно читать народу отеческія поученія, причемъ «егда прочитавше народу святыя книги, тогда бываху отъ очію его слезы, яко струя, и едва въ хлипаниіи своемъ проглаголываше слово божественнаго писанія; сказоваше же всякую рѣчь съ толкованіемъ, дабы разумно было всѣмъ христіаномъ». вмѣстѣ съ церковною проповѣдію въ Казанскомъ соборѣ установлено было и единогласное пѣніе и чтеніе: «также и пѣніе церковное уставы пѣти и глаголати единогласно и благочинно», такъ что Казанскій

соборъ явился тогда такъ-сказать образцомъ для всѣхъ другихъ московскихъ церквей, которыя съ него должны были списывать новые улучшенные церковные порядки.

Живая устная проповѣдь, дотолѣ было совсѣмъ замолкшая въ Москвѣ, единогласное чинное пѣніе и чтеніе, уже давно забытыя въ московскихъ церквахъ, строгое, неопустительное исполненіе всѣхъ положенныхъ церковныхъ службъ по чину, истово, возбуждало всеобщее вниманіе и привлекало въ Казанскій соборъ громадныя толпы молящихся. Самъ царь со всею своею семьею нерѣдко приходилъ слушать поученія Неронова, а народу набиралось такъ много, «яко не вмѣщались имъ и въ паперти церковной, но восходяху и на крыло паперти, и зряще въ въ окна послушаху пѣнія и чтенія божественныхъ словесъ». И этихъ невмѣщавшихся въ храмъ Нероновъ не хотѣлъ оставить безъ наученія и назиданія: онъ «написа окрестъ стѣны святыя церкви поучительныя словеса, да всякъ отъ народа приходяй къ церкви, аще и кромѣ пѣнія, не простираетъ ума своего на пустошная міра сего, но да прочитаетъ написанная на стѣнахъ, и пользу душѣ приѣмлетъ». Въ Москвѣ Нероновъ скоро сталъ рядомъ съ Стефаномъ, вмѣстѣ съ нимъ онъ являлся въ дворецъ и поучалъ царя и всю царскую семью, члены которой оказали ему особое расположеніе. Какъ человѣкъ очень энергичный, смѣлый и дѣятельный, какъ человѣкъ книжный и учительный, Нероновъ сталъ выдвигаться на первое мѣсто, заслоняя собою Стефана, съ которымъ онъ вступалъ уже въ препирательства и наконецъ окончательно разошелся съ нимъ во взглядѣ на реформу Никона, что впрочемъ никогда не мѣшало ему сохранять къ Стефану личныя, всегда близкія, дружескія отношенія. Таковъ былъ главный сотрудникъ Стефана Вонифатьева, сдѣлавшійся въ Москвѣ самымъ виднымъ, дѣятельнымъ и популярномъ членомъ кружка ревнителей.

Подобнымъ же характеромъ, т.-е. истовостію въ исполненіи разныхъ церковныхъ службъ, энергичною борьбою съ различными общественными пороками и недостатками отличались и другіе члены кружка ревнителей. Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить знаменитаго протопопа Авва-

кума, его подвиги въ борьбѣ съ нечестіемъ, его многія злостраданія за обличенія людской неправды, людскихъ пороковъ и недостатковъ, его великую способность переносить все, чтобы «грѣшницы ни дѣлали на хребтѣ его». Познакомившись съ Аввакумомъ, Стефанъ Вонифатьевъ на первый разъ «благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди», и потомъ, убѣдившись въ горячей ревности Аввакума по благочестію, въ его готовности энергично бороться съ общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефанъ назначаетъ Аввакума протопопомъ Юрьевца Повольскаго. Когда Аввакумъ за свои рѣзкія обличенія былъ сильно побитъ въ Юрьевцѣ и бѣжалъ въ Москву, гдѣ явился къ Стефану, тотъ, рассказываетъ Аввакумъ, «на меня учинился печалень: на что-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что-де городъ покинулъ?» Понятно недовольство царя и Стефана бѣгствомъ Аввакума изъ Юрьевца; Аввакумъ и поставленъ былъ въ юрьевскіе протопопы именно для борьбы съ царившими тамъ среди духовенства и народа пороками, а онъ при первой непріятности, ничего не сдѣлавъ, малодушно бросаетъ свой важный, отвѣтственный постъ и бѣжитъ въ Москву.

Книжностію, учительностію, борьбою съ общественными пороками и недостатками отличались и другія лица бѣлаго духовенства, выдвинутыя Стефаномъ, и получившія благодаря ему протопопскія мѣста по разнымъ городамъ. Такъ костромской протопопъ Даниилъ за свои ревностныя обличенія былъ подобно Аввакуму изгнанъ изъ Костромы. Объ учительствѣ Логгина сохранилось свидѣтельство у Оларія, который говоритъ, что Логгинъ въ 1653 году сталъ говорить проповѣди и хотѣлъ ввести этотъ порядокъ въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ, въ чемъ уже и имѣлъ большой успѣхъ. Но патриархъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ, отрѣшилъ его отъ мѣста, предалъ анаемѣ и сослалъ въ Сибирь. Извѣстна также челобитная жителей Муромъ къ архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу съ похвалами Логгину и съ просьбою воз-

вратить его паствѣ. Въ челобитной говорилось, что Логгинъ, мужъ учительный, «по вся дни, нощи и часы» проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а «враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. апостолъ, обличалъ и отъ стада Христова отгонялъ», и что именно эти враги изъ боязни его обличеній ложно оклеветали его, а между тѣмъ, съ удаленіемъ Логгина изъ Муромъ, явилось въ городѣ «въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе», мятежники возстали на почитателей благочестія, которымъ приходится теперь бѣжать изъ города, почему челобитчики и просятъ воротить въ Муромъ Логгина. О книжности и способности къ учительству романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря говорить его обширная челобитная противъ новоисправленныхъ книгъ, которая опровергается въ книгѣ: *Жезль правленія*.

Такимъ образомъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, подъ главенствомъ и руководствомъ его духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, образовался кружокъ ревнителей благочестія, въ который вошли люди книжные, учительные, уже заявившіе себя ранѣе строгою благочестивою жизнію, ревностною борьбою съ пороками и недостатками въ средѣ духовенства и народа. Это были, кромѣ самого Стефана Вонифатьева, извѣстные престопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Логгинъ, Лазарь, Даниилъ и вѣроятно другіе. Изъ чернаго духовенства къ кружку ревнителей принадлежалъ Никонъ, какъ его видный и дѣятельный членъ, вѣроятно и епископъ Павелъ коломенскій, а изъ свѣтскихъ лицъ кружокъ пользовался особымъ сочувствіемъ и поддержкою знаменитаго ревнителя просвѣщенія Ѳедора Ртищева <sup>1)</sup>. Благодаря своему

---

<sup>1)</sup> Нельзя въ этомъ случаѣ не обратить вниманія на то обстоятельство, что тѣ ревнители, о происхожденіи которыхъ мы только знаемъ, были земляки или по происхожденію, или по мѣсту своей дѣятельности, что нѣкоторые изъ нихъ были вѣроятно лично или по слухамъ знакомы другъ съ другомъ еще до своей встрѣчи въ Москвѣ. Нероновъ, какъ мы видѣли, въ видахъ довершенія своего образованія, поселился у священника села Лыкова (недалеко отъ Нижняго Новгорода), Ананіи, который „зѣло искусенъ бѣ въ Божественномъ Писаніи“. У Ананіи онъ прожилъ долгое время „и извыче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ Писаніи суть недовѣдо-

партону Стефану, ревнители хорошо были извѣстны царю, царицѣ и членамъ царской семьи, которые вполнѣ сочувствовали направленію и всей дѣятельности кружка, оказывали, особенно нѣкоторымъ его членамъ, свое полное расположеніе и благоволеніе.

---

мая“. Въ „повѣсти о блаженной жизни преосвященнѣйшаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго перваго строителя Флоршневскія обители“, рассказывается, что отецъ Иларіона священникъ, именемъ Ананія, былъ „зѣло благочестивъ, и Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта добре искусенъ, благъ зѣло и кротокъ“, что онъ былъ сначала священникомъ въ нижегородскомъ дѣвичьемъ Зачатьевскомъ монастырѣ, а потомъ перешелъ отсюда въ село Клириково, „яже близъ веси, именуемой Лысково и близъ обители прелодобнаго Макарія Желтоводскаго чудотворца“. Ананія принялъ монашество подъ именемъ Антонія и Никонъ, еще будучи бѣльцомъ, не разъ бывалъ у Ананія, который и предсказалъ ему тогда, что онъ будетъ патріархомъ (Рукоп. Моск. Румянц. Музея, по указателю Ундольскаго № 418). Не трудно видѣть, что священникъ Ананія, у котораго Нероновъ прожилъ долгое время и у котораго онъ научился разумѣть „яже о Божественномъ Писаніи суть недозвѣдомая“ и священникъ Ананія „лобре искусный въ Божественномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта“, у котораго поучался Никонъ и который предсказалъ ему, что онъ будетъ патріархомъ, — былъ одно и то же лицо. Очень возможно, что Нероновъ и Никонъ встрѣчались у Ананіи, или же по слухамъ еще до встрѣчи въ Москвѣ уже знали другъ друга.—То же сказаніе объ Иларіонѣ рассказываетъ, что Иларіонъ былъ женатъ на дочери сосѣдняго священника, Ксеніи (которая умерла черезъ полтора года послѣ замужества) и что Ксенія была родная сестра Павла епископа коломенскаго. Значитъ и Павелъ коломенскій былъ родомъ изъ села, сосѣдняго съ Лысковымъ, хорошо зналъ священника Ананію (съ которымъ породнился черезъ свою сестру) и вѣроятно зналъ Неронова и Никона, или лично, или по рассказамъ. Родина протопопа Аввакума, по его собственному свидѣтельству (Матер VIII, 34) находилась только въ пятнадцать верстахъ отъ родины Никона, такъ что и Аввакумъ могъ лично, или по слухамъ знать Ананію, Павла коломенскаго, Неронова, Никона. Вѣроятно не случайно было, что ревнители или по рожденію, или по мѣсту дѣятельности происходили изъ нижегородской области и были люди, уже ранѣе своей встрѣчи въ Москвѣ такъ или иначе знакомые другъ съ другомъ. Къ сожалѣнію мы рѣшительно не знаемъ, откуда былъ родомъ глава кружка—Стефанъ Вонифатьевъ и почему онъ приблизилъ къ себѣ ревнителей по преимуществу изъ нижегородцевъ. Не лишне указать здѣсь и на то обстоятельство, что Иларіонъ, архіепископъ рязанскій, одинъ изъ главныхъ поборниковъ исправленій Никона, былъ ранѣе священникомъ въ Москвѣ, или въ сосѣднемъ селѣ, и хорошо былъ знакомъ тогда съ Аввакумомъ (Матер. V, 342—343).

Объ общемъ характерѣ дѣятельности кружка Нероновъ въ своей челобитной къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 6 ноября 1653 года, говорить такъ: «они (т.-е. Аввакумъ, Данииль, Логгинъ и Лазарь) въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія безчинныя извѣщали, и святѣйшимъ патриархомъ блаженныя памяти и прочимъ властемъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было. И вы, государи, ко утвержденію церкви, вышняго Бога помощію, десницею своею помощь подавали». Въ частности про себя лично Нероновъ пишетъ царю: «когда я былъ при твоей государевѣ царской свѣтлости, и ты меня равноапостольный, съ безчестіемъ не отсылалъ, что тебѣ благочестивому государю, о многихъ статьяхъ билъ челомъ и извѣщаль».

Въ чемъ же состояли извѣщенія царю и патриархамъ членовъ кружка ревнителѣй «на всякія безчинныя», о какихъ «статьяхъ» полезныхъ ко утвержденію церкви они били челомъ государемъ (т. - е. царю и патриарху) и въ чемъ состояла та помощь ревнителямъ ко утвержденію церкви, которую имъ оказывалъ государь десницею своею?

Дѣятельность кружка ревнителѣй опредѣлялась наличностію тѣхъ пороковъ и недостатковъ, какіе въ то время существовали въ жизни народа, самого духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, наличностію тогдашнихъ церковныхъ безпорядковъ, отсутствіемъ живой проповѣди и вообще учительности въ духовенствѣ вслѣдствіе его крайняго невѣжества. На борьбу съ общественными пороками и недостатками, на борьбу съ лѣнностію и распущенностію духовенства и вооружился кружокъ ревнителѣй, поставивъ своею задачею водворить въ народѣ истинное христіанское благочестіе, уничтожить разные церковные безпорядки, вызвать къ жизни церковную проповѣдь.

Прежде всего дѣятельность кружка ревнителѣй была направлена на уничтоженіе различныхъ народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій, которыя особенно нетерпимы были въ благочестивомъ христіанскомъ обществѣ. Еще лѣтописецъ (Несторъ) жаловался: «видимъ бо игрища утолчена и людій много множество, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоятъ (пусты); егда же

бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви» <sup>1)</sup>. Въ 1274 году митрополитъ Кириллъ въ соборныхъ правилахъ возставалъ противъ народныхъ языческихъ игрищъ: «пакы же увѣдѣхомъ бѣсовская еще держаще обычая треклятыхъ элинъ, въ божественныя праздники позоры некакы бѣсовскія творити, съ свистаніемъ, и съ кличемъ и съ воплемъ съзывающе нѣкы скаредныя пьяница и бьющя дрекольемъ до самыя смерти» <sup>2)</sup>. Стоглавый соборъ съ своей стороны заявляетъ: «еще же мнози отъ неразумія простая чадъ православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творятъ эллинское бѣсованіе — различныя игры и плясанія; въ навечеріи праздника Рождества Христова и противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи въ нощи и въ праздникъ весь день мужи и жены и дѣти въ домѣхъ, по улицамъ отходя и поводамъ глумы творятъ всякими играми и пѣснями сатанинскими и многими виды скаредными; подобно же сему творятъ и во святыя вечера и въ навечеріи Богоявленія Господня, и тѣмъ Господа Бога прогнѣвають никимъ же возбраняеми, ни обличаеми, ни наказаемы, ни отъ священниковъ, ни отъ судей истрашаеми, таковыя творятъ неподобныя дѣла, святыми отцы отреченныя» <sup>3)</sup>. Но обличенія Стоглаваго собора не достигли, какъ и предшествующія, своей цѣли, даже въ самой Москвѣ бѣсовскія игры продолжались по прежнему. Въ 1627 году государь приказалъ бирючу повсюду кликать въ Москвѣ, «чтобъ впередъ, за старое Ваганково, никакіе люди не сходились на безлѣпицу николи», и что слушники этого приказа будутъ биты кнутомъ. И Филаретъ Никитичъ тогда же съ своей стороны объявлялъ въ Москвѣ: «чтобъ съ кобылками не ходили и на игрищахъ мірскіе люди не сходились, тѣмъ бы смуты православнымъ крестьяномъ не было, и коледы бы и о всемъ некликали» <sup>4)</sup>. Въ 1636 году патріархъ Іоасафъ, въ памяти тіуну Манойлову, говоритъ: праздники проводятся всѣми въ Мо-

1) Полн. собр. лѣтоп. 1, 73.

2) Рус. достопамят. 1, 114.

3) Стоглавъ, изд. Кожанчикова, стр. 261 и слѣд.

4) А. И. Ш, № 92, VIII—X.

сквѣ не похристіански, такъ какъ и вся противно творимъ и ругательно праздникомъ Господнимъ, вмѣсто радости духовной воздѣланіе творять радости бѣсовской... ходяще по улицамъ въ народѣ, безчинствуяще, пьянствуяще, наругающеса праздникомъ святымъ Божиимъ, вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспримше игры и кощуну бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурны ревѣти, и руками плескати и плясати, и иная неподобная дѣяти; и о тѣхъ праздниціхъ сходящеса многіе люди не только что младые, но и старыя въ толпы ставятся, и бывають бои кулачныя великіе и до смертнаго убійства, и въ тѣхъ играхъ многіе безъ покаянія пропадаютъ; и всякаго беззаконнаго дѣла умножилось, эллинскихъ блядословій и кощунъ и игръ бѣсовскихъ» <sup>1)</sup>. Эти грубыя языческія игрища и забавы процвѣтали кромѣ Москвы и во всѣхъ другихъ городахъ, причемъ они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимали иногда безобразно-кощунственный характеръ. Нѣкто старецъ иконописецъ Григорій изъ города Вязьмы, въ челобитной государю 1651 года между прочимъ заявляетъ: «и игрища разныя богомерзкіе бывають (въ г. Вязьмѣ), въ началѣ отъ Рождества и до Богоявленія всенощныя, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимарита, и келаря и старцевъ нарицають, тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходять и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають. Другое игрище, — продолжаетъ челобитчикъ, о Троичномъ дни—за городъ на курганя ходять и неподобная творять. Третіе игрище — отъ Петрова дни до Ильина дни: на реляхъ вѣшаются и на крутящихъ крутятся и многихъ діаволь беретъ, и деньги тыхъ благословляють при церквахъ погребати. Также о рожествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсятся, бочки дехтярныя зажигають и съ горъ катають и, вѣники зажегши, скачуть. Также вѣдуновъ много и свадьбы безъ нихъ не могутъ отправить и одинъ другаго портятъ, а тое на все начальники, посулы беручи, благословляють, и людемъ соблазнъ и па-

<sup>1)</sup> А. Э. III, № 264.

губа, гдѣ бы вмѣсто сего Бога молити, ежебы сохранилъ и избавилъ въ нынѣшнее послѣднее время отъ еретикъ и отъ иного всякаго зла»<sup>1)</sup>).

Противъ всѣхъ этихъ народныхъ языческихъ игрищъ, грубыхъ и иногда кощунственныхъ народныхъ забавъ и разныхъ суевѣрій сильно и энергично возсталъ кружокъ ревнителей, члены котораго, какъ Нероновъ и Аввакумъ, еще ранѣе боролись съ скомраками и съ разными бѣсовскими игрищами. Недаромъ конечно и Стефанъ Вонифатьевъ настоялъ на томъ, чтобы на царской свадьбѣ не было «ни смѣху никакого, ни кощунъ, ни бѣсовскихъ играний, ни пѣсней студныхъ, ни сопельнаго, ни трубнаго козлогласованія»,—все это не только во дворцѣ, но и повсюду въ народѣ должно было уничтожиться и замѣниться другимъ—строго христіанскимъ и благочестивымъ препровожденіемъ праздничнаго времени. Въ этихъ именно видахъ, конечно подъ вліяніемъ и по настоянію кружка ревнителей, предпринимается государемъ рядъ законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ въ виду насажденіе въ народѣ христіанскаго благочестія. Именно: въ 1646 году, патріархъ Іосифъ, по приказанію государя, посылаетъ всему духовному чину въ Москвѣ наказъ, въ которомъ говоритъ, что царь приказалъ всѣмъ духовнымъ и мірскимъ людямъ въ предстоящій великій постъ «поститися и жити въ чистотѣ со всякимъ воздержаніемъ, и отъ пьянства, и отъ неправдъ, и отъ всякаго грѣха удалялись», почему онъ патріархъ и приказываетъ всѣмъ московскимъ протопопамъ и попамъ учинить въ своихъ церквахъ крѣпкій наказъ, чтобъ всѣ прихожане, церковники, сами попы и дьяконы въ теченіе всего великаго поста постились и неопустительно посѣщали церковь Божию, и чтобы въ церквахъ стояли всѣ «сострахомъ и трепетомъ и съ любовію въ молчаніи, безъ всякихъ шептовъ, и ничтожъ земнаго не помышляли... молились бы со слезами и со воздыханіемъ смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, безъ злобы и безъ гнѣва, о грѣсѣхъ своихъ». А если дѣти духовныя не будутъ ходить къ покаянію и окажутся непокорны и не послушны сво-

<sup>1)</sup> Эта челобитная старца Григорія напечатана въ приложеніи.

имъ духовнымъ отцамъ, то послѣднимъ про такихъ ослушниковъ надлежитъ докладывать патриарху и «въ ихъ непослушанствѣ и въ безчинствѣ государевъ указъ будетъ» <sup>1)</sup>. Въ слѣдующемъ 1647 году 17 марта государь и патриархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили, чтобы никто въ воскресные дни отнюдь не работалъ, но чтобы всѣ обязательно посѣщали въ эти дни храмы для молитвы. Всякія работы приказывалось всѣмъ прекращать въ субботу, когда въ соборѣ начнутъ благовѣстити къ вечернѣ, а также прекращать съ этого времени и всякую торговлю, затворять торговые ряды, закрывать торговыя бани и такъ продолжать и въ воскресенье до окончанія церковныхъ службъ. Такъ же повелѣвалось проводить и всѣ господскіе праздники. Этотъ соборный приговоръ былъ разосланъ по всѣмъ епархіямъ и по всѣмъ монастырямъ для исполненія <sup>2)</sup>. Наконецъ въ 1648 году издается специальное распоряженіе государя въ видахъ уничтоженія народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій. Это распоряженіе разсылается по городамъ къ воеводамъ, которымъ предписывается наблюдать за строгимъ выполненіемъ повсюду царскаго указа. Въ указѣ говорилось: государю стало вѣдомо, что мірскіе люди въ господскіе дни и святыхъ въ церкви не ходятъ, что «умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скомороство со всякими бѣсовскими играми», именно: многіе увлекаются скоморохами и, сходясь по вечерамъ на позорища, слушаютъ здѣсь ихъ богомерзкія скверныя пѣсни и игры; иные чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ приглашаютъ къ малымъ дѣтямъ для бѣсовскаго волхвованія; многіе сходятся на бѣсовское сонмище «и по зарямъ и въ ночи чародѣйствуютъ»; медвѣди водятъ и съ собачками пляшутъ, и зернью, и карты, и шахматы и ладыгами играютъ, и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе, и поютъ бѣсовскіе пѣсни, и на святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ»; на Рождество Христово до Богоявленьяго дни люди обоихъ половъ сходятся «въ бѣсовское

<sup>1)</sup> А. Э. IV, № 321.

<sup>2)</sup> А. И. IV, № 6, стр. 28. А. Э. IV, № 19, 324.

сонмище), «играють во всякія бѣсовскія игры»; указываются многія суевѣрія, еще сохранившіяся въ народѣ отъ языческихъ временъ, на развратъ, происходящій во время игрищъ, на частые случаи внезапной смерти, на свадьбы, во время которыхъ бывають «безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бѣсовскими игры». Указъ предписываетъ, чтобы православные христіане отъ такихъ бѣсовскихъ дѣйствъ отстали, чтобы они въ воскресные и праздничные дни неуклонно посѣщали церковь Божию, удалялись отъ чародѣйствъ, пьянства, непристойныхъ игрищъ. Мѣстнымъ властямъ предписывается предпринимать противъ зла строгія и рѣшительныя мѣры, а непослушныхъ бить батогами въ первый и во второй разъ, а въ третій и четвертый отсылать для болѣе серьезной расправы съ ними къ воеводамъ <sup>1)</sup>).

Обличая господствующіе въ народѣ пороки и недостатки, языческія игрища, грубыя забавы и суевѣрія, кружокъ ревнителей необходимо долженъ былъ обратить свое вниманіе на жизнь и дѣятельность тогдашняго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, такъ какъ при лѣнивомъ, порочномъ, пренебрегающемъ своими пастырскими обязанностями духовенствѣ невозможно было и исправленіе самого народа и воспитаніе его въ духѣ благочестія.

Еще Стоглавъ говорилъ: «попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяны и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ, попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежь себя». Съ своей стороны и міряне, по заявленію Стоглава, входили и стояли въ церквахъ въ шалкахъ, словно «на пиру или въ корчемницѣ, говоръ, ропоть, всякое прекословіе, бесѣды, срамныя словеса, пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи». Эти безобразія не прекратились однако и послѣ Стоглава даже въ самой Москвѣ. Патріархъ Іосафъ, въ памяти тіуну Манойлову 1636 года, заявлялъ, что сами священники бесѣдуютъ въ

<sup>1)</sup> Иванова: Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 296. А. И. IV, № 35.

храмахъ и безчинствуютъ «и мірскія угодія творяще, и чревоугодію своему послѣдующе, и повинующеся пьянству» не поучаютъ мірскихъ людей благочинію и христіанскому благопробыванію». Священники служатъ обѣдни безъ часовъ «только отнустомъ начинаютъ»; въ великій постъ священники совершаютъ службы «зѣло по скору», «лѣнностію и нерадѣніемъ великимъ изнуряють время постное»; нѣкоторые священники на пасхѣ вслѣдъ за обѣдней поють и вечерню «для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣнностію содержащеся»; въ воскресные, владычныя, богородичныя и нарочитыхъ святыхъ праздники священники поють заутрени очень поздно и ради этого слишкомъ спѣшно, такъ что положенныя для прочтенія въ назиданіе вѣрующихъ поученія святыхъ отцовъ и житія святыхъ не только не читають, но и возбраняють тѣмъ, которые хотятъ читать, вслѣдствіе чего предстоящіе уходятъ изъ церкви безъ всякаго поученія и сильно соблазняются такимъ поведеніемъ своихъ пастырей, а въ народѣ оскудѣваетъ вѣра, ибо «вожди ослѣпоша лѣнностію и нерадѣніемъ исправленія церковная погасиша». Относясь небрежно и нерадиво къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ и служенію, священники вовсе не думаютъ о прекращеніи тѣхъ возмутительныхъ безчинствъ, какія происходятъ въ церквахъ во время богослуженія; мірскіе люди стоятъ въ церквахъ «съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во время святаго пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ»; поповы и мірскихъ людей дѣти во время богослуженія «во олтари безчинствуютъ»; «во время святаго пѣнія ходять по церкви шпыни, съ безстрастіемъ, человѣкъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся»; «нѣкоторые, положивше на блюда пелены и свѣчи во время службы ходять по церкви, говоря, что собирають на созиданіе церквей, а нѣкоторые притворяются малолуными, будучи въ дѣйствительности цѣлоумными; «а иніи ходять во образѣ пустынническомъ и во одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы, и иніи во время святаго пѣнія въ церквахъ ползають, пискъ творяще, и

великъ соблазнъ полагають въ просты чловѣцѣхъ» <sup>1)</sup>). Съ своей стороны и патріархъ Іосифъ заявляетъ, что въ московскихъ церквахъ допускаются разныя безчинія, доходящія до того, что «въ церкви Божіи приходятъ аки разбойники съ палки, а подъ тѣми палки у нихъ бываютъ копѣйца желѣзные и бываетъ у нихъ межъ собой драка до крови и лая смрадная» <sup>2)</sup>). И все это творилось въ московскихъ церквахъ, такъ сказать на глазахъ самого патріарха и всѣхъ властей!.. Неизвѣстный, въ челобитной къ патріарху Іосифу, говоритъ: «молимъ тя святыи Божіи архіерею, призри на святую порученную ти Христомъ церковь его и на вся твоего святительскаго рукоположенія служителя тоя, како именовъ пастыри, а дѣломъ волцы, како нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради покоя своего и предатели суть душамъ чловѣческимъ, не настоящей и маловременной, но грядущей вѣчной муцѣ. Мали бо, государь, обрѣтаются послѣдующе нелестно уставомъ святыхъ отецъ, мнози же нерадиви и лѣнностни къ славословію Божію, приходятъ измѣняюща лица своя, паче же того владуща нами разума омраченнымъ пьянствомъ и бѣсовомъ желѣннымъ дменьемъ и гордостью, чрезъ обычай вскочуть безобразно во церковь и, начала входа церковнаго несправльше, начинаютъ утреню и вечерню, и тщатся преспѣяти каждо другъ друга во псалмѣхъ и пѣніяхъ, да тѣми обычай и многихъ, суетѣ работающихъ, приходити къ себѣ пріобрѣщутъ», забывая о томъ, что приходящіе въ церковь имѣють нужду «слышати особъ всякаго псалма, молитвы, пѣніе и коемуждо словеси послѣдуя, просити оставленія грѣхомъ». «Аще ли, государь, многогласно и безъ тихости церковнаго святаго славословія Божія служба будетъ, то токмо можемъ рещи: сподобихся утрени, или часы, или вечерню слышати, нѣсть бо, государь, чловѣка, иже возможетъ внимати отъ многихъ купно глаголемыхъ, но точію единъ Богъ всѣхъ словеса и мысли зрить и воздаеть комуждо, по прошенію и дѣлу». «Еще

1) А. Э. III, № 264.

2) А. Э. IV, № 321.

же государь, великій святитель, продолжаетъ неизвѣстный челобитчикъ, священницы церковніи, приходящимъ въ церковь Божию безъ страха Божія, молчать, величества рода и славу міра имущихъ боятся и трепещутъ, невѣдуще, яко всякъ страхъ человѣческаго прещенія въ малѣ часѣ приходитъ, ярость же гнѣва Божія на грѣшницѣхъ не имать конца. Ко инѣмъ же безчинующимъ въ церкви ласкосердіе же къ нимъ благопокоренія своя ради погибающія чести безчестуемаго Бога и святую его церковь небрегутъ, и дѣти своя духовныя во все лѣтнее время не вопрошаютъ: како пребываютъ и бремена заповѣдей ихъ со усердіемъ ли носяще хранять, но вмѣсто сихъ, противная видяще, молчатъ; предъ ними же бо ходяще (дѣти духовны)? неимуть постоянія ногамъ, безчинствуютъ, съ похотѣніемъ на жены зрятъ, скверная, глаголю, тщетная творять, изумленнымъ образомъ наскочутъ и другъ друга угрызаютъ, сурово сражаются и до крови бьются, опиваются и объедаются, укоризны родителемъ, другъ другу приносятъ и своя родителя отца и матеръ безчествуютъ, и, страшно рещи предъ тобою великимъ святѣйшимъ отцомъ, да не осквернится святой твой слухъ, всякаго чрезъ естество именовъ сквернаго блуда себе и другъ друга и отшедшихъ жизни сея отецъ и братію свою и церковнаго чина досяжутъ»<sup>1)</sup>. Старецъ Григорій, съ своей челобитной государю 1651 года, заявляетъ, что по всѣмъ городамъ въ церкви Христовой происходитъ «великое небреженіе и нестроеніе, а наипаче отъ пастырей, еже посмрадиша виноградъ Христовъ», ибо они вмѣсто того, чтобы быть образцомъ «овцамъ стада Христова», только, «волну одираютъ и гладныхъ оставляютъ», вмѣсто того, чтобы насыщать пасомыхъ божественнымъ ученіемъ, они служатъ для нихъ только соблазномъ. Затѣмъ челобитчикъ приводитъ самые соблазнительные факты изъ жизни мѣстнаго — вяземскаго духовенства. По его словамъ соборный протопопъ въ Вязмѣ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, о чемъ и было донесено архіерею, «а онъ на деньги печаль

---

<sup>1)</sup> Эта очень важная челобитная неизвѣстнаго къ патриарху Іосифу напечатана въ приложеніи.

возвергль», и дозволилъ протопопу священнодѣйствовать. Ключарь того же собора взялъ въ Москвѣ у архіерея грамоту, чтобы «исправить и доглядѣти чину во церквахъ въ вяземскомъ уѣздѣ, и онъ изрядно исправлялъ: на одномъ попу исправилъ 50 рублей, на инсмъ 30, на иномъ 10 и на иныхъ по силѣ меншии вытрясалъ». А между тѣмъ исправлять дѣйствительно было что: одинъ священникъ, исповѣдавшій женщину, записалъ ея грѣхи, и продалъ эту запись мужу за пять рублей; другой священникъ мало того, что самъ блудникъ «знаемъ людямъ, но и прочая учить, глаголя: что за грѣхъ еже похоть исполнити?» И такіе то священнодѣйствуютъ ради денежныхъ посуловъ, которые они даютъ, кому слѣдуетъ. Въ самомъ городѣ Вязьмѣ, продолжаетъ челобитчикъ, есть одинъ молодой священникъ, который «своеѣ попадіи недоволенъ будучи, съ другою живучи, дѣтище прижилъ и ее замужъ выдалъ, и яко до него приставили, онъ за тоѣ дѣтище корову, да пять рублей денегъ далъ, а протопопѣ далъ два уліи пчель, да пять рублей денегъ — и нынѣ священнодѣйствуетъ».

Жалобы челобитчиковъ-ревнителей касаются не только жизни и дѣятельности блага духовенства, но и жизни иноческой, въ которой они также усматривали очень многое, требующее исправленія. Неизвѣстный челобитчикъ заявляетъ патриарху Іосифу: «государь, великій святитель, хочу воспоманути предъ тобою страшнаго внѣ міра, иноческаго житія уставъ, еже пріяша любяше единство. Яко Ілія на Кармилѣ и яко Предтеча въ пустыни—и больше сихъ, яко Іисусъ на горѣ, тако и нынѣ иноцы міра и яже о въ немъ отрекшеся и усердно Христовъ крестъ носить и страсти вседневнаго озлобленія обѣщавшися терпѣти, но невѣмъ, государь, откуда привниде обычай противесъ таковому обѣщанію: любятъ сребро и золото и украшеніе келейное, имѣють влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати болшая стяжанія и тѣмъ желаютъ мірскія любве достигнути; призываютъ къ себѣ на гостьбу великоименитыхъ властей и сами къ нимъ въ дома ходять, словесы блажатъ и, дѣлы являющесе благими, лстятъ; дарованія приносятъ и болшая даяти обѣщаются, себѣ же просятъ имѣть власть во обителѣхъ: игу-

Патріархъ Никонъ.

менство, строительство, и келарство и прочія начальства. И пріемше власть цѣною гиблющаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразни являются, сурови и мстиви томители и святыхъ обителей грабители, своихъ далнихъ и ближнихъ взыскають и обогощаютъ, и всякимъ образомъ обильно дома ихъ исполняютъ монастырскою казною, и сами въ домѣхъ и гостятъ и обнощеваютъ, упивающесе и объядаючи бѣсомъ вождедѣннымъ пьянствомъ съ женами пирующе; и въ монастырехъ различными пѣянства и питія имуще, уставомъ святаго иноческаго житія изумленнымъ пѣянствомъ ругаются, и одежды ангельскаго образа скверняютъ, и братію возмущаютъ таяжде дѣяти... И откуда, государь, обычай таковъ властемъ: ненавыкше довольно время меншихъ степеней, на большая восходятъ и како могутъ быти вречеве душамъ, неприемше искуса цѣлбы, постригается множи нуждею привлачими, неимуще дневныя одежда и пища и, помале, власти являются, въ мѣре о иночествѣ произволенія добра неимуще, а во иночествѣ откуда таковымъ абіе устроеніе нрава постигнути?»).

Что подобныя челобитныя могли исходить отъ извѣстныхъ намъ ревнителей, это доказывається тѣмъ, что они вели постоянную неустанную борьбу съ пороками, лѣнностью и небрежностью духовенства, всюду рѣзко и сурово обличая его. Нероновъ, живя въ селѣ Никольскомъ «іереевъ веси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ пѣянства ради и многаго безчинства», «безчинующихъ пѣянственно» іереевъ онъ «отторгаше отъ святаго алтаря и вонъ изъ церкви извождаше». Аввакумъ, рассказавъ о томъ, какъ жестоко его избилъ толпа въ Юрьевцѣ, замѣчаетъ: «наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни вопять: убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ». Тоже было и съ другими ревнителями, чѣмъ отчасти и объясняется то явленіе, что всѣ они, куда-бы ни появлялись, повсюду создавали себѣ непримиримыхъ враговъ, хотя въ то же время у нихъ являлось и немало послѣдователей и поклонниковъ, которые видѣли въ нихъ людей строго и искренно благочестивыхъ, всецѣло преданныхъ исполненію

своихъ пастырскихъ обязанностей. Что ревнители дѣйстви- тельно подавали и царю и патріарху челобитныя, въ ко- торыхъ они указывали на разные замѣченные ими недо- статки въ жизни и дѣятельности современнаго духовен- ства, это подтверждаетъ Нероновъ, когда говоритъ царю, что Аввакумъ, Данииль, Лазарь и Логгинъ «безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія безчинныя извѣщали». Извѣщенія ревнителей царю и патріарху на всякія без- чинныя производили свое дѣйствіе. Въ 1646 году пат- ріархъ Іосифъ издаетъ наказъ всему духовному чину въ Москвѣ, которымъ требуетъ, чтобы приходское духовен- ство своею собственною благочестивою жизнію, строгимъ исполненіемъ разныхъ церковныхъ правилъ и предписа- ній, ревностнымъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ обя- занностей, служило образцомъ для своихъ прихожанъ. А которые протопопы и дьяконы, говоритъ въ заключеніе наказъ «учнутъ пити и ходити безчинно», тѣхъ патріархъ будетъ смирать «большимъ смиреніемъ, да имъ же быти въ великомъ запрещеніи»<sup>1)</sup>. Въ 1648 году патріархъ Іосифъ писалъ въ монастырь Саввы Сторожевскаго, что «государю и ему, патріарху, вѣдомо учинилось, что въ мо- настыряхъ умножилось хмѣлново и отъ того хмѣльного пъя- наго питья монастыри оскудѣли, и общежительство и мо- настырскій чинъ разрушается, и архимандриты, и игу- мены, и попы черные и строители, и старцы о церков- номъ пѣніи и благочиніи нерадѣютъ и древнихъ богоносныхъ отецъ преданіе и уставъ не хронятъ, въ церквахъ Божіихъ поютъ поскорю, не единогласно совсякимъ безстрашіемъ, и братію на всяко благочестіе не учатъ, и сами въ цер- кви Божіи мало ходятъ, и съ братією въ трапезѣ не быва- ютъ, ядятъ и пьютъ по кельямъ съ болшими покой, за- бывъ свое иноческое обѣщаніе». Въ виду этого, говоритъ патріаршая грамота, государь, «слышавъ таковое въ сво- ихъ царскихъ богомоліяхъ, въ монастырѣхъ, смѣтеніе п нерадѣніе, и лѣность, и преизлишнее пянство, и нару- шеніе всякаго благочестія и древнихъ святыхъ отецъ пре- даніе и чинъ монастырскій небрегомъ», велѣлъ во всѣ

1) А. Э. IV, № 321.

города по монастырямъ послать свои указы, чтобы въ монастыряхъ «хмѣльное всякое питье: вино, и медъ, и пиво, и хмѣльные квасы отставили и впредь не держали, а мнѣ, богомольцу своему, велѣлъ послать по всѣмъ монастыремъ грамоты таковыжъ, чтобъ отнюдь въ монастырѣхъ хмѣльного всякаго питья не было, и жилибъ по преданію древнихъ отецъ и по чину монастырскому и уставу, чтобъ отъ такого невоздержанія ево царскія богомолья, неоскудѣли и запустѣніябъ монастырей не было, и иноческій чинъ и вси православніи христіане, живущіе во святыхъ обителѣхъ, непогибали душевнѣ, и благочестію нарушенія не было»<sup>1)</sup>). Противъ монастырскихъ безпорядковъ наконецъ выступилъ и самъ царь непосредственно въ своей грамотѣ отъ 15 іюня 1652 года въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ этой грамотѣ государь заявляетъ, о чемъ ему хорошо стало извѣстно, что въ московскихъ, въ ближнихъ и дальнихъ, въ степныхъ и нестепныхъ монастыряхъ существуютъ слѣдующія злоупотребленія: всѣ монахи и начальствующіе и рядовые держатъ для себя въ монастырскихъ погребахъ и кельяхъ и монастырскихъ вотчинахъ «хмѣльное питье—вино, пиво и медъ», и отъ ихъ пьянства церкви стоятъ безъ пѣнія; иноки захватываютъ себѣ на трапезѣ хлѣбъ, калачи, рыбу и выносятъ это за монастырь; монастырскія власти во всѣхъ монастыряхъ держатъ у себя дѣтей, братьевъ, племянниковъ, внучатъ, которымъ даютъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ, а изъ монастырской казны деньги; монастырскія власти посылаютъ въ монастырскія вотчины на жалованье слугъ и, когда тѣ пріѣдутъ съ жалованья, берутъ съ нихъ, какъ сами власти, такъ и ихъ дѣти, племянники, внучата посулы и поминки деньгами, виномъ, медомъ, куницами, а кто имъ не дастъ посуловъ, тѣхъ подвергаютъ побоямъ и дѣлаютъ имъ разныя притѣсненія; берутъ посулы и со всѣхъ монастырскихъ крестьянъ, разоряя ихъ; монастырскіе люди ѣздятъ на пиры въ дома мірскихъ людей, гдѣ бражничаютъ, а за это ссужаютъ такихъ лицъ монастырскимъ хлѣбомъ и казною; въ мо-

<sup>1)</sup> Иванова; Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 302. А. Э. № 325.

настыри приѣзжаютъ богомольцы (знатные), и власти даютъ имъ въ почестъ деньги, серебряные сосуды и лошадей, чѣмъ разоряютъ монастыри; даютъ гостинцы и всякихъ чиновъ людямъ въ Москвѣ, куда привозятъ изъ монастыря посуловъ и поминокъ рублей на сто и больше; архимандриты и игумены, по призыву разныхъ мірскихъ людей, ѣздятъ къ нимъ для служенія молебновъ и панпхидь, гдѣ для нихъ устроятся обѣды «и вино и всякое хмѣльное питье имъ подносятъ», а равно также и всѣ иноки всякій день «для дѣла и не для дѣла» отпускаются въ городъ; въ Москвѣ и по городамъ иноки священники и простые старцы «поторгомъ и поулицамъ ходятъ и на крестцахъ сидятъ и въ томъ иноческому чину поруганія чинятъ». Государь приказываетъ уничтожить всѣ эти безпорядки въ монастырской жизни<sup>1)</sup>. Обличая господствующіе въ народѣ, въ тогдашнемъ въ бѣломъ и черномъ духовенствѣ пороки и недостатки, предпринимая тѣ или другія мѣры къ ихъ искорененію, кружокъ ревнителей не могъ не коснуться и вопроса о наличныхъ церковныхъ порядкахъ, которые во многомъ требовали неотложнаго исправленія, реформы.

Еще стоглавый соборъ постановилъ: «псалмовъ бы и псалтыри вдругъ не говорили и каноновъ по два вмѣстѣ не канонархали, но поединому, занеже то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ, тако творити отцы отречено бысть». Но несмотря на такое постановленіе стоглаваго собора, «то въ нашемъ православіи безчиніе и грѣхъ» продолжались попрежнему, попрежнему службы церковныя совершались разомъ нѣсколькими голосами: одинъ пѣлъ, другой въ это время читалъ, третій говорилъ эктениі или возгласы, или читали сразу въ нѣсколько голосовъ и каждый свое особое, не обращая вниманія на другихъ и даже стараясь ихъ перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослуженія, окончательно терялась — церковная общественная служба при такихъ порядкахъ не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву пред-

1) А. Э. IV, № 328.

стоящихъ, но напротивъ, пріучала ихъ относиться къ богослуженію совершенно механически, безсмысленно, чисто внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго участія мысли и чувства. Многіе изъ народа стали смотрѣть на посѣщеніе церкви, какъ на одну формальность, и не только во время богослуженія держали себя крайне неблагоговѣйно, но и старались ходить въ тѣ именно церкви, гдѣ служба совершалась съ особою скоростью, которая достигалась именно многогласіемъ. Съ своей стороны духовенство, желая заманить въ свои храмы побольше народу, доводило скорость церковныхъ службъ до крайности, дозволяя въ храмѣ читать сразу въ голосовъ шесть и больше. Эти вопіющіе беспорядки въ церковномъ богослуженіи глубоко возмущали всѣхъ истинно благочестивыхъ людей, и по ихъ жалобамъ высшія церковныя власти предпринимали противъ злоупотребленій нѣкоторыя мѣры. Патріархъ Гермогенъ, въ своемъ посланіи: «о исправленіи церковнаго пѣнія», пишетъ: «повѣдаютъ намъ христіанлюбивые люди со слезами, а иніи писаніе приносятъ, а сказываютъ, что де въ мірскихъ людѣхъ паче во священникахъ и иноческомъ чинѣ вселися великая слабость и небреженіе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и церковномъ пѣніи великое не исправленіе. По преданію св. апостоль и по уставу св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ де въ голоса въ два и въ три и въ четыре, а индѣ и въ пять въ шесть. И то нашего христіанскаго закона чуже»<sup>1)</sup>. Патріархъ Іоасафъ, въ памяти тіуну Манойлову 1636 года, заявляетъ, что въ Москвѣ во всѣхъ церквахъ «чинится мятежь и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православныя христіанскія непорочныя вѣры», во всѣхъ церквахъ «зѣло по скору пѣніе Божіе», говорятъ голосовъ въ пять и шесть и болши, совсякимъ небреженіемъ». Патріархъ запрещаетъ многогласіе, однако сейчасъ же и дѣлаетъ уступку въ пользу укоренившагося злоупотребленія: «а въ церкви бы велѣли говорити, пишетъ онъ, голоса въ два, а понуждѣ въ три голоса, опрочѣ экзаксалмовъ, а экзаксалмы бы по всѣмъ церквамъ говорили въ

<sup>1)</sup> Сахарова: Изслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣснопѣніи.

однѣмъ голосѣ, а псалтыри и каноновъ въ тѣ поры говорить отнюдь не велѣти». Но злоупотребленія продолжали существовать попрежнему. Неизвѣстный въ челобитной къ патріарху Іосифу говорить: «вспомяну тебѣ, государь, и о бездушныхъ гласѣхъ—благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне почину содѣваются, первому другое послѣдуя, звонъ съ благовѣстомъ, несмѣсно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и непоряду совершается, якоже предаша намъ святіи отцы, еже бы первыхъ божественны сладости вкушивше и другихъ севершенію святыя службы всѣмъ всякаго глаголемаго и чтомаго и поемнаго словеси насыщати; но точію, государь, именемъ утренняго времени зовется утренняя, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государь, ото многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣніе образомъ неистоваго пьянства: къ началному пѣнію другій поемлетъ и третій, даже и до пяти и шести гласовъ купно бываетъ. И сице, государь, бываемое, кто наречетъ святаго церковнаго устава обычай, но воистину, государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божій, а не милость. Помысли, государь, великій святитель, аще восхоцетъ гостимъ быти у тебѣ царь, и сѣдши съ нимъ вечеряти, восхоцещи ли вся уготованная брашна, безобразно смѣсивше, купно представить, но коеждо почину и ряду сладкое и сланое, терпкоежь и мастичное, едино вкушаемо бывають, другое представляемо, и третіе держимо, и другая наки уготовляема, другъ другу послѣдующе благочинне на трапезу поставляются. Малаго же, государь, и незапнаго ради и предъ царемъ неистовства всѣмъ предстоящемъ ти заповѣди прещенія исполнены полагавши, да некако царь, вмѣсто пировнаго веселія, исполнится ярости. Колмиже, государь, хоцетъ отъ насъ до стойно почитаемъ быти царь царемъ и Господь господемъ Богъ нашъ, и каково чисту и соблагочиніемъ заповѣда намъ приносити хваленія жертву въ церквахъ своихъ пречистому и святому своему имени, яко научиши насъ свыше, приемше дѣйствіемъ Святаго Духа богоносни отцы». Біографъ Неронова съ своей стороны говорить: «въ оная времена (т.-е. когда въ Москвѣ, подъ главенствомъ про-

топопа Стефана, образовался кружокъ ревнителей) отъ неразумѣющихъ божественнаго ученія ввійде въ святую церковь смущеніе веліе, яко чрезъ уставъ и церковный чинъ не единогласно пѣваху, но въ гласы два, и три, и въ шесть церковное совершаху пѣніе, другъ друга не разумѣюще, что глаголетъ; и отъ самѣхъ священниковъ и причетниковъ шумъ и козлогласованіе въ святыхъ церквахъ бываше странно зѣло; клирицы бо паяху на обоихъ странахъ псалтырь и иныя стихи церковныя, неожиданно конца ликъ отъ лика, но купно вси кричаху, псаломникъ же прочитоваше стихи невнимая поемымъ, начинаше иныя, и невозможно бяше слушающему разумѣти поемаго и чтомаго». Но многогласіемъ въ чтеніи, одновременностью чтенія и пѣнія дѣло не ограничивалось, злоупотребленія и безпорядки шли далѣе, простирались на самый характеръ церковнаго пѣнія. Біографъ Неронова говоритъ, что въ то время въ церквахъ «пояху рѣчи не яко писани суть, но измѣняяще рѣченія, ради козлогласованія своего, воспріемше обычай древнихъ безчинниковъ, и вмѣсто еже бы глаголати: Богъ, Христось, Спась, они пояху: Бого, Христосо, Спасо и прочія рѣчи измѣняяще, яко нынѣ странно зѣло слышати». Съ особенною силою и настойчивостію возстаетъ противъ неправильнаго искаженнаго церковнаго пѣнія инокъ Евфросинъ, который, въ 1651 году, написалъ «сказаніе о различныхъ ересѣхъ и хуленіихъ на Господа Бога и на пречистую Богородицу, содержиныхъ отъ невѣдѣнія въ знаменныхъ книгахъ». О состояніи въ его время церковнаго пѣнія Евфросинъ говоритъ слѣдующее: «Духъ Святый повелѣваетъ бо пѣти непросто, но разумно, сирѣчь не шумомъ, ниже украшеніемъ гласа, по знати би поемое самому поющему, и послушающимъ того пѣнія разумъ рѣчей мощно бы вѣдати, а не точію гласъ украшати, о силѣ же глаголь небрежи... Въ пѣніи бо нашемъ точію гласъ украшаемъ и знаменныя крюки бережемъ, а священныя рѣчи до конца развращены противу печатныхъ и письменныхъ древнихъ и новыхъ книгъ, и неточію развращены, но и словенскаго нашего языка, въ немъ же родихомся и священнымъ писаніямъ учихомся, чюжи, несвойственны и сопротивны. Гдѣбо обрящется во

священномъ писаніи нашего природнаго діалекта сицевыя, несогласныя рѣчи: сопасо, пожеру, вомонѣ, тѣмено, и мон, восѣни, волаемо, и земи, людеми, сонѣдаяй и прочія таковыя странныя глаголы, ихъ же множество невозможно нынѣ подробну исчести за невмѣщеніе краткаго писаньяца сего». Учители пѣнія, заявляетъ Евфросинъ, берутъ съ учениковъ за обученіе пѣнію «мзду велию и паче мѣры», но если видятъ ученика «остроумна естествомъ и вскорѣ познающа пѣніе ихъ и знамя», по зависти обыкновенно скрываютъ отъ такихъ учениковъ «древнихъ мастеровъ добрые переводы и учатъ пѣти по испорченнымъ», чтобы ученикъ не превзошелъ учителя. Самыя книги для церковнаго пѣнія были очень испорчены. «Много убо, говоритъ Евфросинъ, и безчислена злая опись въ знаменныхъ книгахъ: рѣдко такой стихъ обрящется, который бы былъ не испорченъ въ рѣчахъ во всякомъ знаменномъ пѣніи. Въ нашихъ знаменныхъ книгахъ многое обрѣтается: индѣ рѣчи неприличныя, послѣдующему разуму приложены, а во пныхъ мѣстахъ нужнѣйшія глаголанія разуму отъяты... Книги харатейныя были писанныя, и по нимъ пѣто то также, яко глаголемъ: *на рѣчь*, а не якоже нынѣ всякіе глаголы буквами лишними переломаны». Зло усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ученики списываютъ книги для пѣнія съ испорченныхъ тетрадей, причемъ они, «пезная добрѣ ни силу рѣчи, ни разумъ стиха, ни буквы вѣдая, въ той перепискѣ отъ ненаученія, или отъ недосмотра описываются», вслѣдствіе чего все пѣніе въ церквахъ совершалось по крайне испорченнымъ и извращеннымъ книгамъ. Въ виду этого Евфросинъ, въ заключеніе своего сказанія, обращается ко всѣмъ съ такимъ заявленіемъ: «и вы, господіе наши, отцы и братья, и мы, бѣдныя, съ вами, положимъ по разсужденію общій совѣтъ, по церковнымъ законамъ любовнаго соединенія, восплачемся предъ Господомъ, сотворившимъ насъ, и прибѣгнемъ и припадемъ къ благочестивому семодержцу, государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи, и къ святѣйшему великому господину, въ духовномъ чинѣ отцу и богомольцу его, Іосифу, патріарху москов-

скому и всея Руси и помолимъ, еже бы исправить съ печатныхъ церковныхъ книгъ и съ харатейскихъ книгъ: Ирмолой и Октай и Стихирари въ существенномъ разумѣ рѣчей и именъ, приказати бы и повелѣти имъ, государемъ, добрымъ цѣвцомъ и знаменьщикомъ противу грамматическаго художества и истиннаго разума въ именахъ и глаголахъ и въ прочихъ частѣхъ, по согласію точекъ и запятыхъ, и разума верхнихъ силъ, зная положити, къ наученію всему православному христіанству, противъ древнихъ переводовъ харатейныхъ»<sup>1)</sup>.

Противъ этихъ вопіющихъ безпорядковъ въ церковномъ богослуженіи особенно сильно и энергично возсталъ кружокъ ревнителей. Стефанъ и Ртищевъ «первѣе уставши въ своихъ домѣхъ единогласно и согласное пѣніе», затѣмъ оно введено было Нероновымъ въ Казанскомъ соборѣ, и уже потомъ, благодаря настояніямъ государя, побуждаемаго ревнителями, и во всѣхъ церквахъ<sup>2)</sup>. На соборѣ 1651 года постановлено было «пѣти во святыхъ Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и по всѣмъ градомъ, единогласно, на вечерняхъ и на павечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, псалмы и псалтырь гово-

1) Бычкова. Опис. рукоп. сборниковъ импер. публ. библ. № XXIII, 10. Сахарова. Изслѣд. о рус. церк. пѣснопѣніи. Оп. рукоп. Хлудова № 91.

2) Установленіе единогласнаго пѣнія нѣкоторые почему то считаютъ личнымъ дѣломъ Никона. Это мнѣніе несправедливо. Современныя введенію единогласія лица говорятъ, что это было дѣломъ Ртищева и Стефана Вонифатьевича, которые „первѣе уставши въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе, также потщашася и благочестиваго царя молити, дабы утвердилъ благочинное въ церквахъ правило, еже бо въ единъ гласъ, а не во многія пѣти“. Единогласіе установлено было „ово ученіемъ протопоповъ Стефана и Иоанна (Неронова), овое повелѣніемъ царевымъ, егъ часомъ пособствова и богомудрый архимандритъ Никонъ“. Съ своей стороны и Шушеринъ говоритъ, что царь ввелъ единогласіе по совѣту и благословенію своего духовника Стефана и при этомъ замѣчаетъ: „ему же въ томъ богоспасаемомъ дѣлѣ велій поборникъ и помощникъ бысть преосвященный Никонъ митрополитъ“. Ясно, что установленіе единогласія было дѣломъ Стефана Вонифатьевича. Никонъ же только содѣйствовалъ распространенію и утвержденію этой другими лицами задуманной мѣры. Но это же дѣлали и всѣ другіе члены кружка, почему Аввакумъ, на примѣръ, и остался навсегда горячимъ приверженцемъ единогласія, чего бы никакъ не могло быть, если бы единогласіе было введено именно Никономъ.

рить въ одинъ голосъ, тихо и неслѣшно, со всякимъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицомъ» <sup>1)</sup>). Благодаря этому соборному постановленію, «то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ», многогласіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи уничтожилось не всегда; церковное богослуженіе съ этого времени стало совершаться у насъ относительно чинно, стройно, болѣе или менѣе вразумительно и назидательно для предстоящихъ.

Утвердивъ единогласіе въ церквахъ, кружокъ ревнителей вслѣдъ затѣмъ обратилъ вниманіе и на необходимость исправленія церковныхъ нотныхъ книгъ, въ неисправности и испорченности которыхъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ беспорядочности церковнаго пѣнія; воззваніе инокъ Евфросина въ пользу исправленія нотныхъ книгъ было услышано. Извѣстный Александръ Мезенецъ въ своемъ сочиненіи: «Извѣщеніе требующимъ учиться пѣнію», сообщаетъ, что послѣ собора 1651 года, утвердившаго и единогласіе и обязательность *нартчнаго* пѣнія, по царскому повелѣнію въ Москвѣ «собрано было къ тому знаменному устроенію его царскаго величества во градѣхъ и честныхъ обителѣхъ и селѣхъ разныхъ чиновъ отъ святыя Божія церкви чиноначальниковъ и всякаго церковнаго чина избранныхъ людей 14 человекъ». Такимъ образомъ, для исправленія нотныхъ церковныхъ книгъ собрана была цѣлая коммиссія изъ свѣдущихъ людей, которая должна была привести эти книги въ должный порядокъ. Но со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона дѣло это остановилось. А такъ какъ неисправность и испорченность нотныхъ книгъ была открыто признана и заявлена, то, по свидѣтельству Мезенца, разные мастера пѣнія сами стали, каждый по своему, исправлять на правую рѣчь пѣніе «и во единогласіе непридоша». Слѣдствія такого положенія дѣль понятны: «во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ учинилось велие разгласіе, что и во единой церкви не токмо тріемъ или многимъ, но и двѣма пѣти согласно стало невозможно». И только уже послѣ Никона, при патріархѣ Іоасафѣ, снова возвратились къ прежней мысли собрать въ Москву свѣ-

<sup>1)</sup> А. Э. IV, № 327.

дущихъ людей, которыми нотныя книги и приведены были въ порядокъ <sup>1)</sup>).

Наконецъ, кружокъ ревнителей обратилъ свое особое вниманіе на возстановленіе совсѣмъ было замолкшаго на Руси церковнаго учительства. Дѣло въ этомъ отношеніи дошло было уже до того, что и міряне, и сами пастыри стали смотрѣть на церковныя поученія, какъ на нѣчто непозволительное и даже вредное. Патріархъ Іоасафъ въ своей памяти тіуну Манойлову въ 1636 году говорить, что мірскіе люди не только церковныя поученія священниковъ презирають и не приѣмлють, но и самихъ священниковъ за это поносятъ и укоряють. Съ другой стороны, и сами священники, торопясь поскорѣе справить службу, не только не читали положенныя отеческія поученія, но и возвращали тѣмъ, которые хотѣли читать ихъ, такъ что предстоящіе уходили изъ церкви безъ всякаго поученія и сильно соблазнялись такимъ поведеніемъ своихъ пастырей. Неизвѣстный въ своей челобитной патріарху Іосифу также сильно жалуется на прекращеніе церковнаго учительства, на полное нерадѣніе въ этомъ отношеніи пастырей церкви, и проситъ патріарха принять мѣры противъ укоренившагося зла. Для поощренія церковнаго учительства при патріархѣ Іосифѣ дѣйствительно предпринимаются нѣкоторыя мѣры, состоящія въ томъ, что при немъ усиленно начинаютъ печатать учительныя отеческія сочиненія, особенно уважаемыя и любимыя народомъ за ихъ назидательный характеръ. Такъ при Іосифѣ печатается (въ 1641 году) Маргаритъ Златоуста и его житіе (въ 1642 г.), поученія Ефрема Сирина печатаются три раза (въ 1643 г. и въ 1652 г.) и два раза вмѣстѣ съ поученіями аввы Дорооея, печатается Сборникъ изъ 12 учительныхъ словъ (въ 1642 г.), извѣстное поученіе самого патріарха Іосифа и пр. Благодаря изданію учительныхъ сочиненій, получалась возможность читать ихъ въ болѣе исправномъ видѣ, нежели какъ они читались въ старинныхъ неисправныхъ и испорченныхъ рукописяхъ, — получалась возможность имѣть ихъ чуть не при каждой церкви. Члены кружка ревнителей,

<sup>1)</sup> Сахарова—Изслѣд. о рус. церкви. пѣснопѣвіи, стр. 28—29.

какъ мы знаемъ, отличались учительностію, готовностію всегда и всюду читать народу отеческія учительныя произведенія и толковать ихъ. Нероновъ никогда не расставался съ книгою Маргаритъ, всюду носилъ ее съ собою и не только въ церкви и дома, но на улицахъ и площадяхъ всегда готовъ былъ читать ее народу для его наученія. Такъ поступали и другіе ревнители, причемъ ихъ проповѣдь всюду возбуждала въ народѣ всеобщее вниманіе, дѣлала ихъ популярными, пріобрѣтала имъ множество друзей и послѣдователей,—у нихъ являлись въ этомъ отношеніи подражатели и среди духовенства. Биографъ Неронова говоритъ, что въ Нижнемъ Новгородѣ «священницы мнози, ревнующе іерею Іоанну, начаша износити изъ сокровищъ сердца своего сладость ученія Божественнаго Писанія». Поученія Логгина создали ему популярность и приверженцевъ, какъ это видно изъ челобитной жителей Мурома къ архіепископу рязанскому Мисаилу, съ просьбою возвратить имъ учительнаго пастыря. Сами высшіе іерархи стали къ концу патріаршества Іосифа требовать отъ подвѣдомственнаго имъ духовенства церковнаго учительства. Такъ ростовскій митрополитъ Іона, въ окружномъ посланіи къ паствѣ, при своемъ вступленіи на митрополию, пишетъ, обращаясь къ духовенству: «училибъ естя люди Божія, кто неприлучится у церкви Божія, на всякъ день, съ прилежаніемъ. А какъ прилучится вамъ прочитати отъ Божественнаго Писанія поученіе, тогдабъ единъ почиталь, а другой за нимъ толковаль, или кто можетъ чести, да и толкуеть самъ, чтобъ простымъ людемъ было что пріяти отъ васъ»<sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ, дѣятельность кружка ревнителей благочестія была направлена на искорененіе въ народѣ пороковъ, суевѣрій, неприличныхъ языческаго характера игривъ, на водвореніе въ обществѣ духа христіанскаго благочестія и религіозности вообще, на исправленіе разныхъ церковныхъ безпорядковъ, на поднятіе совсѣмъ было замолкшей у насъ церковной проповѣди.

Нетрудно видѣть, что указанная нами дѣятельность

<sup>1)</sup> А. И. IV, № 62.

кружка ревнителей благочестія, насколько мы ее можем знать по немногимъ дошедшимъ до насъ отъ этого времени свѣдѣніямъ, была дѣятельностію въ извѣстномъ отношеніи преобразовательною, такъ что представители кружка ревнителей, въ глазахъ многихъ невѣжественныхъ лицъ, были ничто иное, какъ безпокойные и опасные новаторы и даже чуть не еретики, стремящіеся измѣнить отеческіе, вѣками освященные и всѣми доселѣ признаваемые порядки и обычаи. Вездѣ, гдѣ только появлялись, съ своимъ неустаннымъ учительствомъ, съ своими обличеніями, съ своимъ строгимъ, пстовымъ исполненіемъ всѣхъ церковныхъ службъ и пастырскихъ обязанностей, — вездѣ они встрѣчали, вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ себѣ и ко всей ихъ полезной дѣятельности, и рѣшительное нерасположеніе и даже прямую вражду со стороны лицъ, ими обличаемыхъ и особенно со стороны лѣниваго, порочнаго и невѣжественнаго духовенства. Даже среди извѣстной части столичнаго московскаго духовенства, необходимо болѣе образованнаго и развитога, чѣмъ духовенство провинціальныхъ городовъ, а тѣмъ болѣе духовенство сельское, — дѣятельность ревнителей благочестія встрѣчала сильныя порицанія и противодѣйствіе, навлекала на нихъ обвиненіе въ еретичествѣ. Въ 1651 году гавриловскій попъ Иванъ извѣщалъ государя: «говорилъ де ему Никольскій попъ Прокофей, гдѣ съ нимъ не сойдетца: *заводите де вы ханжи ересь новую единогласное тѣніе и людей въ церкви учите*, а мы де людей прежь сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ. И говаривалъ де онъ попъ Прокофей: бѣса де и вы имате въ себѣ всѣ ханжи... и протопопъ де благовѣщенскій (Стефанъ Вонифатьевъ) такой же ханжа, сказалъ де онъ: Господа Саваоа видѣлъ (?), и онъ де бѣса видѣлъ, а не Бога. А Бога де кто можетъ видѣти во плоти?» И другіе московскіе священники сильно возмущены были введеніемъ единогласія и требованіемъ отъ нихъ учительства, — они шумѣли и не хотѣли подписываться подѣ требованіемъ объ обязательномъ введеніи единогласія во всѣхъ церквахъ. Тотъ же попъ Иванъ заявлялъ, что 11 февраля въ сѣняхъ московской тіунской избы былъ сильный крикъ: «Лукинскій

попъ Сава съ товарищи говорилъ такія рѣчи: миѣ де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и окольниковымъ, либо де имъ будетъ единогласіе»<sup>1)</sup>. И когда попъ Иванъ сталъ говорить противящимся единогласію, что они не могутъ презирать изволеніе Божіе, уставъ св. отецъ, повелѣніе государя и патріарха, то получилъ такой отвѣтъ отъ шумѣвшихъ іереевъ: «намъ де хотя и умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать». Въ то же время какой-то попъ Андрей говорилъ: «чтобъ ему съ казанскимъ протопопомъ (т.-е. Нероновымъ) въ единогласномъ пѣніи дали жребій, и будетъ ео вѣра права, и они де всѣ учнутъ пѣть (единогласно) и говорить (поученія)»<sup>2)</sup>.

Съ самаго начала дѣятельность ревнителей (Стефана, Ртищева и Никона), какъ видно, вовсе не расходилась съ дѣятельностью патріарха Іосифа, являлась какъ бы ея отпрыскомъ, ея восполненіемъ. Это было, казалось, то же

---

1) Это на первый взглядъ странное требованіе московскаго приходскаго духовенства, чтобы прежде обязательнаго введенія въ церквахъ единогласія спросили напередъ у бояръ и окольниковыхъ: либо ли имъ будетъ единогласіе?—по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе прихожане охотнѣе шли въ тѣ церкви, въ которыхъ служба совершалась очень скоро, ради чего у насъ собственно и возникло многогласіе, дававшее возможность сокращать срокъ службы до послѣдней возможности, хотя въ то же время всѣ требованія церковнаго устава формально выполнялись. Такіе церковные порядки внѣшне благочестивымъ людямъ нравились какъ нельзя болѣе. Введеніе же единогласія, истовое исполненіе церковныхъ службъ, введеніе церковныхъ поученій, необходимо должно было значительно удлинитъ всѣ церковныя службы, что сильно могло не понравиться многимъ прихожанамъ, привыкшимъ къ прежнимъ короткимъ службамъ. Въ виду этого опасенія—введеніемъ единогласія возбудитъ неудовольствіе своихъ сильныхъ и вліятельныхъ прихожанъ,—московское приходское духовенство и требуетъ, чтобы напередъ спросили бояръ и окольниковыхъ—либо ли имъ будетъ единогласіе.

2) Зап. рус. археол. общ. II, 394—396. Въ приведенныхъ заявленіяхъ московскаго духовенства нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что главными новаторами, виновниками введенія единогласія и поученій признаются Стефанъ и Нероновъ, а не Никонъ, о которомъ даже вовсе и не упоминается, что было бы невозможно, если бы онъ дѣйствительно въ то время былъ, какъ нѣкоторые думаютъ, главнымъ виновникомъ введенія у насъ единогласія и церковныхъ поученій.

направленіе, только имѣвшее въ виду специально практическую сторону жизни, область наличныхъ общественныхъ нравовъ, обычаевъ, наличныхъ церковныхъ порядковъ и пр., такъ что дѣятельность ревнителѣй служила какъ бы только восполненіемъ преобразовательной дѣятельности патріарха Іосифа. Въ воззрѣніяхъ первыхъ дѣятелѣй кружка ревнителѣй: Стефана, Ртищева и потомъ Никона, не могло быть ничего особенно враждебнаго тѣмъ новымъ вѣяніямъ, которыя проявились при Іосифѣ, такъ какъ глава кружка, Стефанъ, несомнѣнно самъ содѣйствовалъ появленію и укрѣпленію въ Москвѣ этихъ вѣяній, онъ былъ близкимъ другомъ Ртищева, въ бесѣдахъ съ нимъ проводилъ иногда ночи, съ нимъ совѣтовался при выборѣ лицъ для поставленія на протопопскія мѣста въ разныхъ городахъ. Съ своей стороны и Ртищевъ, устроая около Москвы Андреевскій монастырь и вызывая въ него ученыхъ, южно-русскихъ монаховъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, конечно, съ согласія и одобренія Стефана. Точно также и царь, не посовѣтовавшись предварительно съ своимъ уважаемымъ духовникомъ, не рѣшился бы на такую небывалую мѣру, какъ вызовъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ для книжныхъ исправленій, безъ одобренія своего духовника не рѣшился бы онъ и на учрежденіе въ Москвѣ школы, въ которой бы образованные кіевляне и греки учили москвичей разнымъ наукамъ. Несомнѣнно, что все это дѣлалось и Ртищевымъ, и царемъ съ вѣдома и согласія Стефана, который, слѣдовательно, лично вовсе не былъ противникомъ науки, образованія и книжныхъ исправленій. То же самое доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что книга о Вѣрѣ, написанная кіевляниномъ Нааанаиломъ, игуменомъ кіевского Михайловскаго монастыря, была, въ 1648 году, напечатана въ Москвѣ, по свидѣтельству дьякона Федора, «тщательствомъ благаго духовника царя, Стефана Вонифатьевича». Правда, когда въ Москвѣ появились кіевляне и ихъ ученики, то они, по наблюденію москвичей, свысока стали трактовать учителей и благочестивыхъ московскихъ протопоповъ: «всѣхъ они (кіевляне съ своими учениками) укоряютъ, и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана

(Неронова) и Стефана (Вонифатьева) и иных: враки де они вракують; слушать у нихъ нечего, и себѣ имени невѣдаютъ; учать де — просто ничего не знаютъ, чему учать»<sup>1)</sup>. Дѣйствительно, съ прибытіемъ въ Москву уче-

<sup>1)</sup> „Дѣло по доносу чернеца Саула на бояръ Ивана Васильевича Засѣдкаго, на Луку Тимофѣева, сына Голосова, да Благовѣщенскаго собора на дьячка Константина Иванова, что они къ нему въ келью приходили и про еретичество говорили. 158 года, апрѣля въ 3 день, извѣщаль околничему Ивану Ондрѣвичу Милославскому чернець Сауль: есть де за нимъ государево дѣло, чтобъ про тотъ его извѣтъ сказалъ государю, и околничей Иванъ Ондрѣвичъ сказываль про то государю. И марта въ 5 день сказалъ чернець Сауль предъ государемъ: нынѣшней де зимы, а о кою пору, того не упомнить, приходили къ нему въ келью Иванъ Васильевъ, сынъ Засѣдкой, да Лучка Тимофѣевъ, сынъ Голосовъ, да Благовѣщенскаго собора дьячекъ Костка Ивановъ, и межъ себя шептали: учится де у кievлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той де грамотѣ и еретичество есть, а бояринъ де Бориеъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а еретичество де знаетъ и держится. А Степанъ Алябевъ спрашиваль, а въ распросѣ сказалъ: какъ де былъ на Москвѣ старецъ Арсеній греченинъ, который сосланъ на Соловки, поитъ Степанъ хотѣлъ было у него поучиться по латини, и какъ тотъ старецъ сосланъ на Соловки, и онъ де и учиться пересталь и азбуку изодраль, потому что учили ему говорить родимцы его и Лучка Голосовъ, да Ивашко Засѣдкой: переставъ де учиться по латыни, дурно де; а какое дурно того не сказали; а разговоровъ де онъ съ ними—Лучкою и Ивашкомъ—никакихъ не говариваль, а Лучка де говариваль: латинской де языкъ незнакомъ и многія въ немъ ереси. — Дьячекъ Костка Ивановъ въ распросѣ сказалъ: нынѣшнего году на масляницѣ, а въ который день, того не упомнить, провсажали де протопопа (Стефана Вонифатьева) Лучка Голосовъ, да Ивашко Засѣдкой, да онъ Костка отъ Благовѣщенія къ нему на дворъ и, проводя его, пришли къ воротной кельѣ къ старцу Саулу и сѣли на лавкѣ и говорили де ему Косткѣ Лучка и Ивашко: извѣсти де протопопу, что де онъ, Лучка, у кievскихъ чернецовъ учиться не хочетъ, старцы де не добрые, онъ де въ нихъ добра не позналъ, и добраго ученья у нихъ нѣтъ: нынѣ де онъ манитъ Ѳедору Ртищеву, боясь его, а виредь де учиться никакъ не хочу. Да тотъ же де Лучка говорилъ: кто де по латыни научится, и тотъ де съ праваго пути совратится; да и о томъ бы онъ Костентинъ воспоминалъ протопопу: поѣхаль де учиться Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту де проѣзжую Ѳедоръ промыслилъ доучиваться у старцевъ у кievлянъ по латыни, и какъ де выучатся и будутъ назадъ, и отъ нихъ де будутъ великія хлопоты, и чтобъ де ихъ до Кіева не допустить и воротить назадъ; и такъ де они всѣхъ укоряють и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ: Ивана (Неронова) и Степана (Вонифатьева) и иныхъ: враки де они вракують, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени не вѣдаютъ, учать де, про то ничего Патріархъ Никонъ.

ныхъ кіевлянъ необходимо должно было произойти сравненіе, сличеніе старой московской учености съ новою кіевскою, приче́мъ представители и приверженцы кіевской учености естественно старались уронить въ общественномъ мнѣніи старую московскую ученость и ея представителей, учительныхъ протопоповъ Стефана и Неронова. Но это обстоятельство, кажется, очень мало затрогивало Стафана, который самъ содѣйствовалъ вызову въ Москву ученыхъ кіевлянъ и не имѣлъ вообще особыхъ притязаній на ученость и учительность, такъ что въ интересахъ оживленія въ Москвѣ публичной проповѣди, пожелалъ имѣть при себѣ другое лицо, болѣе его ученое и краснорѣчивое. Біографъ Неронова прямо говоритъ, что «Стефанъ протопопъ, аще и зѣло велію ревность имѣяще о благочестіи, обаче въ Божественномъ Писаніи не до конца худогъ баше: того ради желаше избрати себѣ въ помощь мужа, въ словесѣхъ рѣчиста и въ святыхъ книгахъ искуснѣйша». Въ виду этого умный и непритязательный Стефанъ легко мирился съ кіевскою ученостью и съ кіевскими

---

не знаютъ, чему учать. Да онъ же Костка слышалъ во 157 году по яѣту отъ попа Ѳомы, а живутъ де они во рву подъ Троицею, и прихаживалъ къ тому попу Ѳомѣ для правила, и Ѳома де попъ говорилъ: скажи де пожалуй какъ де быть, дѣти де его духовные отъ него просятъ въ Кіевъ учиться по латыни. И онъ де Костя молвилъ ему: не отпускай де Бога ради, Богъ де на твоей душѣ того взыщеть. И Ѳома де молвилъ: азъ бы де радъ ихъ не отпустилъ, да они безъ пристани со слезами просятъ, и его мало слушаютъ и ни во что ставятъ. Да тѣжъ Лучка и Ивашка говорили: говорятъ де кіевляне: намъ бы де до Свѣтлаго воскресенья дожить, а то де чаемъ, что съ Москвы не поѣдемъ. А про боярина де про Бориса Ивановича Морозова слышалъ онъ у нихъ, говорили между собою тихонько: Борисъ де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а кіевлянъ де началъ жаловать, а то де знатно дѣло, что туда уклонился къ таковымъ же ересямъ. Да Костка жъ допрашивалъ, что онъ съ ними шепталъ, и онъ сказалъ: не упоминить, и чтобъ де поставить Саула съ очей на очи. И Саулъ на очной ставкѣ говорилъ: онъ де Костя съ ними говорилъ и на ухо шепталъ, да и то де говорили, чтобъ Богъ ихъ всѣхъ снесъ. И Костка молвилъ: въ томъ де виноватъ, что запаматовалъ тѣ де слова, что Богъ ихъ всѣхъ снесъ вмѣстѣ, говорили, а говорилъ де онъ съ ними и шепталъ, что онъ тѣ ихъ рѣчи извѣстилъ протопопу, и я ему извѣстилъ... (Большой Москов. Архивъ мивист. иностранныхъ дѣлъ, дѣла приказныя, 1650 года, связка 246, № 31. Конца дѣла къ сожалѣнію, нѣтъ).

учеными, какъ онъ впослѣдствіи легко мирился съ преобразовательною дѣятельностью Никона и даже усиливался помирить съ нею своихъ пылкихъ и неразумно-ревностныхъ друзей<sup>1)</sup>. Что же касается Ртищева, то онъ, какъ извѣстно, былъ главнымъ дѣятелемъ въ вызовѣ въ Москву ученыхъ кievлянъ и самымъ горячимъ поборникомъ развитія у насъ образованія. Точно также и Никонъ, перебравшись въ Москву, скоро подчинился здѣсь новымъ вѣяніямъ, сблизился съ его представителями и, наконецъ, вполне проникся мыслию о необходимости церковныхъ исправленій въ духѣ Іосифа. Такимъ образомъ всѣ три главные извѣстные намъ ревнителя вовсе не были принципиальными противниками Іосифа и имъ намѣченныхъ исправленій, а между тѣмъ, несмотря на это, между патріархомъ Іосифомъ и Стефаномъ Вонифатьевымъ съ теченіемъ времени произошелъ окончательный разрывъ, такъ что Стефанъ Вонифатьевичъ даже публично позволялъ себѣ называть Іосифа патріарха «не пастыремъ, а волкомъ», поносилъ онъ и всѣхъ другихъ властей «бранными словами», и ихъ, какъ и патріарха, называлъ также

1) Совсѣмъ иначе, чѣмъ Стефанъ, долженъ былъ стнестись къ обличеніямъ кievлянъ и ихъ учениковъ Нероновъ. Онъ именно и былъ тотъ мужъ „въ словесѣхъ рѣчпстый и въ святыхъ книгахъ искусѣйшій“, котораго Стефанъ избралъ для публичной церковной проповѣди въ Москвѣ, такъ какъ онъ еще въ Нижнемъ Новгородѣ составилъ себѣ громкую репутацію выдающагося и очень свѣдущаго проповѣдника. Эту репутацію талантливаго „и въ святыхъ книгахъ искусѣйшаго“ проповѣдника Нероновъ съ честью поддерживалъ и въ Москвѣ. Слушать его проповѣди въ Казанскомъ соборѣ приходили иногда самъ царь, царица и бояре, причемъ въ соборѣ всегда собиралась масса народу послушать сладкаго ученія Іоаннова. вмѣстѣ съ Стефаномъ Нероновъ даже являлся во дворецъ, и здѣсь „простирашу ученія духовная: и приемляше благословеніе отъ нихъ царь и царица и словесъ ихъ душеполезныхъ послушаху въ сладость“. И вдругъ кievляне и ихъ московскіе ученики дерзко заявляютъ, что Нероновъ „враки вракуеть, что слушать у него нечего, что хотя онъ и учить, однако самъ хорошо не знаетъ чему учить“. Это было кровнымъ оскорбленіемъ для Іоанна, который, конечно, не могъ же сознаться, что и онъ, подобно Стефану, тоже „не до конца художъ“ въ Божественномъ Писаніи, и что онъ дѣйствительно хорошо не знаетъ того, чему учить. Понятное дѣло, что для Неронова гораздо легче было заподозрить и отвергнуть всю современную кievскую и греческую ученость, нежели признаться въ своей собственной научной несостоятельности.

«волками и губителями». Къ сожалѣнію, документъ, который сообщаетъ намъ о столкновеніи Стефана съ патриархомъ и властями, не говоритъ, за что именно Стефанъ называлъ патриарха и властей «волками и губителями»<sup>1)</sup>. Но, кажется, мы не ошибемся, если объяснимъ это столкновение такимъ образомъ: Стефанъ «зѣло велию ревность имѣяше о благочестіи» требовалъ отъ патриарха Іосифа и другихъ властей неотложныхъ и энергичныхъ преобразованій прежде всего и главнымъ образомъ въ сферѣ наличныхъ церковныхъ порядковъ, которые во многомъ уже давно соблазняли истинно благочестивыхъ людей, вызывая съ ихъ стороны горькія жалобы и сѣтованія, требовалъ отъ властей внимательнаго, неустаннаго наблюденія за жизнію и дѣятельностью подвѣдомственнаго имъ духовенства, чтобы оно ревностно и истово исполняло свои пастырскія обязанности, требовалъ ихъ особыхъ усиленныхъ заботъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи всего вообще народа, зараженнаго многими пороками и суевѣріями, настаивалъ, чтобы на этой именно дѣятельности сосредоточены были прежде всего заботы и усилія церковныхъ властей, которыя сами должны были, по его мнѣнію, являть собою образецъ истиннаго архипастырскаго служенія, подавать собою примѣръ подчиненнымъ имъ пастырямъ въ надлежащемъ выполненіи ими своихъ пастырскихъ обязанностей. Но, кажется, ни патриархъ Іосифъ, ни власти не проявляли особенной охоты и ревности исполнять требованія Стефана, или потому, что вообще имъ не сочувствовали, или потому, что не хотѣли подчиниться водительство царскаго духовника, іерархически имъ подчиненнаго, тѣмъ болѣе, что въ его требованіяхъ находили косвенное порицаніе своей предшествующей архипастырской дѣятельности. Тогда Стефанъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, сталъ проводить свои планы помимо патриарха и властей, съ помощію царскихъ указовъ и при содѣйствіи выдвинутыхъ имъ ревнителей: Неронова, Аввакума и другихъ, вслѣдствіе чего онъ не-

---

1) Этотъ документъ—челобитная патриарха Іосифа къ царю, очень важная—приводится нами ниже и печатается въ приложеніи.

обходимо сталъ въ натянутыя отношенія къ патріарху и всѣмъ властямъ, — его дѣятельность стала обособляться отъ дѣятельности Іосифа. Не встрѣтивъ желанной поддержки своимъ планамъ у патріарха и властей, Стефанъ замѣнъ того нашелъ себѣ горячее сочувствіе въ Нероновѣ, Аввакумѣ, Даніилѣ и др., которые вполне раздѣляли его взгляды и готовы были всячески постоять за нихъ. Естественно, что Стефанъ тѣсно сблизился съ этими вполне сочувствующими ему лицами, которыя и сдѣлались скоро его близкими друзьями<sup>1)</sup>. Новые друзья Стефана, особенно пылкій, энергичный и учительный Нероновъ, уже по самой живости своей природы не могши остаться на второмъ планѣ, не только привнесли съ собою кругъ воззрѣній, во многомъ отличныхъ отъ воззрѣній Стефана и Никона, но и старались придать имъ преобладающее, руководящее значеніе, хотѣли, чтобы ими опредѣлялась вся дѣятельность кружка ревнителѣй, вслѣдствіе чего необходимо должна была съ теченіемъ времени вскрыться рознь въ воззрѣніяхъ самихъ ревнителѣй и повести къ отдѣленію московскихъ ревнителѣй отъ ревнителѣй пришлыхъ, провинціальныхъ. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ пришлыхъ въ Москву провинціальныхъ ревнителѣй, каковы Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и др., выступала на сцену старая Русь, совершенно чуждая новѣйшимъ московскимъ культурнымъ движеніямъ, Русь исключительно провинціальная, выросшая и воспитывавшаяся на Псалтыри, на житіяхъ святыхъ, на старыхъ толстыхъ московскихъ сборникахъ и ихъ содержимомъ, совершенно не знавшая и даже не хотѣвшая знать и признавать никакой иной мудрости и науки, кромѣ завѣщаннаго ей старыми московскими книжниками, которымъ только она и вѣрила и предъ которыми преклонялась. Это была Русь,

---

1) Дьяконъ Федоръ говоритъ, что Никонъ всѣхъ, „кои не приложили рукъ своихъ ко умышленію его вражію и возбраняли ему много, еже бы не раздиралъ церкви Христовы,—казанскій протопопъ Іоаннъ Нероновъ, костромской протопопъ Даніилъ, муромскій протопопъ Логинъ, *друзи быша царева духовника благаго Стефана*, Благовѣщенскаго протопопа, и инѣ мнози отцы и сѣхъ всѣхъ Никонъ мучилъ“... (Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 197).

еще прочно державшаяся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшая въ ихъ незыблемость и спасительность, и потому крайне стойкая въ своихъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и идеалахъ, крайне неподатливая на всякую новину, враждебная всему, что стремится освободиться отъ узъ вѣковаго, хотя бы уже и отжившаго обычая, отъ привычнаго, вѣками освященнаго строя понятій, хотя бы уже заявившихъ свою дальнѣйшую непригодность. Но если эта старая Русь, совершенно еще не тронутая новѣйшими московскими вѣяніями, и не обладала научнымъ образованіемъ и развитіемъ, воспиталась съ помощію простаго односторонняго начертчества, если кругъ самаго ея христіанскаго пониманія былъ крайне узокъ, а иногда и прямо неправиленъ, если она затруднялась иногда подмѣтить въ Псалтыри простую типографскую ошибку, а о Святой Троицѣ не затруднялась богословствовать неправо,—за то она готова была на мученичество за свои вѣрованія и убѣжденія. Какъ мало въ ней было правильнаго теоретическаго развитія, способности къ отвлеченному и критическому мышленію, такъ наоборотъ въ ея представителяхъ очень много было характера, энергіи, стойкости, способности всѣмъ жертвовать, все претерпѣть за свои излюбленныя убѣжденія. Этими своими качествами они способны были производить на всѣхъ, и особенно на простую массу, въ высшей степени сильное впечатлѣніе, способны были самымъ своимъ несостоятельнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ придать характеръ истинности и святости: на смерть идутъ за свое ученіе — одного этого уже достаточно для массы, чтобы видѣть въ ихъ ученіи, не разбирая и не оцѣнивая его по существу, святую непререкаемую истину,—за неправо дѣло, въ которое сами не вѣрятъ, люди не кладутъ добровольно головы своей на плаху, не даютъ вырѣзывать у себя языки, не идутъ спокойно на костеръ.

Вотъ такіе-то люди, сгруппировавшись около Стефана, какъ своего центра, постепенно перебираются въ Москву, становятся здѣсь, благодаря Стефану, извѣстными самому царю и царской семьѣ, пріобрѣтаютъ въ высшихъ кругахъ московскаго общества извѣстность и вліяніе и начинаютъ

заявлять притязаніе на руководящую роль въ церковныхъ дѣлахъ, хотятъ проводить и въ Москвѣ свои отжившія воззрѣнія, вовсе не думая поступаться ими даже предъ Стефаномъ, съ которымъ они уже вступаютъ въ пренія и состязанія. Нероновъ въ 1654 году писалъ къ Стефану: «не толи мыслишь, государь мой союзниче, священнопротопопѣ Стефанъ Вонифатьевичъ, что я тебѣ, живучи на Москвѣ, стужалъ и много тебѣ жестоко и противно говорилъ»<sup>1)</sup>). Принципіальная рознь между Стефаномъ и его провинціальными друзьями необходимо должна была обнаружиться въ Москвѣ при ихъ ближайшемъ взаимномъ знакомствѣ, когда они ближе всмотрѣлись въ воззрѣнія другъ друга. Но до тѣхъ поръ, пока новыя московскія вѣянія не сформировались окончательно и не нашли себѣ опредѣленнаго выраженія въ церковной реформѣ Никона, провинціальныя ревнители еще держались Стефана и Никона, хотя и тогда уже, какъ мы видѣли, дозволяли себѣ жестоко и противно говорить Стефану. Какъ же скоро Никонъ вступилъ на патріаршій престолъ и энергично сталъ продолжать дѣло церковнаго исправленія, начатаго его предшественникомъ, а Стефанъ рѣшительно сталъ въ этомъ дѣлѣ на сторону Никона, ревнители провинціалы отстранились отъ Стефана, перестали слушать его совѣтовъ и пошли своимъ собственнымъ путемъ. Всѣ попытки Стефана сдержатъ пылъ и заносчивость своихъ друзей, образумить ихъ на счетъ происходящаго въ Москвѣ, примирить ихъ съ новыми московскими вѣяніями, вызванными новыми настоятельными запросами жизни, оказываются совершенно напрасными. Они уже не слушаютъ болѣе своего патрона, укоряютъ его въ слабости и податливости и, не разрывая личныхъ связей съ нимъ, образо-

---

<sup>1)</sup> Матер. для истор. раск. 1, 77. И съ Никономъ у Неронова, еще до патріаршества перваго, уже были нелады. На это намекаетъ самъ Нероновъ, когда въ письмѣ своемъ къ царю изъ Спасо-каменнаго монастыря отъ 27 февр. 1654 г. говоритъ: „по приказу отца, священнопротопопа Стефана Ниеантьевича, всяко покореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патріарху, еще же онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ и живыхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все по истиннѣ истинну, моля его, да не слушаетъ клеветниковъ“ (ibid. I, 67—68).

ывають свой собственный кружокъ изъ единомышлен-ныхъ съ нимъ лицъ и, дѣйствуя уже исключительно на свой собственный страхъ и вопреки всѣмъ настойчивымъ совѣтамъ Стефана, они выступаютъ ярыми противниками церковныхъ исправленій Никона и производятъ въ русской церкви расколъ.

Въ чемъ же теперь заключаются особенности въ воззрѣ-нiяхъ этихъ провинціальныхъ ревнителей, которыя заста-вили ихъ сначала отдѣлиться отъ Стефана, а потомъ выступить ярыми противниками церковной реформы Ни-кона и, наконецъ, противниками цѣлой вселенской церкви?

Кружокъ провинціальныхъ ревнителей благочестiя при-знавалъ недостатки современной церковной жизни и долгъ пастырей энергично бороться съ ними, но въ то же время, во взглядѣ на русскую церковь вообще и на отношенiе ея къ другимъ православнымъ церквамъ, онъ стоялъ на почвѣ тѣхъ исторически сложившихся воззрѣнiй, которыя были высказаны нашими книжниками еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, и по которымъ русской церкви отводилось первое мѣсто въ ряду другихъ православныхъ церквей, которыми Русь признавалась единственною хра-нительницею и опорой чистаго, ни въ чемъ не повреж-деннаго православiя, уже нѣсколько замутившагося у са-михъ грековъ. Москва—это третiй Римъ, заступившiй мѣсто новаго Рима—Константинополя, въ дѣлѣ правосла-вiя русскiя заняли мѣсто прежнихъ грековъ, такъ какъ только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая ни въ чемъ неизмѣнная вѣра, только на одной Руси, сравни-тельно со всѣми другими странами, «большее есть пра-вославiе и высшее христiанство», только одна русская держава цвѣтетъ теперь «совершеннымъ благочестiемъ, какъ свѣтъ солнечный»; тогда какъ у самихъ грековъ «вѣра православная испроказися Махметовою прелестiю отъ безбожныхъ турокъ», вслѣдствiе чего она стала у нихъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской. На почвѣ этихъ именно воззрѣнiй, высказанныхъ еще въ началѣ XVI вѣка по преимуществу старцемъ Елеа-зарова монастыря Филоеемъ, и стояли провинціальные

ревнители <sup>1)</sup>. Правда, ревнители допускали, что въ русской церковной жизни есть свои недостатки и погрѣшности, но эти недостатки и погрѣшности заключаются не въ самыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, а только въ неправильномъ, или небрежномъ выполненіи ихъ пастырями церкви, которые дѣйствительно и нуждаются въ наученіи, или исправленіи. Сама же русская церковь, по мнѣнію ревнителей, до самыхъ послѣднихъ обрядовыхъ мелочей всегда оставалась и остается вѣрною во всемъ

<sup>1)</sup> Старецъ Елеазарова монастыря Филоеей въ посланіи къ великому князю говорить: „иже отъ вышняя и всемошныя, вся содержащая десница Божія, имъ же царіе царствуютъ и имъ же величіи величаются и силніи пишутъ правду,—тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостольнѣйшему государю и великому князю православному христіанскому царю и владыцѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святыхъ вселенскія и апостольскія церкви пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея усупенія, *иже емьсто римскія и константинопольскія просіявшу* Старога убо Рима церкви падѣся невѣріемъ аполинаріевы ереси; второго же Рима Константинаова града церкви агаряне ввуды сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери. Сія же нынѣ *третьяю новаю Рима* державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церкви, иже въ концѣхъ вселенныя въ православнѣй христіанской вѣрѣ, во псей поднебеснѣй паче солнца свѣтитса. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снисдошася въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣли, еже положиша твои продѣды великій Константинъ и блаженный Владимиръ великій Богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихъ же корень и до тебѣ... Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снисдошася въ твое едино, *яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти*: уже твое христіанское царство инемъ не останется, по великому Богослову“. (Прав. Соб. 1863 г. кн. 1. То же самое Филоеей заявляеть и въ посланіи къ дяку Мисюрю — тамъ же 1861 г. кн. 2). На почвѣ этихъ Филоеевскихъ воззрѣній о призваніи Москвы и ея значенія въ ряду другихъ христіанскихъ царствъ и стояли ревнители благочестія, которые, выступивъ потомъ противниками церковной реформы Никона, повторяютъ въ своихъ сочиненіяхъ слова старца Филоея. Аввакумъ говорить: „мерзость залустѣнія, не преподобно священство и прелесть антихриста на святомъ мѣстѣ поставится, сирѣчь на олтари неправославная служба, еже видамъ нынѣ сбывшееся. *Илюю же отступленія уже нидѣ не будетъ: вездѣ бо бысть, послѣдняя Русь здѣ*“. (Матер. для исторіи раскола Н. Субботяна, т. V, 227). Никита говорить: „вѣдомо тебѣ, великому государю, яко ветхій Римъ падеся аполинаріевою ересію, второй же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими ввуды отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ: твоежь государево, великое російское царство, *третьій Римъ*, и отвсюду

истинному православію, никогда ни въ чемъ не измѣняла ему, ни въ чемъ, даже въ самомъ незначительномъ обрядѣ, ничего не потеряла изъ него, такъ какъ на Руси всегда твердо и неизмѣнно держались той мысли, что «не точію въ вѣрѣ, по ни въ малѣйшей частицѣ канонѣвъ и пѣсней, что ни у какого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно», «что православному нужно умирать за единую букву азъ». Если же русская церковь въ нѣкоторыхъ своихъ церковныхъ

---

все христіанское благочестіе въ него едино собрася, и отъ тебѣ благочестиваго царя превеликій Государь господствующихъ и царь царствующихъ Христосъ Богъ нашъ свой талантъ съ прикупомъ возьметъ“. Лазарь, обращаясь къ государю, говоритъ: „греческое царство мимо уже иде, іедино твое стоитъ иному роду не останется“ (Ibid. IV, 158—159, 252, 258). Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „вся царства, государь, въ конецъ стекошася, сирѣчь въ твое богохранимое государство; здѣсь истинная православная христіанская вѣра“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „мерзость запуствнїа, неправедное священство и прелесть антихристова, на святомъ мѣстѣ поставится, сирѣчь на олтари неправославная служба, еже и видимъ нынѣ сбывшееся. Иного уже отступленїа нигдѣ не будетъ: вездѣ бысть; послѣднее Русь здѣ“ (ibid. VI, 35, 66). Соловецкіе чслобитчики заявляютъ: „единъ на всей вселеннѣй владыка и блюститель непорочныя вѣры христіанскїа, самодержавный великій государь царь благочестіемъ всѣхъ превзыдетъ, и все благочество въ твое государство едино царство собрася, и третїй Римъ, благочестїа ради, твое государство московское царство именоваша“. (ibid. III, 247), Инокъ Сергїй пишетъ: „ветхїй Римъ падеся апоплинаріевою ересїю, вторїй Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ, великоежъ росїйское царство, третїй Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде и все благочестіе въ него воедино собрася, и единъ росїйскїй подъ небесемъ христіанскїй царь именуется во всей вселеннѣй“ (ibid. IV, 158—159, 309). Инокъ Аврамїй пишетъ: „наша убо святая вселенская апостольская церковь небесоподобная, вмѣсто римской и конетантинопольской, богоспасаемаго царствующаго града московской державы, всесвѣтлой Россїи, иже по всей вселеннѣй, паче солнца свѣтитя и благочестивою вѣрою сїять, яко вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася воедино царство нашего государя: по пророческимъ бо книгамъ, то-есть ромейское царство, два убо Рима падоша, а третїй стоитъ, и четвертому не быть... Пишетъ бо и святїй Ѳилсоей, Елизарьева монастыря, яко греческое царство разорися, и не созиждется. Сїа вся случипася грѣхъ ради нашихъ, понеже они предаша греческую вѣру въ латинство, отпаденїа гордостїю буйства своего, еретическимъ ученїемъ послѣдовавше, вѣру святую низложиша“ (ibid. VII, 86—87).

чинахъ и обрядахъ и порознилась съ современною греческою церковію, то это потому, что позднѣйшіе греки не остались во всемъ вѣрны православію, но кое-что утеряли изъ него, допустивъ у себя разныя новшества, вслѣдствіе чего у современныхъ грековъ самое православіе сдѣлалось «пестро», а благочестія у нихъ «и слѣду нѣтъ». Въ виду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнѣнію ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной провѣркѣ русскимъ, и только то, что найдетъ себѣ оправданіе въ русской церковной жизни и практикѣ, можетъ быть отъ грековъ принимаемо и русскою церковію; все же, что у грековъ несогласно съ русскимъ, должно быть безусловно отвергнуто, какъ чуждое православію, какъ привзошедшее въ греческую церковную жизнь въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ иновѣрія и, главнымъ образомъ, латинства, ибо единственно вѣрный критерій для опредѣленія того, что истинно православно и что нѣтъ, теперь находится не у грековъ, а только у русскихъ. Поэтому вносить въ русскую церковную жизнь что-либо греческое, несогласное съ русскимъ, исправлять русскіе церковные чины и обряды по образцу современныхъ греческихъ, значило, по мнѣнію ревнителей, завѣдомо развращать чистое, ничемъ и никогда не оскверненное русское православіе, значило вносить въ него латинскія ереси.

Точно такъ же ревнители благочестія признавали, что въ русскихъ церковныхъ книгахъ находятся нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, внесенныя въ нихъ невѣжественными и небрежными переписчиками, и что съ этой стороны русскія книги дѣйствительно нуждаются въ исправленіи. Но они рѣшительно не допускали той мысли, чтобы русскія церковныя книги были очень испорчены и притомъ настолько, что заключали въ себѣ чуть не ереси, чтобы ихъ слѣдовало исправлять или вновь переводить по греческимъ печатнымъ книгамъ. Если ревнители и признавали греческія книги, то только древнія рукописныя, а не новыя печатныя, которыя печатались въ иновѣрныхъ земляхъ и въ которыя, какъ это признавали и сами гре-

ки, латиняне и лютеране вносили свои ереси<sup>1)</sup>. Въ виду этого русскимъ никакъ не слѣдуетъ принимать греческихъ книгъ и во всякомъ случаѣ для опредѣленія достоинства и пригодности греческихъ книгъ, ихъ необходимо провѣрять имѣющимися у русскихъ славянскими переводами, и все, несогласное съ ними въ греческихъ книгахъ, рѣшительно отбрасывать, какъ неправославное, внесенное въ нихъ еретиками. Греческія книги потому именно и порознились съ русскими, что онѣ подверглись у грековъ искаженію со стороны еретиковъ, вслѣдствіе чего исправлять русскія книги по греческимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ съ ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русскія книги, вносить въ нихъ тѣ именно ереси, которыя уже успѣли внести еретики въ книги греческія.

Наконецъ, ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились къ ученымъ выходцамъ: грекамъ

---

<sup>1)</sup> Въ этомъ отношеніи особенно важно заявленіе палеопатраскаго митрополита Теофана, который, будучи въ 1645 году въ Москвѣ, писалъ въ челобитной государю: „буди вѣдомо, православный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что *имѣютъ напечати и лютори греческую печать, и печатаютъ повсядневно богословныя книги святыя отцы, и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютые земіе—поганую свою ересь...* И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Царѣ-градѣ, понеже и нѣмцы, которые пребываютъ въ Царѣ-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей и осиливаютъ они своею мздою... Сердцевѣдецъ есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе и *вспомянулъ смуты, что имѣютъ христіане отъ еретиковъ и смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныя книги и надѣютца, что такое есть составленіе святыя отцы и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ*“. Въ виду этого Теофанъ проситъ царя: „да повелиши быть греческой печати (въ Москвѣ) и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философіи и богословія, греческому языку и по русскому, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены и будетъ великое надобѣ на обѣ стороны и великая доброта, *да и гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ... сдѣся исполнятся древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво...* (Эта любопытная челобитная палеопатраскаго митрополита Теофана напечатана нами въ полномъ видѣ въ статьѣ: Слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь. „Чт. Общ. Любителей Духовн. Просв.“ 1881 г. іюль).

и кіевлянамъ, и никакъ не желали допускать ихъ до какого-либо участія въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ, въ одной своей челобитной государю, взываетъ, «и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истинѣ неразвратниковъ, коихъ истинѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусши житіе ихъ». Ревнители хорошо знали, что между учеными греками и кіевлянами не мало находилось и такихъ, которые, получивъ образованіе въ западныхъ, по преимуществу въ латинскихъ школахъ, заразились тамъ латинскими мнѣніями и становились открытыми или тайными приверженцами латинства; поэтому они постоянно опасались, какъ бы и на Русь не проникли эти иностранные иноки «истинѣ и благочестію ругатели и ересей вводители». Простое благоразуміе, казалось имъ, требуетъ отъ правительства, чтобы оно зорко слѣдило за всякимъ оставшимся въ Москвѣ ученымъ грекомъ и кіевляниномъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускало бы его до участія въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока объ нихъ не получится полной увѣренности, что они и по убѣжденіямъ, и по жизни дѣйствительно люди строго православные. Такое осторожное отношеніе къ ученымъ выходцамъ, грекамъ и кіевлянамъ, тѣмъ болѣе необходимо, что самая жизнь большинства выходцевъ казалась русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ очень подозрительною, такъ какъ она не укладывалась въ тѣ рамки благочестивой жизни, какія вѣками выработаны были для нея на Руси<sup>1)</sup>. «Зримъ бо въ нихъ (въ выходцахъ), государь, пишетъ царю Нероновъ, ни едину отъ добродѣтелей: хрстова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость и вмѣсто поста многояденіе и піянство любятъ, вмѣсто же, еже Христа, истаяти тѣло, мягкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лица истинное изобразити не хотятъ, и сложенію персть блядословнѣ

<sup>1)</sup> О выходцахъ на Русь съ востока, объ ихъ жизни въ Москвѣ, о впечатлѣніи, какое они производили на русскихъ см. нашу книгу: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ глава IV.

противятся, яко врази истинѣ и ругатели, на колѣнехъ же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ, и лжу сшиваючи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрываючи своевольнѣ блядутъ на прелесть безумнымъ человекомъ <sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ провинціальныя ревнителі вопреки своимъ московскимъ друзьямъ Стефану, Никону и Ртищеву, смотрѣли на русскія церковныя книги, чины и обряды, какъ на завѣтную и неприкосновенную святыню, которую всячески слѣдуетъ беречь и хранить въ ея неизмѣнномъ видѣ, такъ какъ всякая перемѣна въ нихъ была бы премѣненіемъ самой вѣры, искаженіемъ чистаго, ничѣмъ не затемненнаго доселѣ русскаго православія и вела къ гибели православія въ цѣломъ мірѣ (ибо четвертому Риму не быть), къ несомнѣнному уничтоженію самаго московскаго царства. Поэтому ревнителі были принципиальными противниками всякихъ перемѣнъ и существенныхъ исправленій въ нашихъ церковныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, были рѣшительными противниками и ученыхъ грековъ и кіевлянъ, такъ какъ въ сближеніи съ ними, въ готовности правительства слѣдовать ихъ совѣтамъ и указаніямъ въ дѣлахъ церковныхъ, видѣли угрозу, серьезную опасность чистотѣ русскаго православія. Если же ревнителі и стремились произвести нѣкоторыя улучшенія въ религіозно-нравственной жизни общества, уничтожить нѣкоторые церковныя безпорядки и злоупотребленія, съ цѣлію возвести русскую церковную и религіозно-нравственную жизнь на ту высоту, которая бы соотвѣтствовала представленію о русской церкви, какъ о единой теперь хранительницѣ чистаго, ни въ чемъ не поврежденнаго православія, о русскомъ государствѣ, какъ о единомъ теперь превославномъ царствѣ въ цѣломъ мірѣ; то они хотѣли достигнуть этой цѣли исключительно только русскими силами, не сходя съ русской почвы, опираясь исключительно на русскую и освященную вѣками завѣтную старину, не измѣняя тѣмъ принципамъ и традиціямъ, которымъ доселѣ слѣдовала русская жизнь. Они вовсе не допускали мысли,

---

<sup>1)</sup> Матер. для ист. раск. 1, 67.

чтобы русская жизнь нуждалась въ обновленіи, въ коренномъ переустройствѣ, въ оживленіи и проникновеніи ея новыми началами, въ введеніи въ нее новыхъ культурныхъ элементовъ, вслѣдствіе полной несостоятельности и дальнѣйшей непригодности старыхъ.

Такъ случилось, что въ то самое время, когда при патріархѣ Іосифѣ, въ высшихъ и передовыхъ кругахъ правительственной Москвы уже совершился тотъ великій переломъ въ духовной жизни, вслѣдствіе котораго прежнія основы и устои русской жизни стали признаваться нѣкоторыми несостоятельными и непригодными болѣе, когда съ особою силою проявилось у насъ стремленіе, съ помощію тѣснаго сближенія съ образованными кievлянами и греками, внести въ нашу духовную жизнь новые культурные элементы, построить ее на новыхъ началахъ, отчасти прямо враждебныхъ традиціямъ и воззрѣніямъ старой Руси; въ это самое время старая Русь, со всѣмъ строемъ старыхъ понятій, съ старыми идеалами и цѣлями, въ лицѣ Неронова, Аввакума и др., является въ Москву, занимаетъ здѣсь видное положеніе, становится, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, крупною вліятельною силою и заявляетъ притязанія руководить и направлять всю нашу общественную и особенно церковную жизнь. При такихъ обстоятельствахъ вполнѣ естественно было, что старое и новое направленіе въ русской жизни враждебно столкнулись въ Москвѣ, и между ними произошла ожесточенная борьба за право дальнѣйшаго существованія.

Кружокъ ревнителей (до его раздѣленія по вступленіи Никона на патріаршій престолъ) находился въ довольно благоприятныхъ условіяхъ для выполненія своихъ плановъ относительно русской церкви и общества. Во главѣ его стоялъ сильный и вліятельный царскій духовникъ, пользовавшійся полнымъ расположеніемъ молодого благочестиваго царя и всей царской семьи, имѣвшій обширныя и сильныя связи съ придворной аристократіей. Члены кружка, руководимые Стефаномъ Вонифатьевымъ, выдѣлялись изъ массы зауряднаго духовенства выдающимися личными качествами, книжностію, учительностію, ревностію и энергіею въ служеніи своему дѣлу. Благодаря со-

чувствію и поддержкѣ царя и лицъ, его окружающихъ, кружокъ мало-по-малу дѣлается крупною, видимою силою, начинаетъ оказывать замѣтное вліяніе и давленіе на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ. Среди его обсуждались и рѣшались разные церковные вопросы, изыскивались мѣры къ исправленію церковной и общественной жизни, и выработанныя имъ рѣшенія, благодаря царю, приводились въ исполненіе, становились обязательными, закономъ для всѣхъ. Даже такія дѣла, какъ назначенія митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ предварительно обсуждались членами кружка, ибо царь, отъ котораго собственно зависѣли назначенія, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по совѣту и указаніямъ своего духовника, а тотъ, съ своей стороны, отдавалъ эти вопросы на обсужденіе въ средѣ кружка <sup>1)</sup>. Вслѣдствіе этого руководство всею церковною жизнію стало переходить въ руки кружка ревнителей благочестія, которые фактически дѣлались управителями всей русской церкви. Понятно, что патріархъ и всѣ власти, которымъ по праву принадлежала инициатива во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ собственно должны были исходить всѣ церковныя мѣропріятія и постановленія, оказались стоящими въ сторонѣ,—инициатива въ церковныхъ дѣлахъ стала ускользать изъ рукъ властей и переходить къ ревнителямъ, которые дѣлаются всѣ смѣлѣе, энергичнѣе и требовательнѣе. Властямъ приходилось теперь одобрять и вводить въ церковную практику то, что вырабатывалось въ средѣ кружка, что придумывали вліятельные у царя и при дворѣ ревнители, гордые своимъ вліяніемъ и силою. Понятно, какъ непріятно должны были чувствовать себя власти, у которыхъ власть осязательно начинала ускользать изъ рукъ и относительно которыхъ ревнители, со-

---

<sup>1)</sup> Нероновъ говоритъ, обличая впослѣдствіи Никона: „а которые боголюбцы посланы государемъ блаженные памяти къ Іосифу патріарху, чтобы ему поставить, по его государеву совѣту, иныхъ въ митрополиты, и во архіепископы, и епископы, иныхъ во архимандриты и игумены и протопопы, а ты (Никонъ) съ государевымъ духовникомъ съ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прикословилъ ни гдѣ, а на поставленіи ихъ не говорилъ: неаксіось, сирѣчь недостойнѣ“ (ibid. 1, 47).

стоявшіе по преимуществу изъ бѣлаго духовенства, часто не скупился на рѣзкія обличенія<sup>1)</sup>. Но особенно сильно долженъ былъ чувствовать это и сознавать самъ патріархъ, подь бокомъ и на глазахъ котораго родилась и выросла эта враждебная ему сила, грозившая, чего не могъ не видѣть Іосифъ, уничтожить все то доброе и лучшее, что было сдѣлано и что еще дѣлалось во время его патріаршества въ видахъ возвысить умственно-религіозную жизнь русскихъ, опираясь на южно-русскую литературу, на образованныхъ кіевлянъ и грековъ, на перенесеніе съ помощію послѣднихъ науки и образованія въ Москву, благодаря учрежденію здѣсь правильно устроенной школы. Все болѣе старѣвшій и терявшій значеніе патріархъ не былъ въ состояніи ни повліять на кружокъ, ни подчинить его себѣ, ни остановить его дѣятельность, а въ то же время не хотѣлъ и подчиняться водительство враждебныхъ ему ревнителѣй, о которыхъ онъ былъ очень не высокаго мнѣнія: «возстали, говорилъ онъ, лицемѣры, имущіе

1) Біографъ Неронова говоритъ про него: „съ велиемъ бо дерзновеніемъ обличаше всѣхъ, елицѣхъ видяше небогоугодная дѣлающихъ, а наипаче властей духовныхъ, въ своемъ званіи не пребывающихъ“. Патріархъ Іоасафъ говорилъ впослѣдствіи Григорію: „Григоріе! престани про имѣти со архіереями. Григорій же отвѣщавъ рече: владыко святыи! аще и смерть пріяти, готовъ естъ правды ради,—не стыжуся глаголати предъ цари и владыки“. (Матер. для ист. раск. т. I, стр. 282, 295). Лазарь пишетъ государю: „а нынѣшныи пастыри пригодны ли люди? И лучшій ихъ попъ былъ. А по правиламъ святыхъ отецъ въ мірѣ бывъ попъ, ктому не бысть попомъ, нетокмо архіереомъ. А и ноѣ естъ власть, въ попы ево турчинъ ставилъ: и тотъ турскій поставленникъ можетъ ли быти и попъ? И таковыхъ власти межъ собою невидятъ: какъ, како таковіи пастыри могутъ добри быти? Чрезъ правила святыхъ отецъ чинъ на себя восхищаютъ! не дверьми входятъ во святую церковь, но дирую влзятъ, яко татіе“ (ibid. IV, 262). Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „а они (русскіе современные ему архіереи) всмирсти попы бывше, кромѣ малыхъ; и каковы сами преступници отеческихъ преданій и законовъ, таковыхъ же и въ причетъ поставляюще, не искусныхъ писанію простяковъ, воровъ же и піаницъ, и гнусное житіе отъ юности проходящихъ многихъ и пр.“. И въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: „злыи архіереи поставляются славы ради, и чести и богатства міра сего, и гордостью надуваются, и святительскою властью величаются, и преобразуются во апостолы христовы. И то не диво естъ братіе! И самъ сатана преобразуется въ ангела свѣтла, ему же они послѣдуютъ своими дѣлесы злыми“. (Ibid. VI, 68 и 260).

Патріархъ Никонтъ.

образъ благочестія, силы же его отвергшіися». По обычаю людей слабыхъ и безхарактерныхъ, Іосифъ, для противо-дѣйствія кружку ревнителей, прибѣгнулъ къ послѣднему и въ то же время рѣдко удающемуся средству: онъ старался, на сколько это было ему возможно, тормозить и задерживать все, что исходило изъ кружка, хотя бы это было вполне законное и полезное. Такъ, напри-мѣръ, онъ поступилъ въ дѣлѣ введенія кружкомъ единогласнаго пѣнія и чтенія въ церквахъ.

Вопросъ о единогласіи уже давно былъ рѣшенъ голо-сомъ всей русской церкви на стоглаво-мъ соборѣ въ смыслѣ рѣшительнаго осужденія многогласія. Кружокъ ревнителей, вообще относившійся къ постановленіямъ стоглаваго собора съ особеннымъ уваженіемъ и почтеніемъ, рѣшился ввести въ церквахъ, которыми завѣдывали ревнители (сначала у Стефана и Ртищева, а потомъ и у Неронова въ Казанскомъ соборѣ) единогласное пѣніе и чтеніе, причемъ, кажется, вовсе не позаботились испросить на это особаго разрѣшенія у патріарха. Въ этомъ Іосифъ увидалъ пося-гательство со стороны ревнителей на свои патріаршія права, и рѣшительно выступилъ въ вопросѣ о единогласіи противъ ревнителей, по выраженію Шушерина, «за обыкновенность тому доброму дѣлу прикословіе творяще». Пре-кословіе Іосифа тому доброму дѣлу вытекало, конечно, не изъ противо-дѣйствія самому дѣлу<sup>1)</sup>, а изъ нежеланія его подчиниться водительство кружка, поступиться въ его пользу своими правами—Іосифъ видѣлъ въ ревните-ляхъ людей самовольныхъ, не считающихъ нужнымъ испрашивать разрѣшенія у патріарха даже по чисто-цер-ковнымъ вопросамъ. Не желая подчиниться настояніямъ кружка, Іосифъ рѣшился передать вопросъ о единогласіи (вмѣстѣ съ тремя другими) на усмотрѣніе константино-

<sup>1)</sup> Это видно изъ того, что еще въ 1648 году патріархъ Іосифъ писалъ въ Саввинъ монастырь обличительную грамоту, въ которой между прочимъ говорятъ: „архимандриты и игумены и попы черные и строители и старцы о церковномъ пѣніи и благочиніи не радѣютъ и древнихъ богоносныхъ отецъ преданіе и уставъ не храпятъ, въ церквахъ Божіихъ покоятъ по скору не единогласно со всякимъ безстрашіемъ“. Ивановъ—Описаніе госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 302, А. Э. IV, № 325.

польскаго патріарха, чтобы ввести потомъ единогласіе не въ силу требованій кружка, а ради рѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ константинопольскимъ патріархомъ. Это очевидное нежеланіе Іосифа исполнять даже вполне законныя и справедливыя требованія кружка, это его стремленіе, въ видахъ противодѣйствія кружку притязательныхъ и властныхъ ревнителей, выдвинуть въ домашнихъ, такъ сказать, дѣлахъ русской церкви авторитетъ константинопольскаго патріарха и его голосъ поставить выше голоса цѣлаго собора русскихъ іерарховъ, должно было сильно раздражить кружокъ, многіе члены котораго нивакъ не хотѣли допускать грековъ до участія въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе руководиться ихъ совѣтами и указаніями. Въ виду этого враждебныя столкновенія между кружкомъ и патріархомъ становились почти неизбежны, тѣмъ болѣе, что ревнители не стѣснялись высказывать по адресу патріарха рѣзкія обличенія и укоры за его нерадѣніе о церкви и паствѣ. Это торжественно подтверждаетъ самъ патріархъ Іосифъ, который въ своемъ соборномъ уложеніи 1651 г. о единогласіи, говоритъ: «азъ слышахъ, яко многи на мя износятъ укоры, раняще насъ, ихъ же отвѣтъ готовъ имуще на судици Христовѣ, устремихся умолчати, еже и сотворихъ. Третіе бо се лѣто есть біему отъ свадникъ терпя клеветныя раны, доволенъ сый, яко имамъ послуха Господа, тайнамъ совѣтника; елма же видятъ мнози молчаніе наше на извѣстіе клеветниковъ вѣрующъ, а не долготерпѣніе мнѣша наше молчаніе, по занеже неимѣхомъ силы разверзти уста ко истинѣ»<sup>1)</sup>). Разъ вражда между патріархомъ и ревнителями дошла даже до открытаго соблазнительнаго столкновенія между главою кружка Стефаномъ Вонифатьевичемъ, самимъ патріархомъ Іосифомъ и властями, которыя держали сторону патріарха. Это видно изъ челобитной патріарха Іосифа отъ 11 февраля 1649 года къ государю, въ которой онъ, отъ своего лица и отъ лица всего священнаго собора, жалуется на Стефана въ томъ, что тотъ говорилъ государю «будто въ

<sup>1)</sup> Дѣло патріарха Никона, Гиббенета, т. II, стр. 471.

московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня богомольца твоего называлъ волкомъ, а не пастыремъ, такожь называлъ насъ, богомольцевъ твоихъ митрополитовъ, архіепископовъ, и епископа, и весь освященный соборъ бранными словами и волками и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцевъ твоихъ, меня патріарха и насъ богомольцевъ твоихъ — освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ». Затѣмъ патріархъ заявляетъ: «а въ уложенной книгѣ писано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какіе хульные словеса, да смертію умретъ, а онъ Стефанъ, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ, и на всѣ Божіи церкви, и насъ богомольцевъ твоихъ, обезчестилъ». Въ виду этого патріархъ проситъ царя созвать соборъ для суда надъ Стефаномъ<sup>1)</sup>. Но эта челобитная патріарха на Стефана Вонифатьевича не имѣла никакихъ послѣдствій, ему попрежнему приходилось выслушивать рѣзкія и обидныя для него и всѣхъ властей обличенія и укоризны ревнителей, приходилось проводить въ церковную жизнь такія постановленія, которыя вырабатывались въ средѣ враждебнаго и ненавистнаго ему кружка. Наконецъ, патріархъ Іосифъ, кажется, потерялъ всякое значеніе и вліяніе въ дѣлахъ церковныхъ, онъ самъ считалъ свое положеніе очень шаткимъ и постоянно опасался, что царь низведетъ его съ патріаршества и поставитъ на его мѣсто другаго избранника, угодника и креатуру кружка ревнителей. По словамъ самого царя, Іосифъ, въ послѣднее время, постоянно говорилъ своимъ приближеннымъ: «перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ». Такъ дѣло шло до самой смерти Іосифа.

Обзоръ важнѣйшихъ событій времени патріаршества Іосифа приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

Тѣ важныя учительныя и общеобразовательныя книги,

1) Это очень важная и любопытная челобитная патріарха Іосифа и всего освященнаго собора на благовѣщенскаго протопopa Стефана Вонифатьева, писанная на двухъ неподклеенныхъ столбцахъ, найдена нами между неразобранными бумагами главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и печатается въ приложеніи.

которыя издаются у насъ въ первый разъ при патріархі Іосифѣ, каковы: Кириллова книга, книга о Вѣрѣ, малый Катихизисъ, славянская грамматика (Смотрицкаго) были, какъ мы видѣли, южно-русскаго происхожденія, представляютъ изъ себя, за самыми ничтожными исключеніями, только простую перепечатку сочиненій южно - русскихъ авторовъ. Этотъ фактъ служить яркимъ и вѣскимъ доказательствомъ того, что въ передовомъ московскомъ обществѣ, стоявшемъ около патріарха Іосифа, явилось сознание несостоятельности и дальнѣйшей непригодности старой московской учености, сознание необходимости отъ старыхъ московскихъ сборниковъ и ихъ содержимаго, перейти къ усиленнымъ заимствованіямъ изъ ученой кievской литературы, такъ какъ старая московская книжность уже не могла болѣе удовлетворять народившимся новымъ потребностямъ и запросамъ жизни. То же самое сознание недостаточности стараго московскаго обученія по псалтыри, непригодности старой московской учености, пріобрѣтавшейся только съ помощію односторонняго начетчества, проявилось при Іосифѣ въ дѣятельномъ стремленіи завести въ Москвѣ настоящую школу, въ которой бы, подъ руководствомъ образованныхъ кievлянъ и грековъ, русскіе могли получать правильное научное образованіе. Объ устройствѣ въ Москвѣ школы хлопчатъ и свѣтское правительство, и патріархъ Іосифъ, и частное лицо Ртищевъ. Ясно отсюда, что переломъ въ нашей духовной жизни, вызвавшій критическое отношеніе къ прошлому, сознание его несостоятельности и необходимости реформы, начался еще при Іосифѣ, такъ что Никону приходилось идти тѣмъ именно путемъ, который уже былъ намѣченъ при его предшественникѣ.

Патріархъ Іосифъ, въ своихъ посланіяхъ къ датскому принцу Вольдемару, заявлялъ, что истинное православіе находится только у грековъ и русскихъ и у ихъ едино-вѣрцевъ, что русская церковь по дѣламъ вѣры всегда сносится съ четырьмя восточными патріархами. Въ напечатанныхъ при Іосифѣ книгахъ торжественно заявлялось и доказывалось, что греки вполнѣ и во всемъ православны, что турецкое иго нисколько не повредило древняго гре-

ческаго благочестія, такъ что греки и доселѣ держатъ ненарушимо не только правую вѣру, но и древніе церковныя чины и обряды. Но этого мало. Для рѣшенія нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ патріархъ Іосифъ прямо обратился къ авторитету константинопольскаго патріарха, самымъ дѣломъ показывая, что голосъ константинопольской церкви, въ случаѣ возникновенія у насъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній, долженъ имѣть для русской церкви руководящее и прямо рѣшающее значеніе. Не трудно видѣть, что и съ этой стороны патріархъ Іосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, опираясь въ своей реформаторской дѣятельности, главнымъ образомъ, на авторитетъ греческой церкви, только продолжалъ итти по тому пути, на который уже рѣшительно вступилъ его предшественникъ, патріархъ Іосифъ.

Книжные справщики времени патріарха Іосифа съ особенною силою и настойчивостію заявляли, что древніе славянскіе переводы церковныхъ книгъ очень неисправны, благодаря неискусству древнихъ переводчиковъ, невѣжеству и небрежности позднѣйшихъ переписчиковъ, такъ что на основаніи только славянскихъ переводовъ никакъ нельзя напечатать вполне исправныхъ церковныхъ книгъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо, по мнѣнію Іосифовскихъ справщиковъ, обратиться къ греческому тексту и поручить книжную справу людямъ, научно образованнымъ, вполне основательно знающимъ языки греческій и славянскій. При Іосифѣ дѣйствительно вызваны были въ Москву ученые кіевляне для исправленія книгъ съ греческаго языка; между прочимъ, для той же цѣли оставленъ былъ въ Москвѣ и ученый грекъ Арсеній и, что особенно важно, уже при Іосифѣ въ Москвѣ начали исправлять нѣкоторыя церковныя книги съ греческихъ. Ясно отсюда, что и въ дѣлѣ книжныхъ исправленій патріархъ Іосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, и съ этой стороны, былъ только продолжателемъ того, основаніе чему было положено и что уже фактически было начато прѣ его предшественникѣ.

При патріархѣ Іосифѣ, во вторую половину патріар-

шества, образовался въ Москвѣ кружокъ ревнителей благочестія, который указывалъ и обличалъ существующіе церковные безпорядки, господствующіе пороки и недостатки въ жизни народа и духовенства. Этотъ кружокъ ревнителей, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, оказался въ концѣ рѣшительно враждебнымъ тому новому направлению въ жизни, которое проявилось при Іосифѣ, вслѣдствіе чего уже при Іосифѣ началось столкновение старой и новой Руси, такъ что послѣдующая борьба Никона патріарха съ ревнителями изъ-за церковныхъ исправленій является только продолженіемъ предшествующей борьбы Іосифа съ тѣми же ревнителями.

Сопоставляя теперь все сказанное нами о времени патріаршества Іосифа, необходимо притти къ тому заключенію, что обычныя ходячія у нѣкоторыхъ нашихъ историковъ и полемистовъ съ расколомъ представленія о патріаршествѣ Іосифа, какъ о времени господства у насъ крайняго невѣжества, какъ о времени усиленной порчи церковныхъ книгъ, времени полной церковной распущенности, прочнаго водворенія разныхъ церковныхъ безпорядковъ, когда всею церковною жизнію и книжными исправленіями завѣдывала клика невѣжественныхъ протопоповъ, вкравшихся въ довѣріе очень слабого и престарѣлаго патріарха, — оказываются не совсѣмъ вѣрными. Такое ошибочное представленіе о времени патріаршества Іосифа сложилось, намъ кажется, главнымъ образомъ, благодаря усиленному желанію, особенно нѣкоторыхъ нашихъ полемистовъ съ расколомъ, выставить время Іосифа и время Никона, какъ двѣ противоположности, при чемъ на долю одного выпадали исключительно мрачныя краски, для яркости картины нарочно усиленные, на долю другого — исключительно свѣтлыя краски, которыя никакъ не допускали въ картинѣ присутствія какихъ-либо тѣней, а тѣмъ болѣе пятенъ. Въ дѣйствительности же оказывается, что патріархъ Іосифъ вовсе не былъ противоположностію Никона, а его прямымъ предшественникомъ не только по времени, но и по всей своей дѣятельности, такъ что между временемъ Іосифа и Никона является тѣсная органическая связь; Никонъ въ своей дѣятельности только

продолжалъ то, начало чему было положено при его предшественникѣ.

Но если ошибаются наши православные полемисты, когда они считаютъ патріарха Іосифа чуть не приверженцемъ старообрядства, то еще болѣе ошибочно думаютъ наши старообрядцы, когда они ссылаются на время Іосифа, какъ на золотое свое время, когда они заявляютъ свои сѣтованія только на Никона, который будто бы лично выдумалъ всю церковную реформу и произвелъ ее на свой страхъ. Справедливость требуетъ отъ старообрядцевъ перенести свои сѣтованія съ Никона на личность и время Іосифа, когда уже намѣчена и начата была та реформа, только энергичнымъ продолжателемъ которой въ сферѣ книжныхъ исправленій явился потомъ Никонъ. Это будетъ тѣмъ болѣе справедливо, что будущіе главари раскола уже ссорились и боролись съ патріархомъ Іосифомъ точно такъ же, какъ они продолжали потомъ ссориться и бороться съ Никономъ. Справедливость требуетъ признать и то, что если Никонъ патріархъ, смѣясь, говорилъ о ревнителяхъ: «знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ», то вѣдь и Іосифъ патріархъ объ нихъ же говорилъ: «возстали лицемѣры, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися».

---

# ПРИЛОЖЕНІЯ

## КЪ СТАТЬѢ О ПАТРІАРХѢ НИКОНѢ.

---

Въ дополненіе къ нашимъ статьямъ о «Патріархѣ Никонѣ», мы рѣшились напечатать тѣ немногіе документы, на которые мы ссылались въ нашихъ статьяхъ, но которые нигдѣ еще не были доселѣ напечатаны <sup>1)</sup>. Эти документы имѣютъ нѣкоторую научную важность, такъ что обнародованіе ихъ далеко не лишнее.

Первый документъ—челобитная патріарха Іосифа Государю на царскаго духовника Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева—важенъ потому, что совершенно измѣняетъ прежде существовавшій взглядъ на тѣ отношенія, какія будто бы были между патріархомъ Іосифомъ и протопопомъ Стефаномъ съ его друзьями: Нероновымъ, Аввакумомъ, Лазаремъ, Даніиломъ и др. Обыкновенно дѣло представляли такъ, что Стефанъ и его друзья были люди, преданные Іосифу, пользовавшіеся его взаимнымъ расположеніемъ и довѣріемъ. Настоящій документъ показываетъ, что въ дѣйствительности было далеко не такъ:

---

1) Исключеніе составляетъ первый документъ, который совершенно для насъ неожиданно оказался напечатаннымъ въ ноябрьской книжкѣ „Братскаго Слова“ за 1886 годъ. Кто доставилъ г. Субботину списокъ съ документа, подлинникъ котораго онъ самъ никогда не видалъ и о самомъ существованіи котораго онъ узналъ отъ насъ, онъ почему-то не говоритъ, а только глухо заявляетъ: „челобитная заимствована изъ столбцевъ (какихъ?), хранящихся въ „Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“ (?).

Стефанъ враждоваль съ Іосифомъ, публично называль его волкомъ, а не пастыремъ, архіереевъ называль губителями и волками, поносиль бранными словами и весь освященный соборъ, такъ что патріархъ Іосифъ требоваль отъ государя приложить къ поступку Стефана ту статью Уложенія, которая говоритъ: «кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какія хулныя словеса, да смертію умретъ». Въ виду этого смотрѣть на Стефана и его друзей, какъ на сторонниковъ, почитателей и приверженцевъ Іосифа, оказывается дѣломъ рѣшительно невозможнымъ.

Второй документъ — челобитная неизвѣстнаго къ патріарху Іосифу. Эта челобитная важна въ томъ отношеніи, что въ яркихъ чертахъ рисуетъ предъ нами важнѣйшіе недостатки тогдашней церковной жизни, которыми крайне соблазнялись люди благочестивые, настаивавшіе на искорененіи этихъ беспорядковъ. Нашъ челобитчикъ указываетъ на слѣдующіе недостатки въ современной ему церковной жизни: а) пастыри церкви приступаютъ къ совершенію церковныхъ службъ, не справивши напередъ положеннаго начала и всячески стараются, вопреки чинности и назидательности богослуженія, окончить его возможно скорѣе, съ цѣлію привлечь къ себѣ скорою службою побольше лѣнливыхъ и нерадивыхъ прихожанъ. б) Въ церквахъ не читаются положенныя поученія изъ святыхъ отцовъ и учителей церкви, не читаются и житія святыхъ, почему молящіеся возвращаются домой безъ всякаго назиданія. в) Священники не обличаютъ тѣхъ знатныхъ лицъ, которыя, приходя въ церковь, стоятъ безъ страха Божія, не останавливаютъ тѣхъ, которые безчинствуютъ въ церкви, не обличаютъ и не исправляютъ своихъ дѣтей духовныхъ, видя ихъ порочную жизнь, грубые и развращенные поступки. г) Сами священники и діаконы даже въ олтаряхъ совершаютъ безчинные поступки. е) Монашествующіе не соблюдаютъ своихъ обѣтовъ и живутъ не по монастырскому уставу: они любятъ стяжанія, заискиваютъ всячески предъ знатными властными лицами, стараются чрезъ нихъ получить какія-либо начальническія должности въ монастырѣ и, получивъ ихъ, начинаютъ притѣснять подчиненныхъ, расточать монастырское имущество, жить въ

монастырѣ и внѣ его не по монашески. Въ заключеніе челобитчикъ просить патріарха Іосифа исправить все «хромое».

Третій документъ—челобитная иконописца старца Григорія 1651 года къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ своей челобитной старецъ Григорій предостерегаетъ прежде всего царя отъ козней еретиковъ, особенно іезуитовъ. Одинъ изъ нихъ будто бы уже проникъ въ московскую Русь подъ видомъ грека, а теперь туда же направились еще шесть іезуитовъ. Затѣмъ челобитчикъ переходитъ къ жалобамъ на духовенство, особенно на мѣстное-вяземское, въ жизни и дѣятельности котораго онъ указываетъ разные пороки и недостатки, при чемъ приводитъ разные частные случаи. Указываетъ челобитчикъ и на существованіе въ народѣ разныхъ игрищъ языческаго и даже кощунственнаго характера. Въ послѣднемъ отношеніи у него есть такое указаніе, какого мы нигдѣ болѣе не встрѣчали. Челобитчикъ говоритъ: «игрища разныя и мерскія бывають вначалѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощныя, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимандрита, и келаря и старцевъ нарицають, тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають».

Двѣ послѣднія челобитныя — неизвѣстнаго и старца Григорія—важны не только потому, что въ нихъ очень ярко изображаются разные церковныя безпорядки, пороки и недостатки въ жизни народа и самого духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго; но и потому еще, что онѣ даютъ видѣть, какого рода реформы въ церковной жизни многіе требовали тогда и ожидали отъ высшей духовной власти, именно: требовали реформы только въ наличныхъ церковныхъ порядкахъ, желали улучшенія религіозно-нравственной жизни общества, а не книжныхъ и обрядовыхъ исправленій.

Четвертый документъ—грамота царя Михаила Ѳеодоровича къ Іосифу, архіепископу суздальскому и торусскому, прибывшему въ Москву въ 1625 году изъ южной Россіи, и получившему у насъ въ управленіе суздальскую архіепископію. Въ ней довольно подробно описываются разные

возмутительные поступки Іосифа, за которые онъ, наконецъ, лишенъ былъ сана и сосланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Эта грамота можетъ служить отчасти объясненіемъ того недовѣрія, съ какимъ многіе относились въ Москвѣ къ выходцамъ кіевлянамъ.

---

№ 1.

**Челобитная патріарха Іосифа 1649 года, февраля 11, государю Алексѣю Михайловичу на царскаго духовника, Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, съ жалобой, что Стефанъ публично поносилъ бранными словами его патріарха и весь освященный соборъ.**

«Государю благочестивому и христолюбивому, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Русіи, бьютъ челомъ богомольцы твои государевы: Іосифъ патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епискупъ, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и весь освященный соборъ на благовѣщенскаго протопопа Стефана Нифантьева: въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году, феврала въ 11 день, указалъ ты, благочестивый и христолюбивый государь царь, мнѣ, богомольцу своему, и намъ, богомольцамъ своимъ, быть у себя, государя, въ средней. И тотъ благовѣщенской протопопъ Стефанъ билъ челомъ тебѣ, благочестивому государю, на меня, богомольца твоего, и на насъ, на весь освященный соборъ, а говорилъ: будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня, богомольца твоего, называлъ волкомъ, а не пастыремъ; такожь называлъ и насъ, богомольцевъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепискуповъ, и епискупа, и весь священный соборъ бранными словами, и волками и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцовъ твоихъ, меня, патріарха, и насъ, богомольцевъ твоихъ, освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ. А въ твоємъ, государь, царствующемъ градѣ Москвѣ святая соборная первопрестольная церковь, всего

государства мати всѣмъ церквамъ, въ ней же вы, благочестивые государи, цари и великіе князи, своимп царскими вѣнцы вѣнчаются, и святители поставляютца, и весь миръ ею просвѣщается, сіяетъ аки столпъ до небеси, никогда не поколебима и нерушима, право и истинно, якоже изначала приняла божественный уставъ, такожь и всѣ божія церкви стоятъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по истинному христіанскому закону. А нынѣ, по твоему государеву указу и по приговору, уложена въ московскомъ государствѣ Уложенная книга, а за тою Уложенною книгою сидѣлъ ты, благочестивый государь, со мною, богомолцомъ своимъ патриархомъ, и съ нами, богомольцы своими, со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ своими государевыми думными людьми, и изъ городовъ со всякими выборными людьми, и ко Уложенной книгѣ о всякихъ дѣлахъ я, патриархъ, и мы, богомолцы твои, весь освященный соборъ, и бояре и всякихъ чиновъ выборные люди руки свои приложили, а въ той твоей государевой въ Уложенной книгѣ написано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какіе хулные словеса, да смертію умереть. А онъ, Стефанъ, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ и на вси Божіи церкви, и насъ, богомолцовъ твоихъ, обезщестилъ. Милостивый благочестивый великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи! Пожалуй насъ, богомолцовъ своихъ, невели, государь, своей государевой Уложенной книги нарушить, и вели, государь, намъ, богомолцомъ своимъ, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по заповѣдемъ прежнихъ благочестивыхъ царей, дати на него, Стефана, соборъ. Царь государь смилуйся! <sup>1)</sup>

---

<sup>1)</sup> Эта челобитная, написанная на двухъ несклеенныхъ столбцахъ, найдена нами между неразобранными дѣлами Моск. Архива Министер. Иностр. Дѣлъ.

№ 2.

**Челобитная неизвѣстнаго къ патріарху Іосифу съ просьбою  
предпринять мѣры противъ разныхъ укоренившихся церков-  
ныхъ безпорядковъ.**

«Нѣсть наше, еже не касаемыхъ вмѣщатися, ни, выспрь пребывающимъ, долними наставлятися; но благодати ради всесвятаго и животворящаго Духа, ко общей спасенія нашего ползѣ, святолѣпнаго ти величества отовсюдѣ, пресвятѣйшій Божій архіерею, собирая различны добродѣтели во свою душу, и тѣми красуиися; мене же, грубоумнаго твоего богомолца, да не постигнетъ гнѣва твоего, за дерзновеніе мое, ярости. Святыя соборныя апостольскія церкви пастырь, и Христова коробля, носящаго всѣхъ христіанъ спасеніе, кормчію, святѣйшему Іосифу патріарху московскому и всеа Росіи, да будетъ отъ Господа Бога милость его, за молитвъ пречистыя его Матере и великихъ святителей и чудотворцевъ, первопрестольникъ твоимъ, Петра и Алексѣя и Іоны, и всякаго благихъ подвига твоего прошеніе да исполнить. Ты же, великій государь и святѣйшій патріархъ Іосифъ московскій и всеа Росіи, выну предъ святымъ твоимъ лицемъ имѣя первопрестольники твоя, великія святители въ таковѣи и по отшествіи ихъ отъ насъ ко Христу славъ, помышляя шествія своего поприща по стезямъ ихъ исправляти, вся бо, государь, тѣхъ великихъ святителей и чудотворцевъ тебѣ Богомъ предана, первее: престоль святительства и первенство во святителяхъ, и тоя же святыя Божія церкви закона Божія правленіе, гдѣ же онѣхъ великихъ труды и все-нощная пѣнія бяху, тамо благоволити тебѣ Богъ стати; идѣже тѣхъ великихъ отецъ бяху нозѣ неподвижнымъ стояніемъ претруждены о надеждѣ нетруднаго во вѣки со Христомъ пребыванія, тамо бяше и святаго ихъ въ житіи покоя домъ, въ немъ же твое о Бозѣ пребываніе. Днесь реку же радостнѣ, яко не оставлено ни едино трудолюбнаго ихъ житія мѣсто, но имуть отъ Бога власть

и нынѣ блюсти и назирати, и всегда невидимо съ тобою пребывати во своихъ обителехъ, въ нихъ же пребыша много лѣта, просяще отъ Бога миръ церквамъ, и наслѣдія своему престолу, на немъ же да утвердитъ твое владычество въ мирѣ и тишинѣ на многа лѣта Христось Богъ. Сего ради, государь, простри руку твою послушаніемъ разсуднымъ, и прими разумнаго слова трость, и напитай ея святящимся смиренномудріемъ, да возможеш живовписати на благочестивыхъ сердцахъ, яко на хартияхъ, божественнаго сѣмени слова, слово бо Его живодѣйственно и, трудомъ твоего сѣянiя, возможетъ плоды въ сытость всѣмъ человѣкомъ принести. Первее, молимъ тя, святой Божій архіерею, призри на святую, порученную ти Христомъ церковь его и на вся твоего святительскаго рукоположенію служителя тоя, како именовъ пастыри, а дѣломъ волцы, како нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради своего покоя и предатели суть душамъ человѣческимъ, не настоящей и маловременной, но грядущей и вѣчной муцѣ. Мали бо, государь, обрѣтаются послѣдующе нелѣстно уставомъ святыхъ отецъ, мнози же нерадиви и лѣнностни къ славословію Божію: приходятъ измѣняюща лица своя, паче же того владуща нами разума омраченнымъ пьянствомъ, и бѣсовомъ желѣннымъ дменьемъ и гордостію, чрезъ обычей вскочутъ безобразно во церковь и, начала входа церковнаго не справльше, начинаютъ утреню и вечерню. И тщатся преспѣяти каждо другъ друга во псалмѣхъ и пѣніяхъ, да тѣми обычаи, и многихъ, суетѣ работающихъ, приходити съ себѣ приобрящутъ, забывше о семь, или многи и неразумѣющая, яко всѣмъ пришедшимъ во святую Божію церковь нужда слышати особъ всякаго псалма, молитвы пѣнія и, коемуждо слоевси послѣдуя, просити оставленія грѣховъ. Симъ образомъ сподобляемъ ся, — церковнаго пѣнія истинно слушающе, здѣсь безбѣднаго жительствова и онамо вѣчныя жизни. Аще ли, государь, многогласно и безъ тихости церковнаго святаго славословія Божія служба будетъ, то токмо можетъ реци: сподобихся утрени, или часы, или вечерню слышати. Нѣсть бо, государь, человѣка, иже возможетъ внимати

отъ многихъ купно глаголемымъ, но точію единъ Богъ всѣхъ словеса и мысли зрить и воздаеть каждому по прошенію и дѣлу. Еще же, государь великій святитель, зѣло страшно въ домѣхъ Божіихъ зрится, еже хранилища и нѣдра церковныя исполнена Божественнаго писанія книгъ имуще въ себѣ о праздницехъ смотрѣнія Божія, еже ради нашего спасенія торжественная составлены святыми отцы словеса, и о праздницехъ пречистые его Богоматери, и предтечи его великаго пророка Іоанна и прочихъ святыхъ пророкъ, и святыхъ славныхъ и всехвальныхъ его ученикъ и апостоль преестественныхъ (?) ихъ до конца вселенныя дѣяніи и подвигъ; къ симъ же: повѣсти о неисповѣдимыхъ страданіяхъ святыхъ мученикъ, иже о имени насъ ради пострадавшаго Христа сладѣ и радостно претерпѣша; и по сихъ: великихъ свѣтилъ, и вселенныя учителей святительскаго лика житія и достохвальная ихъ на высотѣ смиренномудрая ученія; и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ общаго житія и пустыннаго скитанія вседневнаго ихъ страданія прологи, и, просто рещи, всѣхъ святыхъ, отъ вѣка угодившихъ Богу мужей и женъ на вселеннѣй просіявшихъ, житія исполнены ползы и страха нерадивымъ душамъ. И таково Божественное писаніе имуще, лѣностно прочитають, и, требующимъ таковыя жизнодательныя пища, со оскудѣніемъ подають, образомъ имущихъ неправеднаго собранія мамону, иже, отъ глада едва дышущимъ, подати не хотятъ отъ страшнаго имѣнія Божественныхъ писаній приставницы къ нему. Таковыя бѣдѣ посѣченіе (?) по Спасову словеси, неплодныя смоковницы (?) иже рече; плода не имущее древо посѣчени и вметаемо бываетъ во огонь,—Еще же воспомяну тебѣ, государь, и о бездушныхъ гласѣхъ: благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне почину содѣваются, первому другое послѣдуя — звонъ съ благовѣстомъ несмѣсно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и не порядку совершается, якоже предаша намъ святіи отцы: еже бы первыхъ Божественныя сладости вкусивше и другихъ совершенію святыхъ службы всѣмъ всякаго глаголемаго и чтомаго и поемаго словеси насыщатися, но точію, государь, именемъ

утренняго времени зовется утренняя, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается, государь ото многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣни образомъ неистоваго пьянства: къ начальному пѣнію другій поемлетъ, и третій, и до пяти, и до шести гласовъ купно бываетъ. И сице, государь, бываемое, кто наречетъ святаго церковнаго устава обычай, но воистину, государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божій, а не милость. Помысли, государь великій святитель, аще восхоцетъ гостимъ быти у тебѣ царь, и сѣдши съ нимъ вечеряти, восхоцещи ли вся уготованная брашна, безобразно смѣсивше, купно представити, но коеждо по чину и ряду: сладкое и сланое, терпкое жъ и мастичное, едино вкушаемо бывають, другое представляемо, и третіе держимо, и другая паки уготовляема, другъ другу послѣдующе, благочинно на трапезу поставляются. Малаго же, государь, и незапнаго ради и предъ царемъ неистовства, всѣмъ предстоящимъ ти, заповѣди прещенія исполнены полагаеши, да не како царь, вмѣсто пировнаго веселія, исполнится ярости; колми же, государь, хоцетъ отъ насъ достойно почитаемъ быти Царь царемъ и Господь господемъ, Богъ нашъ, и каково чисту и со благочиніемъ заповѣда намъ приносить хваленія жертву во церквахъ своихъ пречистому и святому своему имени, яко научиша насъ, свыше приѣмше, дѣйствиємъ Святаго Духа, богоносни отцы. — Еще же, государь великій святитель, священницы церковніи, приходящимъ въ церковь Божию безъ страха Божія, молчатъ, величества рода и славу міра ишущихъ, боятся и трепещутъ, невѣдуще, яко всякъ страхъ человѣческаго прещенія въ малѣ часѣ приходитъ, ярость же гнѣва Божія на грѣшницѣхъ не имать конца. Ко инѣмъ же, безчинующимъ въ церкви, ласкосердіе жъ къ нимъ, благопокоренія своя ради погибающія чести, безчестуема Бога и святую его церковь, не берегутъ. И дѣти своя духовныя во вселѣтное время не вопрошаютъ, како пребываютъ и бремена заповѣдей ихъ со усердіемъ ли носяще хранятъ, но вмѣсто сихъ, противная видяще, молчатъ: предъ ними же бо ходяща не имуть постоянія ногамъ, безчиношествуютъ, съ похотѣніемъ на жены зрятъ, скверная, глаголю тщетная творятъ, изу-

мленнымъ образомъ наскачуть и другъ друга угрызають, сурово сражаются и до крови бьются, опиваются и объедаются, укоризны родителямъ, другъ другу приносятъ, и своя родителя — отца и мать безчествуютъ, и страшно рещи предъ тобою великимъ святѣйшимъ отцомъ, да не осквернится святой твой слухъ, — всякаго чрезъ естество именемъ сквернаго блуда себе и другъ друга и отшедшихъ жизни сея отецъ и братію свою и церковнаго чина досяжутъ. Еще же, государь, зѣло умилено и страха исполнено слышаніе, яко во святыхъ Божіихъ церквахъ и во алтарѣхъ священницы и діакони мнози отъ горе (?) таковая дерзають рещи, о нихъ же что испросимъ отъ тебе, великаго Божія архіерея, на исправленіе, не вѣмы, уста бо, государь, священныхъ мужей довлѣетъ выну ни славу Божію и съ молитвы о всѣмъ мірѣ, а не на клятву на сквернословіе, и мнози, носяще благочестіе образъ, совершаютъ дѣюще злобу. Еще, же государь великій святитель, хощу воспомянуги предъ тобою страшнаго внѣ міра иноческаго житія уставъ, еже пріяша любяще единство. Яко Илія на Кармилѣ, и яко Предтеча въ пустынѣ и, болше сихъ, яко Іисусъ на горѣ, тако и нынѣ иноцы міра и яже въ немъ отрекшеса, и усердно Христовъ крестъ носити, и страсти вседневнаго озлобленія обѣщавшися терпѣти, — но не вѣмъ, государь, откуда привниде обычей противесъ таковому обѣщанію: любятъ сребро и золото и украшеніе келейное, имѣють влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати болшая стяжанія, и тѣмъ желаютъ мірскія любве достигнути. Призываютъ къ себѣ на гостьбу великоименитыхъ властей, и сами къ нимъ въ дома ходять, словесы блажатъ и дѣлы являющеса благими, лстятъ, дарованія приносятъ и большая даяти обѣщаются, себѣ просятъ имѣти власть во обителѣхъ; игуменство, строительство, и келарство, и прочія начальства и, пріемше власть цѣною гиблющаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразни являются, сурови и мстивитомители, и святыхъ обителей грабители, своихъ далнихъ и ближнихъ взыскають, питають и обогащаютъ, и всякимъ образомъ обильно дома ихъ исполняютъ монастырскою казною, и сами въ домѣхъ и гостятъ и обнощева-

ють, упивающесея и объѣдающися бѣсомъ вождельнымъ пьянствомъ съ женами пирующе, и въ монастырехъ различными пьянствы, и питія имуще, уставомъ святаго иноческаго житія изумленнымъ пьянствомъ ругаются, и одежды аггельскаго образа скверняютъ и братію возмущаютъ таяжде дѣяти. И что, государь, такое можетъ очистити согрѣшенія наша, яко иноческое житіе! Не точію бо, государь, отложенію власть иночество, но всея своя воля,—о семъ довольно написано въ книгѣ собранія правилъ святаго Никона, въ 37-й главѣ. И откуда, государь, обычай таковъ властемъ: не навикше довольно время меншихъ степеней, на болшая восходить, и како могутъ быть врачеве душамъ, неприемше искуса цѣлбы, постригаются множи недуждею (?) привлачими, неимуще дневная одежда и пища и, помале, власти являются, въ мѣре о иночествѣ произволенія добра не имуще, а во иночествѣ откуда таковыми абіе устроеніе права постигнути? Преже бывшіи святіи наставники спасенія нашего,— ихъ же и по отшествіи Богъ показа намъ хранителей святымъ обителемъ и странамъ христіанскимъ, и тіи многоболѣзненными труды и подвиги учителя и пастыри нарекошася. И о семъ молимъ твою святую душу, великій государь святитель, подвигнися о церквахъ Божіихъ и о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ, приими, государь, ревность ученія первопрестольникъ твоихъ великихъ святителей: Петра и Алексѣя и Іоны, тіи бо на всяко лѣто области своя по всѣмъ градомъ трудолюбно сами церкви Божіи назирали, како во всей славѣ стоятъ, и монастыри, паче же живущихъ въ нихъ наставникомъ и наставляемыхъ, како безъ смущенія и страха пребываютъ. Исправи, государь, хромое, да не како до конца совратится, но да исцѣлѣеть. Не трудно бо, государь, тебѣ шествовати, путь воздаяніемъ спасенья мзды посыпана. Аминь <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Рукопись бібліотеки московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, № 482—962. лл. 439—445.

## № 3.

**Челобитная старца Григорія иконописца 1651 года царю Алексію Михайловичу съ просьбою исправить различные недостатки, пороки и суевѣрія, особенно процвѣтавшіе среди духовенства и народа г. Вязьмы.**

Благочестивому царю и государю и великому князю Алексію Михайловичу всеа Русіи самодержцу. Тайнства царева добро есть хранить и соблюдать, божественная же словеса, еже сокрывати, бѣдно и пакостно, тѣмъ же и азъ многажды невидимою понуждаемъ силою, еже возвѣстити, что врагъ и супостатъ многими козными хочетъ превратити православныхъ вѣру черезъ своихъ угодниковъ злыхъ человекъ еретикъ, иже въ твою царскую державу, свою одежду измѣняячи, многіе входятъ и свою ересь сѣютъ, а наипаче иезуиты, что и намъ вѣдомо, иже здѣ на Москвѣ единъ 50 годъ (въ пятидесятомъ году?) былъ, грекомъ себѣ нарицавъ, и еще шесть ихъ въ большую Русію пустились, шобы свою ересь всѣяти. И исполняется имъ Христова словеса: обидѣй, да обидитъ, еще: и скверный да осквернится, еще: и праведный правду да творитъ; еще: и святыи да святятся, еще: такожь и ты, державный царю, яко началъ еси правду и прилежаніе о вѣрѣ православной и ревность о церкви Христовой, но и до конца исправить, иже по иныхъ городахъ великое небреженіе и нестроеніе, а наипаче отъ пастырей, еже посмрадиша виноградъ Христовъ, чтобы имѣли образъ быти овцамъ стада Христова: волну одирають и гладныхъ оставляють, еже бы ученіемъ божественнымъ насыщати, но паче соблазнъ бывають, и не по правилу святыхъ отецъ священнической чинъ имѣють, отъ чего и въ малой Русіи унея явися, иже не по правилу имѣша святительскій чинъ и папѣ поклонилися, а онъ ихъ разрешилъ. Такожде и здѣ въ болшой Русіи, а наипаче что и намъ вѣдомо: иже въ городѣ Вязмѣ вначалѣ соборной церкви протопопа сестру имѣеть за собою двуродную, и пастыру

ихъ возвѣщено о немъ, а онъ на денги печаль возвергль, и ти ему благословиша священствовати. А другой—ключаръ тое соборное церкви, взялъ здѣ на Москвѣ грамоту у своего пастыра, еже исправити и доглядѣти чину во церквахъ у вяземскомъ уездѣ, и онъ изрядно исправлялъ: на одномъ попу исправилъ 50 рублей, на иномъ 30, на иномъ десять, и на иныхъ по силѣ меншии вытресаль. А иной попъ, сповѣдавши женщину, ее мужу грѣхы написавши, торгъ сотворилъ и пяти рублей прошаль и грѣхи то ее объявилъ; а другой попъ недосытъ того што самъ блудникъ, знаемъ людемъ, но и прочая учить глаголя: что за грѣхъ еже похоть исполнити, но и священная дѣйствуетъ надѣяся на денги. И отъ денегъ много зла: иже посулы берутъ, и на Господа Бога не помнячи, недостойныхъ достойными творять. А о церковномъ единогласіи, яко Господь Богъ тебе, государя царя, вразумить, ижъ попы, на денги уповающе, глаголютъ: никто не можетъ намъ единогласія вовести, такожь и табуку не токмо мужескій полъ, но и женскій и дѣвки явне піють, а все небреженіемъ начальниковъ за денги благословеніе имѣють. Такоже и игрища разные и мерзкіе бывають вначалѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощные, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архи-марита, и келаря, и старцовъ нарицають, тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають. Другое игрище о Троичномъ дни: за городъ на курганя ходять и неподобная творять. Третіе игрище отъ Петрова дни до Ильина дни: на реляхъ вѣшаются и на крутящихъ крутятся, и многихъ діаволь беретъ, и денги тыхъ благословляють при церкви погребати. Такоже о рождествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсятся, бочки дегтярные зажигають, из'горь катають и, вѣники зажегши, скачуть. Такожь вѣдуновъ много и свадьбы безъ нихъ не могутъ отправить, и одинъ другаго портять. А на тое на все начальники, посулы беручы, благословляють, и людемъ соблазнъ и пагуба, гдѣ бы вмѣсто сего Бога молити, еже бы сохранилъ и избавилъ въ нынѣшнее послѣднее время отъ еретикъ и отъ иного всякаго зла. Но и ты, государь, царь и великій князь,

Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, яко имѣяй ревность по Господѣ Бозѣ, еже начать благочестнѣ, и до конца соверши, да и прочіи страны слышаще прославятъ Господа Бога, и таковаго бы человекѣа изыскати на исправленіе по иныхъ городахъ, еже не своего искати, но Божія, и неналица зрѣти, и посуловъ бы не брати. Но и еще вспомяну: въ Вязмѣ городѣ попъ молодой соудовоу што внего жива, сваеѣ поподіи недоволенъ будучы з'другою живучы, дѣтище прижилъ, и ее замужъ выдалъ, и яко до него приставили, онъ за тое дѣтище корову да пять рублей денегъ далъ, а протопопъ далъ два уліи пчоль, да пять рублей денегъ, и нынѣ священнодѣйствуетъ. Такожде пѣяницъ, кои упившися умирають, и попы тыхъ при церкви погребають черезъ правила святыхъ отецъ. И поинныхъ городахъ такожде много неисправленія, а еретики, тоестъ папезники, тое слышаще, радуются, и для того они съ болшую Русію, свою одежду отмѣнивши, ходять, и удобъ могутъ поповъ и людей небрежливыхъ, отъ православныя вѣры отвратити, а наипаче въ нынѣшнее послѣднее время, што вси своего си ищуть, а не Божія. Тѣмъ же и азъ грѣшный и всихъ послѣдній, не хотѣхъ дерзнути о семь возвѣстити твоему царскому величеству, вѣдый, яко тысяща мене лучшій есть здѣ на Москвѣ божіихъ угодниковъ, но, невидимою силою понуждаемъ, дерзнухъ сія возвѣсти, но и бояся, паче да негоршая постражду, якоже въ лѣтѣ здѣ на Москвѣ страдахъ, и отъ смерти дважды возвратихся. Но и паче вѣдый твою царскую свѣтлость и величество по благочестіи ревнителя и многая исправленія содѣлавша, что слышаще и въ малой Русіи православные радуются и Господа Бога прославляютъ, такожде и мы радуемся и Господа Бога молимъ, да Господь Богъ подастъ на многолѣтное тебе царя государя царствовати въ сія послѣдняя времена»<sup>1)</sup>.

1) Эта челобитная найдена нами между неразобранными дѣлами Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. По поводу этой челобитной былъ допросъ въ Москвѣ вяземскимъ протопопу и ключарю, которые отрицали справедливость доноса на нихъ, при чемъ писавшій челобитную называется старцемъ Григоріемъ иконописцемъ, подавшимъ свою челобитную въ 1651 году.

№ 4.

**Грамота царя Михаила Теодоровича къ суздальскому и торусскому архіепископу Іосифу, съ обличеніемъ преступленій архіепископа и съ объявленіемъ ему, что онъ лишается архіепископскаго сана и ссылается на покаяніе въ Соловецкій монастырь.**

«<sup>1)</sup>... патріарха Филарета Никитича московскаго и всеа Руссіи было жалованье и милость, какъ еси къ намъ пріѣхалъ изъ Литвы, а сказался епископъ Володимерскій, и грамоту ставленую на свое епископство привезъ святѣйшаго Теофана патріарха іерусалимскаго, а сказалъ, что ты пріѣхалъ къ намъ изъ Литвы отъ гоненья латынскаго, желая быти въ нашемъ государствѣ совершеннымъ христіаниномъ. И мы тебя пожаловали, приняли милостивно, и о гоненъе твоємъ поскорбѣли, и пожаловавъ тебя многимъ нашимъ жалованьемъ денгами и платьемъ, а для тебя и всѣхъ тѣхъ людей, которые съ тобою пріѣхали, пожаловали нашимъ жалованьемъ, и учинили тебя архіепископомъ суздальскимъ и торусскимъ, а то архіепископство въ нашемъ государствѣ по степени другое мѣсто. И ты наше царское и отца нашего, великаго государя, жалованье, но паче же священная церковная преданія презрѣлъ, и почалъ жити слабое и невоздержанное житіе, и о церкви божіи и о священной паствѣ, елико достоить епископомъ, радѣти неучалъ. А послѣ того пріѣхали изъ Литвы литвинъ Ондрюша ярматцкой съ женою, и ты намъ объ немъ билъ челомъ, а сказалъ, что онъ, Ондрюша ярматцкой, тебѣ зять, а жена іво тебѣ сестра, и мы для тебя и Ондрюшу ярматцкаго и жену іво пожаловали многимъ нашимъ жалованьемъ денгами и платьемъ, и помѣстьемъ устроили. И ты какъ своего епископства (санъ?) растлѣннымъ своимъ житьемъ и невоздержаньемъ презрѣлъ, и священная апостольская правила и святыхъ

<sup>1)</sup> Нѣсколько начальныхъ словъ грамоты кѣмъ-то въ подлинникѣ оторвано.

отецъ преданія ни вочто обратилъ... И мы, великій государь, и отецъ нашъ, великій государь святѣйшій патріархъ Ф. Никитичъ московскій и всеа Русіи, тебя во всемъ щадили, и наказывалъ тебя отецъ нашъ, великій государь, милостивно, точію словомъ наказательнымъ съ пощаждѣніемъ и милостію, а неранами наказанія, ниже срамотою, не яко раба, но яко сына возлюбленна... И въ толико лѣтъ, какъ еси пріѣхалъ въ наше государство, нимало непоискалъ еси отъ скверныхъ дѣлъ обращенія, и о своемъ спасеніи нимало непорадѣлъ еси, и ко истинне притещи невосхотѣлъ еси. Да тебѣжь били челомъ: чело-вѣкъ твой Ѳедка и иные, чтобъ ты ихъ совершилъ и истиннымъ святымъ крещеніемъ въ три погруженія, какъ повелѣваетъ святая апостольская церковь, и ты ихъ отъ того вобранялъ, а иныхъ мучилъ и ни единого не исправилъ, и намъ и отцу нашему о томъ не извѣстилъ; да и самъ де еси крещенъ несовершенно — обливанъ полатынскому обычаю, а не въ три погруженія крещенъ. Да и многое на тебя неистовство люди твои, которые съ тобою выѣхали и у тебя жили, извѣщали чего нетокмо писати и глаголати стыдно. А строитель твой Варламъ Соколовской также ѣздячи отъ тебя понизовымъ городомъ, многихъ людей мучилъ и побивалъ до смерти и вѣшалъ безъ покаянья, и дѣвъ и женъ осквернялъ. И мы слыша о тебѣ и о души твоей поскорбѣли, а нашего государскаго гнѣву и опалы на тебя безъ сыску неположили, а велѣли о тебѣ пообыскати и разсудити по священнымъ преданіемъ отцу нашему и богомолцу, святѣйшему Іоасафу патріарху московскому и всеа Русіи, и яже о немъ освященному собору. И святѣйшій патріархъ Іоасафъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ про тебя сыскивали, и намъ извѣщали, что ты по апостольскимъ преданіемъ и святыхъ отецъ правиломъ нетокмо епископъ быти достоинъ, ниже совершенъ христіанинъ нарецися негоденъ. И мы, великій государь, какъ есмя обыкли отъ прародителей нашихъ великихъ государей священныя преданія соблюдать не преткновенно, также и нынѣ ихъ святительскому совѣтѣ согласуемъ и священныхъ предѣлъ непререкуемъ, и отомъ

есмя со отцемъ нашимъ и богомолцемъ, святѣйшимъ патриархомъ Іосафомъ московскимъ и всеа Русіи, и съ митрополиты, и архіепископы, и епископы, и съ бояры нашими, и думными людьми совѣтовали, и по нашему царскому повелѣнію и разсужденіемъ священныхъ и царскихъ правилъ архіепископомъ тебѣ быти непригожь, потому что твое лихоимственное и нечистое житіе стало многимъ явно и блазнительно и церкви божіи чюжи, и для твоего исправленія велѣли есмя тебѣ быти покаянiя ради въ обители у всемилостиваго Бога на Соловецкомъ морскомъ острову въ чину кающихся, и тыбѣ о томъ вѣдалъ и у человѣколюбиваго Бога о своихъ многихъ преткновенiй милости просилъ, яко да милостивъ будетъ тебѣ всещедрый Богъ здѣ и въ будущемъ вѣце, понеже нѣсть грѣхъ побѣждающъ божіе человѣколюбіе. А пища тебѣ и одежда во обители всемилостиваго Спаса будетъ монастырская нескудно»<sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Эта грамота найдена нами между неразобранными дѣлами Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

# ОПРАВДАНИЕ

## НА НЕСПРАВЕДЛИВЫЯ ОБВИНЕНІЯ.

---

Въ 1887 году мы начали печатать въ «Православномъ Обозрѣніи» свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: *Патріархъ Никонъ какъ церковный реформаторъ и его противники* <sup>1)</sup>. Но еще прежде чѣмъ мы окончили печатаніе статей, касающихся времени патріарха Іосифа, противъ насъ выступилъ профессоръ Субботинъ въ своемъ журналѣ «Братское Слово» (№ 6, стр. 468—475). Доказательствъ противъ насъ въ этихъ первыхъ возраженіяхъ г. Субботина мы не нашли, если не считать доказательствомъ то обвиненіе, что мы употребили о Никонѣ выраженіе «реформаторъ» и, слѣдовательно, внесли его «въ число такихъ же дѣятелей, что и Лютеръ». Несправедливость этого обвиненія, думаемъ, ясна безъ разъясненій <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Оно вышло потомъ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ*. На это отдѣльное изданіе мы и будемъ далѣе ссылаться.

<sup>2)</sup> Нужно замѣтить, что слово „реформаторъ“ въ приложеніи къ Никону, такъ сильно смутившее г. Субботина, употреблялось и ранѣе насъ писателями по расколу. Напримѣръ, г. Мельниковъ въ своихъ извѣстныхъ письмахъ о расколѣ называетъ дѣятельность Никона „реформаторскою“ (стр. 57, 73). Щаповъ въ своей книгѣ: „Русскій расколъ старообрядства“ употребляетъ выраженіе „реформы Никона“ (стр. 89). Въ книгѣ г. Сырцова: „Возмущеніе соловецкихъ монаховъ старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ“ постоянно встрѣчаются выраженія о Никонѣ: „церковный реформаторъ“;

О возраженіяхъ подобнаго рода мы, конечно, вовсе бы и не упомянули здѣсь, если бы г. Субботинъ не сдѣлалъ во второй статейкѣ попытки указать, какъ онъ выражается, два-три ученыхъ нашихъ промаха.

Какого рода эти указанія нашихъ ученыхъ промаховъ со стороны знатока раскола—г. Субботина, хорошо видно, наприимѣръ, изъ слѣдующаго факта. Объ извѣстномъ поборникѣ никоновскихъ церковныхъ исправленій, рязанскомъ архіепископѣ Иларіонѣ, мы сказали въ своей статьѣ, что Иларіонъ сначала былъ бѣлымъ священникомъ въ селѣ Лысковѣ. Г. Субботинъ, какъ специалистъ по исторіи раскола, авторитетно замѣчаетъ на это, что Иларіонъ *былъ не мірскимъ священникомъ, а іеромонахомъ, и игуменомъ, о чемъ упоминаетъ Аввакумъ въ своемъ Житіи* (Матер. V, 95). Въ указанномъ мѣстѣ Житія Аввакума мы читаемъ: «ѣздилъ къ другу своему Иларіону игумену: онъ просвиру вынялъ за брата. Тогда добро жилъ, что нынѣ архіепископъ резанской, мучитель сталъ христіанской». Приведенное мѣсто, очевидно, показываетъ только, что въ то время, о которомъ рассказываетъ Аввакумъ, Иларіонъ уже былъ игуменомъ, но это, конечно, нисколько не мѣшало ему ранѣе быть бѣлымъ священникомъ. А чтобы увѣрить нашего специалиста въ томъ, что Иларіонъ рязанскій ранѣе своего игуменства дѣйствительно былъ бѣлымъ священникомъ въ селѣ Лысковѣ, мы совѣтуемъ ему заглянуть въ слѣдующій шестой томъ «Матеріаловъ для исторіи раскола» Н. Субботина, гдѣ на 195—196 страницахъ онъ можетъ прочесть слѣдующее свидѣтельство объ Иларіонѣ дьякона Ѳедора: *Ларіонъ погъ бысть на Лысковѣ*

---

„церковная реформа“, „Никонова реформа“ (стр. 8, 11, 19, 29, 34 и др.). Профессоръ Ивановскій въ своей книгѣ: „Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола“, выражается: „еще будучи митрополитомъ, Никонъ заявилъ себя ревностнымъ реформаторомъ церковной жизни“. (Ч. 1, изд. 2, стр. 30)—Вѣроятно, и самъ г. Субботинъ призналъ бы страннымъ обвиненіе того критика, который бы на томъ основаніи, что указанные сей часъ авторы называютъ дѣятельность Никона „реформаторскою“, рѣшился бы утверждать, что этимъ „очевидно они вводятъ Никона въ число такихъ же дѣятелей, какъ Лютеръ“.

*сечь подъ Нижнымъ, и одовъ, и пострижеса, и бысть игуменомъ у Макарья на Желтыхъ пескахъ.*

Не мѣшало бы профессору Субботину лучше знать свои собственныя изданія.

Въ своей первой статьѣ противъ насъ г. Субботинъ обѣщаль однако сдѣлать ученый разборъ нашего трактата о перстосложеніи. Съ понятнымъ интересомъ мы ожидали критической ученой статьи профессора-спеціалиста, въ надеждѣ встрѣтить въ ней строго-научный, спокойный разборъ нашихъ мнѣній, ихъ хотя бы и строгую, но за то безпристрастную оцѣнку, въ увѣренности, что намъ многому придется поучиться у человѣка, проведшаго всю свою уже некороткую жизнь на изученіи раскола. Но, къ сожалѣнію, намъ пришлось сильно разочароваться въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, такъ какъ г. Субботинъ хотя и написалъ дѣйствительно по поводу нашей книги очень длинную критическую статью о перстосложеніи<sup>1)</sup>, но отнесся къ дѣлу вовсе не такъ, какъ ожидали мы и какъ бы слѣдовало отнестись серьезному ученому.

Первая ошибка нашего ученаго критика заключается въ томъ, что онъ съ задачею и цѣлію нашего изслѣдованія познакомился не чрезъ чтеніе и изученіе самаго изслѣдованія, а инымъ путемъ, въ высшей степени своеобразнымъ. О цѣли нашего изслѣдованія, заявляетъ самъ г. Субботинъ, онъ будто бы вполне достоверно узналъ отъ нѣкоего «достопочтеннаго гражданина Павловскаго посада, ревнителя православія», который, повѣствуетъ г. Субботинъ, «даже нарочно пріѣзжалъ повидаться съ нами (т.-е. г. Субботинымъ) и передать намъ эти, крайне смутившіе и огорчившіе его (т.-е. «достопочтеннаго гражданина Павловскаго посада, ревнителя православія») слухи; что цѣль сочиненія (разумѣется, Каптерева) *втоптать въ грязь, уничтожить Субботина*». (Брат. Слово, 1887 г., стр 469). Заручившись этимъ свѣдѣніемъ о цѣли нашего

---

<sup>1)</sup> Эта статья г. Субботина носитъ заглавіе: „О перстосложеніи для крестнаго знаменія (Разборъ статьи г. Каптерева)“. Братское Слово 1887 г. № 18, стр. 598—612; № 19, стр. 693—715; № 20, стр. 764—798. 1888 г. № 5, стр. 338—369.

изслѣдованія изъ такого довольно оригинальнаго для ученаго источника, г. Субботинъ естественно долженъ былъ отнести къ нашему изслѣдованію крайне враждебно, долженъ былъ увидать въ немъ, согласно съ указаніемъ «достопочтеннаго гражданина Павловскаго посада, ревнителя православія», возмутительное нападеніе на личность именно его г. Субботина.

Намъ остается пожалѣть о роковомъ визитѣ достопочтеннаго гражданина Павловскаго посада и о роковой его бесѣдѣ съ нашимъ специалистомъ. Не прїѣзжай онъ въ Сергіевскій посадъ и не сообщи онъ нашему критику, что цѣль нашего сочиненія «втоптать въ грязь, уничтожить Субботина», г. Субботинъ самъ, можетъ-быть, и не догадался бы объ истинной цѣли нашего изслѣдованія и не взялся бы за перо, чтобы уничтожить насъ своею всепобѣждающею ученостію.

Эти предварительныя оговорки относительно обстоятельство и причинъ, вызвавшихъ появленіе ученой критической статьи г. Субботина, мы сочли нужнымъ сдѣлать и потому еще, чтобы читателю стали понятны тѣ своеобразныя критическіе приемы, какіе нерѣдко употребляетъ въ своей статьѣ г. Субботинъ.

Наше изслѣдованіе касается времени патріарха Іосифа, поскольку оно подготовляло собою время патріарха Никола. Мы пришли къ убѣжденію, что справщиками книгъ при Іосифѣ не были признаваемые за таковыхъ: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и пр., но совершенно другія лица, люди образованные, сознавшіе нужду исправленія книгъ по греческому тексту, признававшіе полезность научнаго образованія и особенно его безусловную необходимость для книжныхъ справщиковъ. Но если это было такъ, то естественно и самъ собою возникаетъ вопросъ: кто-же въ такомъ случаѣ испортилъ напечатанныя при Іосифѣ книги, или другими словами: кто внесъ въ нихъ извѣстныя старообрядческія особенности? Отвѣчая на этотъ неизбѣжный для насъ вопросъ, мы поставили себѣ задачею изслѣдовать, откуда и когда появилась на Руси важнѣйшая старообрядческая особенность — двуперстіе и нашли, что двуперстіе не есть выдумка московскихъ книжниковъ, не

есть обычай армянскій или латинскій, но обычай православный, очень древній, несомнѣнно существовавшій и въ греческой церкви, но потомъ ею оставленный <sup>1)</sup>). Какъ только это нами было доказано, то понятно, что всѣ теоріи о порожденіи двуперстія или русскимъ невѣжествомъ, или армянствомъ и латинствомъ, падаютъ сами собою, падаетъ и главное обвиненіе противъ книжныхъ справщиковъ при Іосифѣ.

Такимъ образомъ наше изслѣдованіе имѣло въ виду между прочимъ показать, что двуперстіе есть древній православный обычай, а не «новосочиненный» московскими книжниками въ половинѣ XV вѣка, и что русское невѣжество, равно какъ армянство и латинство, не играло никакой роли въ его появленіи. Изслѣдуя вопросъ о двуперстіи съ указанною спеціальною цѣлію, мы, конечно, вовсе не имѣли въ виду, да для насъ и рѣшительно не нужно было касаться вопроса о другихъ формахъ перстосложенія, которыя, на-ряду съ двуперстіемъ, всегда конечно существовали въ православной церкви, не имѣвшей по этому предмету какого-либо спеціального, опредѣленнаго и для всѣхъ обязательнаго постановленія.

Понятны теперь тѣ задачи, которыя долженъ преслѣдовать ученый критикъ, взявшійся разобрать нашъ трактатъ о двуперстіи. Если онъ не согласенъ съ нами и если слѣдовательно двуперстіе по его мнѣнію не было обрядомъ православнымъ и древнимъ, то онъ и долженъ бы былъ научно объяснить: какимъ же образомъ двуперстіе, этотъ, по увѣренію г. Субботина, «новосочиненный» въ половинѣ XV вѣка московскими книжниками обычай, встрѣчается однако и въ кievской Руси, и у сербовъ и, что особенно важно, встрѣчается даже у самихъ грековъ въ XI и XII столѣтіяхъ? А между тѣмъ нашъ ученый критикъ вовсе и не думаетъ хотя бы сколько-нибудь прояснить и сдѣ-

---

<sup>1)</sup> Не можемъ не отмѣтить здѣсь, что наши мысли вполне подтверждаются недавно изданнымъ пастырскимъ посланіемъ къ глаголемымъ старообрядцамъ митрополита Киевскаго и Галицкаго Платона, напечатаннымъ въ „Церк. Вѣдом.“, издав. при Св. правит. Синодѣ: „вначалѣ, говорится здѣсь, христіане знаменовали на себѣ крестъ однимъ перстомъ, а потомъ стали креститься *двумя* и тремя перстами“. См. № 33, стр. 887, столб. 2, правѣч. 1.

латъ понятнымъ это странное и совершенно непонятное явленіе, онъ только упрямо твердить одно совсѣмъ невѣроятное, что двуперстіе есть «новосочиненный» въ XV вѣкѣ русскими книжниками обычай. Но рѣшительно отказываясь отъ своей прямой обязанности примирить свое положеніе о «новосочиненности» двуперстія русскими, съ опровергающими это положеніе фактами, г. Субботинъ взамѣнъ того усиленно старается взвести на насъ тенденціозное обвиненіе, что будто бы мы нарочно подобрали свидѣтельства только въ пользу двуперстія, въ то же время злонамѣренно умолчали о тѣхъ свидѣтельствахъ, какія имѣются въ пользу троеперстія. «Настойчиво проводя мысль, говорить о насъ г. Субботинъ, что русскіе, вмѣстѣ съ крещеніемъ, приняли отъ грековъ обрядъ двуперстія и съ тѣхъ поръ неизмѣнно держали его до лѣтъ патріарха Никона, подбирая свидѣтельства въ подтвержденіе этой мысли, онъ оставляетъ, или старается оставить читателя въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что есть письменные и иные памятники, свидѣтельствующіе о противномъ, подтверждающіе несомнѣнное существованіе у насъ троеперстія въ древнѣйшія времена, — не только не опровергаетъ, или не разбираетъ эти свидѣтельства, но и тщательнѣе обходитъ ихъ». (Брат. Слово, 1887 г., стр. 612).

Итакъ, мы повинны въ томъ, что приводя свидѣтельства въ пользу двуперстія, въ то же время не привели свидѣтельствъ въ пользу троеперстія, что намъ обязательно слѣдовало бы сдѣлать, по мнѣнію нашего критика. Но г. Субботинъ очевидно намѣренно не хочетъ понять того, что въ нашемъ трактатѣ рѣчь идетъ исключительно только о двуперстіи, что намъ не за чѣмъ, рѣшительно не нужно было говорить по самой постановкѣ вопроса о троеперстіи; онъ намѣренно предъявляетъ къ нашему изслѣдованію такія требованія, какихъ оно вовсе не имѣло въ виду выполнить, предъявляетъ съ единственною плохо скрытою цѣлію возвести на насъ тенденціозное обвиненіе. Но и это обвиненіе г. Субботинъ составилъ какъ-то неудачно. Уличая насъ въ томъ, что будто бы мы злонамѣренно скрыли отъ читателя фактъ несомнѣннаго существованія въ древней Руси троеперстія, г. Субботинъ самъ

же и изобличаетъ всю несостоятельность своего обвиненія, когда далѣе увѣряетъ своихъ читателей, что онъ самъ (Каптеревъ) признаетъ несомнѣннымъ, скажемъ его словами, «фактъ существованія» у насъ троеперстія въ половинѣ XV вѣка, и не только «фактъ существованія», но и то, что троеперстіе тогда «вступило въ борьбу съ двуперстіемъ», имѣло «приверженцевъ», «ратовавшихъ» за него съ проповѣдниками двуперстія? (Брат. Слово, 1887 г., стр. 700).

Итакъ, мы не только не скрываемъ, какъ проговаривается самъ же г. Субботинъ, но и признаемъ несомнѣннымъ существованіе у насъ древняго троеперстія. Слѣдовательно критикъ возводитъ на насъ обвиненіе за вѣдомо несправедливое? Какъ назвать такой критическій пріемъ?

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о двуперстіи мы сочли необходимымъ во избѣжаніе возможныхъ кривотолковъ, сдѣлать короткій общій взглядъ на ту преимуществовать разныхъ формъ перстосложенія, какая существовала по нашему мнѣнію въ греческой церкви. Мы говорили слѣдующее: «Признаніе того факта, что двуперстіе въ крестномъ знаменіи существовало нѣкогда въ православной греческой церкви, какъ преобладающая и господствующая форма перстосложенія, что она по времени предшествовала господствующему значенію троеперстія, нисколько однако не оправдываетъ нашихъ старообрядцевъ, доселѣ смотрящихъ на двуперстіе какъ на единственно и исключительно православную форму перстосложенія и отрицающихъ всѣ другія формы, какъ неправославныя и даже еретическія. Дѣло въ томъ, что если двуперстіе, какъ господствующая форма перстосложенія, и употреблялось въ православной церкви ранѣе троеперстнаго перстосложенія, то все-таки и само оно не было однако первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія, а позднѣйшею и видоизмѣненною изъ древнѣйшей—единоперстія, такъ какъ въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ перстомъ. На это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ (которыя далѣе и указываются). Самый крестъ при знаменованіи себя въ первые вѣка

христіанства изображали иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по преимуществу на челѣ, или же на устахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльных частяхъ тѣла, такъ что знаменованіе себя большимъ крестомъ въ первые вѣка христіанства не употреблялось, а вошло въ обычай въ позднѣйшее уже время. Такимъ образомъ оказывается, заявляли мы, что перстосложеніе для крестнаго знаменія было въ христіанской церкви въ различное время очень неодинаково: знаменовали себя крестомъ *и однимъ перстомъ, и двумя, и тремя*, при чемъ въ различное время такому или иному перстосложенію усвоялось обыкновенно извѣстное, опредѣленное символическое значеніе въ связи съ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ, которое хотѣли выразить внѣшнимъ, для всѣхъ видимымъ знакомъ, такъ что правильность того или другого перстосложенія опредѣлялась въ данное время соединяемымъ съ нимъ ученіемъ. Самый крестъ въ знаменованіи себя христіане сначала изображали только или на челѣ, или на другихъ частяхъ тѣла, и уже послѣ стали класть руку при изображеніи креста на чело, потомъ на животъ, на правое плечо и на лѣвое, или сначала на лѣвое, а потомъ на правое. Слѣдовательно перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и самый способъ изображенія креста имѣютъ свою исторію, такъ какъ они съ теченіемъ времени видоизмѣнялись по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, при чемъ эти видоизмѣненія всегда находились въ связи съ вѣроученіемъ, которое хотѣли въ данное время выразить извѣстнымъ перстосложеніемъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что считать какую-либо одну форму перстосложенія за единственно православную, будто бы всегда неизмѣнно существовавшую въ православной церкви, исключаящую всѣ другія формы, какъ неправославныя, придавать тому или другому перстосложенію въ крестномъ знаменіи значеніе догмата, характеръ неизмѣняемости, значить или вовсе не знать исторіи перстосложенія, или завѣдомо искажать ее изъ неправильно понятыхъ полемическихъ цѣлей. То перстосложеніе православно и обязательно для каждаго христіанина, какое въ данное время признаетъ

Патріархъ Никонъ.

такимъ сама православная церковь, такъ какъ только ей одной исключительно принадлежитъ право, какъ устанавливать и освящать своимъ употребленіемъ тѣ или другіе церковные обряды, такъ и производитъ въ существующихъ обрядахъ тѣ перемѣны, какія, по ея мнѣнію, необходимы по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, въ видахъ огражденія и упроченія православія. Обязанность же всякаго православнаго христіанина въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы безпрекословно подчиняться водительство церкви, признавать для себя обязательнымъ и спасительнымъ то, что такимъ признаетъ святая церковь» (стр. 86—91).

Вотъ нашъ общій взглядъ на перстосложеніе для крестнаго знаменія въ православной церкви! Едва ли въ этомъ взглядѣ можно найти что-нибудь несогласное съ ученіемъ православной церкви, съ ея достоинствомъ и авторитетомъ, а тѣмъ болѣе что-нибудь совпадающее съ ученіемъ раскольниковъ о перстосложеніи. Особенно невѣроятнымъ кажется возможность послѣдняго предположенія. А между тѣмъ г. Субботинъ рѣшительно увѣряетъ своихъ читателей въ томъ, что будто бы наша теорія перстосложенія «совпадаетъ съ ученіемъ раскольниковъ». Какимъ же образомъ, спрашивается теперь, г. Субботинъ могъ притти къ подобному, совсѣмъ невѣроятному, заключенію? Способъ, употребленный г. Субботинымъ для полученія желательнаго ему заключенія, оказывается самый простой и несложный: въ качествѣ ученаго и добросовѣстнаго критика г. Субботинъ прежде всего вовсе умалчиваетъ предъ своимъ читателемъ о нашемъ общемъ взглядѣ на перстосложеніе, какъ будто его и не существуетъ, а затѣмъ беретъ ту часть нашего разсужденія, гдѣ мы говоримъ, что двуперстіе имѣло господствующее значеніе на Руси со времени св. Владиміра до Никона, и завѣряетъ своихъ читателей, что въ этомъ будто бы и заключается вся наша теорія перстосложенія. А такъ какъ то же самое относительно Руси признаютъ и раскольники, то, значить, заключаетъ г. Субботинъ, наша теорія «совпадаетъ съ ученіемъ раскольниковъ», значить, — еще уже смѣлѣе

заключаетъ г. Субботинъ,—мы учимъ о перстосложеніи точно такъ же, какъ учили и учать раскольники.

Такимъ образомъ г. Субботинъ, съ помощію самаго простаго средства—намѣреннаго умолчанія о главномъ и намѣренной подмѣны его второстепеннымъ, сразу достигъ двухъ очень важныхъ и цѣнныхъ для него результатовъ: совсѣмъ превратно представилъ нашъ общій взглядъ на перстосложеніе и въ то же время обвинилъ насъ въ единомысліи съ раскольниками.

Для характеристики критическихъ приемовъ г. Субботина укажемъ еще на одинъ случай.

По вопросу о перстосложеніи въ древней Руси мы говорили слѣдующее: «какое перстосложеніе употреблялось собственно въ московской Руси для крестнаго знаменія, какъ господствующій, признаваемый всею церковію обычай, на это мы находимъ отвѣты въ цѣломъ рядѣ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ, которыя начинаются со второй половины XV вѣка и идутъ затѣмъ непрерывно до самой церковной реформы Никона. Въ основу ученія о перстосложеніи въ московской Руси (отличаемъ отъ кievской), со второй половины XV вѣка, когда у насъ въ первый разъ возникъ вопросъ о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи, положено было главнымъ образомъ такъ называемое *Феодоритово* слово, которое во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ учить употреблять въ крестномъ знаменіи *двуперстное* перстосложеніе (всѣ попытки объяснить нѣкоторыя редакціи этого слова въ пользу *троеперстія* рѣшительно неудачны) и такъ понимаемое *всѣми русскими XVI и XVII вѣка* (т.-е. понимаемое въ смыслѣ наставленія *двуперстію*, а никакъ не *троеперстію*) оно внесено было во всевозможные наши рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчается очень часто. Разъ получивши опредѣленное выраженіе въ *Феодоритовомъ* словѣ, ученіе о *двуперстіи* въ крестномъ знаменіи признано было нашею церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ, исключющее всѣ другія формы перстосложенія, какъ *неправыя*». Затѣмъ въ доказательство того, что у насъ съ половины XV вѣка преобладающею формою перстосложе-

нія было двуперстіе, а не троеперстіе, мы сослались на свидѣтельства: митрополита Даниїла, Максима Грека, Стоглаваго собора, патріарховъ: Іова, Филарета, Іоасафа, Іосифа и Никона, которые всѣ согласно свидѣтельствуя въ пользу господствующаго значенія двуперстія, а не троеперстія. Мы именно говорили: «такое авторитетное лицо въ московской Руси, какъ ученый Максимъ Грекъ, такіе выдающіеся, учительные и по тогдашнему времени ученые митрополиты, какъ Даниїль и Макарій, а затѣмъ наши московскіе патріархи: Іовъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ и Никонъ, въ началѣ патріаршества, и, наконецъ, даже цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ неопровержимо и согласно свидѣлствуютъ, что въ московской Руси съ конца XV до половины XVII вѣка *общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было двуперстное*“ (стр. 58—61).

На какой вопросъ мы отвѣчаемъ въ приведенной сейчасъ выдержкѣ? Очевидно, мы отвѣчаемъ только на слѣдующій вопросъ: какое перстосложеніе, начиная съ половины XV вѣка и до Никона, преобладало въ московской Руси: троеперстное или двуперстное? При этомъ мы, очевидно, вовсе и не задавались вопросомъ о томъ, какъ именно слагали два перста двуперстники и какой смыслъ и значеніе они приписывали въ разное время «протяженію», или «наклоненію», или «согбенію» перстовъ; ни одного слова, ни даже намѣка нѣтъ у насъ на такую именно постановку вопроса. А, между тѣмъ, г. Субботинъ прямо и рѣшительно завѣряетъ своихъ читателей, что будто бы въ приведенной нами выдержкѣ рѣчь идетъ у насъ именно о томъ, какъ слѣдуетъ слагать два перста, что всѣ свидѣтельства приводятся нами собственно не затѣмъ, чтобы порѣшить общій вопросъ о преобладающемъ значеніи той или другой формы перстосложенія, а затѣмъ будто бы, чтобы доказать непрерывное существованіе на Руси, начиная съ XV вѣка, той опредѣленной формы двуперстія, какой учить именно Кириллова книга и какой держатся раскольники. Приведенными нами свидѣтельствами (митрополита Даниїла, Максима Грека, и пр.);

увѣряетъ г. Субботинъ, «г. Каптеревъ хочетъ доказать, что въ ихъ время всею русскою церковію признанъ были единственно правильнымъ обычай—креститься, имѣя два перста, не оба наклоненными и не оба притяженными, какъ утверждаютъ Данилъ и Максимъ, напротивъ одинъ только простертымъ, а другой мало наклоненнымъ, какъ повелѣваетъ опредѣленно выраженное ученіе Θεодоритова слова“. (Брат. Сл. 1887 г., стр. 781). Поневоля приходится только удивляться изумительной способности нашего критика вычитывать въ нашей книгѣ то, на что въ ней нѣтъ даже и намека.

Познакомимся съ тѣмъ процессомъ, съ помощію котораго г. Субботинъ свои собственные измышленія и выдумки навязываетъ разбираемому имъ автору, а также и съ тою цѣлію, для которой онъ это дѣлаетъ.

Въ качествѣ ученаго и безпристрастнаго критика г. Субботинъ извлекаетъ обыкновенно изъ разбираемаго имъ трактата одну какую-нибудь отдѣльную фразу, безотносительно къ общему смыслу и характеру цѣлаго разсужденія, и начинаетъ ее всячески перевертывать, чтобы какъ-нибудь выжать изъ нея тотъ смыслъ, какой ему нуженъ, но какого она въ себѣ вовсе и не заключаетъ. Съ этою цѣлію онъ строитъ цѣлый рядъ своихъ собственныхъ произвольныхъ догадокъ и выводовъ, которые, пріурочивъ какъ-нибудь къ выхваченной имъ отдѣльной фразѣ, онъ рѣшительно и авторитетно выдаетъ за мнѣніе разбираемаго имъ автора. А затѣмъ уже онъ научно и важно начинаетъ доказывать всю нелѣпость имъ же самимъ измышленнаго и насильственно навязаннаго автору мнѣнія. Этимъ ученымъ приемомъ г. Субботинъ въ полной мѣрѣ воспользовался при разборѣ нашей книги. Не имѣя средствъ и силъ бороться съ той постановкой вопроса о двуперстїи и съ тѣмъ его рѣшеніемъ, какое ему дано у насъ, онъ пускаетъ въ ходъ относительно насъ свои излюбленные «ученые» приемы.

Говоря о Θεодоритовомъ словѣ, мы замѣтили, что оно «во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ учить употреблять въ крестномъ знаменїи двуперстїе», употребили и такую фразу: «получивши опредѣленнее

выраженіе въ Θεодоритовомъ словѣ, ученіе о двуперстіи въ крестномъ знаменіи было признано нашею церковію за единственно правильное». Г. Субботинъ беретъ нашу фразу о Θεодоритовомъ словѣ—«во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ» и начинаетъ продѣлывать надъ нею свои манипуляціи. «Во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ редакціяхъ»,—но какія именно редакціи Θεодоритова слова можно признать ясными и опредѣленными? Дѣлаются длинныя разсужденія о редакціяхъ Θεодоритова слова, при чемъ г. Субботинъ приходитъ къ заключенію, что ясною и опредѣленною редакціею Θεодоритова слова можетъ быть названа только одна, и именно та, которая напечатана въ Кирилловой книгѣ. Получивъ этотъ первый выводъ изъ нашей фразы, г. Субботинъ кладетъ его въ основу своихъ дальнѣйшихъ выводовъ и заключеній. Если «опредѣленная и ясная редакція» Θεодоритова слова есть одна, находящаяся въ Кирилловой книгѣ, а г. Каптеревъ говоритъ «объ опредѣленной и ясной редакціи», то, значитъ, разсуждаетъ г. Субботинъ, онъ разумѣетъ здѣсь редакцію именно Кирилловой книги. Но если это такъ, продолжаетъ вытягивать свою линію г. Субботинъ, то, значитъ, г. Каптеревъ, заявляющій, что двуперстіе получило съ половины XV вѣка опредѣленное выраженіе въ Θεодоритовомъ словѣ, тѣмъ самымъ, очевидно, признаетъ существоющею у насъ съ половины XV вѣка ту именно опредѣленную форму двуперстія, какой учитъ Кириллова книга. Отсюда г. Субботину уже нетрудно было сдѣлать и дальнѣйшіе свои выводы и заключенія: такъ какъ Кириллова книга учитъ держаться той именно формы перстосложенія, какой держатся раскольники, то, значитъ, разсуждаетъ г. Субботинъ, г. Каптеревъ утверждающій, что въ Θεодоритовомъ словѣ ученіе о двуперстіи получило опредѣленное выраженіе, тѣмъ самымъ несомнѣнно утверждаетъ, что раскольничье перстосложеніе, выраженное въ Кирилловой книгѣ, существовало у насъ съ половины XV вѣка, и, значитъ, окончательно, наконецъ, заключаетъ г. Субботинъ, г. Каптеревъ имѣетъ въ виду доказать и дѣйствительно доказываетъ, что въ русской церкви съ половины XV вѣка употреблялось и

всѣми признавалось за правильное именно современное раскольниковъ перстосложеніе.

Такъ цѣлымъ рядомъ своихъ собственныхъ догадокъ, умозаключеній и выводовъ, на основаніи одной нашей фразы, неправильно имъ понятой и совершенно произвольно толкуемой, г. Субботинъ добылъ наконецъ нужный ему выводъ, обвиняющій насъ въ томъ, что мы защищаемъ будто бы и имѣли въ виду оправдать раскольниковъ перстосложеніе. Это свое собственное домышленіе, добытое очень своеобразнымъ, сейчасъ нами указаннымъ путемъ, г. Субботинъ самъ потомъ уже принимаетъ за несомнѣнный дѣйствительный фактъ, ясно и прямо будто бы выраженный и заявленный въ нашемъ изслѣдованіи, и на этомъ основаніи онъ уже считаетъ себя въ правѣ трактовать насъ, какъ пишущаго въ пользу раскола, наши воззрѣнія на перстосложеніе, какъ на совпадающія вполне съ ученіемъ раскольниковъ.

Добывъ указаннымъ сомнительнымъ путемъ нужное ему обвиненіе противъ насъ, г. Субботинъ тѣмъ же сомнительнымъ путемъ приобрѣтаетъ себѣ и ученое оружіе для борьбы съ нами.

Въ доказательство (только) преобладающаго (а не исключительнаго) значенія въ московской Руси двуперстія, мы сослались на свидѣтельство митрополита Даніила, Максима Грека, Стоглаваго собора, патріарха Іова и пр., и заявили, что приведенныя нами свидѣтельства «неопровержимо и согласно свидѣтельствуютъ, что въ московской Руси, съ конца XV вѣка до половины XVII, общеупотребительнымъ и признаваемымъ всею церковію за единственно правильное перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было двуперстное». Выраженіе «согласно свидѣтельствуютъ» мы употребили, очевидно, въ томъ смыслѣ, что всѣ приведенныя нами свидѣтельства согласно говорятъ въ пользу двуперстія, а не троеперстія, которое, по завѣренію нѣкоторыхъ, было будто бы господствующимъ въ московской Руси. А между тѣмъ г. Субботинъ нашему выраженію «согласно свидѣтельствуютъ» усиленно старается придать такой смыслъ, что будто бы этимъ выраженіемъ мы имѣемъ въ виду сказать и дѣйствительно

говоримъ, что приведенныя нами свидѣтельства говорятъ «согласно» о томъ собственно, какъ именно слѣдуетъ слагать два перста и что означаетъ такое или иное ихъ сложеніе, что всѣ приведенныя нами свидѣтельства говорятъ о «наклоненіи» и «протяженіи» указательнаго и средняго перста согласно съ Кирилловою книгою.

Читатель, конечно, недоумѣваетъ, зачѣмъ это г. Субботину понадобилось навязывать нашему выраженію «согласно свидѣтельству» такой смыслъ, какого оно вовсе не имѣетъ? Побужденія къ этому у него были, и, нужно замѣтить, для него очень важныя. Дѣло въ томъ, что всѣ приведенныя нами свидѣтельства согласно говорятъ въ пользу двуперстія, а не троеперстія. Но, согласно утверждая ту общую мысль, что нужно креститься двуперстно, они въ то же время относительно, такъ сказать, деталей двуперстія говорятъ неодинаково, они несогласны между собою въ томъ, какъ именно слѣдуетъ слагать два перста, и что означаетъ такое или иное ихъ сложеніе. Въ виду этого сказать о приведенныхъ нами свидѣтельствахъ, что они говорятъ въ пользу вообще *двуперстія* (что мы и доказали), будетъ вполне справедливо, Но сказать объ нихъ, что они всѣ согласны между собою и относительно самаго *способа сложенія* двухъ перстовъ, будетъ уже несправедливо. Вотъ г. Субботинъ усиленно и хлопочетъ теперь увѣрить своихъ читателей, что будто бы мы говоримъ про согласіе приводимыхъ нами свидѣтельствъ не относительно формы перстосложенія вообще, но относительно самаго способа сложенія двухъ перстовъ (о чемъ приводимыя нами свидѣтельства говорятъ неодинаково). Цѣль г. Субботина теперь становится ясна. Подмѣнивъ нашу вполне справедливую мысль своею рѣшительно несправедливою, и выдавъ ее за нашу мысль, г. Субботинъ благодаря этому нехитрому «ученому» приему приобрѣлъ очень легкій способъ «научно» изобличать нашу ученую несостоятельность, съ документами въ рукахъ поборать насъ на цѣломъ рядѣ страницъ, тогда какъ безъ подмѣны смысла нашей рѣчи своею поборать насъ ему было бы, очевидно, очень трудно. «Удивительное дѣло! восклицаетъ изумляющійся нашей слѣпотѣ и несообрази-

тельности г. Субботинъ. Намъ представляютъ трехъ авторитетнѣйшихъ свидѣтелей о двуперстїи, жившихъ въ половинѣ XVI столѣтія, — свидѣтелей современниковъ: митрополита Даниїла, Максима Грека и цѣлый Стоглавый соборъ. Намъ говорятъ, что всѣ они «неопровержимо и согласно» свидѣтельствуютъ о признаніи тогдашнюю нашу церковію опредѣленно выраженнаго въ Θεодоритовомъ словѣ ученія о двуперстїи, какъ ученія «единственно правильнаго». Мы выслушали, о чемъ говорятъ авторитетные свидѣтели современники, — и что же оказалось? Оказалось, что всѣ они явнымъ образомъ противорѣчатъ одинъ другому, что каждый изъ нихъ даетъ показаніе, несогласное съ показаніями двухъ другихъ, и относительно значенія двуперстїи и, что всего важнѣе, относительно самаго способа сложенія перстовъ. Одинъ (митрополитъ Даниїлъ) учитъ, или, по крайней мѣрѣ, приводитъ свидѣтельство, что два перста должно «имѣти *наклоненна*, а не простерта». Другой (преп. Максимъ Грекъ) говоритъ: нѣтъ, не такъ; оба перста должно имѣть *протяженными*, а не наклоненными. Третій же (митрополитъ Макарій, или его соборъ) не соглашается ни съ тѣмъ ни съ другимъ: нѣтъ, — говоритъ, — нельзя имѣть оба перста наклоненными, а нужно только одинъ указательный *мало нагнуть*, нельзя также оба имѣть протяженными, а нужно имѣть «простертымъ» только одинъ великосредній. Вотъ какъ противорѣчатъ между собою свидѣтели-современники, и при томъ столь авторитетные, даже въ описаніи того, въ какомъ положеніи должны находиться два перста, — какъ слѣдуетъ сложить ихъ!» (Брат. сл. 1887 г., стр. 796—797).

Такъ обстоятельно рассказываетъ профессоръ Субботинъ о противорѣчіяхъ современниковъ въ свидѣтельствахъ о двуперстїи. Но старательно отмѣчая противорѣчія, отчего онъ въ то же время тщательно умалчиваетъ о томъ, что митрополитъ Даниїлъ, преподобный Максимъ Грекъ и Стоглавый соборъ все же вполнѣ согласно учатъ, что слѣдуетъ креститься именно двуперстно, и что за свидѣтелей только *этого факта* (а не какого-либо инаго) мы ихъ и выставляемъ въ нашей книгѣ?

Познакомившись съ приемами ученой критики г. Субботина, перейдемъ теперь къ тѣмъ замѣчаніямъ, какія мы считаемъ нужнымъ сдѣлать относительно критическихъ этюдовъ г. Субботина по поводу нашего трактата о перстосложеніи. Такъ какъ г. Субботинъ не только критикуетъ наши мнѣнія, но при этомъ высказываетъ и свои собственныя ученныя сужденія по разнымъ вопросамъ, то мы на эту сторону дѣла и обратимъ, главнымъ образомъ, свое вниманіе. При этомъ мы вовсе не будемъ касаться тѣхъ крайне многочисленныхъ придирокъ ученаго критика къ нашимъ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, какія у него встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ<sup>1)</sup>. Нашъ отвѣтъ будетъ касаться только существенныхъ сторонъ въ замѣчаніяхъ г. Субботина и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ отвѣтомъ и на тотъ вопросъ: можно ли, не измѣ-

1) Вотъ образецъ ненужной для дѣла придирчивости нашего критика къ отдѣльнымъ нашимъ словамъ и выраженіямъ. Мы въ своемъ трактатѣ о перстосложеніи сдѣлали такое замѣчаніе: „различныя *доселѣ извѣстныя редакціи* такъ-называемаго Теодоритова Слова напечатаны въ „Братскомъ Словѣ“ за 1876 годъ“. Г. Субботинъ почему-то заподозрилъ, что будто бы мы смѣшиваемъ слово *редакція* съ словомъ *списокъ* и потому наставительно-насмѣшливо вразумляетъ насъ: „надобно бы знать, что иное дѣло списокъ, текстъ, иное—редакція“. Но дѣло въ томъ, что мы вовсе и не думали смѣшивать слово *редакція* и *списокъ* и ни разу нигдѣ не выразились: „редакція или списокъ“, „списокъ или редакція“. Другое дѣло самъ г. Субботинъ. Онъ дѣйствительно смѣшиваетъ слова *редакція* и *списокъ*, принимаетъ ихъ за тождественныя и потому выражается прямо: „списокъ или редакція“. Въ своей статьѣ: „Такъ называемое Теодоритово Слово *въ разныхъ его редакціяхъ*“ г. Субботинъ выражается такъ: „раскрывать и показывать несоотвѣтствіе принятаго у старообрядцевъ чтенія Теодоритова Слова по первоначальнымъ его *спискамъ или редакціямъ*... Достигнуть же этого можно только изданіемъ существующихъ *списковъ или редакцій Теодоритова Слова*“ („Брат. Сл.“ 1876 г., стр. 189). Очевидно отсюда, что не мы, а именно самъ обличитель—г. Субботинъ, смѣшиваетъ слова *списокъ* и *редакція*, онъ, принимая эти слова за совершенно тождественныя, выражается: „списокъ или редакція Теодоритова Слова“. Такимъ образомъ здѣсь съ нашимъ ученымъ критикомъ случилось довольно неожиданное происшествіе: у него г. Субботинъ 1887 г. довольно-таки сурово читаетъ нотацію г. Субботину 1876 года: „надобно бы знать, резонно поучаетъ г. Субботинъ 1887 года г. Субботина 1876 года, надобно бы знать, что иное дѣло списокъ, текстъ, иное—редакція“. И такихъ курьезовъ въ ученой критической статьѣ г. Субботина немало, но мы не будемъ касаться ихъ.

няя хотя бы самымъ элементарнымъ требованіямъ науки, принять мнѣнія г. Субботина по затронутымъ имъ вопросамъ и замѣнить ими мнѣнія, нами высказанныя?

а) Такъ называемое **Теодоритово Слово.**

На основаніи вполне вѣскихъ и достаточныхъ, по нашему мнѣнію, данныхъ мы пришли къ убѣжденію, что двуперстіе не есть «новосочиненный» въ половинѣ XV вѣка русскими обычай, а обычай древній, практиковавшийся и въ греческой церкви вмѣстѣ съ троеперстіемъ и ею намъ переданный при крещеніи Руси и потому ставшій у насъ обычаемъ господствующимъ. Это, конечно, не исключало возможности существованія гдѣ-либо у насъ рядомъ съ двуперстіемъ и другой формы перстосложенія, но какъ обычая мѣстнаго и менѣе распространеннаго по сравненію съ двуперстіемъ. А между тѣмъ въ Греціи обычай креститься тремя перстами съ теченіемъ времени возобладалъ надъ другими формами перстосложенія, вытѣснилъ собою двуперстіе и сталъ общеупотребительнымъ (хотя, конечно, этотъ процессъ замѣны одного обычая другимъ совершился не вдругъ, а въ теченіе значительнаго періода времени). Такъ какъ все вырабатываемое практикою греческой церкви съ теченіемъ времени переходило на Русь и постепенно усвоялось русскою церковною практикою, то вполне естественно было, что обычай троеперстія (возможно и ранѣе существовавшій гдѣ-либо на Руси, какъ частный и мало распространенный обычай) все болѣе и болѣе сталъ проникать на Русь и стремиться вытѣснить здѣсь двуперстіе, опираясь на подавляющій авторитетъ практики греческой вселенской церкви. Если бы процессъ замѣны двуперстія троеперстіемъ начался у насъ гораздо ранѣе флорентійской уніи и вскорѣ послѣдовавшаго затѣмъ паденія Константинополя, то, мы думаемъ, этотъ процессъ съ теченіемъ времени закончился бы мирно, незамѣтно, самъ собою; такъ многое нами воспринятое отъ грековъ въ нашу церковную практику потомъ иногда даже безъ слѣда вытѣснялось у насъ новымъ, идущимъ съ Востока и выработаннымъ дальнѣй-

шимъ движеніемъ греческой церковной практики. Авторитетъ грековъ въ церковныхъ дѣлахъ стоялъ въ то время у насъ настолько высоко, что русскіе безпрекословно подчинялись ему въ своихъ дѣлахъ<sup>1)</sup>. Совсѣмъ другое было со времени флорентійской уніи и паденія Константинополя. Съ этого времени церковный авторитетъ грековъ упалъ въ глазахъ русскихъ, они стали стремиться жить собственной жизнію, независимою отъ грековъ, которымъ они уже болѣе не довѣряли. А, между тѣмъ, какъ есть основанія думать<sup>2)</sup>, къ половинѣ XV вѣка обычай троеперстія сталъ съ особенною силою проникать на Русь и

1) Вотъ примѣръ. Въ Кипріановской Псалтири (рукопись нашей академической библиотеки) на полунощницѣ, въ чтеніи: блажени непорочніи, послѣ первой статіи предписано говорить: „слава и нынѣ, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже трижды“ (трижды, т.-е. произносить самое слово три раза) и поклоны три“. Тоже на утрени въ половинѣ и по окончаніи шестопсалмія написано: „слава и нынѣ, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже трижды“, Такимъ образомъ митрополитъ Кипріанъ предписываетъ двоить, а не троить аллилуію. Иначе этотъ вопросъ рѣшаетъ преемникъ Кипріана—митрополитъ Фотій. Въ своемъ посланіи къ псковичамъ относительно аллилуіи онъ пишетъ: „а что ми пишете объ аллилуіи и на славахъ, сице глаголи: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебе Боже; аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже; аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже“ (рукоп. моск. румянц. музея, по описанію Востокова № 358, л. 382, об.). Очевидно, что и практика греческой церкви въ то время еще не установилась относительно двоенія или троенія аллилуіи, почему два русскіе митрополита, оба присланные изъ Константинополя, рѣшаютъ одинъ и тотъ же вопросъ неодинаково, что однако не вызываетъ на нихъ какихъ-либо нареканій и обвиненій со стороны русскихъ. Очевидно, авторитетъ грековъ въ церковныхъ русскихъ дѣлахъ въ то время стоялъ еще высоко.

2) Въ преніи объ аллилуіи противникъ преп. Евфросина говоритъ, что греки „на сихъ лѣтѣхъ (т.-е. очень недавно) къ своей гибели отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и на десницѣ пріяша“, и что теперешнимъ развращеннымъ грекамъ вѣрить не слѣдуетъ. На Стоглавомъ соборѣ царь говорилъ: „а которые обычаи въ прежнія времена, послѣ отца моего... и до сего настоящаго времени поисшаталися, или въ самовластии учинено по своимъ волямъ, или преданія законы нарушены“... просить все это пастырей исправить. Такимъ образомъ, по сознанию самихъ русскихъ, греки отъ истины „свернулись“ и „печать антихристову на челѣ и на десницѣ пріяша“, или, по опредѣленію г-знаго царя, только послѣ смерти отца его, т.-е. на границѣ XV и XVI вѣковъ.

распространяться здѣсь на счетъ двуперстія. Явились такимъ образомъ сторонники той и другой формы перстосложенія: троеперстники указывали на практику и авторитетъ греческой вселенской церкви, на обязанность русскихъ слѣдовать, какъ это было ранѣе, ея примѣру и указаніямъ. Но для сторонниковъ двуперстія ссылка на авторитетъ современныхъ грековъ была уже неубѣдительна, они теперь давали рѣшительное преимущество своему собственному старому обычаю предъ новымъ, идущимъ отъ грековъ. Но, съ другой стороны, указаніе только на практику русской церкви, на русскій только обычай, было, очевидно, крайне недостаточно, чтобы противопоставить съ равнымъ правомъ двуперстіе троеперстію, какъ обычаю всей вселенской церкви, отъ которой и русская церковь заимствовала свои обычаи. Въ виду этого для оправданія двуперстія русскимъ его сторонникамъ необходимо было подыскать какое-либо авторитетное свидѣтельство въ его пользу изъ отдаленной церковной древности, которое бы доказывало, что двуперстіе есть очень древній церковный обычай, несомнѣнно практиковавшійся въ самой древней греческой церкви, но только оставленный позднѣйшими греками и сохранившійся теперь у однихъ русскихъ. А такъ какъ такого свидѣтельства не находили, то пришлось его создать. Такимъ образомъ потребность оправдать двуперстіе, доказать его право на существованіе, какъ обычая древняго и православнаго, и вызвала у насъ къ половинѣ XV вѣка появленіе такъ-называемаго Теодоритова подложнаго слова, которое, удовлетворяя насущной потребности,—защитить старый русскій обычай отъ вытѣсненія его новымъ, идущимъ отъ подозрительныхъ теперь грековъ, естественно было принято русскими, какъ подлинное произведеніе св. отца, именно потому, что оно соотвѣтствовало настроенности, желаніямъ и стремленіямъ большинства тогдашняго русскаго общества, хотѣвшаго остаться при своемъ старомъ обычаѣ. Г. Субботинъ отмѣчаетъ, между прочимъ, тотъ любопытный и характерный фактъ, что русскіе не умѣли даже правильно назвать свое издѣліе — такъ-называемое Теодоритово слово. Въ разныхъ спискахъ оно надписывается: „Слово, иногда

*Толкованіе, Θεодоритово, отъ Θεодорита, святаго, епископа, архіепископа, патріарха, Кипрскаго, въ одномъ спискѣ даже: Слово святаго Θεодора*“. Но то обстоятельство, что русскіе, не умѣя даже правильно назвать грубо-подложное сочиненіе, все-таки вполнѣ вѣрили въ его подлинность, и служить очень сильнымъ доказательствомъ того, что двуперстіе въ то время на Руси было древнимъ господствующимъ обычаемъ, иначе грубому подлогу — Θεодоритову слову, которое и не умѣли назвать какъ слѣдуетъ, никто бы не повѣрилъ, такъ какъ подложный и, тѣмъ болѣе, грубо-подложный документъ принимаютъ за подлинный только въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ документъ даетъ юридическое оправданіе тому, что уже давно существуетъ фактически, съ чѣмъ уже сжились, какъ съ обычнымъ, когда онъ говоритъ за то, во что вѣрятъ, чѣмъ дорожатъ, что хотятъ отстоять, защитить отъ нападений.

Нашъ взглядъ на обстоятельства и причины появленія Θεодоритова слова г. Субботинъ считаетъ правильнымъ и соглашается въ этомъ съ нами. «Мы соглашаемся съ нимъ, говоритъ г. Субботинъ, что въ половинѣ XV вѣка возникли у насъ споры по вопросу о перстосложеніи, явились защитники троеперстія и защитники двуперстія, и что тогда-то понадобилось для оправданія послѣдняго подыскать какое-нибудь историческое свидѣтельство, и было съ этою цѣлю сочинено Θεодоритово слово». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «можно дѣйствительно согласиться съ г. Каптеревымъ (какъ мы и согласились), что оно (Θеодоритово слово) было сочинено для защиты собственно этого (двуперстнаго) перстосложенія» («Братское Слово» 1887 г., стр. 700 и 710).

Такимъ образомъ г. Субботинъ относительно обстоятельствъ и причинъ, вызвавшихъ появленіе у насъ Θεодоритова слова, держится одного мнѣнія съ нами, но зато онъ рѣшительно расходится съ нами въ пониманіи значенія этого явленія. Въ виду этого мы прежде всего и посмотримъ: не лучше ли и не основательнѣе ли въ самомъ дѣлѣ отказаться намъ отъ своего взгляда и замѣнить его взглядомъ г. Субботина? Познакомимся со взгля-

домъ г. Субботина на значеніе Θεодоритова слова въ вопросѣ о перстосложеніи. Но здѣсь встрѣчаемъ неожиданное препятствіе: за какой именно годъ мы должны брать г. Субботина? Вопросъ далеко не праздный, такъ какъ г. Субботинъ за разные годы высказывалъ и разные взгляды на Θεодоритово слово.

Въ первомъ томѣ своихъ «Матеріаловъ для исторіи раскола» (стр. 57, примѣч. 2), изданномъ въ 1875 году. г. Субботинъ, по поводу одного мѣста изъ посланія Іоанна Неронова къ царю Алексію Михайловичу, гдѣ Нероновъ ссылается въ доказательство двуперстія на Θεодоритово слово, прямо заявляетъ: «въ древнѣйшихъ своихъ спискахъ мнимое Θεодоритово слово *рѣшительно говоритъ въ пользу троеперстія*». Сказавъ затѣмъ, что древняя редакція Θεодоритова слова только въ послѣдствіи была измѣнена съ цѣлю обратитъ ее въ пользу двуперстія, г. Субботинъ замѣчаетъ: «но и въ этомъ измѣненномъ видѣ, въ какомъ Θεодоритово слово принято старообрядцами, оно представляетъ только неудачную попытку *свидѣтельство о троеперстіи обратитъ въ свидѣтельство о двуперстіи*».

Итакъ, по мнѣнію г. Субботина 1875 года, древняя редакція Θεодоритова слова «рѣшительно говоритъ въ пользу троеперстія», въ ней онъ и намекъ не находитъ на двуперстіе и потому, конечно, не допускаетъ мысли, чтобы она написана была двуперстниками и въ защиту двуперстія. Только уже въ послѣдствіи, заявлялъ г. Субботинъ въ 1875 году, ревнители двуперстія попытались было заключающееся въ древней редакціи Θεодоритова слова «свидѣтельство о троеперстіи обратитъ въ свидѣтельство о двуперстіи», но эта попытка была неудачна.

Въ 1876 году г. Субботинъ въ своей статьѣ: «Такъ называемое Θεодоритово слово въ разныхъ его редакціяхъ», говоритъ: «два упомянутые списка (Θеодоритова слова) XVI вѣка даютъ основаніе полагать, что измѣненіе первоначальной редакціи Θεодоритова слова чрезъ внесеніе въ подлинный текстъ его наименованія трехъ перстовъ, благопріятствующаго употребляемому у старообрядцевъ перстосложенію, послѣдовало не ранѣе первой половины XVI столѣтія, когда явились у насъ ревнители двуперстія,

вскорѣ потомъ на соборѣ Стоглавомъ издавшіе о немъ извѣстное опредѣленіе, огражденное клятвами; списки эти даютъ даже основаніе полагать, что первая попытка обратить именуемое Слово Θεодорита въ свидѣтельство о двуперстіи принадлежала именно митрополиту Даніилу“ («Братское Слово» 1876 г., стр. 193).

Такимъ образомъ и въ 1876 году г. Субботинъ еще остается, повидимому, при прежнемъ своемъ возрѣніи, что древнѣйшая редакція Θεодоритова Слова «рѣшительно говоритъ въ пользу троеперстія», что она не была, да и не могла быть произведеніемъ двуперстника, такъ какъ и двуперстники-то будто бы появились у насъ только съ половины XVI вѣка, и что «первая попытка обратить именуемое Слово Θεодорита въ свидѣтельство о двуперстіи принадлежала именно митрополиту Даніилу».

Но въ той же самой статьѣ г. Субботинъ съ недостаточною послѣдовательностію заявляетъ и о томъ, что древняя редакція Θεодоритова Слова „служитъ свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи“, «представляетъ свидѣтельство болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію». Въ этихъ словахъ уже слышится попытка отказаться отъ своего мнѣнія 1875 года; выражается стремленіе, хотя и очень нерѣшительное, признать въ древней редакціи Θεодоритова Слова присутствіе нѣкоторыхъ указаній вмѣстѣ съ троеперстіемъ и на двуперстіе.

Очевидно, взгляды г. Субботина на Θεодоритово Слово въ 1876 году еще далеко не сформировались, онъ еще не могъ тогда окончательно рѣшить себѣ вопроса: дѣйствительно ли Θεодоритово Слово «рѣшительно говоритъ въ пользу троеперстія», или же оно только «болѣе благопріятствуетъ троеперстію, нежели двуперстію»? почему онъ и колеблется и въ ту и другую сторону. Въ этомъ неопредѣленномъ колебательномъ положеніи г. Субботинъ пребылъ вплоть до 1887 года, когда появились наши статьи о Никонѣ.

Появленіе нашего трактата о перстосложеніи произвело и на колебавшагося такъ долго ученаго спеціалиста свое хорошее дѣйствіе, такъ какъ г. Субботинъ, подъ вліяніемъ

нашихъ доводовъ, пересталъ уже колебаться и рѣшительно отказался отъ своихъ прежнихъ воззрѣній на происхожденіе Θεодоритова Слова, какъ совсѣмъ несостоятельныхъ. Теперь г. Субботинъ, согласно нашимъ указаніямъ, прямо уже заявляетъ, что Θεодоритово Слово дѣйствительно написано двуперстникомъ «съ цѣлію защитить двуперстіе отъ троеперстія», что ревнители двуперстія явились у насъ не съ половины XVI вѣка, а съ половины XV, не говоритъ уже и о томъ, что митрополитъ Даніиль первый сдѣлалъ попытку обратить именуемое Слово Θεодорита въ свидѣтельство о двуперстіи, соглашается, что въ первоначальной редакціи Θεодоритова Слова заключалось, хотя и не совсѣмъ ясно, ученіе о двуперстіи, и что «потомъ сторонники двуперстія дѣлають попытку это неясное о немъ свидѣтельство сдѣлать болѣе яснымъ чрезъ наименованіе трехъ перстовъ», т.-е. признаетъ, что позднѣйшія редакціи Θεодоритова Слова представляютъ изъ себя не искаженіе, не порчу первоначальной редакціи (что г. Субботинъ утверждалъ ранѣе), а только ея уясненіе и развитіе.

Но, къ сожалѣнію, г. Субботинъ не пошелъ за нами до конца, а остановился на полпути. Согласившись съ нами относительно причинъ и обстоятельствъ появленія Θεодоритова Слова, онъ затѣмъ рѣшительно расходится съ нами по вопросу о значеніи появленія у насъ Θεодоритова Слова. Съ этого пункта г. Субботинъ пошелъ своимъ собственнымъ путемъ, строить цѣлую самостоятельную теорію. Познакомимся съ этой теоріей критика<sup>1)</sup>.

1) Это сдѣлать намъ необходимо потому еще, чтобы снять съ себя горькій упрекъ намъ г. Субботина, что мы не цѣнимъ по достоинству его ученыхъ трудовъ, не относимся къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Приведа наши слова „всѣ попытки объяснить нѣкоторыя редакціи этого (Θеодоритова) Слова въ пользу троеперстія рѣшительно неудачны“, г. Субботинъ обидчиво замѣчаетъ: „насъ удивляетъ не столько это голословное замѣчаніе г. Каптерева, въ сущности ничего нестоящее, сколько то, что г. профессоръ не умѣлъ одѣнать по достоинству почтенный трудъ, употребленный (преимущественно о игуменомъ Филаретомъ) на собраніе текстовъ Θεодоритова Слова, правда не изъ „всевозможныхъ“, но изъ всѣхъ наиболѣе примѣчательныхъ и извѣстныхъ сборниковъ XV и XVI вв., и на изданіе оныхъ со всею тщательностію, какая требуется въ этомъ Патріархъ Никонъ.“

Выясняя свой самостоятельный взгляд на значеніе Θεодоритова слова по отношенію къ вопросу о перстосложеніи, г. Субботинъ прежде всего приводитъ сдѣланное нами объясненіе обстоятельствъ появленія Θεодоритова слова и затѣмъ говоритъ: «Мы соглашаемся съ нимъ, что въ половинѣ XV вѣка возникли у насъ споры по вопросу о перстосложеніи, явились защитники троеперстія и защитники двуперстія, и что тогда-то понадобилось для

дѣлѣ. Г. Каптеревъ не только не оцѣнилъ этого труда, но не умѣлъ и воспользоваться имъ, какъ подобаетъ ученому!» (стр. 706). Позволимъ себѣ замѣтить г. профессору по этому поводу слѣдующее: первый, обратившій вниманіе на изслѣдованіе различныхъ редакцій Θεодоритова Слова, на ихъ важность и значеніе для полемики съ расколомъ, первый указавшій на первоначальную и позднѣйшія редакціи Θεодоритова Слова и на существующее между ними различіе, первый, указавшій и самыя рукописи, въ которыхъ заключаются важнѣйшіе списки Θεодоритова Слова, былъ, если не ошибаемся, о. Виноградовъ, напечатавшій еще въ 1866 году свое изслѣдованіе „О Θεодоритовомъ Словѣ“. Слѣдуя указаніямъ этого сочиненія, о. Филарету (вкупѣ съ г. Субботинымъ) уже не стоило особаго труда и напряженія сдѣлать выписки Θεодоритова Слова изъ тѣхъ рукописей, которыя были указаны о. Виноградовымъ, присоединивъ къ нимъ выписки изъ двухъ-трехъ рукописей, прямо о. Виноградовымъ не отмѣченныхъ. Говоримъ это не съ цѣлю унижить трудъ о. Филарета, но единственно ради исторической точности, о которой не позабылся г. профессоръ. Печатавъ списки Θεодоритова Слова, собранные о. Филаретомъ по указаніямъ книги о. Виноградова, г. Субботинъ предпослалъ имъ свои объяснительныя замѣчанія о значеніи Θεодоритова Слова для полемики съ расколомъ, о различіяхъ между первоначальною редакціею Θεодоритова Слова и позднѣйшими и пр., т.-е. профессоръ Субботинъ повторилъ въ своей статейкѣ то, что уже ранѣе было высказано по этому поводу о. Виноградовымъ, заимствовалъ у него взглядъ на первоначальную редакцію Θεодоритова Слова, какъ говорящую рѣшительно въ пользу троеперстія, что первая попытка обратить Θεодоритово Слово въ свидѣтельство о двуперстіи принадлежитъ именно митрополиту Даніилу и т. п. Такимъ образомъ, одинъ—о. Филаретъ, на основаніи указаній о. Виноградова собралъ и напечаталъ важнѣйшіе списки Θεодоритова Слова, другой—профессоръ Субботинъ пристроилъ къ этому собранію объяснительное предисловіе, заимствовавъ свои мнѣнія о Θεодоритовомъ Словѣ изъ той же книжки о. Виноградова. Отсюда читатель видитъ, что г. Субботинъ совершенно напрасно жалуется, будто мы не оцѣнили по достоинству „почтенный трудъ“ о. Филарета и его, г. Субботина, — въ дѣйствительности мы не только оцѣнили этотъ трудъ по достоинству, но даже и сличали его съ книгою о. Виноградова. Что же касается упрека г. Субботина, что мы будто бы „не умѣли воспользоваться имъ (т.-е. трудомъ о. Филарета и

оправданія послѣдняго подыскать какое-нибудь историческое свидѣтельство, и было съ этою цѣлію сочинено Θεодоритово слово. Но что же слѣдуетъ непосредственно изъ этихъ двухъ самымъ авторомъ ясно высказанныхъ положеній? Слѣдуетъ, во-первыхъ, что онъ самъ признаетъ несомнѣннымъ (скажемъ его словами) «фактъ существованія» у насъ троеперстія въ половинѣ XV вѣка, и не только фактъ существованія, но и то, что троеперстіе тогда «вступало въ борьбу съ двуперстіемъ», имѣло «приверженцевъ», ратовавшихъ за него съ проповѣдниками двуперстія. Во вторыхъ отсюда слѣдуетъ, что существовавшее тогда у насъ троеперстіе было обрядомъ, твердо державшимся на преданіи, издревле, изначала преемственно наслѣдованномъ отъ отцовъ и дѣдовъ, ибо оно для своей защиты съ двуперстіемъ не нуждалось ни въ какомъ письменномъ памятникѣ, тѣмъ паче ново-сочиненномъ, незыблемо опираясь на преданіе всѣмъ извѣстное; а двуперстіе напротивъ было обрядомъ недавно явившимся, не имѣвшимъ такой твердой опоры въ древнемъ, всѣмъ извѣстномъ и всѣми признаваемомъ преданіи, ибо для своей защиты для того, чтобы имѣть нѣкоторый успѣхъ въ борьбѣ съ троеперстіемъ, нуждалось въ письменномъ свидѣтельствѣ, хотя бы и въ подложномъ, ново-сочиненномъ, но лишь бы подъ именемъ авторитетнаго въ церкви лица, на котораго защитники двуперстія могли бы сослаться въ его оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ, по здравому разсужденію, что нуждается въ защитѣ, въ оправданіи, въ подысканіи и даже сочиненіи какихъ-либо статей, хотя бы подложныхъ, для своей основы, древній ли обычай, всѣмъ извѣстный и неподлежащій сомнѣнію, или нововводный и подлежащій сомнѣнію? Понятно, что послѣдній». (Стр. 700—701).

Итакъ, профессоръ Субботинъ въ своихъ ученыхъ воз-

---

г. Субботина), какъ подобаешь ученому“, то это справедливо только относительно предисловія. Мы имъ дѣйствительно не воспользовались, такъ какъ оно, по нашему мнѣнію, не такого достоинства, чтобы имъ пользоваться въ ученое трудѣ. Это вполне убѣдительно доказалъ и самъ г. Субботинъ, усвоившій теперь нашъ взглядъ на причины и обстоятельства, вызвавшія у насъ появленіе Θεодоритова Слова.

зрѣніяхъ на значеніе и смыслъ появленія у насъ Феодоритова слова руководствуется тѣмъ своимъ «здравымъ разсужденіемъ», что будто бы въ защитѣ, въ оправданіи, въ подысканіи и сочиненіи какихъ-либо статей, хотя бы и подложныхъ, нуждается всегда не древней обычай, а нововводный, только что появившійся, такъ что, по мнѣнію г. Субботина, появленіе подложнаго документа, стремящагося оправдать извѣстный обычай, никакъ не можетъ говорить за древность этого обычая.

Совершенно вѣрно; но подложный документъ не можетъ доказывать и новизны обычая. Бываютъ, конечно, случаи, когда подлогъ дѣлается для утвержденія возникающаго обычая, но бываетъ, и, можетъ-быть, чаще, и наоборотъ: не подложный документъ создаетъ извѣстный фактъ или явленіе въ жизни народа, а давно существующій и признанный жизнью фактъ, стремясь подыскать для себя юридическое, такъ сказать, основаніе и не находя его, создаетъ подложный документъ, не подложный документъ предшествуетъ дѣйствительному факту, а дѣйствительный фактъ подложному документу.

Профессоръ Субботинъ, руководствующійся въ объясненіи историческихъ явленій только своимъ «здравымъ разсужденіемъ», конечно, не повѣритъ намъ на слово, почему мы и приведемъ на случай два факта, хорошо извѣстные и г. Субботину, которые подтверждаютъ нашу мысль.

Патріархъ Никонъ въ изданной имъ Кормчей книгѣ первый у насъ напечаталъ извѣстную подложную грамоту царя Константина папѣ Сильвестру, «изображавшую, говоритъ преосвященный Макарій, какими высокими правами и преимуществами будто бы надѣлилъ равноапостоль римскаго, а за нимъ и всѣхъ прочихъ патріарховъ, и какъ оградилъ неприкосновенность ихъ власти и ихъ имѣній по всей вселенной и укрѣпилъ навсегда до скончанія вѣка». (Т. XII, 229). Зачѣмъ потребовалось Никону печатать подложную грамоту царя Константина къ папѣ Сильвестру, на которую доселѣ никто не ссылался изъ русскихъ іерарховъ? Отвѣтъ ясенъ: изданіе Уложенія въ 1649 году и особенно учрежденіе монастырскаго приказа Никонъ разсматривалъ, какъ попытки со стороны свѣтской

власти стѣснить и ограничить высокія права и преимущества церковной власти, которыми послѣдняя пользовалась у насъ со времянъ Владиміра и Ярослава. Именно для огражденія и укрѣпленія древнихъ правъ и преимуществъ церковной власти отъ возникшихъ на нее въ послѣднее время нападений Никонъ и пускаетъ въ оборотъ подложную грамоту царя Константина. Между тѣмъ, «по здравому разсужденію» профессора Субботина, признающаго, что подложный документъ обыкновенно появляется и пускается въ оборотъ для оправданія и утвержденія какого-либо нововводнаго обычая, въ чемъ старый будто бы не нуждается, указанное явленіе нужно объяснять такимъ образомъ: такъ какъ при Никонѣ у насъ въ первый разъ стали ссылаться на подложный документъ — грамоту царя Константина, для оправданія высокіхъ правъ и преимуществъ русской церковной власти, то, значить, въ нашей церковной жизни только что появился нововводный, дотолѣ неизвѣстный обычай усвоить церковной власти извѣстныя высокія права и преимущества, которыхъ она ранѣе не имѣла, почему и потребовалось пустить въ оборотъ подложный документъ, долженствовавшій оправдать нововводныя неизвѣстныя доселѣ притязанія церковной власти на извѣстныя права и преимущества. Но едва ли и самъ г. профессоръ согласится съ правильностію такого толкованія, которое, однако, логически не избѣжно вытекаетъ изъ его принципа «здраваго разсужденія».

Укажемъ другой примѣръ, взятый уже изъ той области, которая составляетъ предметъ спеціальныхъ занятій профессора Субботина и потому ему особенно хорошо извѣстна.

Въ началѣ XVIII вѣка у насъ кѣмъ-то составлено было подложное Соборное Дѣяніе на Мартина еретика, которое потомъ, какъ подлинное, и было напечатано въ Прапицѣхъ Петирима. Подложность этого Соборнаго Дѣянія признаетъ и профессоръ Субботинъ. Онъ говоритъ: «мы вполне согласны съ тѣми изслѣдователями древности, которые находятъ въ Дѣяніи признаки его поздняго происхожденія, и не думаемъ, чтобы въ настоящее время кто-либо изъ просвѣщенныхъ защитниковъ православія сталъ утверждать противное, тѣмъ паче ссылаться на Дѣяніе въ своихъ воз-

раженіяхъ противъ раскола»<sup>1)</sup>). Въ этомъ «ново-сочиненномъ» подложномъ Соборномъ Дѣяніи помѣщены подложныя поученія первыхъ двухъ русскихъ митрополитовъ и подложная грамота константинопольскаго патріарха Луки Хризоверга, составленныя съ цѣлю утвердить древность троеперстія, сугубой аллилуіи и пр., и армянское сравнительно позднее происхожденіе двуперстія, сугубой аллилуіи, и пр.

Слѣдуя теоріи «здраваго разсужденія» профессора Субботина, утверждающей, что въ подложныхъ статьяхъ для своего утвержденія нуждается не старый, а нововводный обычай, только что появившійся, мы должны на основаніи этой теоріи сдѣлать такое заключеніе; такъ какъ въ началѣ XVIII столѣтія сфабрикованы были завѣдомо подложные документы съ цѣлю доказать, что троеперстію, трегубой аллилуіи и пр. будто бы учили еще первые русскіе митрополиты и константинопольскій патріархъ Лука Хризовергъ, то значитъ: троеперстіе, трегубая аллилуія и пр. появились въ первый разъ въ русской церкви только въ началѣ XVIII столѣтія, почему они, какъ обычай нововводный и доселѣ у насъ неизвѣстный, и нуждались въ поддержкѣ и укрѣпленіи себя хотя бы и подложными статьями. Но, конечно, и самъ профессоръ Субботинъ признаетъ полную нелѣпость подобнаго вывода, который однако логически неизбѣжно вытекаетъ изъ оповѣщенной имъ теоріи «здраваго разсужденія».

Такимъ образомъ оказывается, что для правильнаго пониманія и объясненія историческихъ явленій теорія «здраваго разсужденія» г. Субботина совершенно непригодна, что для этого одного только «здраваго разсужденія» г. профессора еще очень недостаточно, а необходимо еще кое-что другое.

Несостоятельность основнаго руководящаго начала естественно должна была очень печально отразиться и на частныхъ сужденіяхъ г. профессора о Θεодоритовомъ словѣ и на другихъ трактуемыхъ имъ вопросахъ.

1) Братское слово, 1875 г., статья: „Замѣтка по поводу непрекращающихся старообрядческихъ упрековъ православнымъ писателямъ за Соборное Дѣяніе на еретика Мартина“, стр. 145—146.

По нашему убѣжденію (основанія котораго у насъ указаны), двуперстіе, какъ господствующій (но не исключительный) обычай, существовало у насъ со временъ крещенія Руси, тогда какъ троеперстіе, также бывшее въ употребленіи, но менѣе распространенное, съ особою силою стало распространяться у насъ только съ половины XV вѣка. По мнѣнію же г. Субботина, господствующимъ обычаемъ у насъ всегда было исключительно троеперстіе, которое «опиралось неизблемо на преданіе, всѣмъ извѣстное». Двуперстіе же, по завѣренію г. Субботина, есть «ново-сочиненный обычай», въ первый разъ появившійся у насъ только въ половинѣ XV вѣка. Но если это дѣло стояло такъ, какъ завѣряетъ г. Субботинъ, то у читателя естественно является вопросъ: кѣмъ же это и по какимъ побужденіямъ былъ созданъ у насъ «ново-сочиненный обычай» двуперстія? Кому это и зачѣмъ ни съ того ни съ сего потребовалось вдругъ отбросить обычай старый, «неизблемо опиравшійся на преданіе, всѣмъ извѣстное», и замѣнить его обычаемъ «ново-сочиненнымъ»? Какимъ это образомъ «ново-сочиненный» въ XV вѣкѣ русскими обычай могъ однако появиться въ греческой церкви *въ XI и XII столѣтіяхъ*? Очевидно, г. Субботину необходимо было такъ или иначе отвѣтить на эти неизбѣжные вопросы, чтобы сдѣлать свои неудобопріемлемыя и ни на чемъ неоснованныя предположенія хотя бы сколько-нибудь удобопріемлемыми для читателя. Но нашъ ученый критикъ требуетъ отъ своихъ читателей, чтобы они свято вѣрили въ истинность самыхъ его невѣроятныхъ предположеній, вѣрили на слово, не задаваясь никакими недоумѣнными вопросами.

Такимъ образомъ г. Субботинъ, выступая съ своею теоріей на борьбу съ нами, сразу требуетъ отъ читателя, чтобы онъ принялъ исключительно на вѣру такой фактъ, который является совершенно непонятнымъ, мало вѣроятнымъ, относительно самаго существованія котораго возможны очень сильныя сомнѣнія. А между тѣмъ сомнительный и самъ по себѣ очень невѣроятный фактъ (ново-сочиненность двуперстія русскими въ половинѣ XV вѣка) г. Субботинъ беретъ за исходную точку своихъ дальнѣйшихъ выводовъ и заключеній. Но согласимся съ г. Суб-

ботиннымъ и мы въ томъ, что въ половинѣ XV вѣка кто-то неизвѣстный, по какимъ-то неизвѣстнымъ побужденіямъ, ни съ того ни съ сего, вздумалъ сочинить новый доселѣ неизвѣстный обычай двуперстія; что же дальше?

«Ново-сочиненный» обычай—двуперстіе—вступаетъ въ борьбу съ троеперстіемъ. А такъ какъ оно рѣшительно не имѣло подъ собою никакой почвы, то и пришлось какому-то «невысокаго нравственнаго достоинства лжесловеснику» сфабриковать такъ называемое Θεодоритово слово въ оправданіе двуперстія. Но, увѣряетъ г. Субботинъ, хотя подложное Θεодоритово слово и было написано въ пользу двуперстія, «тѣмъ не менѣе въ своей первоначальной, или древнѣйшей редакціи оно представляетъ свидѣтельство, болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію», т.-е. г. Субботинъ увѣряетъ своихъ читателей въ слѣдующемъ: какой-то «невысокаго нравственнаго достоинства лжесловесникъ» рѣшилъ свое собственное издѣліе сознательно выдать за произведеніе древняго св. отца, и дѣлаетъ это съ единственною цѣлію оправдать и доказать древность и истинность двуперстія. А между тѣмъ «лжесловесникъ» такъ составляетъ свое произведеніе, что оно въ дѣйствительности болѣе доказываетъ троеперстіе, нежели двуперстіе, почему «лжесловесникъ» своимъ подлогомъ не только не доказалъ того, что хотѣлъ доказать, для чего онъ собственно и пустился на подлогъ, но и доказалъ какъ разъ противное, своимъ подложнымъ сочиненіемъ «представилъ свидѣтельство, болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію». Читатель, конечно, затрудняется повѣрить такому невѣроятному обстоятельству? Все это дѣйствительно очень невѣроятно, но кто желаетъ слѣдовать за г. Субботинимъ, тотъ невѣроятностями смущаться никакъ не долженъ. Не смущаясь, послѣдуемъ и мы за нашимъ ученымъ.

Нескладно составленное подложное произведеніе лжесловесника, «болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію», совершенно неожиданно, безъ всякихъ сколько-нибудь разумныхъ основаній, принимаетъ, какъ подлинное, самъ верховный архипастырь русской церкви, митрополитъ Даніиль, и, что особенно удивительно, вмѣсто

того, чтобы видѣть въ Θεодоритовомъ словѣ, какъ это хорошо видить г. Субботинъ, ученіе «болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію», онъ не только находитъ въ немъ прямое ученіе о двуперстіи, но и приводитъ Θεодоритово слово съ прибавкою о трехъ перстахъ (которые въ первоначальной редакціи не упоминаются), что не оставляетъ уже никакого сомнѣнія, что Θεодоритово слово учить именно двуперстію, а не троеперстію. Какимъ же образомъ могло случиться, что умный, начитанный и учительный митрополитъ не только не подмѣтилъ грубаго недавняго подлога, но и увидѣлъ въ немъ ученіе не о троеперстіи, какъ бы слѣдовало, а ученіе о двуперстіи? Какимъ образомъ верховный архипастырь русской церкви, извѣстный ревнитель церковнаго преданія, могъ ни съ того ни съ сего отбросить обычай старый, «незыблемо опиравшійся на преданіе, всѣмъ извѣстное» и стать на сторону обычая «ново-сочиненнаго», недавно появившагося и опиравшагося на грубо и неудачно сфабрикованный подлогъ — на такъ называемое Θεодоритово слово? И эти мелочи нисколько не тревожатъ и не смущаютъ нашего ученаго критика, онъ смѣло переходитъ отъ одной невѣроятности къ другой ббльшей. Послѣдуемъ опять за нимъ и мы.

Митрополитъ Даниилъ могъ еще ошибаться и заблуждаться, какъ и всякое отдѣльное лицо, но вотъ дѣло о двуперстіи и троеперстіи переносится на разсмотрѣніе и рѣшеніе цѣлаго собора іерарховъ, выражающаго собою голосъ всей русской церкви. Конечно, соборъ уже не могъ обманываться такъ грубо, какъ отдѣльное лицо, тѣмъ болѣе, что Стоглавый соборъ имѣлъ въ виду именно исправить поисшатавшіеся въ послѣднее время церковные обычаи, уничтожить всякую вкравшуюся въ церковную жизнь новину, имѣлъ въ виду возстановить въ церковныхъ обычаяхъ старину, поскольку она была измѣнена въ послѣднее время. Значитъ, по самымъ своимъ задачамъ и цѣлямъ Стоглавый соборъ долженъ былъ, опираясь на старину, на вѣковую непрерывную традицію, уничтожить въ современныхъ церковныхъ обычаяхъ все нововодное, новосочиненное, недавно только появившееся. При такихъ

условіяхъ ново-сочиненный обычай—двуперстіе, опиравшійся только на подложное Феодоритово слово, при томъ «болѣе благопріятствующее троеперстію, нежели двуперстію», очевидно, неминуемо долженъ былъ подвергнуться осужденію собора, такъ какъ соборъ станетъ конечно за тотъ старый обычай (троеперстіе), который, по завѣренію г. Субботина, былъ «обрядомъ, твердо державшимся на преданіи, издревле, изначала преемственно наслѣдованномъ отъ отцовъ и дѣдовъ», который «незыблемо опирался на преданіе, *всѣмъ извѣстное*». Осужденіе ново-сочиненнаго обычая — двуперстія Стоглавымъ соборомъ было неминуемо и потому еще, что предсѣдатель собора, митрополитъ Макарій, былъ извѣстнымъ знатокомъ, любителемъ и собирателемъ русской церковной древности, и потому менѣе всего былъ способенъ «ново-сочиненный», недавно появившійся обычай, совершенно чуждый предшествовавшей церковной практикѣ, принять за обычай древній. А между тѣмъ въ дѣйствительности на Стоглавомъ соборѣ происходитъ нѣчто совсѣмъ удивительное и невѣроятное: вопреки всей русской церковной старинѣ, вопреки всѣми доселѣ признаваемому обычаю, отцы Стоглаваго собора узаконяютъ «ново-сочиненный» обычай, появившійся только недавно, такъ сказать на глазахъ отцовъ собора; они отвергаютъ обычай старый, «твердо державшійся на преданіи, издревле, изначала преемственно наслѣдованный отъ отцовъ и дѣдовъ», рѣшительно отрицаютъ тотъ самый обычай, который «незыблемо опирался на преданіе, *всѣмъ извѣстное*», значить, извѣстное и отцамъ Стоглаваго собора. Какимъ же образомъ могло произойти подобное невѣроятное событіе? Какъ могли такъ непростительно грубо обмануться отцы цѣлаго собора, представители всей русской церкви?

На это г. Субботинъ обыкновенно отвѣчаетъ, что отцы Стоглаваго собора были такъ невѣжественны и неразумны, что легко могли «ново-сочиненный» обычай принять за старый, ранѣе практиковавшійся въ русской церкви и «незыблемо опиравшійся на преданіе, *всѣмъ извѣстное*». Но, очевидно, эта ссылка на поголовное невѣжество всѣхъ тогдашнихъ представителей русской церкви не только невѣрна исторически, не только безъ нужды крайне унижа-

еть всѣхъ тогдашнихъ русскихъ іерарховъ, но и не объясняетъ самаго дѣла, такъ какъ представители русской церкви, присутствовавшіе на Стоглавомъ соборѣ, настолько были свѣдущи, чтобы умѣть отличить древній, доселѣ признаваемый всею церковію и практиковавшійся въ ней обрядъ, отъ другого обряда, «ново-сочиненнаго», недавно появившагося, непризнаннаго церковію, не вошедшаго въ церковную практику, — вѣдь, для этого какого-либо особаго образованія, знанія наукъ вовсе и не нужно. И если отцы Стоглаваго собора, несмотря ни на что, все-таки утвердили ново-сочиненный, недавно появившійся обрядъ, то для этого одного невѣжества уже недостаточно, а нужно прямо признать какое-то помраченіе всѣхъ тогдашнихъ представителей русской церкви, помраченіе тѣмъ болѣе удивительное, что, начавшись съ отцовъ Стоглаваго собора, оно потомъ непрерывно продолжалось вплоть до патріарха Никона.

Но Стоглавый соборъ не просто только призналъ и узаконилъ «ново-сочиненный» обычай — двуперстіе, а и постарался доказать, что это обычай древній, узаконенный святыми отцами. Въ этихъ видахъ Стоглавый соборъ ссылается, между прочимъ, и на новоизмышленіе «лжесловесника» — Θεодоритова слово, при чемъ приводитъ его, что особенно важно, въ древнѣйшей, первоначальной редакціи, на что съ удареніемъ указываетъ и г. Субботинъ. Но, вѣдь, первоначальная редакція Θεодоритова слова, по заявленію г. Субботина 1875 года, «рѣшительно говоритъ въ пользу троеперстія», по заявленію г. Субботина 1876 года, она «служить именно свидѣтельствомъ о троеперстіи», по заявленію г. Субботина 1887 года, она «служить свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи». Значить, за какой бы годъ мы ни взяли г. Субботина, сущность дѣла остается во всякомъ случаѣ такова, что если древняя редакція Θεодоритова слова, приведенная Стоглавымъ соборомъ, и не «говоритъ рѣшительно въ пользу троеперстія», не «служить именно свидѣтельствомъ о троеперстіи», то уже несомнѣнно «служить свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи». А въ такомъ случаѣ помраченіе отцовъ Стогла-

ваго собора стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ они не только вопреки старинѣ, господствующему обычаю, опиравшемуся незыблемо на извѣстное всѣмъ преданіе, узаконяють ново-сочиненный обрядъ — двуперстіе, но и утверждаютъ его, между прочимъ, на томъ именно документѣ, который, представляя изъ себя недавнее новоизмышленіе какого-то «лжесловесника», въ дѣйствительности «служить свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи».

Истинно удивительную картину нашей древней церковной жизни рисуетъ намъ художественное перо г. Субботина. Приглашаемъ читателя полюбоваться этой замѣчательной картиной. На Стоглавый соборъ, это верховное церковное судилище, явились истцы: троеперстники и двуперстники. Троеперстники ратовали за старый, всегда практиковавшійся въ нашей церкви обычай, за тотъ именно обрядъ, который «твердо держался по преданію, издревле, изначала преемственно наслѣдованномъ отъ отцовъ и дѣдовъ», который «незыблемо опирался на преданіе, всѣмъ извѣстное», извѣстное, значить, и соборнымъ судьямъ-іерархамъ. Двуперстники ратовали за обычай «ново-сочиненный», «недавно явившійся», «не имѣвшій твердой опоры въ древнемъ всѣмъ извѣстномъ и всѣми признаваемомъ преданіи»; они, въ оправданіе своего неправого иска, представили подложный документъ, ново-сочиненный какимъ-то «не высокой нравственности лжесловесникомъ», при чемъ этотъ подложный документъ, представленный сторонниками двуперстія, въ дѣйствительности «служилъ болѣе свидѣтельствомъ въ пользу троеперстія, нежели двуперстія». И соборъ, однако, не только рѣшилъ искъ въ пользу двуперстниковъ, но и сослался въ свое оправданіе между прочимъ, и на тотъ подложный документъ, который «служить болѣе свидѣтельствомъ о троеперстіи, нежели двуперстіи».

По поводу этой удивительной по замыслу и выполне-нію картины мы желали бы сдѣлать отъ себя только одно замѣчаніе: при созиданіи своей картины г. Субботину ни какъ бы не слѣдовало забывать про свою знаменитую

теорію «здраваго разсужденія», приложеніе которой въ данномъ случаѣ было бы какъ нельзя болѣе умѣстно.

Понятно само собою, что Феодоритово слово, составленное въ защиту и оправданіе двуперстія, и, слѣдовательно, если не прямо, то косвенно противъ троеперстія, естественно должно было доказывать и въ своей первоначальной редакціи именно двуперстіе, а уже никакъ не троеперстіе. Но г. Субботинъ съ этимъ несогласенъ и утверждаетъ, что первоначальная редакція Феодоритова слова «служить свидѣтельствомъ болѣе о троеперстіи, нежели двуперстіи». Такъ какъ такое толкованіе древней редакціи Феодоритова слова мы назвали «неудачнымъ», то г. Субботинъ спрашиваетъ: «почему же *неудачно* объясненіе этой редакціи въ смыслѣ благопріятствующемъ троеперстію? Наставленіе о перстосложеніи начинается здѣсь словами *три персты равны имѣти вкупѣ*, — ужели это не наставленіе о троеперстіи?» Объяснимъ, почему толкованіе древней редакціи Феодоритова слова г. Субботинимъ мы считаемъ неудачнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представимъ образчикъ того, какъ нашъ ученый критикъ обращается съ документами.

Г. Субботинъ, толкуя текстъ Феодоритова слова, говорить, что «наставленіе о перстосложеніи начинается здѣсь словами: *три персты равны имѣти вкупѣ*», но говоритъ несправедливо; такъ какъ Феодоритово слово въ дѣйствительности начинается словами, *сице благословити и креститися*: три персты имѣти равны вкупѣ, т.-е. Феодоритово слово имѣетъ въ виду научить, какъ слѣдуетъ слагать персты при крестномъ знаменіи и *при благословеніи* (іерейскомъ), при чемъ для того или другого оно предписываетъ одно и то же сложеніе перстовъ, съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, Теперь, если мы согласно съ г. Субботинимъ поймемъ выраженіе Феодоритова слова: «три персты равны имѣти вкупѣ» въ смыслѣ православнаго троеперстія, т.-е. будемъ разумѣть три первые перста, какъ мы ихъ теперь слагаемъ въ крестномъ знаменіи, то получается совсѣмъ несообразный смыслъ, что будто бы у православныхъ въ іерейскомъ благословеніи персты слагаются такъ же, какъ и въ крестномъ знаменіи, что будто бы іерей

долженъ благословлять, слагая три первые персты вкупѣ, чего икогда не было въ православной церкви. Совсѣмъ несообразный смыслъ приведенныхъ словъ Θεодоритова слова, получающійся при толкованіи ихъ г. Субботинымъ, становится сообразнымъ, яснымъ и понятнымъ, если мы слова: «три персты равны имѣти вкупѣ» (не въ крестномъ только знаменіи, но и въ благословеніи) будемъ понимать такъ, что подъ тремя перстами вкупѣ разумѣются не первые три перста, а большой и два послѣднихъ, какъ они слагаются у старообрядцевъ, а подъ двумя перстами, которые слово предписываетъ имѣть наклоненными, а не простертыми,—указательный и средній. За правильность такого именно пониманія говорить и то обстоятельство, что въ древней Руси сложеніе перстовъ въ іерейскомъ благословеніи и въ обычномъ для всѣхъ христіанъ крестномъ знаменіи было одинаково, почему слово Θεодорита и могло поучать: «сиде *благословити* рукою и *креститися*: три персты равны имѣти вкупѣ»... Очевидно, такимъ образомъ, что въ начальныхъ словахъ Θεодоритова слова, о которыхъ умолчалъ г. Субботинъ,—«сиде *благословити* рукою и *креститися*»—находится ключъ къ правильному пониманію и толкованію текста слова, и, очевидно, что эти начальные слова Θεодоритова слова опущены г. Субботинымъ не безъ умысла, такъ какъ они прямо обличаютъ неправильность его толкованія.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе по поводу неправильностей, допускаемыхъ г. Субботинымъ въ толкованіи такъ называемаго Θεодоритова слова.

То обстоятельство, что въ Θεодоритовомъ словѣ сначала говорится о трехъ перстахъ (три персты равны имѣти вкупѣ), а потомъ уже о двухъ (два перста имѣти наклоненна, а не простерта), г. Субботинъ пытается обратить въ доказательство того, что въ Θεодоритовомъ словѣ рѣчь будто бы идетъ о троеперстіи въ нашемъ смыслѣ. «Наставленіе о перстосложеніи, говоритъ онъ, начинается здѣсь (въ Θεодоритовомъ словѣ) словами: три персты равны имѣти вкупѣ: ужели это не наставленіе о троеперстіи?» Мы уже видѣли, что слово Θεодорита вовсе начинается не такъ, а словами: «сиде *благословити* рукою и *крести-*

тися»), которыя никакъ не дозволяютъ признать правильность толкованія г. Субботина. Но въ такомъ случаѣ, что же это значить, что двуперстники въ своихъ наставленіяхъ о сложеніи перстовъ всегда сначала говорятъ о трехъ перстахъ, а потомъ уже о двухъ, тогда какъ имъ слѣдовало бы, повидимому, сначала говорить о двухъ перстахъ, а потомъ уже о трехъ? Объяснимъ г. Субботину, въ чемъ тутъ дѣло. Съ перстосложеніемъ двуперстники соединяли обыкновенно представленіе о двухъ важнѣйшихъ христіанскихъ догматахъ; о троичности лицъ въ Божествѣ и о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ. Въ виду этого, излагая наставленіе, какіе и какъ слѣдуетъ слагать персты для крестнаго знаменія, они излагали при этомъ и то ученіе, какое соединяется съ сложеніемъ извѣстныхъ перстовъ. А такъ какъ главный и основной догматъ христіанства есть ученіе о троичности, онъ лежитъ въ основѣ, какъ краеугольный камень всего зданія христіанскаго вѣроученія, и на немъ уже утверждается, какъ на своемъ основаніи, другой догматъ—ученіе о Христѣ и частнѣе о соединеніи въ Немъ двухъ естествъ, то, сообразно съ этимъ порядкомъ догматовъ нашего вѣроученія, и въ наставленіи двуперстниковъ о перстосложеніи сначала говорится о троичности и по этому самому о трехъ перстахъ, выражающихъ ученіе о троичности, а потомъ уже говорится о двухъ естествахъ во Христѣ, значить, и о двухъ перстахъ, выражающихъ это ученіе. Понятно отсюда, какъ несправедливо, на основаніи того обстоятельства, что въ Θεодоритовомъ словѣ сначала говорится о трехъ перстахъ, а потомъ уже о двухъ, дѣлать такое заключеніе, что будто бы Θεодоритово слово учить троеперстію, а не двуперстію, какъ это утверждаетъ нашъ ученый критикъ.

#### б) Свидѣтельство изъ сборника митрополита Даніила.

Въ доказательство господствующаго значенія двуперстія въ первой половинѣ XVI вѣка мы сослались на четвертое слово митрополита Даніила, въ которомъ этотъ верховный архипастырь русской церкви приводитъ Θεодори-

тово слово съ характерною прибавкою о тѣхъ трехъ перстахъ, которые слѣдуетъ «имѣти вкупѣ», именно онъ учить: «три персты равно имѣти вкупѣ — болшей да два послѣднихъ, по образу троическу», изъ чего мы и вывели прямое и естественное заключеніе, что митрополить Данииль училъ двуперстію, тѣмъ болѣе, что самое четвертое слово митрополита Даниила составлено было имъ, конечно, не для себя лично, а для наученія другихъ.

То же самое заявлялъ о митрополитѣ Даниилѣ и г. Субботинъ въ 1876 году въ своей статьѣ: «Такъ называемое Θεодоритово слово въ разныхъ его редакціяхъ». Здѣсь г. Субботинъ говорилъ: «два упомянутые списка XVI вѣка (Θеодоритова слова) даютъ основаніе полагать, что первая попытка обратить именуемое слово Θεодорита въ свидѣтельство о двуперстіи принадлежитъ именно митрополиту Даниилу».

Итакъ, по мнѣнію г. Субботина 1876 года, митрополить Данииль былъ первый, внесшій въ древнюю редакцію Θεодоритова слова наименованіе трехъ перстовъ, вслѣдствіе чего Θεодоритово слово изъ свидѣтельства въ пользу троеперстія превратилось въ свидѣтельство въ пользу двуперстія. Такъ митрополить Данииль поступилъ, конечно, потому, что не только самъ былъ сторонникомъ двуперстія, но желалъ, чтобы и паства его крестилась двуперстно.

Теперь въ своей критической статьѣ противъ насъ г. Субботинъ счелъ за лучшее отказаться отъ своего прежняго мнѣнія о митрополитѣ Даниилѣ и замѣнить его другимъ, далеко несогласнымъ съ его мнѣніемъ 1876 года. На томъ основаніи, что митрополить Данииль излагаетъ ученіе о двуперстіи словами Θεодоритова слова, хотя и съ очень важною прибавкою (поименовываетъ три перста, какіе нужно имѣть «вкупѣ» и которые въ древней редакціи слова совсѣмъ не названы), г. Субботинъ приходитъ къ тому заключенію, что «самъ, своими собственными словами, или, пожалуй, и заимствованными у мнимаго Θεодорита, но предлагаемыми отъ своего лица, митрополить Данииль совсѣмъ не училъ здѣсь о двуперстіи. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говорится въ четвертомъ словѣ ми-

трополита Даниїла? въ чемъ состоитъ его содержаніе?» Изложивъ затѣмъ содержаніе четвертаго слова, критикъ изъ его разсмотрѣнія приходитъ къ заключенію, что митрополитъ Даниїль не училъ двуперстію, хотя содержаніе слова и представляло поводъ къ этому. Но этого мало. По увѣренію г. Субботина, митрополитъ Даниїль въ дѣйствительности будто бы плохо вѣрилъ въ самую подлинность такъ называемаго Θεодоритова слова. «Можно и вообще полагать, говорить г. Субботинъ, что относительно Θεодоритова слова онъ (митрополитъ Даниїль) питалъ нѣкоторыя сомнѣнія и желалъ имѣть удостовѣреніе въ его подлинности; извѣстно, что онъ весьма настойчиво просилъ Максима Грека перевести Θεодоритову церковную исторію... Почему же митрополиту Даниїлу такъ желательно было имѣть переводъ именно Θεодоритовой церковной исторіи? Не надѣялся ли онъ найти здѣсь статью о перстосложеніи для крестнаго знаменія (Θеодоритово слово), которой ни въ одномъ извѣстномъ ему по русскимъ переводамъ сочиненій Θεодорита онъ не находилъ, и такимъ образомъ удостовѣриться въ ея подлинности и имѣть настоящій, вѣрный ея текстъ» <sup>1)</sup>?

Итакъ, г. Субботинъ теперь не только отказывается отъ своего прежняго, такъ рѣшительно высказаннаго мнѣнія, что «первая попытка обратить именуемое слово Θεодорита въ свидѣтельство о двуперстіи принадлежала именно митрополиту Даниїлу», но и утверждаетъ уже, что митрополитъ Даниїль сомнѣвался въ самой подлинности Θεо-

---

<sup>1)</sup> Предположеніе г. Субботина о пѣли, какую будто бы митрополитъ Даниїль имѣлъ, настаивая предъ Максимомъ Грекомъ о переводѣ имъ на русскій языкъ церковной исторіи Θεодорита, нельзя назвать удачнымъ. Если бы митрополитъ Даниїль желалъ имѣть переводъ церковной исторіи Θεодорита только ради предполагавшейся въ ней статьи о перстосложеніи, то онъ тогда и поручилъ бы Максиму найти эту статью и перевести ее на русскій языкъ, а не требовалъ бы настоятельно перевода всей исторіи. Кромѣ того митрополиту Даниїлу легко было узнать отъ Максима, что искомой имъ статьи о перстосложеніи вовсе нѣтъ въ церковной исторіи Θεодорита, а въ такомъ случаѣ митрополиту Даниїлу и незачѣмъ было бы настаивать на ея переводѣ и сердиться на Максима, что онъ не исполнилъ его желанія.

доритова слова и что онъ *самъ* вовсе не училъ двуперстію, хотя случай къ этому у него и былъ.

Но и на этомъ своемъ мнѣніи не устоялъ г. Субботинъ. Увѣривъ сначала своихъ читателей, что митрополитъ Даниилъ самъ не училъ двуперстію, онъ сейчасъ же, со свойственнымъ ему непостоянствомъ, начинаетъ увѣрять читателей въ совершенно противномъ. «Несомнѣнно, говоритъ теперь г. Субботинъ, что митрополитъ Даниилъ могъ употреблять перстосложеніе, какому научаетъ Θεодоритово слово, и *самъ учитъ* такому перстосложенію... Митрополитъ Даниилъ усвоилъ Θεодоритову слову значеніе наставленія о двуперстіи, и если, слѣдуя этому наставленію, употреблялъ *и друиxъ училъ употреблять двуперстное сложеніе*, то никакъ не то, какое поборниками двуперстія требовалось употреблять въ XVII вѣкѣ» (чего мы нигдѣ и никогда не утверждали).

Читатель «Братскаго Слова» по необходимости теряется: какому заявленію г. Субботина онъ долженъ вѣрить, гдѣ у него правда и гдѣ неправда? Что значить это странное шатаніе мысли г. профессора въ вопросѣ, который ему, какъ специалисту, долженъ бы быть хорошо извѣстенъ? Въ самомъ дѣлѣ, на вопросъ: училъ или нѣтъ митрополитъ Даниилъ двуперстію? — г. Субботинъ даетъ слишкомъ уже невразумительный отвѣтъ: «училъ-не училъ-училъ».

### в) Свидѣтельство Максима Грека.

Вслѣдъ за митрополитомъ Данииломъ, въ доказательство существованія двуперстія, мы привели и свидѣтельство изъ Максима Грека. Нашъ критикъ старается прежде всего заподозрить самую подлинность сочиненія Максима о двуперстіи, въ видахъ чего указываетъ на тѣ сомнѣнія въ подлинности этого сочиненія Максима, какія высказывались прежними полемистами съ расколомъ. «Мы не хотимъ допускать, говоритъ вслѣдъ затѣмъ г. Субботинъ, чтобы г. Каптеревъ не зналъ этихъ возраженій противъ подлинности приписываемаго Максиму Греку сочиненія; но если онъ дѣйствительно зналъ эти возраженія, то въ

качествѣ блюстителя «строгой научности», не долженъ былъ проходить ихъ молчаніемъ, а долженъ былъ сказать хотя бы со всевозможною краткостью, почему не признаетъ ихъ достаточно убѣдительными».

Не указавши причинъ, почему мы не раздѣляемъ этихъ сомнѣній (разумѣется намъ извѣстныхъ), мы дѣйствительно сдѣлали нѣкоторое опущеніе, и винимся въ этомъ предъ читателемъ. Но г. Субботинъ не обыкновенный читатель; онъ самъ долженъ бы былъ знать, почему возраженія противъ подлинности «Сказанія, како знаменоватися» не имѣютъ значенія, такъ какъ онъ самъ знаетъ ихъ и указываетъ.

Въ числѣ древнихъ списковъ сочиненій Максима Грека два списка XVI вѣка, принадлежащіе московской духовной академіи (№№ 42 и 153),—изъ нихъ одинъ (№ 42) «митрополита Іоасафа»: «въ обоихъ спискахъ слово о крестномъ знаменіи составляетъ 33 главу». Если бы г. профессоръ соблаговолилъ хотя бы немного удѣлить своего вниманія двумъ имъ самимъ указаннымъ спискамъ, принадлежащимъ нашей академіи, тогда бы онъ понялъ конечно, почему мы не считали нужнымъ опровергать тѣхъ возраженій, какія ранѣе дѣлались противъ подлинности сочиненія Максима о перстосложеніи. Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Списокъ сочиненій Максима Грека № 42, принадлежащій московской духовной академіи, имѣетъ внизу по листамъ надпись киноварью: «сія книга Троицкаго Сергіева монастыря *митрополита Іоасафа*». Чтобы понять всю важность списка сочиненій Максима Грека, принадлежавшаго митрополиту Іоасафу, нужно обратить вниманіе на отношенія этого святителя къ Максиму Греку. Іоасафъ былъ поставленъ въ митрополиты изъ игуменовъ Троицко-Сергіева монастыря въ 1539 году, а въ 1542 г. онъ низведенъ былъ Шуйскимъ и его сторонниками съ митрополичьей кафедры и сначала былъ сосланъ на Вѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь, а оттуда былъ переведенъ въ Троицко-Сергіевскій, въ которомъ и умеръ 27 іюля 1555 года. Но, какъ извѣстно, и Максимъ Грекъ въ 1551 году изъ Твери былъ переведенъ тоже въ Троицко-

Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ и умеръ, спустя годъ послѣ смерти митрополита Іоасафа, т.-е. въ 1556 г. Значить: митрополитъ Іоасафъ и Максимъ Грекъ жили послѣдніе годы своей жизни вмѣстѣ, въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ и находились, какъ есть основанія думать, въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, — митрополитъ Іоасафъ принадлежалъ къ почитателямъ Максима Грека. Живя въ Троицкомъ монастырѣ вмѣстѣ съ Максимомъ, митрополитъ Іоасафъ и сдѣлалъ для себя съ сочиненій Максима списокъ, который, послѣ смерти митрополита, поступилъ въ бібліотеку лаврскую, а оттуда перешелъ въ бібліотеку академическую. Понятно само собою, что списокъ сочиненій Максима Грека, принадлежащій митрополиту Іоасафу, долженъ быть, такъ сказать, авторизированъ; онъ могъ даже быть сдѣланъ съ подлинныхъ сочиненій Максима, могъ имъ самимъ быть просмотрѣнъ и провѣренъ. При такихъ условіяхъ неподлинное сочиненіе Максима Грека, очевидно, никакъ не могло попасть въ списокъ митрополита Іоасафа, въ которомъ, на л. 314 помѣщается «сказаніе, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ».

Относительно другого списка (№ 153), принадлежащаго нашей академіи, архимандритъ Леонидъ, въ своемъ «Описаніи рукописей», поступившихъ изъ Лаврской бібліотеки въ академическую, замѣчаетъ (вып. II, стр. 232): «полагаютъ, что эта рукопись писана рукою самого преподобнаго Максима Грека (автографы)». И въ этой рукописи, во всемъ сходной съ первою, находится «сказаніе, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ». А что самъ Максимъ Грекъ имѣлъ у себя собраніе своихъ сочиненій, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ его почитатели сильно интересовались его сочиненіями и просили ихъ у него для чтенія и списыванія<sup>1)</sup>. Вполнѣ естественно было, что подлинная рукопись сочиненій Максима, писанная его собственною рукою, осталась послѣ

<sup>1)</sup> Пресв. Макарій, въ своей Исторіи русской церкви, замѣчаетъ: „Алексѣй Адашевъ любезно переписывался съ Максимомъ и бралъ у него для прочтенія его сочиненія; самъ митрополитъ Макарій настоятельно просилъ Максима присылать къ нему эти сочиненія, дѣйствительно получалъ ихъ и весьма похвалялъ“ (т. VI, стр. 284).

его смерти въ Лаврской библіотекѣ, откуда она потомъ перешла въ академическую. Но если даже и ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые списокъ № 153 считаютъ автографомъ, все-таки остается несомнѣннымъ, что этотъ списокъ былъ писанъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, при жизни въ немъ преп. Максима Грека, конечно, съ его собственной рукописи, и, вѣроятно, имъ самимъ былъ просмотрѣнъ, такъ что и въ этотъ списокъ неподлинное сочиненіе Максима никакъ не могло попасть.

Этимъ неопровержимымъ даннымъ въ пользу подлинности сочиненія Максима Грека о перстосложеніи г. Субботинъ противопоставляетъ свои личныя догадки и соображенія. Изъ того факта, что сочиненіе Максима о перстосложеніи найдено теперь въ спискахъ, современныхъ самому Максиму, «нельзя еще, говорить г. Субботинъ, дѣлать заключенія(?) о несомнѣнной принадлежности этого слова Максиму Греку. Собраніе его сочиненій, быть, можетъ(?), сдѣлано было еще при жизни Максима, но несомнѣнно(?), что не имъ самимъ; а даже и первый собиратель, современникъ Стоглаваго собора, когда наши книжники, очевидно, искали подтвержденія двуперстію, могъ внести въ число сочиненій Максима Грека и чужое «сказаніе, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ». Если и прежде ревнители двуперстія не затруднились приписать Блаженному Феодориту подложное, русское сочиненіе, то почему же не могли они выдать непринадлежащее Максиму слово о двуперстіи подъ именемъ этого столь уважаемаго(?) писателя и внести его въ сборникъ Максимовыхъ сочиненій».

Врядъ ли эти соображенія свидѣтельствуютъ о критической пронизательности г. Субботина. Объяснимъ ему, почему при жизни Максима русскіе книжники двуперстники не могли рѣшиться составить подложное сочиненіе о двуперстіи подъ именемъ Максимова и внести его въ сборникъ сочиненій Максима.

Кто такой былъ Максимъ Грекъ въ глазахъ громаднаго большинства его русскихъ современниковъ? Это былъ, по ихъ мнѣнію, иностранецъ-еретикъ, уличенный въ ереси на нѣсколькихъ соборахъ, человекъ неправославно мы-

слящій, котораго соборы осудили «аки хульника и Священныхъ Писаній глителя», котораго они отлучили отъ св. Христовыхъ таинъ и въ оковахъ послали на заточеніе, «обращенія ради, и покаянія, и исправленія», относительно котораго строго предписано было наблюдать, чтобы въ своемъ заточеніи онъ никого не училъ, ничего не писалъ и не сочинялъ, никому не посылалъ и ни отъ кого не получалъ посланій. Кто же бы изъ современниковъ Максима, при указанныхъ условіяхъ, рѣшился писать подложное сочиненіе и выдавать его за сочиненіе Максима Грека? Вѣдь такой подлогъ въ то время не только бы не принесъ никакой пользы двуперстникамъ, но прямо и рѣшительно повредилъ бы имъ въ глазахъ громаднаго большинства тогдашняго русскаго общества. Ссылаться въ доказательство истинности двуперстія на свидѣтельство всѣмъ вѣдомаго еретика, торжественно осужденнаго соборами и ими сосланнаго на заточеніе,—не значило ли это отшатнуть тогдашнее русское общество отъ двуперстія, а не привлечь къ нему? Вѣдь самый авторитетъ преп. Максима Грека, высокое уваженіе къ его личности и сочиненіямъ выросли только впоследствии, а при своей жизни онъ пользовался расположеніемъ и уваженіемъ только очень немногихъ лицъ, которыя только послѣ Стоглаваго собора успѣли выхлопотать ему разрѣшеніе приобщаться св. Христовыхъ таинъ. Очевидно, русскимъ книжникамъ двуперстникамъ, проникнутымъ къ тому же антигреческимъ направленіемъ, и въ голову не могло притти тогда подкрѣплять истину двуперстія ссылкой на подложное сочиненіе подъ именемъ Максима Грека; этимъ, повторимъ, въ то время можно было только повредить двуперстію, а никакъ не посодѣйствовать ему.

По поводу приведеннаго нами свидѣтельства Максима Грека о двуперстіи, г. Субботинъ дѣлаетъ намъ еще особый упрекъ—въ противорѣчii. «Г. Каптеревъ, говоритъ онъ, признавая несомнѣнно подлиннымъ «сказаніе како знаменоватися», впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Вѣдь, по его мнѣнію, въ греческой церкви со второй половины XV вѣка утвердилось уже троеперстіе, и на рубежѣ XV и XVI вѣковъ греческая и русская церковь

разошлись между собою въ обрядѣ перстосложенія. Значитъ, Максимъ Грекъ съ юныхъ лѣтъ былъ наученъ уже троеперстію, и, какъ ревнитель греческихъ порядковъ и обычаевъ, какъ вѣрный сынъ своей церкви и во всемъ послушный вселенскимъ патріархамъ, долженъ былъ учить именно троеперстію. Какъ же могъ онъ писать слово о двуперстіи?» — Объяснимъ г. Субботину и эту возможность со стороны Максима Грека.

Судя по немногимъ, извѣстнымъ намъ (говоримъ только за себя), свидѣтельствамъ о перстосложеніи въ первенствующей христіанской церкви, нужно полагать, что въ то время преобладающею формою перстосложенія было единоперстіе. Но рядомъ съ единоперстіемъ, какъ болѣе распространеннымъ и обычнымъ, существовали и другія формы, менѣе распространенныя: троеперстіе, двуперстіе, клали большой палецъ поперекъ указательнаго и, образовавшимся такимъ образомъ крестомъ, знаменовали себя. Въ разныхъ помѣстныхъ церквяхъ возникали и держались довольно долго свои помѣстные обычаи. Съ теченіемъ времени въ греческой церкви, благодаря напряженной и продолжительной борьбѣ съ сильнымъ монофизитствомъ, крѣпко державшимся единоперстія, двуперстіе сдѣлалось болѣе распространенною и преобладающею формою перстосложенія, при чемъ, конечно, и другія формы перстосложенія продолжали существовать на-ряду съ двуперстіемъ. Особенно это нужно сказать о троеперстіи, которое, какъ нейтральная, такъ сказать, форма, которой могли держаться всѣ вѣрующіе въ Троичность лицъ, естественно не только удержалось при господствующемъ положеніи двуперстія, но по мѣрѣ того, какъ затихали споры съ монофизитами, оно стало все болѣе распространяться, мало-по-малу стало вытѣснять собою двуперстіе, выдвинувшееся было на первый планъ исключительно благодаря борьбѣ съ монофизитствомъ. Къ половинѣ XV вѣка, по нашему предположенію, въ греческой церкви преобладающею и господствующею формою перстосложенія дѣлается уже троеперстіе, т.-е. ранѣе господствующее положеніе двуперстія уступило теперь господствующему положенію троеперстія, какъ еще ранѣе господствующее положеніе одноперстія

уступило въ греческой церкви господствующему положенію двуперстія. Но какъ на-ряду съ преобладаніемъ двуперстія въ той же греческой церкви существовало и троеперстіе, такъ и теперь, съ преобладаніемъ троеперстія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи еще долго могло держаться и двуперстіе, такъ какъ замѣна одной формы перстосложенія другою совершалась, конечно, какъ и всякая перемѣна въ обычаяхъ, не вдругъ, а мало-по-малу, въ теченіе значительнаго періода времени, тѣмъ болѣе, что въ греческой церкви не было на этотъ счетъ какихъ-либо определенныхъ соборныхъ постановленій, какія, напримѣръ, существовали въ русской церкви<sup>1)</sup>. Да и у насъ, несмотря на постановленія Стоглава, узаконившаго двуперстіе, существовало, однако, и послѣ этого собора троеперстіе, хотя, конечно, какъ обычай менѣе распространенный сравнительно съ двуперстіемъ, обычаемъ господствующимъ и преобладающимъ. Точно также и послѣ собора 1667 года, узаконившаго употреблять троеперстіе, сохранился, однако, и между православными старыи обычай — двуперстіе, и даже въ настоящее время, т.-е. спустя слишкомъ двѣсти лѣтъ послѣ собора 1667 года, есть не мало православныхъ лицъ, крестящихся двуперстно.

Теперь, если въ греческой церкви, съ половины XV вѣка, какъ мы предполагаемъ, троеперстіе сдѣлалось господствующею и преобладающею формою перстосложенія, то это вовсе не означаетъ еще того, чтобы двуперстіе въ это время уже окончательно и всюду перестало существовать въ Греціи (какъ несправедливо думаетъ г. Суббо-

---

1) Предлагаемъ людямъ, обладающимъ большимъ, нежели мы, запасомъ церковно-археологическихъ свѣдѣній, точнѣе, опредѣленнѣе и полнѣе насъ изложить исторію перстосложенія въ христіанской церкви. И почему бы г. Субботину, какъ специалисту, не взялся за научное, всестороннее историческое разслѣдованіе этого вопроса, имѣющаго такое важное значеніе для полемики съ расколомъ? Такое изученіе спасло бы не только самого г. Субботина, но и другихъ единомысленныхъ съ нимъ полемистовъ отъ того ложнаго положенія, въ какое они необходимо ставятъ себя, отправляясь въ своей полемикѣ съ расколомъ отъ исторически неправильныхъ представленій. Самая борьба съ расколомъ была бы тогда и болѣе согласна съ достоинствомъ православной церкви и науки, и болѣе плодотворна по своимъ практическимъ результатамъ.

тинъ), напротивъ, оно еще долго могло существовать въ Греціи на-ряду съ троеперстіемъ, какъ обычай тоже древній и православный, но все болѣе и болѣе выходящій изъ употребленія и постепенно замѣняемый повсюду троеперстіемъ. Обычай, по самой своей природѣ, никогда не исчезаетъ вдругъ, а только мало-по-малу, въ теченіе длиннаго періода времени, и потому никакъ нельзя представлять себѣ дѣла (какъ это представляетъ г. Субботинъ) такимъ образомъ, что будто бы, когда возобладало въ Греціи троеперстіе, то съ этого времени уже сразу перестало существовать тамъ двуперстіе.

Въ виду сказаннаго понятнымъ становится, какъ неосновательно заключаетъ г. Субботинъ, когда говоритъ, что такъ какъ со второй половины XV вѣка въ Греціи троеперстіе приобрѣло господствующее положеніе, то «значить Максимъ Грекъ съ юныхъ лѣтъ наученъ уже троеперстію, и, какъ ревнитель греческихъ порядковъ и обычаевъ, какъ вѣрный сынъ своей церкви и во всемъ послушный вселенскимъ патріархамъ, долженъ былъ учить именно троеперстію». Очевидно, Максимъ Грекъ и самъ лично могъ еще держаться двуперстія, тѣмъ болѣе могъ знать и видѣть въ Греціи не мало такихъ лицъ, которыя еще держались двуперстія, какъ обычая древняго и православнаго, и потому, встрѣтивъ этотъ обычай у русскихъ, видя, какъ сильно они имъ дорожатъ, онъ рѣшительно не имѣлъ никакихъ сколько-нибудь разумныхъ основаній возставать противъ двуперстія, или уклоняться отъ представившагося ему случая обстоятельно разъяснить русскимъ тотъ смыслъ, какой имѣетъ употребляемое ими двуперстіе. Въ этомъ его поступкѣ вовсе не выражалось непослушанія вселенскимъ патріархамъ (какъ смотритъ на это г. Субботинъ), такъ какъ вселенскіе патріархи нигдѣ не узаконяли, чтобы всѣ обязательно крестились только троеперстно и не держались бы никакихъ другихъ формъ перстосложенія, а Максимъ Грекъ прекрасно зналъ, что русское двуперстіе есть тоже греческій обычай, обычай и древній и православный. Другое дѣло было бы, если бы Максимъ Грекъ держался на двуперстіе тѣхъ же возрѣній, что и г. Субботинъ. Но, вѣдь, Максимъ Грекъ былъ человекъ

очень свѣдущій, образованный, съ высшимъ христіанскимъ пониманіемъ, и потому совершенно чуждый тѣхъ узкихъ воззрѣній на православный обрядъ, какія заявляютъ нѣкоторые современные намъ полемисты съ расколомъ. Мы думаемъ, что преп. Максимъ Грекъ никакъ и не понималъ бы того предъявляемаго къ нему г. Субботинимъ требованія, что онъ, Максимъ, явившись въ Москву, «долженъ былъ учить (здѣсь) именно троеперстію», если только хотѣлъ быть вѣрнымъ сыномъ своей церкви.

### г) Свидѣтельство Стоглаваго собора.

Относительно Стоглаваго собора въ своей книгѣ мы сказали: «Стоглавый соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: «иже кто не знаменается двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклять». Это соборное постановленіе имѣло вполнѣ обязательную силу, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія, въ которыхъ онъ требуетъ употреблять двуперстіе въ крестномъ знаменіи».

Очевидно, и къ Стоглавому собору такъ же, какъ и къ предшествующимъ свидѣтелямъ, мы обратились съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: въ пользу троеперстія или двуперстія говорить онъ? и отвѣтили, что Стоглавый соборъ рѣшилъ вопросъ безусловно въ пользу двуперстія, а не троеперстія, такъ какъ онъ говоритъ: «иже кто не знаменается двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклять». Всякія дальнѣйшія подробныя выписки изъ постановленій Стоглаваго собора были бы, очевидно, для нашей цѣли совершенно излишни, такъ какъ онѣ ничего бы не прибавили къ рѣшенію поставленнаго нами вопроса. Но нашъ ученый критикъ остался крайне недоволенъ краткостію нашей выписки изъ постановленій Стоглаваго собора и, какъ бы для восполненія пробѣла въ нашей книгѣ, пускается въ очень длинныя разсужденія о Стоглавомъ соборѣ, не имѣющія никакого прямого отношенія къ рѣшаемому вопросу.

Г. Субботинъ сначала горько жалуется на «запутанность и беспорядочность» изложенія 31 главы Стоглава,

содержащей опредѣленіе о крестномъ знаменіи, на «неразумство и невѣжество» отцовъ Стоглаваго собора, составившихъ такое опредѣленіе: «иже кто не знаменается двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклятъ», коритъ насъ, зачѣмъ мы сослались на такое неразумное постановленіе, «ибо, восклицаетъ нашъ критикъ, что можетъ быть нелѣпѣе и безсмысленнѣе, какъ утверждать, что будто бы самъ Христось, вознося молитвы свои къ Богу Отцу знаменовался, т.-е. полагалъ на себя крестное знаменіе, именно двумя перстами, что поэтому и всѣ, кто «не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось», подлежатъ проклятію?» Изливъ свое негодованіе на отцовъ Стоглаваго собора, почудившись «нелѣпости и безсмысленности» ихъ постановленія о двуперстіи, г. Субботинъ мимоходомъ похваляетъ Андрея Денисова, который де куда лучше Каптерева изложилъ постановленія Стоглава о перстосложеніи, хотя изъ всѣхъ постановленій Стоглава у насъ приведена только одна строка. Затѣмъ г. Субботинъ, измыслившій, что будто бы мы имѣемъ въ виду оправдать именно раскольничье перстосложеніе, какого грѣха, по милости Божіей, мы признать за собой не можемъ, и не находя однако въ нашей ссылкѣ на Стоглавъ упоминанія о способѣ сложенія двухъ перстовъ, предлагаетъ своимъ читателямъ восполнить этотъ странный пробѣлъ у насъ, предлагаетъ изложить въ полномъ видѣ постановленіе Стоглава о перстосложеніи, «несмотря на его общеизвѣстность», что и исполняетъ. Какимъ образомъ всѣ эти разсужденія г. Субботина о Стоглавомъ соборѣ подрываютъ или могутъ подрывать то наше положеніе, что Стоглавый соборъ говоритъ рѣшительно за двуперстіе, а не за троеперстіе, мы не понимаемъ, не понимаемъ поэтому и того, для какой цѣли писалъ все это г. Субботинъ.

Приводя наше замѣчаніе, что постановленіе Стоглава о двуперстіи «имѣло вполнѣ обязательную силу, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія», г. Субботинъ пытается заподозрить самую подлинность постановленій Стоглава о двуперстіи и дѣлаетъ это очень своеобразно.

Свои возраженія противъ подлинности постановленій Стоглаваго собора нашъ ученый критикъ заимствуетъ изъ извѣстной книги преосв. Макарія «Исторія русскаго раскола». Преосв. Макарій говоритъ, напримѣръ: «нѣкоторыя постановленія Стоглаваго собора тогда же изданы были отдѣльно въ качествѣ наказовъ и приговоровъ отъ имени царя, или собора, или митрополита, и эти постановленія, хотя по содержанию своему соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ главамъ Стоглава, но и по изложенію и формѣ представляются совсѣмъ не въ томъ видѣ, не въ той полнотѣ, иногда даже не въ той силѣ, какъ они изложены въ Стоглавникѣ... Книга Стоглавъ въ цѣломъ своемъ составѣ не была утверждена и обнародована въ качествѣ каноническаго уложенія, а если и содержитъ въ себѣ записки собора, соображенія и уложенія, то развѣ черновыя, изъ которыхъ только нѣкоторыя, послѣ новаго пересмотра, принятыя общимъ согласіемъ отцовъ, были изданы ими для руководства въ церкви» (стр. 46—47, изд. 1855 г.). Это мѣсто книги преосв. Макарія г. Сувботинъ излагаетъ въ слѣдующемъ видѣ: «въ доказательство подлинности Стоглава со статьею о двуперстіи, т.-е. и 31 главы его, приводятъ наказные списки митрополита Макарія. Но въ нихъ излагаются статьи Стоглава и кратко и не всѣ... Наказные списки подтверждаютъ *дѣйствительность* состоявшагося на соборѣ постановленія о двуперстіи, но не подлинность Стоглавника, какъ книги дѣйствительныхъ соборныхъ постановленій, и притомъ въ полномъ его составѣ. Состоявшееся на соборѣ постановленіе хотя и внесено въ 31 главу Стоглава, но въ цѣломъ своемъ составѣ эта глава не представляетъ окончательнаго, «исправленнаго» и потому подлиннаго текста соборнаго постановленія, ибо въ такомъ безпорядочномъ и противорѣчивомъ изложеніи оно не могло быть принято и подписано митрополитомъ Макаріемъ съ прочими отцами собора, а есть только неискусный сводъ того, что говорилось на соборѣ защитниками двуперстія, и что принято было соборомъ какъ основаніе для опредѣленія» (стр. 787, 788, 790). Преосв. Макарій говоритъ: «въ одной древней рукописи о соборѣ 1554 года по дѣлу Висковатаго гово-

рится, что на этомъ соборѣ царь, между прочимъ, разсуждалъ съ митрополитомъ Макаріемъ, и съ епископами, и боярами, и со всѣмъ священнымъ чиномъ «о прежнемъ соборномъ уложеніи о многоразличныхъ дѣлѣхъ и чинѣхъ церковныхъ, и по книгѣ соборной чли, которыя дѣла исправилия и которыя еше не исправилсь», и царь вслѣдъ затѣмъ сказалъ: «чтобы Богъ помогъ впредь и прочія дѣла исправлены были»... Въ этой книгѣ съ перваго взгляда не можемъ не узнать нынѣшняго Стоглавника, который озаглавливается и разсуждаетъ именно «о многоразличныхъ вещьхъ и чинѣхъ церковныхъ», и потому должны согласиться, что онъ въ 1554 году, по суду самого царя и собора, заключалъ въ себѣ нѣкоторыя дѣла еще нерѣшенныя, требовавшія исправленія, слѣдовательно, не считался каноническимъ законоположеніемъ... Въ 1554 году на соборѣ противъ Бакшина и бывшаго троицкаго игумена Артемія, между прочимъ, читано было письмо Іоны, также бывшаго игумена троицкаго, что «онъ (Артемій) говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: нѣтъ деи въ томъ ничего, прежде деи сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ большіе на себѣ кресты кладутъ, да и на соборѣ деи о томъ крестномъ знаменіи слово было, да недоспѣли ничего». Артемій отрицался, чтобы онъ говорилъ Іонѣ хулу про крестное знаменіе, а про соборъ сказалъ, что дѣйствительно говорилъ... О какомъ бы соборѣ Артемій здѣсь ни говорилъ, но необходимо допустить, что и на Стоглавомъ соборѣ, бывшемъ въ 1551 г., не было постановлено никакого окончательнаго рѣшенія о крестномъ знаменіи и потомъ обнародовано въ формѣ обязательнаго закона: иначе митрополитъ Макарій, бывший предсѣдатель этого собора, непременно обличилъ бы Артемія въ неправдѣ» (стр. 47—49). Эти доводы преосв. Макарія противъ подлинности постановленій Стоглава о перстосложеніи г. Субботинъ передаетъ такимъ образомъ: «черезъ годъ послѣ Стоглаваго собора, на новомъ соборѣ 1553 г. царь Иванъ Васильевичъ говорилъ съ митрополитомъ Макаріемъ и епископами «о прежнемъ соборномъ уложеніи о многоразличныхъ дѣлѣхъ и чинѣхъ церковныхъ, и по книгѣ соборной

чили, которыя дѣла исправились, и которыя еще неисправились». Разсуждали, очевидно, о Стоглавомъ соборѣ и читали книгу Стоглавъ, въ которой однѣ дѣла нашли исправленными, правильно изложенными, другія еще не исправленными, почему царь и выразилъ желаніе: «когда бы Богъ помогъ, чтобы и другія дѣла исправились». Уже то одно, что на третій годъ послѣ Стоглаваго собора царь и митрополитъ съ епископами пересматриваютъ постановленія этого собора, само собою показываетъ, что и они сами не считали эти постановленія, какъ они изложены въ «соборной книгѣ», окончательно утвержденными, а нѣкоторыя и исправленными. Вскорѣ послѣ того, при разсмотрѣннн дѣла о бывшемъ троицкомъ игуменѣ Артемій, оказалось, что Артемій говорилъ о крестномъ знаменіи: «и на соборѣ де о томъ слово было, да недоспѣли ничего». О какомъ бы соборѣ ни была тутъ рѣчь, о прежнемъ ли (1551 г.), или о «нынѣшнемъ» (1553 г.), важно свидѣтельство, что были соборныя разсужденія по вопросу о крестномъ знаменіи, но не привели ни къ какому опредѣленному рѣшенію: «недоспѣли ничего» (стр. 789). О значеніи Стоглава въ послѣдующей русской церковной жизни преосвященный Макарій замѣчаетъ: «можно принять за несомнѣнное, что Стоглавникъ, составленный неизвѣстнымъ лицомъ послѣ 1554 года, не былъ дѣйствующимъ уложеніемъ не только въ православной церкви или между православными чадами ея, какъ мы и замѣтили, но даже между самыми ревнителями раскола, которыхъ было у насъ тогда уже не мало, хотя они еще не отдѣлялись отъ православной церкви» (стр. 74). Г. Субботинъ не только вполне усвоетъ мысль преосв. Макарія о томъ, что Стоглавникъ не былъ дѣйствующимъ уложеніемъ въ послѣдующей церковной жизни, но и всячески усиливается найти этой мысли какое-либо фактическое оправданіе.

Мы, конечно, ничего не имѣемъ противъ заимствованій г. Субботинымъ у преосвященнаго Макарія. Если уже нѣтъ своего, то почему же не взять у другого. Но г. Субботинъ и въ заимствованіяхъ столь же несчастливъ, какъ и въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ.

Дѣло въ томъ, что преосвященный Макарій, высказы-

вавший въ своей «Исторіи русскаго раскола» указанныя нами возрѣнія на Стоглавъ и его значеніе, въ послѣдующихъ своихъ трудахъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался отъ этихъ возрѣній, какъ ошибочныхъ, научно несостоятельныхъ. Въ шестомъ томѣ своей «Исторіи русской церкви» онъ говоритъ: «къмъ бы ни были написаны постановленія Стоглава, окончательная редакція ихъ не могла состояться безъ просмотра или цензуры митрополита Макарія, какъ предсѣдателя собора и главнаго іерарха. А потому, во всякомъ случаѣ, постановленія эти, со всѣми своими достоинствами и недостатками, должны быть приписаны преимущественно ему—Макарію» (стр. 237). Еще рѣшительнѣе и настойчивѣе говоритъ преосвященный Макарій о несомнѣнной подлинности постановленій Стоглава въ цѣломъ ихъ объемѣ въ своей статьѣ: «Правило Стоглаваго собора о двуперстїи съ исторической точки зрѣнія», напечатанной въ *Братскомъ Слово* за 1875 годъ. «Дѣйствительно ли 31 глава Стоглава, спрашиваетъ онъ, содержащая въ себѣ ученіе о благословенїи и крестномъ знаменїи, принадлежитъ Стоглавому собору?» и отвѣчаетъ: «Было время, когда сомнѣвались въ подлинности самой книги—Стоглавъ, и думали видѣть въ ней не соборное уложеніе, а только черновыя записки Стоглаваго собора, къмъ-то измѣненныя впоследствии и дополненныя (этого мнѣнія, замѣчаетъ преосвященный Макарій, держались и мы и старались его доказать подробно въ нашей исторїи русскаго раскола, 49—60, изд. 2). Но нынѣ, когда сдѣлались извѣстными двѣ наказныя грамоты митрополита Макарія, писанныя имъ отъ лица Стоглаваго собора, одна къ бѣлому, а другая къ монашествующему духовенству Россїи, и заключающія въ себѣ цѣликомъ или только въ сокращенїи многія главы изъ Стоглава, какъ соборнаго уложенія, сомнѣваться въ подлинности этой книги было бы уже неразумно... Самый вѣрный взглядъ на Стоглавый соборъ, замѣчаетъ далѣе преосвященный Макарій, имѣли отцы большаго московскаго собора, бывшаго въ 1667 году. Они не отвергали и не заподозривали ни подлинности Стоглава, ни участія въ немъ митрополита Макарія, а прямо выразили мысль, что соборъ и Макарій въ ученїи

о двуперстїи и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, изложенномъ въ книгѣ Стоглавъ, погрѣшили, и погрѣшили «простою и невѣжествомъ» (стр. 21—24).

Точно также и другое свое мнѣніе, что Стоглавый соборъ въ послѣдующей русской церковной жизни не имѣлъ никакого практическаго значенія, преосвященный Макарій призналъ потомъ рѣшительно несостоятельнымъ, не выдерживающимъ критики. Въ шестомъ томѣ своей исторіи русской церкви онъ настойчиво заявляетъ: «пока живы были митрополитъ Макарій и царь Іоаннъ, до тѣхъ поръ постановленія Стоглава могли распространяться и поддерживаться силою власти, хотя и тогда были случаи, когда, напримѣръ, иноки Юрьевскаго новгородскаго монастыря сами просили царя и его сподвижниковъ въ дѣлѣ Стоглаваго собора, чтобы у нихъ былъ учрежденъ «архіепископскій судъ» по новому соборному уложенію». Но вотъ не стало царя и его сподвижниковъ въ дѣлѣ Стоглаваго собора, а постановленія собора не теряли своего значенія и остались въ силѣ. Списки Стоглава умножались и распространялись. Нѣкоторыя постановленія Стоглава, напримѣръ, о поповскихъ старостахъ, издавались вновь въ царствованіе Θεодора Іоанновича (1589 г.) и Бориса Годунова (1604 г.). Патріархи Филаретъ Никитичъ, Іоасафъ, Іосифъ руководствовались Стоглавомъ, помѣщали обширныя извлеченія изъ него въ своихъ указахъ, вносили постановленія его въ печатавшіяся тогда богослужебныя книги. Такія же извлеченія изъ Стоглава и указанія на него встрѣчаемъ и въ царскихъ указахъ и грамотахъ 1646, 1651 и 1667 годовъ. Даже послѣ великаго московскаго собора (1667 г.), осудившаго Стоглавъ за извѣстныя статьи, патріархъ Адрианъ въ 1700 г., на запросъ бояръ, занимавшихся составленіемъ новаго «уложенія», отвѣчалъ, что онъ руководствуется въ своемъ церковномъ судѣ и управленіи, послѣ Кормчей, книгою Стоглавомъ и указалъ именно на 53—64, 66 и 68 главы этой книги» (стр. 245—246).

Итакъ, получается такой любопытный фактъ: что преосвященный Макарій выбрасываетъ какъ непригодное и рѣшительно несостоятельное въ научномъ отношеніи, то

г. Субботинъ подбираетъ и выдаетъ за результатъ своихъ ученыхъ изысканій.

Разсуждая о Стоглавомъ соборѣ, г. Субботинъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «изданное соборомъ 1551 г. постановленіе (о двуперстіи) показываетъ только, что число книжниковъ, ратовавшихъ за двуперстіе, было тогда значительно и они пользовались такою силою, что могли и успѣли ученіе о двуперстіи провести на соборѣ и облечь въ форму соборнаго постановленія, хотя изложеннаго до крайности сбивчиво и не толково» (стр. 795). Въ другомъ мѣстѣ г. Субботинъ, сославшись на постановленіе Стоглава, «чтобы протопопы и всѣ священники на себѣ воображали крестное знаменіе, тако жъ бы и дѣтей своихъ, всѣхъ православныхъ христіанъ, поучали и наказывали ограждать себя крестнымъ знаменіемъ... двѣма персты», замѣчаетъ: «поучаютъ и наказываютъ обыкновенно тому, чего наказуемые и поучаемые не знаютъ и не дѣлаютъ: значить, духовныя дѣти протопоповъ и священниковъ, да и сами священники и протопопы не знали дотолѣ и не употребляли двуперстія, напротивъ крестились троеперстно» (стр. 791).

Такимъ образомъ, г. Субботинъ указываетъ на новый очень важный и могучій факторъ въ нашей церковной жизни XVI вѣка, о которомъ доселѣ молчали всѣ историки,—на классъ какихъ то книжниковъ-двуперстниковъ, которые составляли изъ себя многочисленную, сильную и вліятельную корпорацію, стоявшую внѣ народа и духовенства, которые, вопреки книжникамъ, держались троеперстія. Эти книжники отличались антицерковнымъ направлениемъ, они создавали у насъ «ново-сочиненные» обряды, не похожіе на обряды признаваемые и употребляемые церковію; они, не принадлежа къ пастырямъ и пасомымъ, были, однако, такъ сильны и могучи въ церковныхъ дѣлахъ, что заставили цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ, на которомъ они, очевидно, присутствовали, отказаться отъ обряда древняго, всѣми доселѣ признаваемаго, опирающагося на неизблемое преданіе, всѣмъ извѣстное, въ пользу обряда «ново-сочиненнаго», въ церкви доселѣ неупотреблявшагося. Когда и подъ какими вліяніями возникъ и Патріархъ Никонъ.

сложился у насъ въ многочисленную, сплоченную корпорацію классъ книжниковъ, какова природа этой антицерковной корпораціи, ея цѣли и задачи, откуда взялась и на чемъ утверждалась ея могучая сила, съ которой не могли бороться даже цѣлые соборы, какимъ образомъ многочисленные книжники-двуперстники, не принадлежа къ пастырямъ и пасомымъ-троеперстникамъ, могли присутствовать на Стоглавомъ соборѣ и рѣшать тамъ дѣла по своему желанію,—на всѣ эти, естественно возникающіе, неизбежные вопросы г. Субботинъ не даетъ никакого отвѣта. И это очень жаль. Въ настоящемъ своемъ видѣ замѣтка г. Субботина о книжникахъ является только фразою, неимѣющею никакого реального содержанія, тогда какъ научнымъ разъясненіемъ этого вопроса г. Субботинъ оказалъ бы истинную услугу наукѣ, выяснивъ въ нашей церковной исторіи очень крупное и важное явленіе, которое проглядѣли всѣ наши историки. Но научное разъясненіе указаннаго явленія возможно, конечно, подъ тѣмъ только условіемъ, если многочисленный классъ книжниковъ, какъ его представляетъ себѣ нашъ критикъ, будетъ фактомъ дѣйствительно существовавшимъ, а не созданіемъ только фантазіи г. Субботина.

Къ какому же, однако, заключенію относительно постановленія Стоглава о перстосложеніи приходитъ въ концѣ-концовъ г. Субботинъ? Онъ заявляетъ: «важно то, что опредѣленіе о двуперстіи дѣйствительно было сдѣлано соборомъ (Стоглавымъ) и внесено въ разосланные митрополитомъ Макаріемъ наказные списки» (стр. 790). Но, вѣдь, то же самое о Стоглавѣ сказано и нами. «Стоглавый соборъ, говорится въ нашей книгѣ, сдѣлалъ такое постановленіе: «иже кто не знаменается двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклять». Это соборное постановленіе о двуперстіи имѣло вполнѣ обязательную силу, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія, въ которыхъ онъ требуетъ употреблять двуперстіе въ крестномъ знаменіи. Очевидно, эти наши слова о Стоглавомъ соборѣ, безъ всякаго серьезнаго ущерба заключающемуся въ нихъ смыслу, можно передать словами г. Субботина: «важно то, что опредѣленіе о двуперстіи

дѣйствительно было сдѣлано соборомъ (Стоглавымъ) и внесено въ разосланные митрополитомъ Макаріемъ наказные списки». О чемъ же, въ такомъ случаѣ, хлопоталь г. Субботинъ на пространствѣ цѣлаго печатнаго листа?

#### д) Свидѣтельство патріарха Іова.

Въ доказательство того, что двуперстіе послѣ Стоглаваго собора было въ русской церкви господствующимъ обычаемъ, мы сослались на посланіе патріарха Іова 1589 года къ грузинскому митрополиту Николаю, въ которомъ патріархъ поучаетъ митрополита: «*молящися, креститися подобаетъ двумя пръсты; прежь положи на чело главы своея, таже на перси, потомъ на плече правое, тоже и на лѣвое; съгбеніе пръсту именууетъ шестевіе съ небесъ, а стоящій перстъ указываетъ вознесеніе Господне; а три персты равны держати — исповѣдуемъ Троицу нераздѣльну; то-есть истинное крестное знаменіе*».

Важность этого свидѣтельства заключается въ томъ, что верховный архипастырь русской церкви поучаетъ представителя другой православной церкви креститься двуперстно, а не троеперстно. Нашъ критикъ утверждаетъ, что будто бы и послѣ Стоглаваго собора господствующимъ, признаваемымъ всею церковію обычаемъ, было у насъ троеперстіе. Но, въ такомъ случаѣ, что же это значить, что патріархъ Іовъ, вопреки господствующему обычаю церкви, учитъ грузинскаго митрополита креститься двуперстно, говорить, что именно двуперстіе «истинное крестное знаменіе»? Возможно ли было, чтобы патріархъ Іовъ, если бы въ его время русская церковь истиннымъ перстосложеніемъ считала только троеперстіе, рѣшился, вопреки практикѣ своей церкви, самовольно учить грузинскаго митрополита двуперстію? Подобный фактъ мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ посланіи патріархъ Іовъ излагалъ не свои личныя мнѣнія, не свои домыслы о томъ или другомъ предметѣ, а положительное ученіе той церкви, которой онъ былъ верховнымъ архипастыремъ.

Такимъ образомъ, посланіе патріарха Іова къ грузин-

скому митрополиту самымъ рѣшительнымъ образомъ говорить за то, что въ то время въ русской церкви господствующимъ обычаемъ было не троеперстіе, а двуперстіе, иначе мы должны допустить такой невѣроятный фактъ, что будто бы верховные архипастыри русской церкви по нѣкоторымъ вопросамъ, которые въ то время считались очень важными, учили несогласно съ церковію и даже вопреки ей.

Не имѣя возможности прямымъ образомъ опровергнуть приведенное нами свидѣтельство, г. Субботинъ прибѣгаетъ къ обычному своему «ученому» приему: онъ выдвигаетъ на первый планъ изъ посланія патріарха Іова не тотъ фактъ, что Іовъ учитъ креститься двуперстно, а то обстоятельство, что онъ двуперстіе толкуетъ несогласно ни съ Θεодоритовымъ Словомъ, ни съ Стоглавымъ соборомъ. «Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, завѣряетъ нашъ критикъ, имѣетъ особую важность ученіе о двухъ перстахъ,—о томъ какъ слагать ихъ и что они знаменуютъ». Но мы уже разъясняли выше, что всѣ приведенныя нами свидѣтельства должны были отвѣчать только на одинъ опредѣленный вопросъ: за двуперстіе или троеперстіе говорятъ они? а не на то, «какъ слагать персты и что они знаменуютъ»; это вопросъ уже совершенно другой, котораго мы вовсе не касались въ нашемъ изслѣдованіи. Но такъ какъ г. Субботинъ этому обстоятельству усиливается дать совершенно превратное толкованіе, то мы сдѣлаемъ и по этому вопросу, прямо насъ не касающемуся, свои замѣчанія и разъяснимъ нашему специалисту, въ чемъ тутъ дѣло.

Изъ того факта, что приведенныя нами свидѣтельства несогласно говорятъ, какъ именно слѣдуетъ слагать два перста и что это означаетъ, г. Субботинъ пытается вывести такое заключеніе, что будто бы разногласіе приведенныхъ нами свидѣтельствъ по вопросу о сложеніи двухъ перстовъ говорить за то, что двуперстіе было у насъ обычаемъ новымъ, недавно появившимся. «Пять съ половиною столѣтій существуетъ обрядъ, восклицаетъ г. Субботинъ, пять столѣтій съ половиною русскіе люди крестятся двуперстно,—и однако же авторитетнѣйшія лица

въ россійской церкви XVI столѣтія не могутъ дать точнаго описанія этого перстосложенія, не имѣютъ о немъ вполне яснаго представленія,—одинъ говоритъ, что должно такъ слагать персты, другой—иначе, третій, опять иначе» (стр. 797). О времени патріарха Іова г. Субботинъ говоритъ: «само собою слѣдуетъ, что и тогда (т.-е. при патріархѣ Іовѣ) двуперстіе, какъ относительно способа сложенія перстовъ, такъ и относительно своего знаменованія, не имѣло вполне точной, всѣмъ извѣстной, для всѣхъ несомнѣнной и обязательной опредѣленности, чего никакъ не могло бы быть съ обрядомъ, изначала съ самаго пріятія христіанства существовавшего на Руси, а могло быть только съ обрядомъ, недавно начавшимъ входить въ употребленіе» (стр. 344, 1888 г.).

Такъ объясняетъ дѣло нашъ критикъ, но объясняетъ неправильно.

Всѣ приведенныя нами свидѣтельства «ясно и опредѣленно» говорятъ не только о томъ, что нужно креститься двуперстно, но «согласно» говорятъ и о томъ, что тремя перстами выражается ученіе о троичности лицъ въ Божествѣ, а двумя перстами ученіе о двухъ природахъ во Христѣ. Этимъ общимъ знаменованіемъ перстосложенія древность и довольствовалась. Но когда, съ половины XV вѣка, у насъ возникли споры о перстосложеніи, то подъ ихъ вліяніемъ явилось у двуперстниковъ стремленіе въ сложеніи двухъ перстовъ выразить уже не общую только мысль о двухъ природахъ во Христѣ, но тѣ или другія частнѣйшія истины этого ученія, именно: попытки опредѣлить точно, какой перстъ долженъ изображать Божество и какой человѣчество, какъ нужно слагать персты, чтобы въ самомъ ихъ сложеніи выражалось наглядно отношеніе божескаго и человѣческаго во Христѣ, и т. п. Понятно, что на этомъ пути русская богословствующая мысль тогдашняго времени неизбѣжно должна была запутаться, впасть въ разногласіе уже по самой невозможности связать частности ученія о Христѣ съ тѣмъ или другимъ сложеніемъ двухъ перстовъ; неизбѣжно было, что одинъ хотѣлъ въ сложеніи перстовъ отгнѣнить извѣстную сторону ученія о Христѣ, другой—другую, одинъ ради

этого желалъ такого сложенія перстовъ, другой—другаго. Этимъ и объясняется то явленіе, что всѣ приведенныя нами свидѣтельства, хотя и говорятъ согласно, что нужно креститься двуперстно, что въ трехъ перстахъ выражается ученіе о троичности, а въ двухъ—ученіе о Христѣ, въ то же время несогласны между собою относительно того частнаго пункта, какъ именно слѣдуетъ слагать два перста, чтобы этимъ сложеніемъ выразить ту или другую частнѣйшую истину ученія о Христѣ.

Слѣдовательно изъ того факта, что въ изложеніи ученія о двуперстіи писатели XVI и XVII вѣка несогласно говорятъ о томъ, какъ именно должно слагать два перста, никакъ нельзя дѣлать такого заключенія, какое дѣлаетъ г. Субботинъ: что будто бы двуперстіе есть обычай новый, недавно появившійся, такъ какъ нѣкоторой неопредѣленности и разнорѣчивости, какая встрѣчается въ описаніи двуперстія, «никакъ бы не могло быть съ обрядомъ, изначала, съ самаго пріятія христіанства существовавшаго на Руси, а могло быть съ обрядомъ, недавно начавшимъ входить въ употребленіе».

#### е) Свидѣтельство Большаго Катихизиса.

По поводу нашего заявленія, что «въ Большомъ Катихизисѣ, какъ извѣстно, находится прямое, положительное ученіе о двуперстіи», г. Субботинъ приходитъ въ очень возбужденное состояніе и ведетъ такую неспокойную рѣчь:

«Итакъ, г. Каптеревъ даже признаетъ «общеизвѣстнымъ», что въ Великомъ Катихизисѣ находится «прямое положительное ученіе о двуперстіи»; поэтому, конечно, онъ не нашелъ нужнымъ приводить и подлинныя слова этого свидѣтельства. Но мы желали бы знать, извѣстно ли самому г. Каптереву то, что дѣйствительно говорится въ Большомъ Катихизисѣ о перстосложеніи для крестнаго знаменія. *Полагаемъ, что неизвѣстно.* Если бы онъ зналъ это, если бы прочелъ со вниманіемъ въ Великомъ Катихизисѣ вопросъ и отвѣтъ о крестномъ знаменіи, онъ и самъ увидѣлъ бы, что здѣсь содержится прямое положительное ученіе *столько же о троеперстіи, сколько о двуперстіи.*

Или г. Каптеревъ и знаетъ подлинное содержаніе изложеннаго въ Большомъ Катихизисѣ ученія о перстосложеніи, а все-таки нашелъ возможнымъ и дозволительнымъ утверждать то, что утверждаетъ? Во всякомъ случаѣ, *для обличенія ли его невѣжества, или для обличенія его недобросовѣстности*, мы сдѣлаемъ то, что долженъ бы сдѣлать, но что не сдѣлалъ самъ онъ,—приведемъ подлинныя слова изъ Большаго Катихизиса, содержащія ясное ученіе о троеперстіи:

*Вопросъ.* Како на себѣ достоить намъ честный крестъ полагати и знаменатися?

*Отвѣтъ.* Сиче знаменаема имъ: сложивши убо три персты десныя руки, и возлагаемъ на чело, таже на животъ, и на десно и на лѣвое рамо, глаголюще молитву Іесусову: Господи Іесусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.

«Ужели г. Каптеревъ станетъ все еще утверждать, что въ Большомъ Катихизисѣ находится прямое положительное ученіе о двуперстіи, когда здѣсь прямо и положительно говорится, что для изображенія на себѣ крестнаго знаменія слѣдуетъ сложить три перста правой руки и возлагать ихъ на чело, на животъ, на правое и лѣвое рамо? Это наставленіе о троеперстіи, столь ясно выраженное, и есть подлинное ученіе Большаго Катихизиса о перстосложеніи для крестнаго знаменія».

Г. Субботинъ, взявшійся для изобличенія нашего «невѣжества» или «недобросовѣстности» привести подлинное ученіе Большаго Катихизиса о перстосложеніи, приводитъ его однако почему-то не въ полномъ видѣ. Чтобы читатель самъ ясно могъ видѣть, въ чемъ тутъ дѣло и насколько можно довѣрять нашему «добросовѣстному» критику, необходимо привести ученіе Большаго Катихизиса о перстосложеніи въ его полномъ видѣ.

За первымъ вопросомъ и отвѣтомъ о перстосложеніи, которые привелъ г. Субботинъ, въ Большомъ Катихизисѣ слѣдуютъ непосредственно еще два вопроса и два отвѣта о томъ же предметѣ, разъясняющіе подробно смыслъ отвѣта на первый вопросъ.

*Вопросъ.* Чесо ради таковымъ образомъ бываетъ знаменіе честнаго креста?

*Отвѣтъ.* Того ради, понеже симъ показываетъ велию тайну вѣры христіянскія.

*Вопросъ.* Какое сіе бываетъ, скажи ми?

*Отвѣтъ.* Три персты равно имѣти, *великій со двѣма малыми вкупуъ слагаеми*, симъ образуемъ святую Троицу: Богъ Отець, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой, не три Боги, но единъ Богъ въ Троицѣ... А два перста имѣти наклонены, а не простерты, и тѣмъ указъ сице: то образуетъ двѣ естествѣ Христовѣ — Божество и человѣчество, Богъ по Божеству, а человѣкъ по вочеловѣченію, а во обоёмъ совершенъ; вышнимъ убо перстомъ образуетъ Божество, а нижнимъ человѣчество, понеже сошеде отъ вышнихъ и спасе нижняя; согбеніе же персту толкуеть: преклонъ бо небеса и сниде на землю нашего ради спасенія».

Какому перстосложенію, спрашивается теперь, хотѣли приведеннымъ трактатомъ о перстосложеніи научить издатели Катихизиса: двуперстію или троеперстію? Сомнѣній не можетъ быть никакихъ. Издатели Большаго Катихизиса хотѣли, очевидно, научить и учать употреблять именно двуперстіе. Въ предупрежденіе того, чтобы кто-нибудь отвѣтъ на первый вопросъ не понялъ и не объяснилъ въ смыслѣ благопріятствующемъ троеперстію, какъ это дѣлаетъ теперь г. Субботинъ, они, вслѣдъ за первымъ отвѣтомъ, помѣщаютъ подробное наставленіе о томъ, какіе именно персты и какъ слѣдуетъ слагать и что это означаетъ, т.-е. подробно излагаютъ ученіе о двуперстіи. Но, вѣдь, изслѣдователь (предполагается добросовѣстный, а не тенденціозный), ссылаясь на тотъ или другой документъ въ подтвержденіе своего положенія, обязанъ прежде всего точно и вѣрно понять мысль, заключающуюся въ самомъ документѣ, тотъ смыслъ и значеніе, какое ему придавали сами составители его, никакъ не навязывая документу своей собственной предвзятой, а тѣмъ болѣе тенденціозной мысли. Соблюдая эти элементарныя научныя требованія, всякій добросовѣстный изслѣдователь на вопросъ, какому перстосложенію учать издатели Большаго Катихи-

зиса, долженъ дать вполне опредѣленный отвѣтъ, какой именно дали мы, что въ Большомъ Катихизисѣ «находится прямое, положительное ученіе о двуперстіи». А между тѣмъ, г. Субботинъ такой отвѣтъ признаетъ или «невѣжественнымъ» или «недобросовѣстнымъ», такъ какъ, по его мнѣнію, въ Большомъ Катихизисѣ «содержится прямое, положительное ученіе столько же о троеперстіи, сколько о двуперстіи», въ доказательство чего онъ ссылается на первый отвѣтъ Катихизиса о перстосложеніи. Соглашаемся, что это, пожалуй, и могло бы быть такъ, если бы дальше не слѣдовало въ Катихизисѣ, какъ мы видѣли, подробнаго и обстоятельнаго разъясненія, какіе именно и какъ слѣдуетъ слагать персты,—разъясненія, которое ставить внѣ всякаго сомнѣнія, что издатели Большаго Катихизиса разумѣютъ не троеперстное сложеніе, а двуперстное. Самъ г. Субботинъ невольно сознаетъ всю неудобоприемлемость для читателя его завѣренія, что будто бы въ Большомъ Катихизисѣ «содержится прямое, положительное ученіе столько же о троеперстіи, сколько о двуперстіи», и потому спѣшитъ увѣрить читателя, что «наставленіе о троеперстіи, столь ясно выраженное (въ первомъ отвѣтѣ Катихизиса), и есть *подлинное ученіе Большаго Катихизиса о перстосложеніи* для крестнаго знаменія», тогда какъ другой—подробный отвѣтъ о перстосложеніи, уничтожающій толкованіе г. Субботина, есть не подлинный, представляетъ изъ себя только неудачную вставку въ Катихизисѣ Зизанія со стороны московскихъ его исправителей, ревнителей двуперстія. «Такъ явились въ Катихизисѣ, завѣряетъ г. Субботинъ, два противорѣчащія одинъ другому отвѣта о перстосложеніи: одинъ, содержащій ясное наставленіе о троеперстіи, составляющій первоначальный, подлинный отвѣтъ Катихизиса, *который не дерзнули(?) или не догадались(??) исключить изъ него и сами его исправители*, очевидно, бывшіе ревнителями двуперстія... Другой отвѣтъ—содержащій неясно изложенное по руководству Θεодоритова Слова ученіе о двуперстіи, представляющій попытку исправителей Катихизиса объяснить въ пользу двуперстія изложенное въ первоначальномъ отвѣтѣ

прямое наставленіе о троеперстіи, попытку совершенно неудачную».

Итакъ, г. Субботинъ, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ заключающагося въ Большомъ Катихизисѣ ученія о двуперстіи, рѣшается даже построить гипотезу о подлинномъ и неподлинномъ текстѣ Большаго Катихизиса въ вопросѣ о перстосложеніи, при томъ за подлинное, конечно, признаетъ то, что подтверждаетъ его мнѣніе, а что его опровергаетъ, то онъ считаетъ неподлиннымъ.

Читатель, видя, какъ нашъ критикъ авторитетно рѣшаетъ, что въ Большомъ Катихизисѣ составляетъ подлинный текстъ и что стороннюю вставку, вѣроятно, подумаетъ, что г. Субботинъ нашелъ подлинникъ рукописи Лаврентія Зизанія, испещренный поправками московскихъ справщиковъ, при чемъ ему открылась полная возможность узнать подлинный неисправленный текстъ Катихизиса, и шагъ за шагомъ прослѣдить тѣ поправки и передѣлки, какія были внесены въ него московскими справщиками. Въ дѣйствительности, однако, ничего подобнаго нѣтъ. Г. Субботинъ строить свою гипотезу совершенно произвольно, бездоказательно, даже безъ всякой попытки чѣмъ-нибудь оправдать ее; онъ требуетъ отъ читателя, чтобы тотъ принялъ ее на вѣру. На вопросъ, почему же, однако, московскіе справщики-двуперстники, помѣстившіе отъ себя въ Катихизисъ ученіе о двуперстіи, не зачеркнули ученія о троеперстіи, будто бы заключающагося въ первомъ отвѣтѣ, г. Субботинъ простодушно отвѣчаетъ: «не дерзнули или не догадались».

Чтобы читатель могъ, какъ слѣдуетъ, оцѣнить научное достоинство гипотезы г. Субботина о подлинномъ и неподлинномъ текстѣ Большаго Катихизиса въ вопросѣ о перстосложеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ еще разъ познакомиться съ характеромъ ученыхъ построений нашего критика, мы приведемъ тѣ данныя, которыя позволяютъ научно провѣрить основательность гипотезы г. Субботина.

Г. Субботинъ заявляетъ, что первый отвѣтъ Катихизиса, заключающій будто бы въ себѣ ученіе о троеперстіи, «и есть подлинное ученіе Большаго Катихизиса о перстосложеніи для крестнаго знаменія», и что дальнѣйшій от-

вѣтъ, подробно говорящій о двуперстіи и уничтожающій собою толкованіе нашего критика, есть вставка, сдѣланная московскими исправителями Катихизиса, которые пытались, хотя и неудачно, ученіе о троеперстіи, первоначально заключавшееся въ Катихизисѣ, обратить въ ученіе о двуперстіи.

Итакъ, по мнѣнію г. Субботина, Лаврентій Зизаній, составившій Большой Катихизисъ и привезшій его въ рукописи въ Москву, чтобы здѣсь напечатать его, былъ сторонникомъ троеперстія, троеперстію именно училъ онъ въ своемъ Катихизисѣ, почему ученіе о троеперстіи «и есть подлинное ученіе Большаго Катихизиса», принадлежащее самому Зизанію. Но г. Субботинъ забылъ одно очень важное и въ то же время очень извѣстное обстоятельство, именно: въ 1596 году въ Вильнѣ была напечатана Лаврентіемъ Зизаніемъ Азбука, въ приложеніи къ которой помѣщено было сочиненіе брата его Стефана Зизанія подъ заглавіемъ: «изложеніе о правой вѣрѣ». Въ концѣ этого изложенія вѣры находится особая статья «о знаменіи крестномъ», въ которой заключается слѣдующее ученіе о перстосложеніи для крестнаго знаменія: «зложеніе великаго палца здвомя малыми значить святую Троицу, а склоненіе того, што при великомъ до среднего, значить въ прироженіи и истности въ Христѣ», и т. д.

Оказывается, такимъ образомъ, что Лаврентій Зизаній, еще ранѣе написанія Катихизиса, уже напечаталъ наставленіе о двуперстіи въ своей Азбукѣ, предназначенной для всѣхъ православныхъ, напечаталъ, конечно, потому, что считалъ двуперстіе правильнымъ православнымъ перстосложеніемъ и самъ былъ его сторонникомъ. Понятно, что какъ сторонникъ двуперстія, заявившій объ этомъ печатно, Лаврентій Зизаній въ своемъ Катихизисѣ училъ тому же самому перстосложенію, какому онъ училъ ранѣе въ Азбукѣ, т.-е. двуперстію. Значить, «подлинное ученіе Большаго Катихизиса о перстосложеніи для крестнаго знаменія», принадлежащее самому Зизанію, должно быть, очевидно ученіемъ о двуперстіи, а не о троеперстіи. А такъ какъ и московскіе исправители Катихизиса Зизанія, по сознанию самого г. Субботина, были тоже ревнителями

двуперстія, то само собою слѣдуетъ, что въ этомъ пунктѣ между ними и Зизаніемъ было полное согласіе и ни самъ Зизаній, ни московскіе справщики не могли внести въ Большой Катихизисъ ученіе о троеперстіи. Итакъ, если бы позволиительно было ставить вопросъ о подлинности текста Большаго Катихизиса, въ виду его будто бы противорѣчиваго ученія о перстосложеніи, то неподлиннымъ ученіемъ Катихизиса нужно было бы признать именно ученіе о троеперстіи, которое было чуждо и самому Зизанію и московскимъ исправителямъ его Катихизиса, а подлиннымъ ученіемъ о двуперстіи, т.-е. слѣдовало бы поступить какъ разъ обратно тому, нежели какъ поступилъ нашъ «ученый» критикъ.

Считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что ученіе о перстосложеніи въ Большомъ Катихизисѣ, вѣроятно, дѣйствительно было нѣсколько передѣлано его московскими исправителями, но только эта передѣлка вовсе не заключалась въ томъ, въ чемъ ее полагаетъ г. Субботинъ. Дѣло въ томъ, что тогдашніе православные южно-руссы по большей части были тоже двуперстники, какъ и москвичи, и они въ своихъ книгахъ учили употреблять двуперстіе, но они излагали ученіе о двуперстіи всегда только догматически, не подтверждая его ссылкой на какого-либо древняго и авторитетнаго отца церкви, т.-е. излагали его безъ всякихъ оправданій его исторической правоты. Такая форма изложенія москвичамъ казалась недостаточною, и потому они къ южно-русскому изложенію ученія о двуперстіи старались присоединить практиковавшіяся въ Москвѣ доказательства двуперстія, въ родѣ Θεодоритова Слова, сказанія о св. Мелетіѣ. Такъ, на примѣръ, четырнадцатая глава Кирилловой книги «О крестѣ, чего ради знаменуютъ лицо свое крестообразно», заимствована изъ книги Захарія Копыстенскаго «О вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви», или иначе называемой просто Азаріевой вѣрой. Но издатели Кирилловой книги въ изложеніи ученія о перстосложеніи, слѣдуя Азаріевой вѣрѣ, дѣлаютъ къ ней, однако, добавленія, именно: они приводятъ Слово Θεодорита, сказаніе о чудѣ св. Мелетія и «сказаніе, како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ» преп.

Максима Грека, чего нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ. Такъ поступили и московскіе исправители Катихизиса Лаврентія Зизанія, изложивъ ученіе Зизанія о перстосложеніи примѣнительно къ Θεодоритову Слову. Другая особенность южно-русскаго изложенія въ ученіи о перстосложеніи заключалась въ томъ, что южно-руссы не пускались, подобно москвичамъ, опредѣлять, какимъ перстомъ изображается Божество во Христѣ и какимъ человѣчество и что значитъ «согбеніе» перста. И этотъ недостатокъ (съ тогдашней московской точки зрѣнія) въ изложеніи ученія о перстосложеніи южно-руссовъ въ Москвѣ старались исправить, почему въ Большой Катихизисъ и внесено было ученіе, какого вѣроятно не было у Зизанія: «вышнимъ убо перстомъ образуеть Божество, а нижнимъ человѣчество, понеже сошедь отъ вышнихъ и спасе нижняя; согбеніе же персту толкуеть: преклонь небеса и сниде на землю нашего ради спасенія». Точно такъ же и въ Кириллову книгу, сравнительно съ Азаріевою вѣроу, внесена была въ изложеніи ученія о перстосложеніи такая, между прочимъ, вставка: «той же средній великій персть мало преклони-ти, исповѣдуется тайна, еже есть Сынъ Божій преклонь небеса и сниде на землю и бысть человекъ нашего ради спасенія».

Вотъ съ какой стороны возможно было говорить г. Суботину о поправкахъ и вставкахъ въ Катихизисъ Зизанія, сдѣланныхъ московскими исправителями Катихизиса; въ этомъ направленіи его изысканія еще могли бы, пожалуй, имѣть и нѣкоторое научное значеніе.

### ж) Свидѣтельство времени п. Иоасафа I.

О времени патріарха Иоасафа мы говорили: «Въ 1637 году въ Грузію, вмѣстѣ съ царскими послами, патріархомъ Иоасафомъ отправлено было и особое посольство изъ духовныхъ лицъ (между ними былъ и Арсеній Сухановъ), въ наказѣ которымъ говорится, что они посылаются въ Грузію «для исправленія и утвержденія святыя православныя христіанскія вѣры». Исполняя свою миссію, послы, между прочимъ говорили грузинскимъ епископамъ: «архіепископъ

вашъ и епископы и попы сами себя знаменіемъ крестнымъ, по преданію свв. апостоль и св. отецъ, оградите не умѣютъ, а прочихъ людей благословить истинно и не знаютъ». Едва ли нужно объяснять, почему московскіе послы находили тогдашнее грузинское перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи неправильнымъ».

Г. Субботинъ отрицаетъ правильность нашего пониманія приведеннаго свидѣтельства и усиливается доказывать, что послы наши обличали грузинъ не за неправильность собственно перстосложенія, «а упрекаютъ ихъ только въ неправильномъ «огражденіи себя крестнымъ знаменіемъ», въ неправильномъ, неистовомъ изображеніи на себѣ креста». Такой же смыслъ, продолжаетъ увѣрять нашъ критикъ, имѣетъ и упрекъ нашего посла грузинскимъ епископамъ, чтоони «людей благословить истинно не знаютъ»; рѣчь опять о неправильности благословенія, а не сложенія перстовъ для благословенія. Затѣмъ нашъ проницательный критикъ контекстомъ старается доказать, что въ приведенномъ свидѣтельствѣ рѣчь идетъ дѣйствительно не о перстосложеніи, а о «маханіи рукою» при знаменованіи себя крестомъ. Но и этого мало. Г. Субботинъ въ приведенномъ нами свидѣтельствѣ не только не видитъ подтвержденія двуперстія, но находитъ даже въ немъ рѣшительное свидѣтельство въ пользу троеперстія. «Слѣдуетъ признать, повѣствуетъ нашъ критикъ, что послы не рѣшались обличать грузинъ за троеперстіе изъ справедливаго опасенія, какъ бы грузины не сдѣлали имъ весьма основательнаго замѣчанія, *что и у васъ де на Руси крестились издревле и теперь крестятся тремя же перстами, а двуперстно начали креститься недавно и немногіе*».

Такъ сумѣлъ г. Субботинъ рядомъ своихъ остроумныхъ соображеній не только уничтожить приведенное нами изъ времени патріарха Іоасафа свидѣтельство въ пользу двуперстія, но и обратить его въ свидѣтельство въ пользу троеперстія. Но и на этотъ разъ г. Субботинъ только даромъ тратилъ свое остроуміе. Вмѣсто всякихъ хитроумныхъ предположеній мы обратимся къ фактамъ, которыми

и провѣримъ достоинство историческихъ соображеній нашего критика.

Въ 1639 году наше правительство посылаетъ въ Дадіанскую землю, сосѣдную съ Грузіей, толмача Елчина, «да для осмотрѣнія ихъ вѣры попа, да для письма подъячево». Въ наказѣ, который данъ былъ Елчину, повелѣвалось: «вѣры ихъ разсмотрѣть и развѣдать гораздо какова у нихъ вѣра, прямо ли истинная греческаго закону и все ль исправляютъ по преданію апостольскому и по правилу святыхъ отцовъ? И нѣтъ ли у нихъ въ томъ розни и нѣтъ ли какихъ прибыльныхъ статей иныхъ вѣръ?» и т. п. Кромѣ обычнаго наказа съ послами отправлено было еще «изложеніе о православной вѣрѣ въ краткихъ вопросахъ и отвѣтахъ для возможнаго разумѣнія православнымъ христіаномъ». Въ этомъ «изложеніи о православной вѣрѣ», представляющемъ изъ себя нѣчто въ родѣ краткаго катихизиса, въ концѣ помѣщена статья:

«О знаменіи крестномъ. Содержитъ въ себѣ крестъ Христосъ всю тайну благовѣрія нашего, учить исповѣдовати Святую Троицу, и съ небесе на землю снитіе единороднаго Сына Божія, и распятіе Его, и вознесеніе, и пакы съ небесе второе пришествіе Его въ судный день.

«Совокупленіе великаго перста со двѣма малыми показываетъ Святую Троицу, а наклоненіе перста, что при велицемъ, ко среднему исповѣдуетъ двѣ естество въ Христѣ. Положеніе правыя руки на челѣ исповѣдуетъ два нѣкая сія: яко отъ Бога прежде всѣхъ вѣкъ родися и то, еже свыше сниде по божественному слову глаголющему: *преклонь небеса и сниде*. А положеніемъ руки на животъ знаменуетъ, яко тойже Сынъ Божій сниде на землю и воплотися отъ Дѣвица Чистыя Святыя Марія и со чelовѣки поживе, распятъ бысть, умре, воскресе въ третій день и вознесся на небеса и сѣдитъ одесную Отца, но еще не у конецъ. Обвоженіемъ же десныя руки оттуду на правое плече, а потомъ съ праваго на лѣвое ясне образуетъ, яко въ судный день праведниі одесную Бога стояти будутъ, а грѣшніи ошуюю Судіи; еще же изнести имуть праведницы судъ на грѣшныхъ; десная бо въ судный день шуицу преодолѣеть, а не шуица десницу; нынѣ бо шуица десную

преодолѣваетъ, тогда же праведніи неточію чловѣкъ грѣш-  
ныхъ, но и ангеловъ согрѣшившихъ осудятъ по реченно-  
му: *не вѣсте ли яко святїи не точію миру судити хотятъ,  
но и ангеломъ не сохранимъ свой чинъ.* А о семь ищи во  
Евангелїи отъ Маттея во главѣ 19 и въ Луцѣ глава 22  
и къ Коринѣомъ въ 1 посланїи глава 6, премудрость Соло-  
мона глава 3»<sup>1)</sup>.

Итакъ, при патріархѣ Іоасафѣ, кромѣ посольства въ  
Грузїю 1637 года, было отправлено еще посольство въ  
Дадіанскую землю, съ цѣлію, между прочимъ, «осмотрѣть  
вѣру» дадіанцевъ, для чего въ число пословъ спеціально  
и назначенъ былъ священникъ Павелъ Захарьевъ. Съ пос-  
лами, сверхъ общаго наказа, послано было еще, сооб-  
разно указанной спеціальной цѣли посольства, *«изложенїе  
о православной вѣрѣ въ краткихъ вопросехъ и отвѣтахъ  
для возможнаго разумѣнїя православнымъ христїаномъ»*  
съ тѣмъ, что бы послы, руководствуясь даннымъ имъ «Из-  
ложенїемъ о православной вѣрѣ», точно могли провѣрить,  
дѣйствительно ли у дадіанцевъ «вѣра прямо истинная  
греческаго закону» и «все ль они исправляютъ по преданїю  
апостольскому и по правилу св. отецъ», при чемъ посламъ  
поручается справиться, какъ о важномъ предметѣ въ об-  
ласти вѣры, о перстосложенїи дадіанцевъ, для чего имъ  
и дается въ руководство особо изложенное ученїе о пер-  
стосложенїи, требующее слагать персты двуперстно, а не  
троеперстно. Понятно отсюда, что если въ 1639 году  
нашимъ посламъ въ Дадіанскую землю, сосѣдную съ Гру-  
зїей, велѣно было учить дадіанцевъ двуперстію, то, конеч-  
но, о двуперстїи говорили и наши послы грузинамъ въ  
1637 году: «архіепископъ вашъ и епископы и попы сами  
себя знаменїемъ крестнымъ по преданїю св. апостоль и  
св. отецъ оградить не умѣютъ и прочьчихъ людей бла-  
гословити истинно и не знаютъ», а не о «маханїи рукою»,  
какъ думаетъ г. Субботинъ. Очевидно также, что при  
патріархѣ Іоасафѣ правильнымъ, признаваемымъ церковїю

<sup>1)</sup> Чтен. общ. ист. и древн. 1887 г., кн. II: Посольство дьякона Θεодота  
Елчина и священника Павла Захарьева въ Дадіанскую землю (1639—1640  
гг.). С. А. Вѣлюкурова, стр. 292—293.

обычаемъ было у насъ двуперстіе, а не троеперстіе, въ противномъ случаѣ въ наказѣ посламъ, отправлявшимся въ Дадіанскую землю, никакъ бы не могло появиться приведенной нами статьи «о крестномъ знаменіи», учащей двуперстію, а не троеперстію <sup>1)</sup>).

з) Свидѣтельство книгъ, изданныхъ при патриархѣ Іосифѣ.

О времени патриарха Іосифа мы сдѣлали такое короткое замѣчаніе: «при патриархѣ Іосифѣ ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи вносится въ разныя наши печатныя церковныя книги».

По этому поводу г. Субботинъ говоритъ: «г. Каптеревъ, очевидно, совсѣмъ не знаетъ, въ какія книги Іосифовскаго изданія внесено ученіе о двуперстіи, когда говоритъ, что оно внесено «въ разныя наши печатныя церковныя книги»... Писатель, знакомый съ дѣломъ и желающій дать дѣйствительно научное изслѣдованіе, не употребилъ бы такого общаго выраженія «въ разныя книги», а перечислилъ бы тѣ книги Іосифовскаго изданія, въ которыхъ напечатано наставленіе о двуперстіи, такъ какъ ихъ весьма немного. Извѣстно, что кромѣ слѣдованной Псалтыри наставленіе это внесено при патриархѣ Іосифѣ въ Кириллову книгу, въ книгу о Вѣрѣ, въ учебную Псалтырь и въ малый Катихизисъ... Итакъ, г. Каптеревъ не умѣлъ даже точно указать, въ какія книги Іосифовскаго изданія внесено было ученіе о двуперстіи» (стр. 355—356).

Итакъ, критикъ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы будто бы «совсѣмъ не знаемъ, въ какія книги Іосифовскаго изданія внесено было ученіе о двуперстіи», что мы даже не умѣемъ и перечислить этихъ книгъ.

---

<sup>1)</sup> Посольство въ Дадіанскую землю важно, между прочимъ, и въ томъ еще отношеніи, что „Изложеніе о православной вѣрѣ“ со особою статью „о знаменіи крестномъ“, отправленное съ послами, есть простое переложеніе извѣстнаго сочиненія Стефана Зизанія: „Изложеніе о православной вѣрѣ“, тоже съ статьею въ концѣ „о знаменіи крестномъ“, напечатаннаго Лаврентіемъ Зизавіемъ въ Вильнѣ въ 1596 году въ приложеніи къ Азбукѣ. А это показываетъ, что у насъ уже при патриархѣ Іоасафѣ не стѣснялись дѣлать дословныя заимствованія изъ южно-русскихъ сочиненій.

Этò обвиненіе еще разъ какъ нельзя болѣе ярко обрисовывается тѣ «ученые» приемы, къ какимъ не гнушается прибѣгать нашъ критикъ.

Дѣло въ томъ, что всѣ тѣ книги Іосифовскаго изданія, въ которыхъ заключается ученіе о двуперстїи не только точно и опредѣленно указаны въ нашей книгѣ (хотя и не въ томъ мѣстѣ, гдѣ желалъ ихъ видѣть г. Субботинъ), но изъ нихъ приведены и тѣ мѣста, въ которыхъ находится ученіе о перстосложеніи.

О *Кирилловой книгѣ* у насъ находится особое изслѣдованіе (стр. 12—16), въ которомъ мы показываемъ относительно каждой главы этой книги, изъ какого источника она взята, такъ какъ эта книга не есть самостоятельное московское произведеніе, а составлена, главнымъ образомъ, изъ разныхъ южно-русскихъ книгъ, съ которыми мы и сличили ее дословно. Въ частности о четырнадцатой главѣ Кирилловой книги, въ которой изложено ученіе о перстосложеніи, мы сказали: «начальныхъ словъ четырнадцатой главы (о крестномъ знаменіи) Кирилловой книги: «своисти-ну не презрѣ насъ Господь своимъ милосердіемъ, но и паче и помилова и призрѣ на насъ своею милостію съ высоты святыя своя и подаде намъ имя ново, еже зватися христїяны»—нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ, нѣтъ этого и въ Просвѣтителѣ литовскомъ. Но далѣе идетъ буквально сходно съ Азаріевою вѣрою, кромѣ вставки въ Кирилловой книгѣ въ ученіи о перстосложеніи слѣдующихъ словъ: «той же средній великій перстъ мало преклонити, исповѣдуется тайна, еже есть Сынъ Божій преклонь небеса и сниде на землю и бысть человекъ нашего ради спасенія» (л. 180 об.); затѣмъ въ Кирилловой книгѣ (л. 180 об.), сравнительно съ Азаріевою вѣрою, встрѣчается новая вставка, именно: приводится извѣстное слово о крестномъ знаменіи блаженнаго Феодорита, котораго нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ. Далѣе слѣдуетъ опять дословная выписка изъ книги о Вѣрѣ, до 74 страницы этой книги. Конецъ этого трактата въ книгѣ о Вѣрѣ (стр. 74—81) вовсе не вошелъ въ Кириллову книгу, гдѣ помѣщены: извѣстное сказаніе о чудѣ св. Мелетїя и слово о крестномъ знаменіи Ма-

ксима Грека (сл. 183—185), вовсе не имѣющіяся въ книгѣ о Вѣрѣ».

Относительно *книги о Вѣрѣ* у насъ говорится: «другою замѣчательною книгою, напечатанною при патріархѣ Іосифѣ въ 1648 году, по его «совѣту и благословенію», и тоже пользующеюся доселѣ особымъ уваженіемъ нашихъ старообрядцевъ, была книга о Вѣрѣ, которая есть уже прямо чисто южно-русское произведеніе, только переведенное съ бѣлорусскаго нарѣчія на великорусское и въ Москвѣ напечатанное. Авторомъ книги о Вѣрѣ былъ Нафанаилъ, игумень кіевскаго Михайловскаго монастыря, а напечатана она была, по свидѣтельству дьякона Ѳедора, «тщательствомъ царскаго духовника протопопа Стефана Вонифантьевича». Составлена была книга о Вѣрѣ еще въ 1644 году, какъ это видно изъ свидѣтельства Медвѣдева, подтверждаемаго существованіемъ этой книги въ рукописи, относящейся къ 1644 году» (стр. 14—17). Въ другомъ мѣстѣ нашей книги сказано, что ученіе о двуперстіи «содержится и въ той рукописной южно-русской книгѣ о Вѣрѣ, сочиненіи кіевскаго Михайловскаго игумена Нафанаила, которая въ простомъ дословномъ переложеніи была потомъ напечатана въ Москвѣ въ 1648 году. Въ ней ученіе о перстосложеніи излагается такъ: «зложеніе трехъ палцовъ правой руки посполу, то-есть великаго и малаго и третьяго, што подлѣ малаго, исповѣдуется таемица божественныхъ трехъ ипостасей» и т. д. (стр. 66).

О *маломъ Катихизисѣ* въ нашей книгѣ говорится: «въ 1649 году въ Москвѣ «ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіанамъ, наипаче дѣтемъ учащимся, по повелѣнію государя... и по благословенію великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи» напечатанъ былъ такъ называемый малый Катихизисъ, который есть ничто иное, какъ простая перепечатка краткаго Катихизиса Петра Могилы, напечатаннаго въ кіево-печерской типографіи въ 1645 году». Затѣмъ въ примѣчаніи у насъ говорится: «Малый Катихизисъ Петра Могилы, напечатанный въ Кіевѣ въ 1645 году, носитъ заглавіе «Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каеолической христіанской». Въ немъ

(стр. 25—26) ученіе о крестномъ знаменіи изложено такъ: «Пытанье: якимъ способомъ знакъ креста святаго на себѣ власти маемъ? Отповѣдь: рукою правою три палци зложивши, знакъ креста святаго зачинай на челѣ, а кладучи, мови: во имя Отца; потомъ тыижъ палцы на перси, мовячи: и Сына; потомъ на правое раме кладучи, мовѣ: и Духа; потомъ на лѣвое кладучи, мовѣ: Святаго; кладучи на себѣ крестное знаменіе, мовѣ: Господи Исусе Христѣ Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго; кончати тымъ словомъ: аминь». Между тѣмъ въ московскомъ Катихизисѣ ученіе о перстосложеніи изложено (л. 16 об. и 17) такъ: «совокупити три персты правыя руки (сирѣчь великаго и малаго и третіею, что подлѣ малаго), въ нихъ же исповѣдуемъ таинство божественную тріехъ ипостасей: Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога въ трехъ лицахъ. Дваже перста (вышній и средній) протянути, и симъ показуемъ тайну самаго Господа нашего Исуса Христа, яко совершенъ Богъ и совершенъ человекъ бысть нашего ради спасенія. И тако сложивше персты, полагаемъ первое руку на чело» и т. д. Это ученіе о перстосложеніи въ Катихизисѣ 1649 г. изложено не по Катихизису Петра Могилы, а по книгѣ о Вѣрѣ, напечатанной въ Москвѣ 1648 года (въ 9 главѣ (стр. 17)).

О *псалтыри слѣдованной* въ нашей книгѣ говорится: «важнѣйшая старообрядческая особенность—ученіе о двуперстїи, въ первый разъ внесена была въ Псалтырь, которую начали печатать 11 сентября 1642 года, а окончили въ томъ же году 31 декабря. Въ этой Псалтыри есть нѣсколько сводныхъ статей, изъ которыхъ вторая подписывается такъ: «Вѣдомо буди и о семъ, яко подобаетъ христіанину вѣдати извѣстно, како лице свое крестити крестообразно и истово»... и пр. Вся статья о перстосложеніи изложена буквально сходно съ тѣмъ, какъ она была потомъ напечатана въ знаменитой Кирилловой книгѣ, появившейся въ 1644 году (стр. 53).

Про *Псалтырь учебную* въ нашей книгѣ говорится слѣдующее: книжными Іосифовскими справщиками въ Псалтырь вносится особая статья о великомъ значеніи креста для христіанина, о томъ, какъ слѣдуетъ знаменоваться себя

крестнымъ знамениемъ, и что этимъ исповѣдуется; или же вносится такая статья: «наказаніе ко учителемъ, како имъ учити дѣтей грамотѣ, и како дѣтемъ учиться божественному писанію и разумѣнію», при чемъ указываются и тѣ грубыя ошибки, въ которыя могутъ впасть обучаемые, и на что учителямъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе; рекомендуется, чтобы ученики читали неспѣшно, усвоили бы разумъ читаемаго, такъ какъ грамотное ученіе «дѣло Божіе есть», и потому не допускаетъ небрежности. А самимъ учителямъ, если они окажутся не особенно свѣдущими, рекомендуется: «и вы зрите въ самую грамматику, и въ ней подробну вся узрите» (стр. 92—93).

Такимъ образомъ всѣ тѣ печатныя Іосифовскія книги, въ которыхъ только находится ученіе о перстосложеніи, не только указаны и перечислены въ нашей книгѣ, но въ ней указано и то, когда и при какихъ условіяхъ напечатана каждая книга, есть ли она московское произведеніе, или южно-русское, приведены и тѣ мѣста этихъ книгъ, которыя заключаютъ въ себѣ ученіе о перстосложеніи, при чемъ указано отличіе московскаго изложенія этого ученія отъ южно-русскаго. А, между тѣмъ, г. Субботинъ, вопреки всякой правдѣ, рѣшается завѣрять своихъ читателей, что «г. Каптеревъ, очевидно, не знаетъ, въ какія книги Іосифовскаго изданія внесено ученіе о двуперстіи», что мы будто бы «не умѣемъ даже точно указать, въ какія книги Іосифовскаго изданія внесено было ученіе о двуперстіи». Очевидно, г. Субботинъ опять обвиняетъ насъ завѣдомо несправедливо. Какъ назвать такой критическій приѣмъ?

Завѣдомо несправедливо обвиняя насъ въ незнаніи тѣхъ книгъ Іосифовскаго изданія, въ которыя внесено было ученіе о двуперстіи, и перечисляя эти намъ будто бы неизвѣстныя книги, г. Субботинъ разсуждаетъ по этому поводу: «здѣсь важно именно то, что въ видахъ распространенія двуперстія ревнители его временъ патріарха Іосифа вносятъ ученіе, или наставленіе о двуперстіи въ книги не церковнаго употребленія, а назначенныя для вѣроучительнаго и назидательнаго чтенія людямъ грамот-

нымъ (Кириллова книга о Вѣрѣ) <sup>1)</sup>, и въ книги, по которымъ юношество должно было учиться чтенію и закону Божію (учебная Псалтырь, малый Катихизисъ). Это и способствовало тогда распространенію двуперстія именно среди грамотниковъ и въ молодомъ поколѣніи». «Почему же патріархъ Іосифъ, или вѣрнѣе его совѣтники, несомнѣнные ревнители двуперстія, спрашиваетъ далѣе г. Субботинъ, нашли нужнымъ въ свое время употреблять такія старанія о распространеніи двуперстія? Если двуперстіе, какъ утверждаетъ г. Каптеревъ, было у насъ не только съ XV вѣка, но и съ самаго крещенія Руси, общераспространеннымъ, всѣми признаннымъ за единственно правильное перстосложеніе, то зачѣмъ понадобилось теперь преподавать о немъ наставленіе народу, почти семь столѣтій и безъ того употреблявшему этотъ образъ перстосложенія? печатать эти наставленія въ книгахъ и распространять посредствомъ этихъ книгъ? Ясно, что на дѣлѣ было не такъ» (стр. 356—357).

Итакъ, нашъ критикъ предъявляетъ къ намъ такое воз-

---

<sup>1)</sup> Г. Субботинъ, по своему всегдашнему излюбленному обычаю, всячески усиливается обличить насъ въ неточности выражений. Въ данномъ случаѣ онъ обличаетъ насъ за то, зачѣмъ мы тѣ книги Іосифовскаго изданія, въ которыя внесено ученіе о двуперстіи, назвали „церковными“, подъ которыми будто бы слѣдуетъ разумѣть исключительно только книги „церковно-богослужебныя“. Въ виду этого г. Субботинъ книгу Кириллову и книгу о Вѣрѣ называетъ „вѣроучительными и назидательными“, названіе, очевидно, не только очень неопредѣленное, неточное, но и невѣрное. Точность, которую преслѣдуетъ г. Субботинъ, требуетъ назвать эти двѣ книги „полемическими“. Если бы г. Субботинъ потрудился заглянуть на первую только страничку предисловія Кирилловой книги, то вычиталъ бы тамъ, что эта книга написана для желающихъ „съ жидами и съ тѣми еретиками: и съ римлянами, и съ лютерами, и съ калвинами о вѣрѣ прѣтися, чтобы имъ окаяннымъ високоумнымъ не мнѣтися“, т.-е. Кириллова книга есть чисто полемическое произведеніе. Точно такъ же, если бы г. Субботинъ соблаговолилъ просмотрѣть хотя бы только оглавленіе книги о Вѣрѣ, то онъ увидалъ бы, что и эта книга, какъ и Кириллова, тоже полемическая, направленная, главнымъ образомъ, противъ латинства. Слѣдовательно, г. Субботинъ, называя книги Кириллову и о Вѣрѣ „вѣроучительными и назидательными“, допускаетъ въ опредѣленіи ихъ характера такую неточность, какую какъ-то странно встрѣтить въ трудѣ спеціалиста, столь ревностнаго на обличенія другихъ за неточность выражений.

раженіе: почему ученіе о двуперстіи внесено въ полемическія и учительныя печатныя книги въ первый разъ только при патріархѣ Іосифѣ, а не ранѣе? Отвѣтъ на этотъ недоумѣнный для нашего критика вопросъ получается очень простой: ученіе о двуперстіи въ первый разъ внесено въ полемическія и учительныя книги Іосифовскаго изданія потому, что самыя книги подобнаго характера, исключая большаго Катихизиса, въ первый разъ стали печатать только при патріархѣ Іосифѣ, а ранѣе оно не было внесено въ подобныя печатныя книги потому, что ранѣе подобныхъ книгъ (исключая большаго Катихизиса) у насъ совсѣмъ не печатали.

Слѣдовательно, рѣшительно нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній въ томъ обстоятельствѣ, что въ печатныя книги Іосифовскаго изданія внесено ученіе о двуперстіи, видѣтъ въ этомъ какую-то исключительную принадлежность только времени патріарха Іосифа. Если бы полемическія и учительныя книги начали у насъ печатать ранѣе времени патріарха Іосифа, то ранѣе Іосифа въ нихъ внесено бы было и ученіе о двуперстіи. Это доказывается слѣдующимъ: патріархъ Іовъ, какъ мы видѣли, училъ креститься двуперстно. Значить, съ его стороны не было бы препятствій внести ученіе о двуперстіи въ печатныя книги, если бы при немъ стали издавать книги, подобныя тѣмъ полемическимъ и учительнымъ книгамъ, какія въ первый разъ были напечатаны при патріархѣ Іосифѣ. При патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ былъ напечатанъ большой Катихизисъ, эта единственная учительная книга изданная ранѣе времени патріарха Іосифа. Но въ большомъ Катихизисѣ, какъ мы знаемъ, находится прямое положительное ученіе о двуперстіи. Ранѣе патріарха Іосифа у насъ существовали рукописныя полемическія и учительныя книги, въ которыхъ уже находилось ученіе о двуперстіи. Возьмемъ, на примѣръ, извѣстное полемическое сочиненіе Ивана Насѣдки «Изложеніе на лютеры». Оно написано было не позже 1625 года, по возвращеніи Насѣдки изъ посольства въ Данію, написано по повелѣнію самого Филарета Никитича, и было ему представлено Насѣдкою на разсмотрѣніе и одобреніе. Въ этомъ сочиненіи Насѣдки мы

читаемъ: «совокупленіемъ тріехъ перстовъ купно, еже ест великаго и малаго и третьяго, иже подлѣ малаго, исповѣдается таинство, ибо совокупленіемъ ипостасей Отца и Сына и Святаго Духа единаго Бога въ трехъ лицахъ; протяженіемъ же двоихъ перстовъ—вышняго и средняго, показуется таинство самаго Господа нашего Іисуса Христа, иже есть совершенъ Богъ и совершенъ человекъ бысть нашего ради спасенія» и т. д. (Рукоп. нашей академической библиот. № 178, л. 36 об.).

Понятно само собою, патріархъ Филаретъ Никитичъ держался, очевидно, двуперстія, которое онъ считалъ правымъ и истиннымъ перстосложеніемъ, въ противномъ случаѣ ученіе о двуперстіи не могло бы войти въ большой Катихизисъ, не рѣшился бы и Иванъ Насѣдка внести его въ свое сочиненіе «Изложеніе на лютеры». Возьмемъ еще выше рассказанный нами фактъ. При патріархѣ Іоасафѣ I было отправлено посольство въ Дадіанскую землю. Посламъ врученъ былъ, между прочимъ, для руководства особый трактатъ, нѣчто въ родѣ краткаго Катихизиса: «Изложеніе о православной вѣрѣ въ краткихъ вопросахъ и отвѣтахъ для возможнаго разумнѣя православнымъ христіаномъ». Въ концѣ этого трактата помѣщена особая статья «О знаменіи крестномъ», которая учитъ двуперстію.

Такимъ образомъ оказывается, что ученіе о двуперстіи уже ранѣе времени патріарха Іосифа внесено было въ печатную учительную книгу (большой Катихизисъ) и въ рукописныя полемическія и учительныя книги. Слѣдовательно, книжные Іосифовскіе справщики, внося ученіе о двуперстіи въ печатаемыя ими полемическія и учительныя книги, только продолжали то, что уже было начато и существовало ранѣе ихъ, такъ что дѣятельность въ этомъ направленіи не представляла чего-нибудь новаго, отличнаго отъ предшествующаго времени. Мы уже не говоримъ о томъ, что книги: Кириллова, о Вѣрѣ, малый Катихизисъ представляютъ изъ себя, собственно, простыя перепечатки южно-русскихъ книгъ, въ которыхъ излагалось ученіе о перстосложеніи для крестнаго знаменія, и что Іосифовскіе справщики рѣшительно не имѣли причинъ

выбрасывать трактатъ о перстосложеніи, найденный ими и въ южно-русскихъ книгахъ, служившихъ оригиналомъ для книгъ московскихъ. Нельзя также не замѣтить и того, что если бы внесеніе ученія о двуперстіи въ печатныя Іосифовскія изданія было явленіемъ новымъ, доселѣ небывалымъ, если бы большинство тогдашняго общества дѣйствительно держалось троеперстія, въ чемъ усиливается увѣрить своихъ читателей г. Субботинъ, то небывалое внесеніе ученія о новомъ обрядѣ въ печатныя книги несомнѣнно вызвало бы такой же сильный протестъ, какой впослѣдствіи вызвала, напримѣръ, напечатанная Никономъ книга «Скрижаль». Немыслимо, въ самомъ дѣлѣ, предположить, чтобы троеперстники, составлявшіе въ то время, по завѣренію г. Субботина большинство, остались молчаливыми зрителями того, какъ правый обрядъ на ихъ собственныхъ глазахъ замѣнялся новымъ, неправымъ. Мы знаемъ, какъ горячо и энергично возстали двуперстники, когда Никонъ рѣшился троеперстіемъ замѣнить двуперстіе; то же было бы, конечно, и съ троеперстниками, если бы они при патріархѣ Іосифѣ дѣйствительно составляли большинство. Если же протеста противъ Іосифовскихъ книгъ, учившихъ двуперстію, не послѣдовало, то это показываетъ, что тогда не находили и не имѣли основаній для протеста, что тогда троеперстниковъ или совсѣмъ у насъ не было, или они представляли собою только незначительное исключеніе изъ общаго правила.

Г. Субботинъ заявляетъ: «то обстоятельство, что ученіе о двуперстіи напечатано въ исчисленныхъ выше книгахъ, изданныхъ по благословенію патріарха Іосифа, служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что патріархъ Іосифъ и его совѣтники, распоряжавшіеся у него въ крестовой палатѣ и на печатномъ дворѣ, не только сами держались двуперстія, но и прилагали великое стараніе объ его распространеніи. Имѣются историческія свидѣтельства и о томъ, что это ихъ стараніе сопровождалось успѣхомъ,— что при посредствѣ книгъ, въ которыя внесено было ученіе о двуперстіи, этотъ обрядъ распространился тогда особенно въ духовенствѣ, среди людей грамотныхъ и воспитавшихся на чтеніи этихъ книгъ; есть извѣстія, что

распространенію дуперстія наиболѣе способствовало тогда напечатанное въ Псалтиряхъ (слѣдованной и учебной) и въ Кирилловой книгѣ Θεодоритова Слово, какъ произведеніе якобы святаго отца. Все это давно извѣстно, и ни кѣмъ не подвергалось и не подвергается сомнѣнію».

Итакъ, г. Субботинъ завѣряетъ своихъ читателей, что дуперстіе у насъ распространилось съ особою силою будто бы только со времени патріарха Іосифа, благодаря именно изданію при немъ тѣхъ книгъ, въ которыя внесено было ученіе о дуперстіи, при чемъ оно распространилось «особенно въ духовенствѣ, среди людей грамотныхъ, и воспитавшихся на чтеніи этихъ книгъ». Но характеризуя такимъ образомъ время патріарха Іосифа по отношенію къ дуперстію, г. Субботинъ забываетъ сказанное имъ ранѣе, по поводу постановленій Стоглаваго собора о дуперстіи, что уже въ 1551 году «число книжниковъ, ратовавшихъ за дуперстіе, было тогда значительно и они пользовались такою силою, что могли и успѣли ученіе о дуперстіи провести на соборѣ и облечь въ форму соборнаго постановленія». Но если, по завѣренію самого г. Субботина, у насъ въ 1551 году уже существовалъ значительный классъ книжниковъ, которые ратовали за дуперстіе и тогда уже обладали такою силою, такимъ могучимъ вліяніемъ, что заставили цѣлый соборъ іерарховъ принять предложенное ими рѣшеніе спорнаго вопроса, то почему же дуперстники, имѣя къ тому полную возможность, не позаботились тогда же объ энергическомъ выполненіи постановленій Стоглава о дуперстіи, а прекратили свою дѣятельность чуть не на цѣлое столѣтіе? Почему, въ самомъ дѣлѣ, дуперстики, сильные и могучіе уже во времена Стоглава, въ послѣдующее время обнаруживаютъ, однако, свою дѣятельность именно только при патріархѣ Іосифѣ, хотя ничто не препятствовало имъ усиленно дѣйствовать и при патріархахъ Іовѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ, которые, какъ мы не разъ видѣли, были, подобно патріарху Іосифу, тоже дуперстники? На всѣ эти неизбежные вопросы нашъ ученый критикъ не рѣшился дать какой-либо отвѣтъ.

Г. Субботинъ заявляетъ, что «при посредствѣ книгъ,

въ которыя внесено было (при патріархѣ Іосифѣ) ученіе о двуперстіи, этотъ обрядъ распространился тогда особенно въ духовенствѣ, среди людей грамотныхъ и воспитавшихся на чтеніи этихъ книгъ... Все это давно извѣстно, и ни кѣмъ не подвергалось и не подвергается сомнѣнію».

Мы осмѣливаемся, однако, усумниться въ томъ, что нашъ критикъ считаетъ неподлежащимъ никакому сомнѣнію. Право на это даютъ намъ слѣдующіе факты.

Аввакумъ, Лазарь и дьяконъ Ѳеодоръ заточены были въ Пустозерскъ, гдѣ между ними возникли горячія препирательства по разнымъ богословскимъ вопросамъ, при чемъ Аввакумъ высказалъ рѣшительное недовѣріе къ книгамъ Іосифовскаго изданія. Дьяконъ Ѳеодоръ рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: «а о образѣ святыя Троицы съ протопопомъ Аввакумомъ у мене распря бысть до казни еще сдѣшнія, о единомъ стихѣ токмо, еже въ тройческомъ канонѣ 6 гласа, на воскресной полунощницѣ, во Псалтыряхъ со возслѣдованіемъ, поется въ первой пѣсни стихъ той: пресущный едине Господи и трисіянне образы, въ тождествѣ зрака сый, и прочая. *Сиче въ его Псалтырь Аввакумовъ напечатано при Оасафѣ патріархѣ*». Сказавъ затѣмъ, что опечатка въ Іосифовской Псалтыри была потомъ исправлена, Ѳеодоръ говоритъ: «а у мене въ то время *Псалтырь бысть учебная Іосифа же патріарха*... И въ *Катихизисѣ* тако же богословіе есть. И азъ тѣ книги ему, протопопу, показывалъ... *И онъ тѣмъ книгамъ* (т.-е. Іосифовскимъ) *не вѣрилъ и свою Псалтырь* (т.-е. Іосифовскую) *правѣе всѣхъ тѣхъ книгъ называлъ*... Да въ той же Псалтыри его (т.-е. Іосифовской), которую онъ (т.-е. Аввакумъ) *называетъ всѣхъ книгъ правѣе*, была опись во 104 псалмѣ», которую и предложилъ Аввакуму исправить. «Онъ же, рассказываетъ Ѳеодоръ, браняше мя всяко: ты де *старыя книги хулиши и переправляеши мнѣ велиши*, а я де *за нихъ* (значить, не за Іосифовскія) мучюся отъ никоніянъ давно преже тебе! *Лазарь съ нимъ же на мя брюжжалъ* (значить, тоже былъ противъ Іосифовскихъ книгъ). И послѣ отъ иныхъ Псалтырей позналъ, яко право глаголахъ ему» (Матер. VI, 119, 127). Итакъ, Аввакумъ довольно долго крѣпко держался книгъ Іосифа-

фовскихъ или, какъ онъ выражался, «книгъ старыхъ», признавая Иосифовскія книги новыми, менѣе исправными, несовершенными и даже подозрительными, и только значительно позднѣе онъ измѣнилъ свой взглядъ на Иосифовскія книги, признавъ ихъ равными по достоинству Филаретовскимъ. Очевидно, Аввакумъ, этотъ самый видный и энергичный борецъ за двуперстіе, воспитался вовсе не на іосифовскихъ книгахъ, не изъ нихъ онъ научился двуперстію, не Иосифовскія книги вложили въ него несокрушимую увѣренность, что двуперстіе есть древнее и единственно православное перстосложеніе, а не троеперстіе.

Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: «на што, государь, лучше Требниковъ святѣйшаго патріарха государя Филарета и исповѣдника? Всѣхъ еретиковъ тутъ ереси зѣло обличены, паче же римскія богомерзкія» (Матер. VI, 26). Итакъ, дьяконъ Ѳеодоръ лучшимъ и совершеннѣйшимъ Требникомъ считаетъ Филаретовскій, а не Иосифовскіе, которыхъ было издано три: въ 1646, въ 1649 и въ 1652 годахъ. Ясно, что и дьяконъ Ѳеодоръ воспитался не на Иосифовскихъ только книгахъ, что и онъ Филаретовскимъ книгамъ отдавалъ преимущество предъ Иосифовскими.

Инокъ Сергій далъ въ Москвѣ такое показаніе: «въ нынѣшнемъ де во 190 году, тому недѣли съ четыре, пришелъ онъ, Сергій, изъ тѣхъ пустынь въ Москву по жребію и по посланію того Троицкаго монастыря игумена Досіея для того, что велѣлъ онъ, игумень, бити челомъ великимъ государямъ, чтобы быть служебникомъ и инымъ церковнымъ книгамъ противъ печати святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Росіи, и о томъ приказалъ ему на Москву написать челобитную» (Матер. IV, 299). Въ челобитной Сергія, поданной царямъ въ 1682 году, дѣйствительно заявляется, напримѣръ, слѣдующее: «чтобъ въ божественной литургіи дѣйствовали по прежнему надъ седмию просвирами, какъ всѣ патріархи до Никонова патріаршества служили и какъ прадѣдъ вашъ, государей, святѣйшій Филаретъ патріархъ московскій и всея Росіи, служилъ и въ Потребникѣ имянно напечатать велѣлъ» (ibid. стр. 302). Опять ревнители

старины хлопчатъ о возстановленіи не Іосифовскихъ собственно книгъ, а Филаретовскихъ, которымъ они даютъ, очевидно, рѣшительное преимущество предъ Іосифовскими. Это вполнѣ подтверждаетъ и тогдашній самый видный поборникъ Никоновой реформы, митрополитъ крутицкій Павелъ. Онъ говоритъ иноку Авраамію: «врагъ Божій! Да то и въ вашихъ любимыхъ Потребникахъ Филаретовскихъ напечатано» (ibid. VII, стр. 411).

Что книги Іосифовскаго изданія въ первое время появленія раскола не только не пользовались у ревнителей старины какимъ-либо особымъ уваженіемъ и авторитетомъ, но даже вызывали въ нихъ порицаніе и враждебное отношеніе къ себѣ, это, между прочимъ, видно и изъ слѣдующаго мѣста письма протопопа Аввакума къ священнику Стефану: «да многіе де наши духовныя люди, пишутъ Аввакумъ, возмутились и хулятъ книги Іосифовы патріарха, не вѣдуще писанія ни силы его, заблуждаютъ отъ пути истиннаго: *будто де несходны съ Филаретовыми и Іоасафовыми*. И мы въ нихъ несходства и ереси не разумѣемъ: книги добры Іосифовы, и я всѣхъ приѣмлю, и чествуя лобызаю» (ibid. V, стр. 215).

Уже одна возможность со стороны ревнителей двуперстія хулить книги Іосифовскаго изданія, возможность возникновенія среди нихъ такого вопроса: слѣдуетъ ли имъ признавать Іосифовскія книги и ставить ихъ наравнѣ съ Филаретовскими?—съ очевидностію показываетъ, что приверженность къ двуперстію возникла у его ревнителей и сторонниковъ вовсе не отъ чтенія Іосифовскихъ книгъ, какъ думаетъ г. Субботинъ, а существовала у нихъ гораздо ранѣе появленія этихъ книгъ.

Итакъ, у нашего критика получается такая исторически невозможная картина: съ одной стороны, оказывается, что извѣстныя книги Іосифовскаго изданія, на которыхъ воспитывалось цѣлое поколѣніе, создали у насъ ревнителей и поборниковъ двуперстія, такъ какъ все духовенство «отъ мала и до велика» и всѣ грамотные люди подъ вліяніемъ этихъ именно книгъ рѣшились оставить свой древній церковный обычай—троперстіе, и усвоить обычай новый—двуперстіе. Съ другой стороны, оказывается,

что ревнители и поборники двуперстія, эти почитатели и поклонники Іосифовскихъ книгъ, на нихъ будто бы воспитавшіеся, изъ нихъ будто бы и научившіеся двуперстію—какъ-то плохо вѣрятъ въ достоинство Іосифовскихъ книгъ, не хотятъ признавать ихъ, даже хулятъ ихъ, рѣшительно предпочитаютъ имъ книги Филаретовскія. Крупный изъянъ въ этихъ историческихъ соображеніяхъ г. профессора очевиденъ.

И само по себѣ завѣреніе г. Субботина, что будто бы изъ книгъ Іосифовскаго изданія духовенство и всѣ грамотные люди времени патріарха Іосифа научились двуперстію, представляется довольно невѣроятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: крестился русскій людъ, увѣряетъ г. Субботинъ, изначала, вплоть до патріарха Іосифа, троеперстно, всегда считая троеперстіе за единственно правильное перстосложеніе. Правда, съ половины XV вѣка у насъ появились было двуперстники, но они составляли совсѣмъ ничтожную величину по сравненію съ троеперстниками, которые одни считались носителями церковнаго древняго обычая, признаваемаго за единственно правильный всею церковію. Но вотъ при патріархѣ Іосифѣ появляются книги, учація двуперстію, но двуперстію, завѣряетъ г. Субботинъ, не тому, какое появилось было у насъ съ половины XV вѣка, а «новому, дотолѣ неизвѣстному», котораго и «сами изобрѣтатели его и распространители не держатся, противорѣчатъ ему». И, однако, несмотря на это, все духовенство «отъ мала и до велика», всѣ, вообще, грамотные люди, т.-е. всѣ тѣ, кто только успѣлъ прочесть книги Іосифовскаго изданія, сразу, ни съ того ни съ сего, оставляютъ свой вѣковой, привычный, освященный всегдашнимъ церковнымъ употребленіемъ обычай и набрасываются на обычай новый съ такою стремительностію, что не проходитъ и десяти лѣтъ со времени появленія первой печатной книжки съ ученіемъ о двуперстіи, какъ духовенство и всѣ грамотные превращаются уже въ поклонниковъ и сторонниковъ этого «новаго» двуперстія. Никонъ, вступившій на патріаршій престолъ только спустя десять лѣтъ послѣ появленія первой печатной книги съ ученіемъ о двуперстіи, и самъ было

сдѣлавшійся тоже двуперстникомъ, скоро понялъ, однако, всю ненормальность этого явленія. Онъ рѣшилъ повернуть дѣло на старину, нарушенную только десять лѣтъ тому назадъ, сталъ тоже печатать книги, но учащія уже троеперстію, на соборѣ сталъ разъяснять и доказывать неправоту «новаго, дотолѣ неизвѣстнаго» двуперстія, и правоту древняго, всѣмъ хорошо извѣстнаго троеперстія. Но эти старанія Никона, къ удивленію, не только мало имѣли успѣха, а еще и вызвали въ русской церкви расколъ. Оказалось, что печатныя книжки, которыя такъ удивительно помогли водворенію у насъ двуперстія, не оказываютъ почему-то такого же дѣйствія относительно троеперстія. Какъ крайне легко и скоро русскій грамотный человѣкъ отказался отъ своего древняго, изначала имъ употребляемаго троеперстія, такъ, наоборотъ, онъ крайне прочно и стойко сталъ теперь держаться «за новое, дотолѣ неизвѣстное» двуперстіе, съ которымъ, разъ усвоивши его, онъ уже не желалъ болѣе разстаться. Для объясненія этого страннаго и мало вѣроятнаго самого по себѣ явленія, какъ его представляетъ г. Субботинъ, можно предположить одно изъ двухъ: или мы должны допустить, что русскій человѣкъ дѣйствительно имѣетъ къ двуперстію какое-то болѣзненное, рѣшительно непреодолимое, прямо органическое влеченіе, съ которымъ прежде онъ даже совсѣмъ не могъ и бороться; или же мы должны допустить, что профессоръ Субботинъ совсѣмъ невѣрно представляетъ себѣ все то дѣло, о которомъ онъ взялся говорить въ своей критической статьѣ противъ насъ. Мы, съ своей стороны, болѣе вѣроятнымъ и близкимъ къ истинѣ считаемъ послѣднее предположеніе.

**Н. Каптеревъ.**

*Оттиски изъ №№ 8 и 9 Прав. Обозр. за 1888 годъ.*